

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя.

Очерки истории

Москва — Санкт-Петербург
Нестор-История
2021

УДК 94
ББК 63.3(4)
Т93

Редакционная коллегия:

Т. В. Волокитина (отв. ред.), А. Р. Лагно, А. Ф. Носкова, Б. С. Новосельцев

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ар. А. Улуян*, кандидат исторических наук *Е. Б. Лопатина*

Предпечатная подготовка

А. Р. Лагно

Т93 **1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя.** Очерки истории / редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.), А. Р. Лагно, А. Ф. Носкова, Б. С. Новосельцев. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. — 368 с.

ISBN 978-5-4469-2006-8

DOI 10.31168/4469-2006-8

Очерки посвящены событию-символу, определившему жизнь и ценности нескольких последующих поколений. Полвека назад военными методами в Чехословакии была пресечена попытка придать коммунистическому движению новый импульс, соединив социалистические ценности с рациональной рыночной экономикой и механизмами развитой демократии. Книга является результатом коллективного труда российских, чешских и румынских историков, архивистов, культурологов и литературоведов, попытавшихся на новых документах и материалах переосмыслить с позиций сегодняшнего дня события полувековой давности и их уроки. Объективно «Пражская весна» — уже прошлая эпоха, но она остается знаковым событием, а многие поднятые ею проблемы актуальны и в наши дни. Авторы надеются, что смогут способствовать приращению знаний о теперь уже не близком 1968-м, помочь проанализировать опыт прошлого во имя будущего. Для специалистов по истории и культуре Центрально-Восточной Европы, студентов высших учебных заведений и всех интересующихся историей XX столетия.

1968. The “Prague Spring”: Fifty Years Later. Historical Essays, edited by Tatiana V. Volokitina (Ed.-in-chief), Anna R. Lagno, Albina F. Noskova, and Boris S. Novoseltsev. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS; Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2021. 368 p.

This book is devoted to a symbolic event that defined the life and values of several generations. Half a century ago, Czech communists tried to give a new impetus to their country's system of government by combining socialist values with a rational market economy and the mechanisms of a developed democracy. This effort failed, and the state was occupied by the military. This book is the result of joint efforts by Russian, Czech, and Romanian historians, archivists, and cultural and literary scholars, who—exploring new documents and materials—have reinterpreted these events and their lessons from a present-day perspective. Objectively, the “Prague Spring” is from a bygone era, but it is still a milestone, and many of the problems encountered during the Prague Spring are still relevant today. The authors hope that they have contributed to the historiography of the now-distant events of 1968 and that their contributions will help in analysing the experiences of the past in order to be prepared for the events of the future. This book is aimed at specialists in the history and culture of Central and Eastern Europe, students of higher educational institutions, and the general reader interested in twentieth-century history.

ISBN 978-5-4469-2006-8

9 785446 920068

© Коллектив авторов, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021
© П. К. Донской, дизайн обложки, 2021
© Анна Ширльбауэр, Ян Гроссманн,
фото на обложке, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

Содержание

К читателю	7

І. Размышляя о «Пражской весне»... Прошлое в оценках сегодняшнего дня

Эмил Ворачек

У истоков «Пражской весны» 1968 г. Чешские интеллектуалы в дискуссии о реформах: Зденек Млынарж, Радован Рихта, Иржи Пеликан, Ота Шик и другие	15

Тимур Агабаевич Джалилов

Бремя сверхдержавы, или фактор экономической помощи в советской политике на чехословацком направлении. 1962–1969 гг.	22

Ян Рыхлик

На пути к Чехословацкой Федерации	34

Анатолий Семенович Аникеев

Советское восприятие и оценка югославской модели социализма в контексте событий 1968 г. в Чехословакии	44

Андрей Борисович Едемский

Белград и Москва на грани очередного конфликта: Тито против Брежнева в 1968 г.	57

Татьяна Андреевна Покивайлова

Особая позиция Румынии в августе 1968 г.	84

Бела Йозефович Желицки

Янош Кадар и Александр Дубчек: взаимодействие во время чехословацких событий 1968 г.	97

Татьяна Викторовна Волокитина

«Братская помощь» в болгарской интерпретации	120

Вадим Вадимович Волобуев

1968 г. в Польше и позиция епископата Римско-католической церкви	149

Хелена Носкова

Влияние «Пражской весны — 68» и «нормализации» на положение национальностей в Чехословакии	160

Александр Сергеевич Стъякалин

Груз трансильванской проблемы в венгеро-румынских отношениях 1950–1960-х гг. в контексте международного кризиса 1968 г.	167

Георгий Павлович Мельников	
Прага-68 в европейском контексте.....	200
Элла Григорьевна Задорожнюк	
Итальянские коммунисты и реабилитация Александра Дубчека (по материалам архивов).....	208
Валерий Леонидович Мусатов	
Размышляя о «Пражской весне».....	233
Юлия Александровна Щербакова	
Чехи и россияне о событиях 50-летней давности.....	242
Ирина Александровна Герчикова	
Восприятие событий августа 1968 г. в Чехии, Словакии и России. К 50-летию операции «Дунай».....	250
Надежда Круглова, София Штоль	
1968 г. и художественная жизнь Чехословакии.....	259

II. Воспоминания. Документы

Богумил Рыхловский	
В борьбе шестидесятых.....	267
Живков Живко	
Дрезден. Март 1968 г.....	310
Думитру Балан	
Интеллигенция Румынии и чехословацкий август 1968 г. (Воспоминания свидетеля).....	320
Юрий Михайлович Кузьмин	
«Я понимаю, что жил в очень интересное время...» (Записки советского солдата, служившего в Южной группе войск в 1966–1968 гг.).....	333
«Нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.).....	339
Список сокращений.....	366
Наши авторы.....	367

Contents

To the reader 7

Remembering the “Prague spring” ... assessing the Past today

Emil Voráček

The origins of the “Prague spring”. Czech intellectuals in the reform debate:
Zdeněk Mlynář, Radovan Richta, Jiří Pelikán, Ota Štik, and others 15

Teimur A. Dzhalilov

The burden of the superpower, or economic assistance to Czechoslovakia
as an element of Soviet policy. 1962–1969 22

Jan Rychlík

On the path to the Czechoslovak Federation 34

Anatolii S. Anikeev

Soviet perception and assessment of the Yugoslav model of Socialism
in the context of the Czechoslovak events of 1968 44

Andrei B. Edemskiy

Belgrade and Moscow on the brink of another conflict:
Tito versus Brezhnev in 1968 57

Tatiana A. Pokivailova

Romania’s distinctive position in August 1968. 84

Bela J. Zhelitskii

János Kádár and Alexander Dubček: interaction during the events
in Czechoslovakia 1968. 97

Tatiana V. Volokitina

The Bulgarian interpretation of “Brotherly help” 120

Vadim V. Volobuev

Poland and the Roman Catholic Church episcopate’s position in 1968. 149

Helena Nosková

The impact of the “Prague Spring 1968” and “normalization”
on the position of national groups in Czechoslovakia 160

Alexander S. Stykalin

The burden of the Transylvanian problem in Hungarian-Romanian relations of
the 1950s–1960s in the context of the 1968 international crisis 167

Georgi P. Melnikov	
Prague 1968 in the European context.....	200
Ella G. Zadorozhnyuk	
Italian Communists and Alexander Dubček's rehabilitation (based on archive material).....	208
Valeri L. Musatov	
On the events in Czechoslovakia after half a century.....	233
Julia A. Shcherbakova	
The "Prague Spring" in the historical memory of the Czechs and Russians.....	242
Irina A. Gerchikova	
On the fiftieth anniversary of Operation "Danube". Perception of the events of August 1968 in the Czech Republic, Slovakia, and Russia.....	250
Naděžda Kruhlová, Sofia Štol'	
1968 and the artistic life of Czechoslovakia.....	259

Memories. Documents

Bohumil Rychłowski	
In the struggles of the Sixties.....	267
Jivko Jivkov	
Dresden. March 1968.....	310
Dumitru Balan	
Romanian intelligentsia and August 1968 in Czechoslovakia (memoirs of a witness).....	320
Yuri Kuzmin	
"I realise that I lived in a very interesting time..." (Notes of a Soviet soldier who served in the Southern Group of Troops 1966–1968).....	333
"The current Soviet leaders have completely forgotten about the interests of socialism and act only as a great power..." (Record of a conversation between Josip Broz Tito and Nicolae Ceaușescu. August 24, 1968).....	339
List of abbreviations.....	366
Contributors.....	367

К ЧИТАТЕЛЮ

1968 год — одна из знаковых вех XX столетия. В истории случались и другие духоподъемные годы, но именно 1968-й, венчая бурные шестидесятые, определил жизнь и ценности нескольких последующих поколений. «Самовозгоранием мятежного духа по всему миру» назвал это время американский писатель-публицист Марк Курлански¹. Отмеченное глобальным протестом против войны во Вьетнаме и возникшими на антивоенной основе диссидентскими движениями, оно явилось пиком принявшей международный размах борьбы народов за национальный суверенитет, за демократизацию и гуманизацию в политике и социальных отношениях, за расовое и гендерное равенство.

Повсеместно проявилось увлечение различными левыми, в том числе социалистическими, и левацкими идеями. Стремительно росли ряды сторонников установления насильственным путем «власти черных» в Соединенных Штатах Америки, что обозначило национальную специфику социального протеста, «породнив» его с Африкой, поднявшейся на борьбу за национальную независимость. В ряде крупных западноевропейских стран возникло массовое молодежное движение против капиталистической эксплуатации. Особым накалом протеста было отмечено «новое молодежное движение» во Франции, Италии, Германии. Сегодня многие сравнивают его с революцией, кульминацией которой считают Парижскую весну. Это движение охватило не только Западный мир, но и ряд стран, руководимых коммунистами (Польшу, Югославию). Дети послевоенного «бэби-бума», чувствуя себя отчужденными от участия в важнейших экономических и политических процессах, и здесь требовали перемен, реальной демократии, внимания властных структур к жизни и чаяниям людей. Небывалую популярность завоевал новый социально-политический лозунг общественного самоуправления, противостоявшего бюрократическому всевластию государства². Стремление к преобразованию «старого мира» усилило позиции интеллектуалов, осознавших свою особую новую социальную функцию

---

¹ Курлански М. 1968. Год, который потряс мир / пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М.; Владимир, 2008. С. 8.

² Дамье В. В. «Долгий 1968-й»: глобальный бунт за самоуправление // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 117–118.

в эпоху научно-технической революции. Появление новых технических средств коммуникаций, в том числе колоссальный скачок в развитии телевидения, разрушало информационные преграды, превращало земной шар во «всемирную глобальную деревню», любая новость в которой немедленно становилась известной далеко за пределами национальных «околиц», рождало тягу к диалогу, обмену мнениями, прямой дискуссии. Все это волновало и будоражило умы, создавало незнакомое прежде чувство сопричастности происходившим в мире событиям, разрывало замкнутый круг обособленности, но вместе с тем формировало и понимание хрупкости биполярной конструкции послевоенного мира.

Подобные ощущения и настроения получили распространение по обеим сторонам железного занавеса. Этому не мешали различия в идеологии, социально-политическом устройстве и экономических моделях. Но если в США или во Франции реакцию государства на общественные протесты хотя бы условно можно было назвать «разворотом к обществу», то ответом на самое известное движение за обновление социализма в Центральной и Юго-Восточной Европе — «Пражскую весну» в Чехословакии — стала интервенция армий пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД). 21 августа в Советском Союзе, отмечали известные авторы культурологических эссе Петр Вайль и Александр Генис, «досрочно закончились шестидесятые и начались — никакие». Была прочерчена «судьбоносная календарная граница», за которой 60-е еще продолжались, но уже по инерции «разогнавшейся истории»³.

«Пражская весна» как событие-символ, отразившее попытку придать коммунистическому движению новый импульс, соединив социалистические ценности с рациональной рыночной экономикой и механизмами развитой демократии, не раз становилось предметом внимания как отдельных авторов, так и научных коллективов. Библиография Пражской весны насчитывает многие десятки исследований разного формата — монографий, статей, историографических обзоров, рецензий, журналистских эссе. Изданы важные документы, раскрывающие механизм принятия решений советским руководством, позиции лидеров стран «социалистического лагеря», отклики на чехословацкие события в широком диапазоне — от международного коммунистического движения до рядовых граждан. Опубликованы многочисленные воспоминания. Интерес к данной проблематике особенно возрастал в канун «круглых» дат — 40-летия и 50-летия «Пражской весны»⁴. Задача авторов настоящего коллективного труда, в написании которого

³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 362.

⁴ 1968 год. «Пражская весна». (Историческая ретроспектива). Сб. статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010; Шинкарев Л. Я это все почти забыл. Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 г. М., 2008; Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг.: в 2 частях. М., 2016; Стыкалин А. С. «Мы поставили крест на советской системе. 1968 год изменил нас». Размышления о книге об отклике в СССР на подавление Пражской весны // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 135–152; «Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской

приняли участие историки, архивисты, культурологи и литературоведы России, Чехии и Румынии, заключалась в том, чтобы познакомить читателя с новыми материалами и документами, переосмыслить на их основе события полувековой давности, попытаться найти оригинальный исследовательский ракурс. Различия в документальной оснастке представленных в книге сюжетов, что связано с объективным состоянием источниковой базы, и дробность рассматриваемых авторами проблем обусловили очерковый характер исследования.

Впервые в российском издании тщательно проанализировано «закулисье» «Пражской весны», представленное читателю через призму дискуссий о реформах и детальное рассмотрение позиции чешских интеллектуалов Зд. Млынаржа, Р. Рихты, И. Пеликана, О. Шика и некоторых других. Отражена история проекта федерализации и его реализации. Новая государственная модель — федерации чехов и словаков включала как позитивы, так и изначально заложенные слабости, проявившиеся уже в 1990-е гг.

Одна из центральных проблем, на которой сосредоточили внимание авторы, — выявление причин, по которым был принят силовой вариант разрешения чехословацкого кризиса. Главной, безусловно, явились опасения, что сфера социализма и советского контроля в Европе и в мире начнет сужаться и что из нее по принципу цепной реакции будут выпадать слабые звенья. В условиях, когда вопрос о западных границах ГДР, Чехословакии и Польши оставался открытым, определяющее значение приобретала геополитика, а именно вопрос о прочности Ялтинско-Потсдамской системы, сохранении стратегического баланса двух систем безопасности в Европе и мире и конфигурации оборонительных рубежей системы социализма. Такое развитие событий ни в Москве, ни в Берлине, ни в Варшаве тогда не могли допустить даже теоретически. Кроме того, внутривластная ситуация в Чехословакии расценивалась крайне негативно и лишь убеждала в отсутствии альтернативы военному вмешательству. Предпринятые попытки задействовать экономический фактор в советской политике на чехословацком направлении не дали желаемого эффекта.

Тем не менее решение о военном вмешательстве далось советскому руководству и лично Л. И. Брежневу непросто, и причиной тому было не только отсутствие реальных вариантов действия, которые можно было бы предложить чехам в условиях, когда социалистическая модель все более зримо теряла свою экономическую целесообразность, а потому и привлекательность для населения, но и мучительные поиски надежной опоры в чехословацком обществе. «Здоровые силы» в национальном руководстве, как быстро выяснилось, в основном рассчитывали на советские штыки.

Несмотря на успешно проведенную военную операцию по вводу войск ОВД на территорию Чехословакии, политический сценарий смены власти в ЧССР

интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 71–95; Нутрихин А. Чехословакия-68. Пльзеньская осень. Воспоминания советского военного переводчика. М., 2018; и др.

реализовать не удалось. Попытка действовать по венгерскому образцу осени 1956 г. — создать альтернативное «революционное рабоче-крестьянское правительство», призвавшее в страну оккупационные войска, провалилась. В итоге организаторы интервенции были вынуждены сослаться на позицию лишь небольшой группы из числа высших партийно-государственных функционеров, получивших в Чехословакии прозвище «приглашателей»⁵, а арестованных руководителей чехословацких партии и правительства пришлось спешно переправлять в Москву и сажать за стол переговоров для выработки компромиссного решения.

Подробно освещены в книге протестные настроения чехословацкой общест-венности, которые явно были недооценены в Москве во время подготовки во-оруженной акции. Реформаторская деятельность идеологов «Пражской весны» получила большую народную поддержку. Это понимали, например, в Югосла-вии, и в Румынии, но не хотели понимать в СССР, хотя негативы силового ва-рианта наверняка осознавались в Москве. Ответом на введение в страну войск ОВД стало массовое гражданское неповиновение. Призыв XIV (Высочанского) съезда КПЧ к коммунистическим и рабочим партиям всего мира осудить интер-венцию был услышан: военную акцию не поддержали некоторые социалистиче-ские страны, многие влиятельные коммунистические партии Западной Европы, часть государств третьего мира, близких к международному коммунистическо-му движению. Иными словами, попытка разрешить кризис путем реализации «классового подхода», воплощенного в доктрине «ограниченного суверенитета», серьезно скомпрометировала идею социализма, стимулировав в дальнейшем формирование доктрины еврокоммунизма. Действия советского политического руководства, взявшего на себя определение степени «опасности» чехословацко-го эксперимента для геополитической стабильности в регионе и дела социализма (хотя решения принимались коллективно руководителями «социалистического лагеря»), также стали объектом серьезной и справедливой критики.

События в Чехословакии подвели итог демократизации отношений между СССР и его европейскими союзниками, начавшейся после того, как на XX съезде КПСС был провозглашен тезис о возможности строить социализм в разных странах по-своему, в зависимости от специфических условий, и началась кри-тика культа личности Сталина. Как следствие, в странах «социалистического лагеря» были заложены две тенденции, определившие основные отклонения от задаваемой Москвой «нормы» политического развития: реформирование социализма, придание ему «человеческого лица», и национальное понимание марксизма-ленинизма, постулировавшее приоритет национально-государст-венных интересов над абстрактными классовыми, за которыми легко угадыва-лись интересы Советского Союза. Периодически эти тенденции проявлялись в виде кризисов в «социалистическом лагере»: острых, как, например, «пре-рванная революция» 1956 г. в Венгрии, польский Октябрь 1956 г., поставивший страну на грань вооруженной интервенции со стороны СССР, и «Пражская

---

⁵ Гаек М. Воспоминания о чешских левых / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2019. С. 298.

весна», или вялотекущих, таких как регулярно возобновлявшаяся полемика со сторонниками «особого курса» в Румынии в 1960–1970-е гг. В Москве обе тенденции воспринимались как недопустимые, противоречившие интересам рабочего класса и шедшие вразрез с коммунистической идеологией.

Особенно отчетливо такой подход проявился в отношениях между СССР и Югославией. Белград, еще в конце 1940-х гг. заявивший о собственном, национальном понимании марксизма, рассматривался как закоренелый «еретик» в международном коммунистическом движении. После нормализации советско-югославских отношений в середине 1950-х гг. Югославия не вошла в ОВД и не считалась частью советского блока, хотя и признавалась социалистическим государством. Ее руководство пыталось лавировать между СССР и США, не только стремясь получать выгоды от сотрудничества, в частности кредиты от обеих сторон, но и периодически претендуя на роль посредника между Москвой и Вашингтоном. Подобные амбиции Югославии и те успехи, которых она добилась благодаря своей политике «равноудаленности» от сверхдержав, стали возможны отчасти потому, что в начале 1960-х гг. Йосип Броз Тито стал одним из основателей Движения неприсоединившихся государств — организации, в которой в Белграде видели третью точку опоры югославской внешней политики. Положение в треугольнике Москва — Белград — Прага, восприятие чехословацких реформ, дававшиеся советскими и югославскими руководителями оценки ситуации и их динамика в контексте событий 1968 г. в Чехословакии обстоятельно проанализированы в книге.

Авторы всесторонне осветили позицию Румынии, ее отличные от других стран Восточной Европы оценки многих вопросов развития «социалистического лагеря». «Особая» позиция Бухареста, яростно отстаивавшего свой суверенитет и требовавшего невмешательства во внутренние дела через ОВД и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), порождала даже больший негатив в Кремле, нежели заявления югославского руководства. Проигнорировав мнение Москвы, румынские руководители пошли на установление дипломатических отношений с ФРГ в 1967 г.; в том же году после начала Шестидневной войны на Ближнем Востоке Румыния стала единственной социалистической страной, сохранившей дипломатические отношения с Израилем; кроме того, в условиях нарастающего кризиса в советско-китайских отношениях она избегала публичного осуждения позиции компартии Китая, чем вызывала острое недовольство Москвы.

Значительное внимание в коллективном труде уделено неоднозначной позиции Запада. Если ведущие европейские державы активно поддерживали реформаторские процессы и демонстрировали готовность к развитию отношений с новым руководством в Праге, то вашингтонская администрация реагировала достаточно сдержанно. Американцы дали понять чешским дипломатическим представителям в США, что не будут пересматривать свою позицию признания интересов Советского Союза в Восточной Европе и тем более не намерены ссориться с Москвой из-за ЧССР. Во исполнение этой установки Госдепартамент оказывал прямое давление на американскую прессу, не только блокируя

появление в ней материалов с выражением симпатий чехам, но и потребовав вообще сократить публикации о событиях в Чехословакии. Думается, что советское руководство усмотрело в позиции Вашингтона своего рода карт-бланш и учло его при принятии рокового решения в августе 1968 г.

Жесткие заявления Белграда и Бухареста, осудившие интервенцию и политику Москвы как «акт агрессии» и «оккупацию», отчасти были ориентированы на США, Англию и западное общественное мнение, чтобы подстраховаться в случае повторения подобной практики и получить некоторые гарантии Запада. В Белграде и Бухаресте особо подчеркивали, что опасности контрреволюции в Чехословакии не существовало, и, следовательно, для военного вторжения не было никаких оснований. Несомненно, действуя таким образом, Тито и Чаушеску пытались поддержать лестный для них имидж независимых политиков, сопротивлявшихся давлению советского руководства, и укрепить свои позиции в собственных странах.

Осторожно-уклончивая манера поведения дипломатов двух социалистических государств при контактах с американскими дипломатами непосредственно после военного вторжения свидетельствовала, что и румыны, и югославы не были готовы к разрыву отношений с СССР, с большим сомнением относились к возможности вынести вопрос об интервенции в ЧССР на обсуждение в ООН и не поддерживали идею создания чехословацкого правительства в эмиграции. Что касается эскалации военного вмешательства, то руководители Югославии и Румынии, несмотря на объявленную «военную тревогу», по всей вероятности, не особенно верили в возможность нападения на свои страны.

Важной составляющей коллективного труда является освещение кризиса 1968 г. в международном контексте, в частности в сравнении с феноменом европейского «шестидесятничества», и в «национальном» преломлении. Сравнение современного уровня общественного сознания чехов и россиян и художественное осмысление полувекового развития Чехословакии, предпринятые авторами, позволяют определить место «Пражской весны» в коллективной памяти современного общества обеих стран, выявить ее основные характеристики, особенности и тенденции развития. Очевидно, что полученные в результате анализа оценки отражают сложные процессы, развивающиеся в общественно-политической и культурной сферах, испытывают на себе определенный идеологический груз и конъюнктурные влияния.

В структуре коллективного труда нашлось место также разделу «Воспоминания. Документы», материалы которого призваны обогатить наши представления о чехословацких событиях и их отражении в памяти современников.

Объективно «Пражская весна» — уже прошлая эпоха. Однако ее уроки как знакового события полувековой давности не исчерпали себя, а многие поднятые ею проблемы сохраняют актуальность и сегодня. Авторы надеются, что смогут способствовать приращению знаний о теперь уже не близком 1968-м, помочь осмыслить опыт прошлого во имя будущего.

**I. Размышляя о «Пражской весне»...
Прошлое в оценках сегодняшнего дня**

Эмил Ворачек

У истоков «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ» 1968 г. ЧЕШСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ДИСКУССИИ О РЕФОРМАХ: ЗДЕНЕК МЛЫНАРЖ, РАДОВАН РИХТА, ИРЖИ ПЕЛИКАН, ОТА ШИК и ДРУГИЕ

Наэлектризованная атмосфера «Празжской весны», вызванная, помимо прочего, динамичными переменами в высшем руководстве КПЧ, стала импульсом для начала одного из самых революционных этапов новейшей чешской истории, да и всего социалистического и коммунистического движения. Один из ведущих чешских интеллектуалов «Празжской весны», литературовед-германист Эдуард Гольдштюкер так охарактеризовал тот период: «В историческом ракурсе он представляет собой положение, когда развитие общества подошло ближе всего к осуществлению демократического социализма». Масштабная попытка демократизации диктаторского режима «госпартии» нашла широкий отклик во всем обществе, что привело к росту потенциала демократизации, однако еще не демократии. Ее выражением стал сформулированный философом Радованом Рихтой лозунг «Социализм с человеческим лицом», который вошел не только в лексикон первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека, но и в Программу действий КПЧ от 5 апреля 1968 г.¹

Рано было говорить о всеобщем согласии населения на основе критического осмысления предшествующего этапа исторического развития. Гражданское общество еще только пробуждалось. Соответствующие настроения наиболее активно аккумулировались вне коммунистической партии, в кругах интеллигенции, чье лицо безжалостно обезобразили репрессии начала 1950-х гг. Интеллигенция все более активно выступала не только за демократизацию действующей системы, но и за устранение от рычагов власти скомпрометировавших себя функционеров КПЧ и за реабилитацию жертв репрессий. Руководство партии, однако, отвергало попытки восстановить социал-демократическую партию и создать «Клуб ангажированных беспартийных» и «К-231» — объединение бывших политических заключенных. На переговорах представителей КПЧ с руководством КПСС в Москве 4 мая 1968 г. Дубчек был категоричен. «Мы никому не разрешим создавать в стране реальный противовес

---

¹ *Mlynář Zd. Mráz přichází z Kremlu. Praha, 1990. S. 151.*

коммунистической партии, мы не допустим возвращения в период ни до 1945, ни до 1948 года», — заявил он².

В реформаторских усилиях в Чехословакии второй половины 1960-х гг. принимали участие яркие, неординарные личности. На их жизнь радикальным образом повлияли события Второй мировой войны, освобождение страны в мае 1945 г. и февральский переворот 1948 г. Среди активных участников «Пражской весны», прежде всего коммунистов, имелись и такие, которых тяготила их прошлая деятельность в первой половине 1950-х гг., в кульминационный период первого фазиса холодной войны. Некоторые из них уже в 1950-е гг. пересмотрели свои прежние взгляды и под влиянием постепенного ослабления напряженности в обществе определили для себя причины пороков и преступлений системы, в создании которой принимали непосредственное участие. Таким образом, они не только помогали формировать среду для будущих перемен в обществе, но и переосмысливали свое собственное поведение в недавнем прошлом.

Одной из таких личностей был Иржи Пеликан. После февраля 1948 г., возглавляя так называемый Комитет действия, он участвовал в развернувшейся в вузах чистке, приложил руку к исключению многих сотен студентов. Антонин Я. Лим, впоследствии активный сотрудник вышедшего в Риме под редакцией Пеликана журнала «Listy», отмечал: «В течение всех трех десятилетий, когда я знал его близко, он вел напряженную борьбу сам с собой и с тем периодом своей жизни, который ему не простили дома и который он сам себе не мог простить. Он постоянно ощущал собственное чувство вины за те годы, когда во имя идеологии и дисциплины подавил в себе критическое мышление». В 1963 г. Пеликана назначили главным директором Чехословацкого телевидения и кооптировали в идеологическую комиссию ЦК КПЧ. Как директор национального телевидения и депутат Национального собрания он в значительной степени способствовал процессу демократизации, который достиг апогея в период «Пражской весны». В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. Пеликан оказался в эпицентре событий. В момент, когда руководители государства были насильственно увезены в Москву, он сумел возглавить политическое сопротивление. Будучи председателем парламентского комитета по внешней политике, Пеликан активно призывал международную общественность оказать поддержку Чехословакии. В критической ситуации он добился передачи по Чехословацкому телевидению воззвания с резким осуждением советской оккупации. Пеликан активно участвовал в подпольном заседании чрезвычайного XIV съезда КПЧ в Высочанах. Ему удалось организовать магнитофонную запись докладов и выступлений на съезде, которую он позже, в 1970 г., уже находясь в эмиграции, опубликовал³.

² Подробнее см.: *Vondrová J., Navrátil J. (eds) Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970 (prosinec 1967 – červenec 1968). ÚSD AV ČR / Doplněk, Praha / Brno 1995. S. 165–189.*

³ *Congresso alla macchia и Il rapporto proibito. Roma, 1970.* На чешском языке впервые опубликовано под названием: *Tanky proti sjezdu. Roma, 1970.* Это издание практически

В начале 1960-х гг. руководство коммунистической партии оказалось перед трудной задачей: нужно было искать выход из кризиса, который переживало общество. Уповая на объективность научного познания, чешские партийные структуры большое внимание уделяли созданию специализированных междисциплинарных коллективов. Постепенно в середине 1960-х гг. в рамках Чехословацкой академии наук (ЧСАН) сформировались исследовательские группы, объединившие, прежде всего, сотрудников Академии и Карлова университета. Это были независимо мыслящие лица, в общей сложности несколько десятков ученых, которые стали интеллектуальной опорой для подготовки реформ. Задача исследовательских коллективов заключалась в выработке теоретического обоснования назревших перемен и конкретных шагов в политике и экономике, разумеется, в рамках действующей системы. Их влияние на общественно-политическую атмосферу и, в свою очередь, на государственную и политическую власть уже с момента создания было сильным. На работе новых структур отражалась атмосфера 1960-х гг., в частности, вера в быстрый и коренной поворот дел к лучшему. Удивительно, что до последнего времени работа указанных групп не привлекала внимания ученых: лишь совсем недавно к ней обратились сотрудники Института современной истории, которые почти одновременно с научным исследованием опубликовали также сборник документов⁴.

Для исследования социальных последствий научно-технической революции и ее влияния на развитие личности была создана междисциплинарная группа, которую возглавил Радован Рихта (Философский институт ЧСАН)⁵. Главным итогом работы авторского коллектива — философов, экономистов, социологов, — насчитывавшего в общей сложности более 60 человек, стал фундаментальный труд «*Цивилизация на перепутье*» (*Civilizace na rozcestí*), в котором рассматривались «общественные и человеческие взаимосвязи научно-технической революции»⁶. Важным вкладом в изучение проблемы стали работы самого руководителя группы

недоступно. В Чешской Республике материалы увидели свет только через 28 лет (Tanky proti sjezdu. Protokol a dokumenty XIV (vysočanského) sjezdu KSČ / Úvod a závěr Jiří Pelikán. Praha, 2018).

⁴ Подробнее см.: *Hoppe J., Škodová M., Suk J., Caccamo F.* O nový československý model socialismu. Čtyři interdisciplinární vědecké týmy při ČSAV a UK v 60. letech // *Sešity Ústavu pro soudobé dějiny AV ČR*, 49, 2015; *Hoppe J., Škodová M., Suk J., Caccamo F.* (eds.) O nový československý model socialismu. Edice dokumentů ke čtyřem interdisciplinárním vědeckým týmům při ČSAV a UK v 60. letech // *Sešity Ústavu pro soudobé dějiny AV ČR*. 2016. 50.

⁵ *Richta Radovan* (1924–1983) — философ, социолог; автор терминов «технологическая эволюция» и «социализм с человеческим лицом»; активно исследовал проблемы научно-технической революции и связанной с ней теории о вытеснении физического труда умственной деятельностью.

⁶ *Radovan Richta a kolektiv.* Civilizace na rozcestí. Společenské a lidské souvislosti vědeckotechnické revoluce. Praha: Svoboda, 1966. Работа трижды переиздавалась, позднее была переведена на 11 языков и быстро получила международную известность, в том числе и в демократическом мире. Выдержала несколько изданий в странах советского блока.

Рихты, издавшего к тому времени ряд статей. В 1964 г. он вернулся к активной научной работе после длительного лечения в санатории Добржиш⁷.

На основе предложенной Рихтой методологии авторы труда подвергли критическому анализу взгляды Маркса на капитализм и индустриальную цивилизацию, изложенные им в 1858 г. в работе «*Основные черты критики политической экономики*» (*Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie*)⁸. Но ознакомление с работой показывает, что ее авторы опирались и на новейшие достижения мировой науки. Рихта был убежден, что современная индустриальная цивилизация находится в поворотной точке, для которой характерно не только изменение в производственных отношениях, но и структурные изменения в человеке как производительной силе, включая и негативы, которые эти изменения приносят. Собственно, авторы представили экономический, технологический и социологический прогноз дальнейшего развития мира, отразивший переход тогдашнего индустриального общества к новому типу общества, которое мы сейчас называем «информационным». Гуманистические идеалы, которые должны были стать основой означенного перехода, становились фундаментом идеи «социализма с человеческим лицом».

Рихта и его единомышленники полагали, что следовало воспользоваться тем позитивом, что несла в себе научно-техническая революция, и помочь Чехословакии, а может быть и всему миру социализма, перейти из «развитого» социализма в коммунизм. Идеализм? Трудно сейчас ответить определенно, но монография Рихты и его команды, безусловно, заслуживает внимательного изучения с позиций сегодняшнего дня. Тогда можно будет ответить на вопрос, выдержала ли она, и в какой мере, испытание временем.

Коллектив, изучавший проблемы демократии и политической системы нашего общества, возглавил Зденек Млынарж (Институт государства и права ЧСАН)⁹. В начале «Пражской весны» он был избран секретарем ЦК КПЧ и стал одним

---

⁷ В годы Второй мировой войны Рихта, входивший в антифашистскую группу «Авангард», был арестован гестапо и после пребывания в тюрьме Панкрац переведен в концлагерь в Терезине, где заболел тяжелой формой туберкулеза легких. После недолгой ремиссии болезнь вернулась, и с 1958 г. Рихта систематически проходил курс лечения (AAV CR, f. Vědecké kolegium filosofie a sociologie 1962–1970, k.3, sign. 022. *Životopis Radovana Richty* (1968. S. 1)).

⁸ *Marx K. Rukopisy «Grundrisse»*. *Ekonomické rukopisy z let 1857–1859, I–III*. Praha: Svoboda 1971–1977. На русском яз. известна как «Экономические рукописи 1857–1859 годов». (Прим. редколлегии).

⁹ *Млынарж Зденек* (1930–1997) — юрист по образованию; в 1950–1955 гг. — студент юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, затем сотрудник Института государства и права ЧСАН. Член КПЧ с 1946 г. Один из подписантов так называемых Московских протоколов. В ноябре 1968 г. добровольно ушел со всех постов, в 1970 г. исключен из КПЧ. Соавтор текста Хартии-77; в 1977 г. эмигрировал в Австрию; за рубежом занимался политологическими исследованиями, участвовал в издательской деятельности (журнал «Listy»). После ноября 1989 г. вернулся на родину, сотрудничал с левыми силами, как почетный председатель возглавил партию Левый блок. Из-за невостремленности идей демократического социализма в Чехословакии вновь выехал в Австрию.

из лидеров реформаторов. В работе его исследовательского коллектива принимали участие, помимо прочих, юрист Петр Питгарт и социолог Любомир Брокл.

Коллектив по исследованию вертикальной социальной дифференциации возглавлял социолог Павел Махонин (Институт социально-политических наук Карлова университета в Праге)¹⁰. Он внес заметный вклад в возрождение в стране социологии спустя двадцать лет после ее «отмены» в феврале 1948 г. как «буржуазной лженауки».

Ота Шик, занимавший с 1961 г. пост директора Экономического института ЧСАН¹¹, был по предложению Дубчека в апреле 1968 г. назначен вице-премьером и координатором экономических реформ. Сосредоточил вокруг себя коллектив экономистов — сторонников преобразований, который готовил экономическую реформу. Научная дискуссия о реформах, естественно, замыкалась определенными идеологическими границами. В рамках этого дискурса была создана исследовательская группа по теоретическим проблемам планового управления народным хозяйством, которую возглавил Карел Коуба (Экономический институт ЧСАН).

Межотраслевому коллективу во главе с Млынаржом, занимавшемуся проблемами развития политической системы, хотя и созданному в последнюю очередь, тем не менее предстояла первостепенной важности, весьма трудная и требовавшая большой осмотрительности задача — подготовить теоретические основы для комплексной реформы существующей модели социализма. Наибольшее внимание уделялось вопросу о взаимоотношениях власти и общества, применению постулата о ведущей роли компартии, т. е. модернизации системы социалистической диктатуры, основанной на монополии власти КПЧ. Размышления на этот счет представляли собой нечто абсолютно новое, что раздражало тогдашнее закостенелое руководство КПСС и «своих», национальных консерваторов. Исследователям предстояло смоделировать альтернативную модель будущего чехословацкого общества.

Работа коллектива явилась масштабной попыткой обосновать изменения системы и стимулировать решительные реформы, готовившие «Пражскую весну». Итоги труда, однако, не были подведены в обобщающем труде или материалах, как это произошло в команде Рихты.

Зримым стимулом для развития процесса демократизации стала Программа действий КПЧ, принятая на заседании ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г.¹² Отправ-

---

¹⁰ *Махонин Павел* (1927–2008) — социолог; автор концепции социальной стратификации чешского общества. Самое известное произведение Махонина-социолога — монография «Чехословацкое общество. Социологический анализ социальной стратификации» (*Československá společnost. Sociologická analýza sociální stratifikace*. Praha, 1969).

¹¹ *Шик Ота* (1919–2004) — экономист, политик, вице-премьер ЧССР в 1968 г. Автор экономической программы чехословацких реформ в духе рыночного социализма, идеолог социалистического «третьего пути» и модели гуманной «экономической демократии».

¹² *Akční program Komunistické strany Československa přijatý na plenárním zasedání ÚV KSČ dne 5. dubna 1968*. Praha, 1968 // *Rok šedesátý osmý v usneseních a dokumentech ÚV KSČ*. Praha, 1969. S. 103–146.

ной точкой для нее стал текст, над которым с 1967 г. работала партийная комиссия под руководством Млынаржа. Первоочередным в документе стало требование свободы печати. Ведущую роль партии программа трактовала как служение обществу, а не как власть над ним. Но при этом оговаривалось, что указанные перемены будут осуществляться под руководством КПЧ. Программу действий предполагалось включить в партийный устав. В то же время, однако, радикализировавшееся быстрыми темпами общество требовало ускоренного проведения реформ. Важным начинанием на пути к демократизации явились приостановка цензуры в феврале 1968 г. и ее полная отмена 4 марта, первая подобная мера в чешской и чехословацкой истории. 27 июня 1968 г., на следующий день после вступления в силу закона об отмене цензуры, в общенациональных ежедневных газетах был опубликован манифест «*Две тысячи слов*» (Dva tisíce slov), автором которого являлся Людвик Вацулик¹³. Документ возник по инициативе сотрудников ЧСАН. Он представлял собой призыв к активизации чехословацкой общественности против нарастающего давления советского руководства, настроенного резко негативно по отношению к любым изменениям советской модели социализма.

Новый вектор более радикальных перемен, затрагивавших, в частности, и политическую власть, был отражен в манифесте «*Накануне принятия решения. О новой чехословацкой модели социализма*» (Před rozhodnutím. O novú československý model socialismu), разработанном коллективом Радована Рихты (опубликован в «Rude právo» 10–12 июля 1968 г.). Открыто и ясно в нем прозвучало требование, чтобы «каждый гражданин социалистической страны действительно обладал не меньшей и не одинаковой, а именно бóльшей мерой свободы слова и выражения общественного мнения, собраний, союзов, передвижения и перемещения, нежели та, что предоставляло буржуазное общество»¹⁴. На этой основе должна была формироваться новая модель социализма, отражавшая рефлексию и эволюционные перемены с целью преодоления очевидных недостатков и ошибок прошлого, прежде всего преступных 1950-х гг., и переход от действующей модели социализма советского типа к новому, динамичному, демократическому социализму. Помимо демократизации он должен был еще выдержать конкуренцию с рыночной экономикой развитых промышленных стран Запада. Что касается вопросов осуществления власти, то в манифесте было много общего с «Двумя тысячами слов» Людвика Вацулика. Для советского лидера Л. И. Брежнева оба эти документа были, без преувеличения, бельмом на глазу. Не все активные участники «Пражской весны», включая даже радикальных реформаторов, группировавшихся вокруг пражского горкома КПЧ, оказались способными перешагнуть, хотя бы частично, через

---

¹³ Vaculík L. Dva tisíce slov, které patří dělníkům, zemědělcům, úředníkům, umělcům a všem // Mladá fronta. 27. VII. 1968. S. 1.

¹⁴ Před rozhodnutím. O novú československý model socialismu // Hoppe J., Škodová M., Suk J., Caccamo F. (eds.). O novú československý model socialismu. Edice dokumentů. S. 107.

свои старые представления о монополии власти КПЧ. Они, однако, оказались в меньшинстве и поэтому возлагали свои надежды на форсированное проведение чрезвычайного XIV съезда партии.

Его подготовка проходила в атмосфере эйфории, вызванной «Пражской весной». Требование созыва партийного форума впервые, еще в начале процесса обновления, сформулировали радикальные реформаторы, которых объединил вокруг себя столичный городской комитет КПЧ. Секретари областных и районных комитетов партии сначала были по преимуществу против. Выборы делегатов чрезвычайного XIV съезда КПЧ проходили на партийных конференциях в течение весны 1968 г. Съезд был назначен на 9 сентября. 21 августа 1968 г., в день, когда Чехословакия была оккупирована армиями стран Варшавского договора, в Праге, в партийной гостинице собрались 50 делегатов съезда и приняли решение созвать 22 августа совещание всех делегатов. Съезд проходил нелегально, втайне от войск оккупантов, в столовой завода ЧКД в пражском районе Высочаны (на востоке столицы). Совещание было открыто в 11 часов 18 минут в присутствии примерно тысячи делегатов, что составляло $\frac{2}{3}$ их общего числа. К началу работы смогли приехать только 5 делегатов от Словакии. Впоследствии совещание было превращено в чрезвычайный съезд КПЧ. Поскольку первый секретарь партии Александр Дубчек вместе с другими своими соратниками был вывезен в Советский Союз, руководил работой чрезвычайного съезда профессор-экономист Венек Шилган, на которого возложили обязанности первого секретаря ЦК КПЧ. Резолюция съезда категорически опровергла утверждение о существовании контрреволюции и угрозы социализму в Чехословакии. Основным требованием стал немедленный вывод иностранных войск. Съезд призвал коммунистические партии всего мира поддержать три требования — немедленное освобождение всех арестованных чехословацких представителей и обеспечение их беспрепятственной деятельности; немедленное восстановление всех гражданских прав и свобод; вывод с территории Чехословакии всех оккупационных армий. Был избран Центральный комитет (144 члена), причем предусматривалось его дополнение словацкими товарищами. В заключительной резолюции съезда его работа была провозглашена непрерывной. Первое заседание съезда было закончено в 21 час 15 минут, но политическая обстановка в стране не позволила съезду продолжить свою работу. В заседании и выборах не участвовали 1219 из 1543 избранных делегатов, притом из Словакии добраться в Прагу смогли в общей сложности 50 делегатов, т. е. меньше одной пятой части.

* * *

Надеждам интеллектуалов «Пражской весны» не суждено было сбыться. «Весну» сменила долгая «зима», которая закончилась лишь через два десятка лет полным крахом реального социализма, но не крахом идей, протагонистами которых они являлись. Эхо «Пражской весны» звучит и в наши дни, и ныне, когда мы снова испытываем трудности, оказавшись перед глобальными проблемами цивилизации, думается, есть резон оглянуться назад, переосмыслить идейный и теоретический багаж «Пражской весны», чтобы двигаться вперед.

**БРЕМЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ, ИЛИ ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ
НА ЧЕХОСЛОВАЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ.
1962–1969 гг.***

Изучение различных аспектов советской экономической помощи ЧССР в 1960-е — первой половине 1970-х гг. в последние десятилетия практически выпало из поля зрения историков-богемистов. Тема казалась излишне политизированной и вызывала настороженность в профессиональном сообществе (подобная точка зрения до недавнего времени разделялась и автором данной статьи). Показательно, что, когда в 2010 г. вышел в свет подготовленный коллективом Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) сборник документов «Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС», который в целом был оценен весьма положительно, некоторые чешские коллеги не преминули заметить «излишнее количество опубликованных материалов об экономической помощи СССР Чехословакии»¹. Казалось, определение объема (сразу скажем, весьма значительного) советской экономической помощи, оказанной ЧССР в период нормализации, до некоторой степени служит оправданием акции августа 1968 г. (что, конечно, не так). Однако колоссальный пласт документов «о советской помощи» в рассматриваемый период (одних только постановлений Политбюро ЦК КПСС «за» насчитывается 180) говорит о том, что эта тема нуждается в научном осмыслении.

Как справедливо заметил активный участник событий 1968 г. З. Млынарж: «Политический успех “Пражской весны” был обусловлен именно тем, что движение общества “снизу” и движение в партии “сверху” встретились и в значительной степени объединились. А это было бы невозможно без многолетнего воздействия реформаторского коммунизма внутри правящих диктаторских структур... Когда о временах Новотного говорят, как о сплошном царстве мрачного сталинизма, в которое в январе 1968 года ворвался светлый луч дубчековской реформаторской политики, то истинная картина 60-х годов в Чехословакии значительно искажается»². Изменения в восприятии чехосло-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Грант №17-18-01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР».

¹ *Vondrová J. Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970. Dokumenty ÚV KSSS 1966–1969. Praha; Brno, 2011. S. 10.*

² *Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 68–69.*

вацким обществом коммунистического режима начали происходить задолго до событий «Пражской весны». Для «Старой площади» процессы, происходившие в ЧССР, вовсе не были секретом, так же как не могла стать неожиданностью и сама «Пражская весна»³. Начиная с 1965 г. словосочетание «кризисные явления» все чаще и чаще используется в материалах ЦК КПСС для характеристики ситуации в Чехословакии. К середине 1967 г. в ЦК КПСС складывается абсолютно четкое понимание того, что ЧССР стоит на пороге серьезного кризиса. В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться на важный, но далеко не единственный в этом роде документ — политическое письмо советского посольства в Праге за II квартал 1967 г. от 20 июля 1967 г. под названием «О некоторых проблемах проведения культурной политики Коммунистической партии Чехословакии». О позиции чехословацких интеллектуалов авторы политписьма говорят следующим образом: «Если прежде элементы, враждебные партии и социалистическому строю, позволяли себе выступать по отдельным вопросам... то теперь мы имеем дело с острым проявлением классовой борьбы против правящей Коммунистической партии. Есть основания полагать, что это не случайный выход отдельной группы... а продукт с большим расчетом подготовленной атаки»⁴. «В сложной политической обстановке устранения последствий культа личности и преодоления экономических трудностей, — информировало посольство ЦК КПСС, — ...партии не удалось успешно претворить в жизнь свои решения по идеологическим вопросам. У части партийных и государственных кадров стали наблюдаться проявления растерянности и либерализма. ...Руководство ЦК КПЧ видело, что аппарат Центрального Комитета не обеспечивает организационного проведения идеологической линии... процессы, вызывающие беспокойство партии, развивались в идеологической жизни страны уже многие годы, а нездоровые явления приобретали хронический характер...»⁵ Виновный в сложившейся ситуации в ЧССР авторами документа прямо не назывался, однако вывод напрашивался сам собой: речь шла о первом лице в КПЧ — Антонине Новотном.

Посольство было отнюдь не единственным источником информации для советского партийного руководства. В аппарат ЦК КПСС (бывший на тот момент средоточием властных функций в СССР) стекались сведения, собираемые советскими людьми, занимавшими разные посты при представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений. Отчеты о пребывании за границей, о встречах с чехословацкими гражданами регулярно писали советские деятели науки и культуры; круг источников пополняла информация чехословацких общественных и политических деятелей, напрямую обращавшихся в ЦК КПСС, и дипломатов

³ Подробнее см.: *Джалилов Т.А.* Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2013. С. 331–355.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 295. Л. 134.

⁵ Там же. Оп. 49. Д. 673. Л. 138.

соцстран, информировавших сотрудников Отдела ЦК по тем или иным вопросам, и т. д. При этом речь идет не только о документах, направлявшихся в ЦК в силу служебных обязанностей (политических отчетах посольства, служебных записок дипломатов и чиновников различных ведомств, записей протокольных бесед и т. п.). Многие, как советские, так и чехословацкие, граждане считали своим долгом «в неофициальном порядке» проинформировать «Старую площадь» по тем или иным вопросам, поделиться своими соображениями. Важно отметить, что «визави ЦК КПСС» были люди, придерживавшиеся различных политических взглядов: от будущих реформаторов А. Дубчека, Ч. Цисаржа, О. Шика до их непримиримых противников — В. Биляка и Й. Ленарта. Точка зрения, согласно которой Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию под воздействием их взглядов применительно к периоду, предшествующему «Пражской весне», в корне неверна. К тому же ставшие в будущем ключевыми фигурами «нормализации» В. Биляк, Г. Гусак до «Пражской весны» по многим вопросам выступали с позиций, близких к реформаторам⁶.

Если информированность ЦК КПСС о событиях в Чехословакии на сегодняшний день не вызывает сомнений, то определить реакцию «инстанции» (как называли ЦК) на поступавшую информацию весьма непросто. На большинстве документов мы видим характерную резолюцию: «Материал информационный. Использован в работе отдела...» Никаких постановлений Политбюро или секретариата ЦК КПСС, принятых на основании материалов о кризисной ситуации в ЧССР, обнаружить не удалось. Словно некая непроницаемая стена отделяла различные «этажи» ЦК КПСС — аппарат от высшего политического руководства.

И все же, как нам представляется, считать, что Политбюро никак не реагировало на поступающую информацию о нарастающем кризисе в ЧССР, неверно. Однако, судя по всему, реакцию высшего советского политического органа на происходившее в Праге надо искать в иной плоскости. Прибегнув к количественному анализу, мы увидим, что из общего числа постановлений Политбюро за 1964–1967 гг., в той или иной степени касающихся Чехословакии, более двух третей посвящено оказанию экономической помощи (причем из года в год число подобных решений возрастало). В некоторых случаях взаимосвязь политики и экономики поражает. Так было, например, в 1964 г., когда Новотный проявил колебания в оценке итогов октябрьского пленума ЦК КПСС. 16 октября 1964 г. советский посол в Праге проинформировал первого секретаря ЦК КПЧ об отставке Н. С. Хрущёва, а спустя несколько дней, 21 октября, Новотный получил письмо от Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина: Президиум ЦК КПСС и правительство СССР удовлетворяли просьбу чехословацких друзей,

---

⁶ Подробный анализ этих материалов см.: *Джалилов Т. А.* К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 52–64.

согласившись увеличить поставку зерна в ЧССР в 1965 г. на 350 тыс. тонн⁷. Очевидно, щедрость новых советских лидеров должна была помочь чехословацким товарищам «правильно» воспринять произошедшие перемены в руководстве СССР. По нашему мнению, практически за каждым постановлением Политбюро об оказании экономической помощи Чехословакии, принятом в рассматриваемый период, можно увидеть «политическую мотивацию», что не удивительно: вопросы дальнейшего экономического развития становились важнейшим фактором, определявшим динамику политического процесса в ЧССР.

В сравнении с соседними странами Чехословакия в результате Второй мировой войны понесла значительно меньший урон, а ее ориентированная на экспорт экономика компенсировала потерю западноевропейских рынков сбыта открывшимися рынками Советского Союза и стран «социалистического лагеря», нуждавшихся в поставках промышленных товаров из ЧССР в ходе послевоенного восстановления экономики. В результате 1950-е гг. стали «золотым веком» чехословацкого социализма. Неуклонный рост экономических показателей обеспечивал подъем жизненного уровня населения⁸. По данным советского посольства в Праге (а эти данные подтверждаются и выводами современных чешских ученых), личное потребление населения увеличилось в 1953–1957 гг. на 40%, а фонд заработной платы в 1956–1957 гг. — на 12 млрд крон. Экономические успехи дали возможность чехословацкому партийному руководству купировать воздействие на общество разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС и фактически снять с повестки дня процесс реабилитации. В беседах с советскими ответственными работниками чехословацкие товарищи кичились своими успехами и посмеивались над польскими и венгерскими коммунистами, испытывавшими серьезные проблемы.

Однако с началом 1960-х гг. ситуация резко изменилась. На внешних рынках чехословацкая промышленность столкнулась с нарастающей конкуренцией со стороны преодолевших трудный послевоенный период стран. Опережающий рост жизненного уровня населения создал дисбаланс в финансовом секторе, а экстенсивные методы плановой экономики больше не давали результата: все новые и новые вложения в основные фонды не приносили должной отдачи⁹. Третья чехословацкая пятилетка (1961–1965 гг.) оказалась, по сути, провальной — ЦК КПЧ пришлось пойти на пересмотр принятого плана развития экономики.

Советское руководство все чаще и чаще получало сигналы из Праги о нарастающих трудностях в народном хозяйстве ЧССР, преодолеть которые, по словам «чехословацких друзей», без помощи Советского Союза было невозможно. 13 января 1964 г. первый секретарь посольства СССР в ЧССР

⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 876. Л. 1.

⁸ Průcha V. Hospodářské a sociální dějiny Československa v letech 1918–1992 (2.díl). Praha, 2009.

⁹ Suk J. Veřejné záchodky ze zlata: konflikt mezi komunistickým topismem a ekonomickou racionalitou v před srpnovém Československu. Praha, 2016.

Ф. М. Метельский сообщал о состоявшейся у него беседе с заместителем председателя Госплана ЧССР В. Винклареком. «В ходе беседы, — докладывал Метельский, — тов. Винкларек заявил, что положение в экономике ЧССР остается очень сложным. Поверьте мне, — заявил он, — я уже около 15 лет работаю в Госплане и хорошо разбираюсь в этих вопросах, и я пока не вижу возможности оздоровления экономики. ...Единственная возможность нормализации в развитии чехословацкой экономики — это помощь СССР. ...В период заключительных бесед по плану и содержанию памятной записки по результатам переговоров Госпланов ЧССР и СССР 15 января советский представитель тов. Бачурин попросил, чтобы работники Госплана ЧССР более реально проанализировали свои потребности и, может быть, снизили некоторые свои просьбы к СССР, так как в ходе переговоров выяснилось, что их удовлетворение в первоначальном объеме или очень трудно или невозможно для советской стороны. Иными словами, нужно сузить концы ножиц между вашими просьбами и нашими предложениями, — сказал он. На это Винкларек в шутку заметил: где сузить? Здесь? И показал на свое горло»¹⁰.

Значительные надежды чехословацкие политики возлагали не только на поставки из СССР, но и на объявленную январским пленумом ЦК КПЧ (27–29 января 1965 г.) экономическую реформу. Суть ее состояла в предоставлении большей самостоятельности предприятиям, стимулировании экономической заинтересованности хозяйствующих субъектов, создании реалистичной системы ценообразования и т. п. Трудно не заметить определенного сходства чехословацкой экономической реформы со стартовавшими в сентябре — октябре 1965 г. в СССР «косыгинскими» реформами¹¹. Возможно, именно в силу этого обстоятельства советское руководство на первом этапе встретило начинания чехословацких товарищей вполне благосклонно. Посольство СССР в Праге, хорошо умевшее улавливать настроение Москвы, в «Информации об итогах январского пленума ЦК КПЧ» от 16 февраля 1965 г. сообщало: «Решения январского пленума ЦК КПЧ кладут начало важным, принципиальным изменениям в системе руководства экономикой страны. Чехословацкие друзья рассматривают осуществление намеченных мероприятий как введение, в сущности, по определению тов. Новотного, новой системы управления экономикой. В решениях январского пленума ЦК КПЧ определены лишь главные направления этой перестройки. Она представляет значительный интерес. В связи с этим посольство полагает целесообразным... внимательно изучать его»¹². Посольство предлагало направить в ЧССР специалистов, как по партийной, так и по хозяйственной линии, для изучения чехословацкого опыта.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 674. Л. 7, 9.

¹¹ Старт реформам был дан на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, принявшем постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. М., 1968. С. 640–645).

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 917. Л. 168.

Проблема заключалась в том, что в самом руководстве ЧССР вовсе не было единства в отношении дальнейших перспектив начатой реформы. Реформаторское крыло теоретиков-экономистов (его олицетворял в первую очередь О. Шик — на тот момент директор Института экономики ЧАН, член ЦК КПЧ с 1962 г.) в решениях январского пленума видело лишь первый шаг, за которым в ближайшее время должны были последовать новые меры, усиливающие рыночные механизмы, и в конечном счете всесторонняя либерализация не только народного хозяйства, но всей социально-политической системы. Политикам этого толка ЧССР виделась частью мировой глобальной экономики, СССР же отводилась «всего лишь» роль хотя и важного, но далеко не единственного партнера.

Иной точки зрения придерживались не только консерваторы (будущие «столпы нормализации», такие как В. Биляк, Й. Ленарт), но и центристы, а именно экономисты-практики, группировавшиеся в значительной мере вокруг Госплана ЧССР (председатель — О. Черник) и экономического отдела ЦК КПЧ¹³. Позицию этой части политической элиты изложил 7 февраля 1966 г. в беседе с Метельским заведующий экономическим отделом ЦК КПЧ Б. Шимон: «При определении мер преодоления имеющихся трудностей ряд экономистов, — сообщал чехословацкий функционер, — предлагали более широкий выход на капиталистический рынок с целью включения в международное капиталистическое разделение труда и преодоление на этой основе автаркичности¹⁴ производства и нехватки многих видов сырья и продовольствия. ЦК КПЧ не может согласиться с этими предложениями, прежде всего, по политическим соображениям. ...С другой стороны, мы имеем неограниченный мировой социалистический рынок. Здесь у нас общие цели и идеология и неисчерпаемые источники развития. Правда, в СЭВе не все идет гладко. Многие вопросы экономического сотрудничества не решаются. Мы еще далеки от свободного движения товаров и рабочей силы на социалистическом рынке, чего уже добились в европейском экономическом сообществе»¹⁵. «Нас пугает и не удовлетворяет тот факт, — говорил Метельскому 27 апреля 1965 г. начальник отдела перспективной координации планов со странами СЭВ А. Сук, — что советские друзья не дают нам ответа о перспективах развития, и ваши пожелания мы улавливаем в общих чертах. Требования вашей стороны очень расплывчатые, непонятны, что затрудняет нашу работу»¹⁶. Характерно, что запись беседы с Суком Метельский дополнил следующей справкой: «На основании беседы можно полагать, что т. Сук выражал в некоторых случаях свое личное мнение, а в других случаях — точку зрения определенной группы работников Госплана ЧССР. Однако неоднократное упоминание о том, что эти вопросы обсуждались

¹³ Подлинная палитра мнений чехословацких экономистов и политиков была намного более разнообразной, однако мы рисуем картину, каковой она представлялась советскому руководству, на основании материалов, поступавших из ЧССР в ЦК КПСС.

¹⁴ Так в тексте. Следует читать: автаркичности. (*Прим. редколлегии*).

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 860. Л. 102–103.

¹⁶ Там же. Д. 917. Л. 227.

на коллегии Госплана и изложены в записке ЦК КПЧ, свидетельствуют о том, что друзья придают большое значение поднятым в беседе вопросам»¹⁷.

Судя по всему, члены этой политической группы опасались, что слишком быстрое продвижение по пути экономических реформ приведет к нежелательным политическим изменениям, с одной стороны, и лишь усилит диспропорции в народном хозяйстве ЧССР — с другой. Улучшение ситуации они видели в дальнейшем развитии кооперации и разделении труда в рамках СЭВ и, конечно, в поставках из СССР. При этом не стеснялись прибегать к завуалированной форме шантажа: ЦК КПСС оказывался перед дилеммой — либо советское руководство усилит помощь ЧССР, создаст в формате СЭВ полноценно функционирующую экономическую систему, либо Прага будет вынуждена искать способы решения своих проблем, «интегрируясь в международное капиталистическое разделение труда», тем самым выходя из сферы влияния Москвы...

Пожелания чехословацкой стороны о необходимости более тесной интеграции социалистических стран через СЭВ в значительной мере совпадали с планами советского политического руководства. 6 июня 1962 г., выступая на заседании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-участниц СЭВ, Хрущёв говорил: «...Жизнь действительно требует от нас действенных и безотлагательных решений. Дело обстоит теперь так: либо мы смело пойдем по пути дальнейшего сотрудничества и тем самым сделаем новый важный шаг в объединении своих хозяйственных усилий, либо столкнемся с серьезными трудностями, которые могут отрицательно сказаться на развитии мирового социализма»¹⁸. На указанном заседании и на состоявшейся год спустя, 25 июля 1963 г., аналогичной встрече Хрущёв предложил обширный комплекс мер по интеграции экономик социалистических стран. Основой хрущёвского замысла было создание единого наднационального планирующего органа (некоего Госплана СЭВ) и выработка общего плана экономического развития стран соцлагеря на длительный период.

Незадолго до своей отставки Хрущёв посетил с официальным визитом ЧССР. Возвращаясь из Праги, он 5 сентября 1964 г., на борту самолета Ил-18, обсудил (точнее, «поделился» своими мыслями) итоги визита с А. А. Громыко, Г. Т. Шуйским, Л. М. Замятиним, Ф. М. Бурлацким. В переработанном виде его рассуждения легли в основу записки в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых вопросах экономического сотрудничества с Чехословакией». Документ свидетельствует, что, помимо множества частных вопросов (привлечение капиталовложений ЧССР в разработку советских месторождений цветных металлов, необходимых для чехословацкой промышленности; кооперация в развитии производства полуфабрикатов из химического сырья; привлечение капиталов ЧССР и ГДР для строительства в Советском Союзе электростанций с целью обеспечения энергией производства хлора как сырья для полихлорвинила

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 917. Л. 227.

¹⁸ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 454. Л. 33.

и т. д.), поездка в ЧССР заставила Хрущёва снова обратиться к принципиально важной для него проблеме — интеграции экономик социалистических стран в рамках СЭВ. «Будучи в Чехословакии, — отмечал советский лидер, — мы имели ряд бесед с тов. Новотным и другими чехословацкими руководителями. ...Эти беседы укрепили меня во мнении, что в нашем сотрудничестве с Чехословакией и другими социалистическими странами нет достаточно четкой и целеустремленной политики. Вопросы экономических связей Советского Союза со странами народной демократии выступают сейчас как важный фактор в деле укрепления единства и сплоченности мировой системы социализма. Между тем в практике экономического сотрудничества сложилось такое положение, когда наши плановые и хозяйственные органы в этом вопросе поддаются самотеку. Они не проявляют собственной инициативы, не всегда критически относятся к предложениям тех или иных социалистических стран. ...Надо как следует заняться изучением этих вопросов с тем, чтобы разработать практические меры по осуществлению последовательного экономического сотрудничества с социалистическими странами»¹⁹.

Насколько известно автору статьи, данная записка Хрущёва, вынесенная на заседание Президиума ЦК КПСС 10 сентября 1964 г., — хронологически первый документ, в котором, пусть и в несколько завуалированной форме, на столь высоком уровне говорится о том, что кооперацию стран «социалистического лагеря» в рамках СЭВ тормозят советские плановые и хозяйственные органы, а перед высшим политическим руководством СССР ставится задача преодолеть это сопротивление.

Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., определивший политическую судьбу Хрущёва, на некоторое время отложил принятие решений по дальнейшему развитию системы экономических отношений социалистических стран: новое советское руководство было вынуждено сосредоточить свое внимание на внутривнутриполитической повестке. Однако, как показывают материалы состоявшейся 20 января 1966 г. в ЦК КПСС встречи нового первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева с А. Новотным по вопросу об интеграции экономик стран «социалистического лагеря», позиция советской стороны не претерпела изменений. Брежнев сразу дал понять своему собеседнику, что если за последнее время (т. е. после октябрьского пленума 1964 г. — *Т.Д.*) «мы стали меньше шуметь по вопросам внешней политики, то это отнюдь не означает какого-либо ослабления нашей активности в этом плане». По словам советского лидера, методы наши изменились, но существо политики сохранилось. Сославшись на когда-то слышанную им шутку Брежнева о том, что сейчас СЭВ является не столько организацией взаимной помощи, сколько организацией помощи (т. е. помощи со стороны СССР), Новотный вновь поставил перед советскими партнерами вопрос о необходимости активизации деятельности Совета. В ответ Брежнев заметил, что тоже видит недостатки в работе СЭВ и далек от того,

¹⁹ Там же. Д. 363. Л. 190.

чтобы испытывать полное удовлетворение его деятельностью. В критическом ключе советский лидер изложил обычную практику обращения представителей стран-членов с просьбой оказать помощь поставками тех или иных товаров, сырья или оборудования, чтобы ликвидировать прорыв на каком-то остром участке. «Одним мы успеваем дать, другим даже ничего не остается. Одни уезжают довольные, другие — обижаются. Это может быть и можно считать естественным ходом событий, но не по такой линии должна развиваться работа СЭВа», — заключил Брежнев. Он подчеркнул, что еще не успел по-настоящему разобраться в основных причинах существующих недостатков и в том, каковы должны быть пути их устранения. Первый секретарь Президиума ЦК КПСС признавался Новотному в том, что еще точно не знает, как поставить эту работу на правильные рельсы, однако, по его глубокому убеждению, для этого есть немалые возможности. Брежнев заверил своего чехословацкого коллегу, что в скором времени вынесет вопросы, связанные с работой СЭВ, на рассмотрение Президиума ЦК КПСС и предстоящего XXIII съезда КПСС²⁰.

Автор не располагает документальными подтверждениями, что именно в результате беседы Брежнева с Новотным в январе 1966 г. аппарату ЦК КПСС были даны поручения изучить существующие проблемы в работе СЭВ и представить свои предложения. Однако характерно, что уже 5 февраля 1966 г. на стол секретаря ЦК КПСС, курировавшего «социалистический лагерь», Ю.В. Андропова легла записка партийного комитета советской части секретариата СЭВ «О некоторых вопросах деятельности Совета Экономической Взаимопомощи». Авторы документа констатировали, что «в процессе сотрудничества выявились трудности, недостатки и нерешенные вопросы. В связи с этим представителями стран в СЭВ выражается неудовлетворенность результатами коллективного сотрудничества...»²¹. Изложив недостатки в работе СЭВ, авторы записки просили «рассмотреть в Центральном Комитете... меры по дальнейшему улучшению экономического и научно-технического сотрудничества наших дружественных стран...»²². На полях напротив этой фразы имеется помета Андропова: «И где эти меры? Кто нас представляет? Разве это не задача парткомитета?» Документ явно привел в негодование секретаря ЦК КПСС. Поля испещрены пометами: «Конкретно что нужно делать?! Эти общие посылки всем известны», «Липа!» и т. п. Однако, несмотря на то, что авторы записки, по распоряжению Андропова, были вызваны на беседу в ЦК, по результатам которой составили новую записку в ЦК КПСС, конкретных предложений Андропов так и не получил, и уж тем более не удалось ему вывести работу СЭВ на новый уровень. Ответ на вопрос, почему практически всесильный Андропов оказался в данном случае бессилем, коренится в разногласиях, возникших еще в хрущёвский период.

---

²⁰ На XXIII съезде КПСС (29 марта — 8 апреля 1966 г.) вопросы экономической интеграции социалистических стран не оказались в центре внимания делегатов.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 887. Л. 10.

²² Там же. Л. 26.

Одним из основных препятствий на пути интеграции стран — членов СЭВ Хрущёв считал сложность сглаживания противоречий между национальными интересами каждой из стран и особенно расхождение в понимании задач экономической кооперации. В июле 1963 г., в период сильного обострения отношений с румынами, он писал: «Несогласия по отдельным вопросам или расхождения могут быть, потому что внутри совнархоза одной страны такие расхождения бывают, а между нами в этой важнейшей части нашей политической деятельности — экономической — (а это основа нашей социалистической идеологии), тут много форм, много возможностей, и много может быть разного понимания, разного подхода, не всегда другой раз мы можем учесть национальные особенности той или иной страны, и поэтому нельзя проявлять сразу нетерпение и форсировать эти разногласия и вводить их в политическую степень»²³. Однако больше, чем «национальные особенности» социалистических стран, препятствующие экономической интеграции, Хрущёва беспокоила скрытая оппозиция советских отраслевых хозяйственных деятелей. Об этом он говорил в «узком кругу», пригласив 24 июля 1963 г., накануне совещания лидеров компартий, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, Г. Т. Шуйского, А. С. Шевченко и О. А. Трояновского. Хрущёв делился своими опасениями: «В другой раз до нашего слуха доходит, что выражается даже недовольство такими отношениями. Если говорить о нашей стране, то чаще всего нам предлагают такие товары... которым мы сами ищем сбыт или в социалистических странах, или на капиталистическом рынке. Поэтому это тоже создает для нас трудности. ...Нам другой раз предлагают товары одноименные, в которых мы не нуждаемся, или от нас просят те товары, которые мы сами покупаем за границей. Это, конечно, создает нам трудности. ...Я это говорю, товарищи, не потому, что не сказать этого — значит, нет этого вопроса. Он есть. ...Я думаю, что со мной согласятся товарищи, что в кооперировании, в какой бы степени оно ни было, больше всего заинтересованы другие социалистические страны между собой и с Советским Союзом, чем Советский Союз с другой страной. Я думаю, что это всем понятно, потому что у нас необъятные просторы, возможности сырья, емкость нашего рынка, и уровень науки и техники»²⁴. Для Хрущёва, увлеченного в начале 1960-х гг. идеей кооперации в рамках СЭВ, задачи, стоявшие перед всем «социалистическим лагерем», во многом превалировали над внутривнутриполитическими вопросами, он считал, «что только глубокое кооперирование может помочь другим социалистическим странам выровнять развитие своей экономики и идти в ногу к новым высотам в развитии экономики, техники и науки, как в целом всех социалистических стран, так и каждой отдельной страны, чтобы она была не ниже уровня других стран»²⁵.

²³ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 457. Л. 40.

²⁴ Там же. Л. 45–46.

²⁵ Там же. Л. 46.

Судя по всему, Хрущёв считал, что даже если на определенном временном отрезке СССР придется пожертвовать своими интересами, в дальнейшем кооперация в рамках СЭВ придаст столь мощный импульс развитию экономик всех соцстран, что это положительным образом скажется и на Советском Союзе. Однако не все члены советского политического руководства разделяли эту точку зрения. Голос противников хрущёвского подхода стал звучать в аппарате ЦК КПСС более громко после его отставки. Подтверждение этому можно найти в докладе Института экономики мировой социалистической системы АН СССР под названием «О развитии и укреплении экономического сотрудничества социалистических стран и совершенствовании форм этого сотрудничества». Как указывалось в сопроводительной записке, «при подготовке доклада были использованы материалы и консультации работников отдела ЦК КПСС»²⁶. Судя по многим косвенным признакам, документ отражал позицию советского «экономического блока». Пересказывать изложенный на 92 страницах материал нет возможности, однако применительно к нашей теме важно отметить: авторы документа достаточно откровенно дают понять — дальнейшая интеграция в рамках СЭВ может негативно сказаться на советской экономике. По мнению составителей доклада, открытие внутреннего рынка СССР для стран народной демократии может подорвать целый ряд секторов советского народного хозяйства и снизить темпы его развития. С этой точки зрения оказывалось «выгоднее» оказывать экономическую помощь нуждающимся в ней партнерам, нежели углублять разделение труда в рамках СЭВ.

Очевидно, руководствуясь именно этими соображениями, советское руководство не торопилось пойти навстречу чехословацким товарищам, призывавшим наладить работу СЭВ. Вплоть до августа 1968 г. вопрос оставался в подвешенном состоянии. Ввод войск в ЧССР и последовавшая за этим «нормализация», с одной стороны, сняли с повестки дня тему чехословацкой экономической реформы в трактовке Шика, а с другой — потребовали от Москвы решительных действий по оздоровлению экономики ЧССР. В мае 1969 г. в Праге побывал председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков. 15 октября 1969 г. он внес в ЦК КПСС предложения по вопросам двустороннего экономического сотрудничества, которые были утверждены постановлением Политбюро ЦК КПСС. С подачи Байбакова советское руководство одобрило оказание помощи Чехословакии «в развертывании прогрессивных видов производства», развитии атомной энергетики и производства вычислительной техники, налаживании передач цветного телевидения; был положительно решен вопрос о поставках некоторых валютных товаров, зерновых, энергетического угля, чугуна, картофеля, мяса, о предоставлении ссуды в свободно конвертируемой валюте или золоте и т. д.²⁷ СССР вкладывал в чехословацкую экономику миллионы инвалютных рублей, однако ни единого слова о развитии интеграционных

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 850. Л. 69.

²⁷ Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 601–611.

процессов в рамках СЭВ в записке Байбакова не содержится. Байбаков полностью игнорировал системные подходы в рамках концепции плановой социалистической экономики. Вместо этого предлагался набор командно-административных мер и «тушение пожара» в наиболее проблемных точках мощным потоком советских вложений. Имея в распоряжении колоссальные ресурсы советской экономики, «главный советский плановик», столкнувшись с кризисом, делает ставку не на настройку «планового инструментария» (в который, видимо, он уже не особенно верит), а на разовые вливания, на базе которых должно было начаться восстановление экономики.

Жизнь показала эффективность предложенных мер в краткосрочной перспективе: по данным чешских историков, пятилетка 1971–1975 гг. была одной из самых удачных за весь период строительства социализма в ЧССР, реальные доходы населения возросли на 28%. Однако эти успехи достигались в значительной мере за счет потока советских инвестиций. Как только Советский Союз был вынужден сократить вложения в чехословацкую экономику, она начала испытывать серьезные затруднения.

Порочность подобного подхода была очевидна для советского политического руководства. Хрущёв высказался о таком методе «планирования» развития экономики социалистических стран в свойственной ему эмоциональной манере: «Другой раз то или иное социалистическое государство составляет план, а потом обращается к другому государству и просит: нельзя ли проконсультироваться у вас: мы план составили на 5–10 лет. И когда начинают консультироваться, то оказывается, что план составлен очень умный, хороший план и там большие возможности заложены, но для этого нужно процентов 20–40 добавить извне для реализации этого плана. Спрашивается, какой же это хороший план и что было заложено при составлении этого плана? ...Все посмотрели бы и увидели, что тут не консультация нужна, а материальные средства? Куда это годится? Никуда не годится. Это такая игра, которая всем видна»²⁸. Судя по стенограммам переговоров с руководителями соцстран, Брежнев по данному вопросу был полностью солидарен с Хрущёвым. Парадокс заключался в том, что, несмотря на недвусмысленные высказывания первых лиц государства, советская бюрократическая машина, столкнувшись с необходимостью преодолеть последствия «Пражской весны», пошла проторенным путем «оказания братской помощи». Инерция советской бюрократии и многочисленные интересы советских хозяйственников оказывались весомее «благих пожеланий» политического руководства.

---

²⁸ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 454. Л. 21.

НА ПУТИ К ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В конце 1967 г. чехословацкое общество ясно осознавало, что диктатура партийного лидера Антонина Новотного оказалась в глубоком кризисе. Однако если чешская сторона в первую очередь ощущала недемократический характер режима, то в Словакии болевой точкой являлся нерешенный словацкий вопрос. Осознание полной подчиненности Праге и, следовательно, неравноправного положения в государстве у большинства словаков было очень сильно. Не случайно именно словацкие члены ЦК КПЧ и его Президиума начали осенью 1967 г. под руководством первого секретаря ЦК КПС Александра Дубчека кампанию острой критики Новотного и, действуя вместе с чешскими коммунистами-реформаторами, в январе 1968 г. заставили его уйти с поста руководителя КПЧ. Новым партийным лидером стал Дубчек.

В проекте Программы действий КПЧ, датированном 26 февраля 1968 г., говорилось о двух этапах развития государства, причем на втором, в отдаленной перспективе, допускалось (как один из вариантов) создание чешско-словацкой федерации¹. До тех пор пока ЦК КПС оставался в почти неизменном составе, как в период правления Новотного и позднее, когда руководство перешло в руки консерватора Василя Биляка, основным борцом за федерацию стал поначалу Словацкий национальный совет (СНС) или же его Президиум (ПСНС). Именно на заседании ПСНС 29 февраля была отклонена концепция унитарного государства. Вопрос о федерации Президиум рассматривал также 6 и 11 марта. Согласно предложениям специальных комиссий, решение государственно-правовых вопросов предполагалось осуществить в два этапа. Первый этап начинался 1 января 1969 г. Помимо СНС как законодательного органа, в Словакии учреждался и коллективный исполнительный орган — Совет уполномоченных (министров). Разделение компетенций между центральными и словацкими органами должен был закрепить особый Конституционный закон о положении Словакии, причем компетенции общегосударственных органов

---

¹ *Vondrová, J., Navrátil, J., Moravec, J.*: Komunistická strana Československa. Pokus o reformu (říjen 1967 – květen 1968). Prameny k dějinám československé krize 1967–1970, díl 9, sv. 1 (далее – PDČSK, 9/1). Praha; Brno, 1999. Dok. 14. S. 79–98; Dok. 15. S. 100; *Jičínský Zd.* Vznik České národní rady v době Pražského jara a její působení do podzimu 1969. Praha, 1990. S. 13.

предстояло сформулировать исчерпывающим образом. Второй этап начинался только после XIV съезда КПЧ, с образованием федерации. Материал после обсуждения на Президиуме был утвержден постановлением № 38/1968, с которым заместитель председателя СНС Франтишек Барбирек должен был ознакомить пленум СНС и партийные органы². Пленум Совета проходил в Братиславе 14–15 марта 1968 г. На нем был снят с должности председателя сторонник Новотного Милан Худик. Руководить Советом было поручено заместителю председателя Барбиреку. В результате обсуждения постановления ПСНС от 11 марта 1968 г. пленум признал единственной приемлемой для Словакии государственной формой федерацию, работать над подготовкой которой следовало начать безотлагательно. С этой целью были созданы соответствующие специальные комиссии³.

Форму новой государственной модели обсуждали на заседании Президиума СНС и Президиума ЦК КПЧ 19 марта. Участники решили, что следует использовать все возможности несимметричной модели и что переход к федерации будет постепенным. Особенно важно было правильно сориентировать чешское общество⁴. Требование федерации было включено в Программу действий КПЧ, одобренную Пленумом ЦК 5 апреля 1968 г.⁵ Таким образом, определились ориентиры, необходимые для подготовки изменений в области государства и права. Одновременно начали подтверждаться опасения Праги, что в Словакии требование федерализации попадет «не в те руки» и будет использовано против демократизации. И действительно, докладывая 9 апреля в ЦК КПС об апрельском пленуме, Биляк полностью сосредоточился на проблеме федерализации и пренебрег вопросами демократизации. Проект Программы действий КПС должен был быть разработан самостоятельно. Во время обсуждения поэт Войтех Мигалик в числе первых поднял вопрос о конфедерации, потребовав ее одобрения к 50-летию образования Чехословакии (28 октября 1968 г.). Экономист Виктор Павленда настаивал на последовательной экономико-политической федерации. Он критиковал профессора Оту Шика за то, что тот настаивал на общегосударственной экономической интеграции. Против Павленды выступили другие члены ЦК КПС, знакомые с проблемами экономики: по их убеждению, предложение Павленды являлось нереальным с экономической точки зрения. В конце концов, ЦК КПС принял документ под названием «О взаимоотношениях чешского и словацкого народов в области организации государства и права», который требовал безотлагательно (до конца июня) разработать и принять Конституционный закон о симметричной

² SNA, f. PSNR, k. 160, č. F-416/68, zasedání PSNR 11.03.1968.

³ Ibid. f. SNR, IV. volební období, 16 zasedání, 14–15.03.1968.

⁴ Plevza V. Československá štátnost' a slovenská otázka v politike KSČ. Bratislava, 1971. S. 244.

⁵ Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu 1968-1970. Vznik česko-slovenskej federácie roku 1968. Praha; Brno, 1996. Dok. 4. S. 38.

организации государства, т. е. о федерации⁶. Фактически в результате потеряли свое значение в этой части как постановление СНС, так и Программа действий КПЧ.

Конец марта 1968 г. ознаменовался мобилизацией гражданских сил в стране. Давление общественности и средств массовой информации постепенно принуждало к отстранению от власти скомпрометированных функционеров режима Новотного. Последнего 30 марта на посту президента сменил генерал Людвик Свобода. 8 апреля 1968 г. подало в отставку правительство Йозефа Ленарта, и в тот же день был сформирован кабинет Олдржиха Черника. В число вице-премьер-министров вошли Петер Цолотка и Густав Гусак — главные в Словакии протагонисты федерации. Новое правительство поддержало идею федерации в опубликованной 24 апреля программе. 3 мая 1968 г. Национальное собрание, руководимое реформатором Йозефом Смирковским, одобрило программное заявление, хотя незадолго до этого, 11 апреля, приняло решение отложить запланированные выборы и продолжало функционировать в старом составе.

Собственный проект федерации был разработан в Братиславе. Президиум СНС на своем заседании 10 апреля подготовил график работ «для обеспечения законодательных работ, вытекающих из Программы действий партии и постановления ПСНС № 38/1968». Окончательный проект должен был быть разработан до 5 мая⁷. 16 апреля формально была создана новая специальная комиссия под руководством профессора Карола Лаца. Ее учредительное заседание прошло на следующий день, 17 апреля⁸. Комиссия отказалась от двухэтапного плана и к концу апреля разработала единый план, который, независимо от позиции чешской стороны, предусматривал создание национальных органов — правительства и парламента — и в чешских землях. Над обоими правительствами и парламентами должны были стоять общие федеральные органы с ограниченными делегированными компетенциями.

6 мая состоялось заседание Комиссии ЦК КПС по подготовке федерации. Было предложено оперативно, до 20 июня, создать центральную комиссию на правительственном уровне для разработки проекта Конституционного закона о федерации. ЦК КПС исходил из того, что конкретный проект организации уже был подготовлен словацкой стороной в результате деятельности рабочей комиссии Президиума КПС, и поэтому целесообразно будет поставить чешских партнеров перед фактом⁹. 15 мая Густав Гусак в качестве вице-премьера представил правительству проект создания Комитета по подготовке федерации. Комитет насчитывал 78 человек¹⁰. Документ был подготовлен им еще в апреле и теперь получил одобрение. Комитет состоял из Конституционно-юридической комиссии для разработки Конституционного закона

⁶ Kural V. Československo roku 1968. Obrodný proces. Praha, 1993. S. 76–77.

⁷ SNA. F. PSNR. K. 162. Zasedání PSNR 10.04.1968.

⁸ Plevza V. Československá štátnost'. S. 251.

⁹ Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu. Dok. 8. S. 57–72.

¹⁰ Pravda, 29.05.1968. Ср.: Plevza V. Československá štátnost'. S. 259–261.

по подготовке федерации и Экономической комиссии. Председателем комитета 21 мая формально был назначен глава кабинета Олдржих Черник. Однако решающее значение имела Конституционно-юридическая комиссия. В ее состав входили председатель и 32 члена, из которых 15 представляли чешские земли, 15 — Словакию и 2 — Моравский край. Председательствовал Густав Гусак. Эта Комиссия и стала ареной главных столкновений по вопросу о федерации.

27 июня 1968 г. на 17-м заседании Словацкого национального совета Комиссия СНС под председательством Ондreja Клокоча приступила к обсуждению отчета Франтишека Барбирека о подготовке федерации. Над соответствующим проектом работали три специальные комиссии СНС (по вопросам государства и права, экономическая и отраслевая) при сотрудничестве с Комиссией по вопросам подготовки федерации при ЦК КПС под руководством Виктора Павленды¹¹.

Чешская сторона предлагала два противоречивших друг другу проекта федерации. Первый, разработанный Зденеком Йичинским и Иржи Гроспичем, предполагал так называемую закрытую, или узкую, федерацию с относительно широкими компетенциями федеральных органов и весьма ограниченным запретом майоризации¹². Вторым, автором которого был Иржи Богушак, — так называемую федерацию свободную¹³.

Словацкая сторона отклонила оба предложения. Первое посчитала недостаточным, поскольку оно давало возможность чешскому большинству «задавить» словацких депутатов. Второе — не подходило по экономическим причинам, т.к. не позволяло осуществить планировавшееся выравнивание уровней экономического развития Словакии и чешских земель.

Президиум ЦК КПЧ обсуждал проекты от 10 июля на своем 87-м заседании 16 июля 1968 г.¹⁴ Была учреждена дополнительно специальная комиссия (А. Дубчек, О. Черник, В. Биляк, Й. Смирковски, Ч. Цисарж, Г. Гусак, О. Клокоч), которая должна была обсудить проблемы с политической точки зрения и предложить Президиуму варианты решений. Экономическая и Конституционно-юридическая комиссии провели совместные заседания 16–19 июля¹⁵. Новый документ, который 22 июля отправили правительству для информации, констатировал, что, по сравнению с предыдущими обсуждениями, было достигнуто согласие в вопросах об ограничении запрета майоризации, учреждении должностей государственных советников в федеральных отраслях

¹¹ SNA. F. SNR. IV. Volební období, 17 zasedání, 27.06.1968.

¹² Использование большинства голосов для отклонения предложений меньшинства. (Прим. редколлегии).

¹³ Резюме всех предложений для председателя правительства Олдржиха Черника см.: AKV ČSFR. Ústav soudobých dějin AV ČR Praha. Sig. C I/54.

¹⁴ Не установлено, присутствовали ли на заседании члены Президиума ЦК КПС, как было запланировано.

¹⁵ Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu. Dok. 29. S. 218.

с исключительной компетенцией и принципом национальной пропорциональности в отношении количества сотрудников. Другие вопросы (например, способ выборов президента) остались в нескольких вариантах¹⁶.

В свою очередь, 26 июля Президиум правительства обсудил вариант, разработанный на основе материалов от 10 июля. Предполагалось создание двухпалатного Федерального собрания — Палаты народа (примерно из 200 депутатов, избираемых пропорционально по всей стране) и Палаты национальностей (около 100 делегатов, избираемых прямыми выборами поровну от каждой из республик, или делегируемых в таком же количестве обоими национальными советами). Обе палаты имели статус равноправных с прерогативой обсуждать все федеральные законы. Президиум правительства отказался от механического применения принципа количественного равенства министров, однако согласился задействовать его в отношении поста государственного секретаря. Количество федеральных министерств предстояло определить дополнительно. Правительственной комиссии поручалось разработать окончательный проект в соответствии с этими принципами¹⁷.

Итоговый документ был готов 7 августа 1968 г. Он включал 22 параграфа. В большинстве случаев спорные пункты были вычеркнуты, причем, как следует из письма Йичинского и Богушака председателю правительства Чернику от 15 августа, такая участь постигла именно альтернативные предложения чешских юристов, в большинстве своем направленные на усиление полномочий федеральных органов¹⁸. В части «С» чешской стороне была сделана значительная уступка в том, что в федеральном правительстве не должен был действовать принцип запрета майоризации (в предыдущем материале от 10 июля о нем также не упоминалось, но словаки первоначально требовали паритета министров, который впоследствии был заменен на «соразмерное представительство»). Основным принцип федерации формулировался в параграфе 5: «Чехословакия состоит из двух равноправных национальных государств — Чешской Социалистической Республики (ЧСР) и Словацкой Социалистической Республики (ССР). В общих интересах они доверяют часть своего суверенитета и вытекающие из него компетенции общему федеральному государству. Суверенитет национальных государств не прекращается и не погашается суверенитетом федерального государства. Суверенитет национальных государств и суверенитет федерального государства существуют и действуют параллельно друг другу»¹⁹. Приведенный материал рассмотрел сначала Президиум ЦК КПС²⁰, а затем Президиум ЦК КПЧ. Это произошло на 92-м заседании 13 августа 1968 г. В постановлении говорилось: «Президиум ЦК КПЧ поручает

¹⁶ Žatkuliak J. Federalizacia československeho štátu. Dok. 30. S. 219–226.

¹⁷ Ibid. Dok. 32. S. 228–229.

¹⁸ Ibid. Dok. 34. S. 246–247.

¹⁹ NAČR. F. ÚV KSČ. 02/1. Sv. 81, a. j. 126, č. j. P 4675. Ср.: Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu. Dok. 33. S. 231–232.

²⁰ Plevza V. Československá štátnosť. S. 326.

доработать внесенный проект согласно замечаниям Комитета по подготовке федерации и вынести на обсуждение Правительству и Чешскому Национальному Совету. Одновременно оформить принципы как политическую директиву для заседания внеочередного XIV съезда, еще перед публикацией обсудить директиву в Президиуме ЦК КПЧ — ответственный товарищ Гусак»²¹. 14 августа проектом занимались правительство, Президиум ЦК Национального фронта, Комиссия по вопросам государства и права Чешского национального совета и Комитет по подготовке федерации²². За два дня до этого, 12 августа, материал обсуждал Президиум СНС²³. Он одобрил его и для обсуждения всех вопросов созвал заседание Словацкого национального совета на 21 августа 1968 г.²⁴

Существование «симметричной модели», как первоначально называлась федерация, обязательно требовало создания аналогичного СНС органа — Чешского национального совета. 24 августа 1968 г. проект Конституционного закона о подготовке федерализации ЧССР был включен в программу 23-го заседания парламента и после кратких обсуждений, касающихся положения Моравии, был одобрен без изменений²⁵. Конституционный закон № 77/1968 СЗ о подготовке федерации в первую очередь обновлял запрет майоризации, отмененный 20 лет тому назад — 16 апреля 1948 г.²⁶ Это означало, что в будущем при принятии конституционных законов государственного и правового характера в сфере отношений между чехами и словаками делегаты от чешских земель должны были голосовать отдельно от посланцев Словакии и что для принятия закона требовалось квалифицированное большинство обеих частей палаты (§ 1). Выполнение задач, связанных с подготовкой федерации, возлагалось на национальные советы (§ 2). Количество членов ЧНС определялось Национальным собранием, которое избирало ЧНС из числа своих депутатов от чешских земель и выдающихся представителей чешского общества (§ 4). СНС также получил право пополнять свой состав выдающимися фигурами словацкой общественной жизни, которые не являлись депутатами СНС (§ 6). Выборы в ЧНС прошли 10 июля. Было избрано 150 депутатов, председателем ЧНС был на его первом заседании избран Честмир Цисарж²⁷.

Успех федерации был немислим без федерализации КПЧ. Это означало, что, с одной стороны, было необходимо преобразовать КПС в относительно самостоятельную партию, а с другой — создать партнера — Коммунистическую партию чешских земель (КПЧЗ).

²¹ NAČR. F. ÚV KSČ, 02/1, 92 zasedání prezidia Ústředního výboru (PÚV) 13.08.1968.

²² *Plevza V. Československá štátnost*. S. 326; Pravda, 16.08.1968.

²³ SNA. F. PSNR. K. 171 — zasadanie predsedníctva Slovenskej Národnej rady 12.08.1968.

²⁴ Ibid. K. 171 — príprava na 18. plenárne zasadanie Slovenskej Národnej rady 21.08.1968.

²⁵ AP ČR. F. AFS, IV Volební období, vydání 185, AFS, TSNS, IV. vol. obd., 14 zasedání, 23 setkání, 24.06.1968.

²⁶ Конституционный закон № 74/1948 СЗ.

²⁷ Ibid, IV. vol. obd., 14 zasedání, 25 setkání, 10.7.1968. О выборах подробнее см.: *Jičínský Zd. Vznik České národní rady v době Pražského jara*. S. 27–29.

Вопрос о КПЧЗ обсуждался на заседании ЦК КПЧ 29 мая — 1 июня 1968 г. В принятом постановлении говорилось об учреждении чешских национальных органов (Чешского национального совета) и одобрялось «создание комиссии партийных органов в чешских землях для разработки принципов партийного строительства в условиях федеративного государства». Комиссия должна была включать представителей всех чешских краевых организаций, по три коммуниста от каждой. Председателем комиссии был назначен секретарь ЦК КПЧ, бескомпромиссный консерватор Алоис Индра²⁸. Практическими вопросами партийного строительства занимались коммунисты — реформаторы Йозеф Шпачек и Мартин Вацулик и политики, объединившиеся вокруг горкома КПЧ в Праге (Богумил Шимон и др.). План федерализации партии был опубликован 10 августа 1968 г. как часть предсъездовской дискуссии о новом уставе партии. Устав, действительно, в определенной мере устранял недемократическую систему так называемого демократического централизма, поскольку позволял меньшинству выносить на обозрение свои убеждения и в будущем допускал сосуществование разных платформ и политических фракций. Это позволяло относительно демократично решать проблему федерализации партии. КПС и КПЧЗ должны были стать автономными территориальными организациями КПЧ с собственными верховными органами. ЦК КПЧ (словацкая версия: ЦК КПЧС) наделялся полномочиями решать определенные вопросы, причем при обсуждении национально-политических вопросов обязательным объявлялся принцип запрета майоризации. Решения, касавшиеся положения дел в республиках, принимали ЦК КПС и ЦК КПЧЗ и их президиумы. Планировалось проведение совместных заседаний обоих президиумов или обоих (чешского и словацкого) ЦК²⁹.

Вопрос создания федерации приобрел совсем другое звучание во время оккупации Чехословакии 21 августа 1968 г. Часть чехословацкого руководства, включая Дубчека и Черника, противоправно вывезенная в СССР и находившаяся там на положении заключенных, была вынуждена фактически капитулировать перед советскими требованиями и подписать так называемый Московский протокол³⁰. Документ обязывал чехословацкую сторону аннулировать факт проведения XIV съезда КПЧ и его решения³¹, узаконить советскую оккупацию и осуществить меры, направленные на постепенное ограничение или же ликвидацию процесса демократизации. Первым этот шаг сделал ранее занимавший реформаторские позиции «отец» федерации Густав Гусак: после возвращения из Москвы он выступил на внеочередном съезде КПС в Братиславе

²⁸ Rudé právo. 31.05.1968.

²⁹ *Jičínský Zd.* Vznik České národní rady v době Pražského jara. S. 52.

³⁰ Текст протоколов см.: *Benčík A.* Operace Dunaj. Vojáci a Pražské jaro 1968. Studie a dokumenty. Praha, 1994. Dok. 20. S. 242–247.

³¹ 22 августа созванный по инициативе Пражского горкома КПЧ на территории завода в Высочанах съезд КПЧ обратился ко всем коммунистическим и рабочим партиям мира с просьбой осудить советское вторжение.

и добился того, что пражский XIV съезд был признан противозаконным³². В этой обстановке подготовка федерации имела, помимо прочего, и замещающее значение. У словаков она должна была создать иллюзию, что хотя бы некоторые из реформаторских требований будут осуществлены, и отвлечь их внимание от политических проблем. После августовской оккупации первым шагом по подготовке федерации явилось прибытие 4 сентября в Братиславу делегации ЧНС во главе с его председателем Честмиром Цисаржем. Гостей встречал председатель Словацкого национального фронта Само Фалтян. Целью поездки было обсуждение состава общих комиссий для тщательного редактирования закона о федерации³³. ЦК КПС одобрил проект принципов Конституционного закона о федерации от 5 сентября 1968 г. и потребовал, чтобы Специальная комиссия как можно быстрее подготовила вариант с параграфами и чтобы закон был принят до 28 октября³⁴. Днем позже проект принципов обсуждал и Национальный фронт Словакии, который внес определенные дополнения³⁵. В тот же день, 6 сентября 1968 г., глава правительства Олдржих Черник сообщил в Президиум ЦК КПЧ, что в интересах внутренней консолидации государства «правительство приняло меры для обновления работы по урегулированию вопросов государства и права и устранения противоречий между чехами и словаками»³⁶. Президиум не возражал в принципе, но настаивал на решении определенных процессуальных вопросов. Чешские реформаторы-коммунисты хотели воспользоваться подготовкой федерации для созыва учредительного съезда КПЧЗ и нового XIV съезда КПЧ с обоснованием, что эти легитимные форумы правомочны одобрить федерацию. Однако посетившая 3–4 октября 1968 г. Москву чехословацкая делегация в составе Дубчека, Черника и Гусака выслушала от недовольного Л. И. Брежнева упреки относительно процесса «нормализации» и категорическое заявление, что о созыве XIV съезда не может быть и речи. Что касается КПЧЗ, то советская сторона также категорически высказалась против и согласилась лишь с созданием Бюро по руководству партийной работой в чешских землях³⁷. Чешский национальный совет выразил свое мнение 18 сентября. Согласившись с оформлением федерации и назначив специальную комиссию, которая должна была обсудить рабочие моменты с соответствующей Комиссией ЧНС, члены Совета, однако, к недовольству словацкой стороны, выступили за «функциональную» (закрытую или узкую) федерацию. Такой подход отражал настроения чешской общественности и предполагал широкие компетенции Палаты народа (ПНр) и Палаты национальностей (ПНц). В случае несогласия словацкой стороны должен был

³² Выступление Гусака см.: SNA. F. ÚV KSS. K. 2072. Fasc. 219.

³³ Pravda. 06.09.1968.

³⁴ Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu. Dok. 37. S. 251–252.

³⁵ Ibid. Dok. 38. S. 252–256.

³⁶ NAČR. F. ÚV KSČ, 02/1, sv. 80, a. j. 125, dodatek III vyhlášky, č. j. P4751/31, bod II/9.

³⁷ Mencl V. a kol. Československo v roce 1968. Počátky normalizace. Praha, 1993. S. 14.

действовать однопалатный парламент, который при необходимости мог разделиться на чешскую и словацкую части.

Стороны договорились, что спорные пункты в проекте федерации должны быть рассмотрены на совместных заседаниях президиумов СНС и ЧНС в Праге 1 октября и в Брно 2 и 3 октября. Однако договориться по всем вопросам не удалось. Оба национальных совета 4 октября продолжили обсуждение проекта по отдельности. Словацкая сторона скрупулезно размышляла над гарантиями против майоризации (запрет майоризации, требование обсуждения всех законов обеими палатами, т. е. и Палатой национальностей с паритетным представительством). ЧНС, наконец, с этим в принципе согласился. Пойдя на создание двухпалатного парламента, чешская сторона рекомендовала куриальную систему выборов в ПНц (от национальных советов), тогда как словацкая сторона выступала с требованием прямых выборов. Кроме этого, ЧНС настаивал, чтобы будущий конституционный закон не включал перечень компетенций федеральных органов: таковые следовало прописать в дополнительно принятом соответствующем законе. СНС, напротив, считал необходимым представить исчерпывающий список непосредственно в конституционном законе. Поскольку обсуждения не дали результатов, оба национальных совета приняли решение отложить спорные вопросы, считать их возможными вариантами решения. «Наладка» должна была осуществиться по ходу конкретной работы парламентских комитетов. 7 октября 1968 г. Клокоч и Цисарж передали проекты председателю Национального собрания Сморковскому. Разумный компромисс оправдал себя: впоследствии комитеты смогли найти приемлемые варианты, и к инициативному проекту обоих национальных советов присоединилось и правительство³⁸.

Заседавшее в Испанском зале Пражского Града Национальное собрание 27 октября 1968 г. одобрило Закон о Чехословацкой Федерации, а 30 октября в Братиславском Граде Конституционный закон № 143/1968 СЗ подписали Свобода, Черник и Сморковский. 1 января 1969 г. на территории ЧССР возникли два государства — Чешская Социалистическая Республика (ЧСР) и Словацкая Социалистическая Республика (ССР), каждая со своим парламентом (Национальным советом) и правительством.

Обе республики делегировали часть свои полномочий общим федеральным органам — Правительству ЧССР и Федеральному собранию, состоящему из двух палат: Палаты народа из 200 депутатов и Палаты национальностей, в которую каждая республика избирала по 75 депутатов. Особенностью Чехословацкой Федерации был так называемый запрет майоризации, т. е. отдельного голосования в чешской и словацкой части Палаты национальностей при принятии всех конституционных законов и решении ограниченного круга других вопросов.

Конституционный закон о Чехословацкой Федерации был компромиссом, который хотя и не был в состоянии полностью и окончательно урегулировать

³⁸ Žatkuliak J. Federalizácia československého štátu. Dok. 42–47. S. 276–329.

чешско-словацкие противоречия, но мог стать хотя бы временным решением. Эффективность его реализации целиком зависела от возможности хотя бы частично отстоять демократические достижения «Пражской весны» 1968 г. Этого, однако, не случилось, поскольку с приходом Густава Гусака на пост первого секретаря ЦК КПЧ 17 апреля 1969 г. был взят жесткий курс против реформаторского движения. Кульминацией явились массовые чистки, развернувшиеся осенью 1969 и весной 1970 г. Были восстановлены система так называемого демократического централизма в партийно-государственной жизни и обязательный государственный план в экономике, что означало безусловное подчинение низших органов государственного аппарата высшим органам и неограниченную власть партийного аппарата над государственным. В декабре 1970 г. внесенным в законодательство дополнением была значительно усилена роль федеральных органов³⁹. Чехословацкая Федерация стала так называемой социалистической федерацией, т. е. федерацией советского типа. Влияние ее на чешско-словацкие отношения было скорее негативным, поскольку чешская сторона считала, что государством управляют словаки Гусак и Биляк (последний родился в бедной русинской семье). Они, однако, не проводили какую-то особую «словацкую» политику и в Словакии были не намного популярнее, чем в Чехии и Моравии. В глазах большинства словаков их деятельность, наоборот, дискредитировала федерацию, поскольку не принесла ожидавшейся децентрализации, и надежды на самостоятельную жизнь в своих национальных границах не сбылись.

---

³⁹ Конституционный закон № 143/1968 СЗ.

СОВЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ЮГОСЛАВСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1968 г. в ЧЕХОСЛОВАКИИ*

Конфликт СССР с Югославией, возникший весной 1948 г. и вызванный отказом Москвы признать некоторую самостоятельность югославского руководства во внешнеполитической области, повлек за собой формирование в Кремле развернутой антиюгославской позиции с идеологическим уклоном. Она включала в себя обвинения КПЮ в ревизии теории и практики марксизма-ленинизма, национализме и троцкизме. Критика вскоре становится персонафицированной, адресованной руководителям КПЮ — самому Тито и его соратникам Александру Ранковичу, Миловану Джиласу и Эдварду Карделю. В Кремле считали их ответственными за негативные изменения в политике Югославии, приведшие к ухудшению отношений с СССР, отказу от следования общей внешнеполитической линии, в то время как основная часть партии продолжала считать ВКП(б) ведущей силой формирующегося «социалистического лагеря». Обострение отношений с СССР, отход от согласованной с ним политики были вызваны, как полагали в Москве, постепенной ревизией верхушкой КПЮ «истинного» марксизма, а также игнорированием принятой в коммунистическом сообществе иерархии отношений между компартиями по принципу «младшего» и «старшего». На июньском (1948 г.) заседании Информбюро все выдвинутые против югославского руководства обвинения были поддержаны другими компартиями-участницами. «Здоровым силам» внутри КПЮ было предложено сменить «ревизионистское руководство», которое, в свою очередь, на прошедшем спустя две недели V съезде КПЮ отвергло все предъявленные обвинения и призвало всех членов партии еще теснее сплотиться вокруг ее ядра.

Осень 1948 г., по мере нарастания советского пропагандистского давления, становится временем постепенной переоценки в Белграде сталинской внутренней и внешней политики. Процесс этот проходил в несколько этапов и был тесно связан с попытками Кремля подорвать единство правящей группы в КПЮ, изолировать Тито и найти альтернативную фигуру на роль лидера партии. На темпы переосмысления югославами сталинской теории и практики сильное

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ. Грант № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

влияние оказывало внутреннее состояние партии, а именно неподготовленность основной партийной массы к резкой смене курса в отношении ВКП(б) и отказу от привычных идеологических установок. Испытывая на этот счет серьезные опасения, югославские лидеры остерегались до поры до времени открыто критиковать советскую систему, считали необходимым разъяснять суть конфликта, блокируя, таким образом, настроения в пользу примирения с Москвой любыми средствами. По этой причине дискуссия о том, с чего, в какой форме и в каких масштабах следует начинать разработку собственного варианта социализма, отличного от сталинского, проходила поначалу в узком кругу югославского руководства. В то же время развертывание кампании против КПЮ в других странах «народной демократии», начало там разоблачительных акций, а затем и судебные приговоры против «титоистов», наряду с ужесточением политики Кремля, подстегивали процесс поиска югославским руководством альтернативы сталинизму. Во второй половине 1949 г. начинается теоретическая подготовка к введению новой системы управления госпредприятиями, а в конце года эта идея получает законодательное оформление. Главные теоретики реформы Борис Кидрич, Кардель, Джилас, Моше Пьяде, приступая к ее разработке, исходили из установок Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной формации. Прерогативой рабочих коллективов стало создание советов, которым государство предоставляло право самостоятельно управлять предприятиями¹. Это были первые шаги на пути формирования югославской модели самоуправления, превратившиеся в отличительную черту общественного устройства Югославии. Постепенно меняется и внешнеполитическая ориентация страны: начинается нормализация отношений с соседними Грецией и Италией и появляются первые признаки активизации связей с США и их союзниками, которые начинают осознавать политическую и стратегическую важность советско-югославского конфликта². Все эти моменты внимательно отслеживались советской стороной и интерпретировались как подтверждение ранее выдвинутых обвинений югославам в ревизионизме и предательстве социализма, готовности идти на союз с «империалистами». Аналитики в ЦК ВКП(б), используя подобные клише, постепенно формируют крайне негативный образ югославского руководства и проводимой им внутренней и внешней политики. Напомню, что еще до конфликта отдельные отрицательные характеристики содержались в записках по Югославии, подготовленных аппаратом ЦК. Так, в частности в записке Отдела внешней политики ЦК (август 1947 г.) политика Белграда в отношении Триеста³ оценивалась как

¹ АЖ. КМЈ. II-3-a-2/34; Radnički saveti I upravni odbori privrednih preduzeća. Beograd, 1957.

² Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 207–232.

³ Подробнее см.: Сальков А. П. СССР в дипломатической борьбе за регулирование югославо-итальянского конфликта вокруг Юлийской Крайны и Триеста (июль 1945 – июль 1946) // Российские и славянские исследования. Сборник научных статей. Вып. 5 / отв. ред.

игнорирующая «общие интересы демократических сил в борьбе с англо-американцами в этом вопросе». Критику ЦК вызывали и отношения с Албанией, попытки югославов заставить албанцев поддерживать контакты с СССР исключительно через Белград⁴. Естественно, что часть этих претензий, но уже в более резкой формулировке и с идеологическими ярлыками вошла в перечень развернутых антиюгославских обвинений, начиная с бухарестской резолюции Информбюро 1948 г. Интересно, что уже в этом документе советское руководство злорадно предрекало югославам скорую перспективу подчинения страны «англо-американским империалистам»⁵.

Начало 1950-х гг. было отмечено дальнейшим ухудшением отношений между Югославией и СССР. Югославское руководство продолжило реорганизацию экономики и под давлением США приступило к частичной либерализации общественной жизни, но под строгим партийным контролем. Сталинская модель социализма, ее теоретические основы подвергались переосмыслению, переоценке и системной критике на всех уровнях⁶. Советская система при этом именовалась бюрократической, что напоминало о ее критике в работах Троцкого, в частности в «Преданной революции», опубликованной во Франции еще в 1936 г. и переведенной на многие иностранные языки. Советское посольство в Белграде отмечало весной 1951 г. факт «массированных атак» на «Краткий курс истории ВКП(б)» и лично на Сталина. Агташе посольства А. А. Ханов, сообщая в своих донесениях о ситуации в Югославии, указывал на «наглое и циничное умаление заслуг товарища И. В. Сталина в области теории марксизма»⁷. Комментируя решение правительства об отмене продовольственных карточек на некоторые виды товаров, называемой югославами «деэатизацией» экономики, советский дипломат отмечал, что «титовцы не скрывают лозунги и принципы, характерные для буржуазных теоретиков (свободу частной собственности и т. д.)». Справку посольства о торговых отношениях Югославии с западными странами в 1950 г. ее автор начинал с того, что будапештская резолюция Информбюро 1949 г. правильно определяла положение Югославии: страна, «превращенная кликой Тито в фашистское полицейское государство, потеряла

О. А. Яновский. Минск, 2010. С. 18–39; *Он же*. СССР и урегулирование национально-территориальной проблемы Юлийской Краины и Триеста (июль 1946 — октябрь 1954 г.) // Российские и славянские исследования. Вып. 6 / отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. Минск, 2011. С. 66–83.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 томах / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 708.

⁵ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред. Г. М. Адибеков и др. М., 1998. С. 460.

⁶ Развернутую критику советской системы содержала, в частности, предвыборная речь Джиласа (предстояли выборы в Народную скупщину) перед белградскими студентами 18 марта 1950 г. (Предизборни говори другова Тита, Карделя, Ранковића, Диласа, Кидрича, Пијаде и Нешковића. Београд, 1950. С. 110–126); а также подготовительные материалы к VI съезду КПЮ (СКЮ) (АЈ. КРР. II-3-а-1/3, 1/8. Письма Э. Карделя Й. Броз-Тито).

⁷ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 12. Л. 43.

свою государственную независимость и стала добычей англо-американского империализма». Подобный клишированный образ Югославии, которая по воле «титоистов» якобы оказалась после разрыва с Москвой марионеткой в руках Запада, сохранялся долгие годы и стал пересматриваться частично только после смерти Сталина, когда в Кремле было принято решение о нормализации отношений с Белградом⁸. Анализируя югославские реалии, советская сторона долго не признавала действовавшую в стране модель социалистической, считала, что Югославия за годы отчуждения от «социалистического лагеря» превратилась в капиталистическое государство. Так, в начале нормализации двусторонних отношений в адресованной В. М. Молотову записке заведующего IV Европейским отделом МИД М. В. Зимянина от 27 мая 1953 г. «О положении дел в Югославии и о ее внешней политике» внутренняя политика «клики Тито» после разрыва с СССР характеризовалась по-старому, как «реставрация капиталистических порядков в стране», «ликвидация всех демократических завоеваний югославского народа», «фашизация государственного аппарата и армии». Расширение экономических и политических связей с США и Англией, подчеркивал автор, привело страну «к прямой зависимости от них, к вовлечению ее в агрессивные блоки, сколачиваемые англо-американскими империалистами». Переименование КПЮ в СКЮ, исключение из нового устава основных положений, связывавших прежний устав с Уставом ВКП(б), и изменение ее роли в обществе автор записки рассматривал как утрату югославской компартией классового характера (КПЮ «ликвидирована как партия рабочего класса»), о чем в последующие годы Кремль постоянно пытался дискутировать с югославами. Вместе с тем традиционная советская антиюгославская риторика постепенно уступала место новому лексикону, хотя в нем еще отражалось сомнение в социалистическом характере югославского общества. В указанной записке Зимянина отмечалось, что югославское руководство в своих выступлениях, сохраняя антисоветский курс, в последнее время становится сдержаннее, «несколько умерило свой пыл». Перечисляя важные задачи советской политики, дипломат подчеркнул необходимость тщательного изучения изменений, происходящих в Югославии и в ее внешней политике, содействия ослаблению западного влияния в стране и предотвращению создания стратегического плацдарма антисоветской направленности на Балканах⁹. О стойком предубеждении к действиям югославских руководителей и подозрительности к ним как к реальным носителям власти свидетельствовала еще одна справка, составленная в МИД в конце 1953 г. Касаясь вопроса нормализации югославских отношений

⁸ Советские оценки югославских реалий и их динамика тщательно проанализированы в: Едемский А. Б. Эволюция подходов советского руководства к югославской модели самоуправления. 1950-е – начало 1960-х гг. // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А. С. Аникеев. М., 2020. С. 141–160.

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. 1949–1953 гг. М., 1998. С. 906, 908, 913.

со своими восточными соседями, ее автор — Б. Яковлев считал, что югославское руководство, прикидываясь другом и защитником этих стран, преследует цель подорвать доверие их народов к СССР и, действуя выборочно, «пытается внести раскол в ряды демократического лагеря»¹⁰. С момента появления этой записки тема опасного для социалистического блока югославского вмешательства в отношения стран «народной демократии» с СССР становится обязательной составляющей всех последующих советских политических документов. Югославия рассматривается как своего рода «троянский конь» западного империализма, разоблачение политики которого становится основной задачей ВКП(б) и других «братских» компартий.

Общий тон изложения югославской политики и ее характеристики почти не меняются и год спустя. Весной 1954 г. в очередной записке, подготовленной в МИД, говорится о том, что Белград при помощи американцев готовит агрессию против СССР и стран «народной демократии». Возможно, что, помимо прочих факторов, авторы учитывали и личное неприятие Молотовым произошедших в Югославии перемен. Отсюда и жесткость формулировок. Советской дипломатии предлагалось занять активную позицию в вопросе нормализации, постараться, как и в начальной фазе конфликта, изолировать «титовцев» в югославском руководстве и оказать «известную морально-политическую поддержку подлинно революционным и демократическим элементам, борющимся против режима Тито в Югославии»¹¹. Отвечая на подобные установки, Тито заявил на 4-м пленуме ЦК СКЮ, что «восток» напрасно ожидает раскаяния и «возвращения» югославов: «Могу заявить во весь голос, что он ошибается и что мы этого никогда не сделаем»¹². Следует отметить, что такой модус взаимоотношений — надежда Москвы на возвращение Югославии в «дружную семью» «народных демократий» и ответ Белграда, что этого никогда не будет, — сохранялся с того времени на протяжении всего периода существования ВКП(б)/КПСС и СКЮ, Югославии и Советского Союза.

Состоявшийся в июне 1955 г. визит Н.С. Хрущёва в Югославию и восстановление межгосударственных отношений не стали завершением дискуссии в Кремле о том, какой же общественный строй установлен в этой стране. В июле того же года на пленуме ЦК, где подводились итоги визита, Молотов отрицал наличие серьезной базы для нормализации межпартийных связей и утверждал, что с Югославией надо налаживать отношения как с обычным буржуазным государством, а «беспринципное примирение приведет к размыванию социалистического лагеря». По его мнению, уступки Белграду в идеологической сфере означали бы отход от ленинских принципов и подвергли бы сомнению необходимость иметь единый для всего коммунистического движения центр¹³. Однако

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 57.

¹¹ Там же. П. 157. Д. 6. Л. 39.

¹² Там же. П. 159. Д. 23. Л. 89.

¹³ Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 161.

в докладе Хрущёва содержались иные оценки ситуации в Югославии. Сообщая о впечатлении, которое произвело на советскую делегацию знакомство с социально-экономической жизнью Югославии, Хрущёв отметил, что в стране сохранилась общественная собственность во всех сферах экономики и финансов, не была осуществлена денационализация промышленности, ранее национализированная собственность не возвращена иностранным владельцам. Удельный вес частного сектора, представленного кустарным производством и мелкими торговцами, не превышает 10%. Вместе с тем вопрос «кто кого» в югославской деревне, где доминирует мелкотоварный сектор, как отмечалось в докладе, «далеко не решен». Что касается реформ югославской экономики и методов управления ею, то, по сообщению Хрущёва, делегаты решили не высказывать во время визита никаких критических замечаний. Не получили развернутых комментариев эти вопросы и в докладе советского руководителя на пленуме. В целом, констатируя, что «основные средства производства являются общественными, а государственная власть находится в руках рабочего класса и трудящегося крестьянства», Хрущёв озвучил главный вывод: «По экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа»¹⁴. Видимо, детальный анализ всех происходивших в этой сфере процессов еще предстояло сделать.

Гораздо подробнее в докладе были освещены проблемы идеологии. Отмечалось, что «в рассуждениях некоторых югославских руководителей о каком-то особом, югославском, социализме очень много наносного, чуждого», и не исключено, что сами они «на деле даже порвали с марксизмом-ленинизмом». Хрущёв попытался противопоставить взгляды Тито, который, по его мнению, в последнее время сделал ряд правильных заявлений о ведущей роли партии в обществе и необходимости для коммунистов руководствоваться идеями марксизма, и Карделя, в наибольшей степени отягощенного «грузом реформистских влияний»¹⁵. Резкое неприятие кремлевских бюстителей идеологической чистоты марксизма вызывал факт превращения СКЮ в одну из общественных организаций, задачей которой становилась культурно-воспитательная работа. Фактическое отрицание одного из основных постулатов марксизма-ленинизма — о руководящей роли партии в обществе — в глазах Москвы приравнивалось к потере югославскими коммунистами своего «лица». Хрущёв подчеркнул, что, с точки зрения теории, говорить о каком-либо особом югославском социализме нет никаких оснований, поскольку «марксисты-ленинцы должны исходить из общих принципов социализма, провозглашенных основоположниками научного коммунизма»¹⁶. Безапелляционно и в довольно грубой форме оратор попытался объяснить поиски югославскими коммунистами своего

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 64; Југославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР. 1946–1980 // АЈ, Милошевић Миладин. Т. 1. 1946–1964. Београд, 2014. С. 182–183.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 190–191.

особого пути к социализму влиянием и привычкой к подачкам и поощрениям со стороны врагов, «поддержкой империалистов», для которых они являются «очень удобным орудием в борьбе против рабочего класса, против интернационализма, против коммунизма»¹⁷. Считая, что в сложившейся обстановке нельзя пускать события на самотек, Хрущёв указал в докладе на «священную обязанность» ВКП(б) помочь югославским товарищам освободиться от влияния «империалистического лагеря», «хорошенько разобраться в создавшейся обстановке» и вернуться на позиции марксизма-ленинизма. Подчеркивалось, что советские коммунисты должны активно воздействовать на югославских товарищей, «толкать их на правильный путь»¹⁸.

Доклад Хрущёва не оставлял никаких иллюзий: советская партийная верхушка не могла допустить каких-либо экспериментов в идеологической сфере, считая себя единственной толковательницей марксизма. Именно поэтому в связи с сохранявшимися идеологическими разногласиями решение вопроса о восстановлении межпартийных отношений ВКП(б) и СКЮ откладывалось на ближайшую перспективу. Позже, осенью 1955 г., А. И. Микоян, разбирая вместе с Тито неверную, с точки зрения советских идеологов, теоретическую статью видного функционера СКЮ Велько Влаховича о социалистической системе¹⁹, указал, что Кремль не претендует на монополию в сфере идеологии, но другие партии прислушиваются к мнению ВКП(б) как самой старой компартии с большим опытом²⁰.

Установки июльского (1955 г.) пленума ЦК ВКП(б), согласно которым СКЮ якобы не сможет самостоятельно найти верный путь к аутентичному марксизму и справиться с тлетворным влиянием Запада, стали основополагающими на долгие годы, наиболее бескомпромиссно проявились в годы правления Хрущёва и были продолжены при Брежневе. Патерналистская позиция советской стороны постоянно встречала отпор югославских коммунистов, лично Тито, который предлагал «москвичам» оставить свои советы и поучения, ибо давление в этом направлении было чревато еще большим отходом югославов от Москвы.

---

¹⁷ Југославија — СССР. С. 192.

¹⁸ Там же. С. 193.

¹⁹ Имеется в виду опубликованная в теоретическом органе СКЮ журнале «Комунист» (№ 6–7 за 1955 г.) статья «О формах сотрудничества социалистических сил», в которой был открыто поднят вопрос о судьбе Коминформа — структуры, пытавшейся оживить и навязать компартиям порочные методы централизации, свойственные Коминтерну. Подчеркнув «нелогичность и невозможность оживления старых форм в нынешних условиях», оценок современной ситуации «сквозь старые очки», Влахович предлагал в качестве альтернативы использовать «противоречащий любым коминформовским шаблонам» югославский опыт сотрудничества с самым широким спектром сил, выступающих за социализм. (*Прим. редколлегии*).

²⁰ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. / гл. редакторы М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. Т. 1. 1946–1964. М., 2014. С. 640.

Охлаждение во взаимных отношениях после венгерских событий 1956 г., а затем неприятие «ревизионистской» новой программы СКЮ в 1958 г. определялись именно непреклонной верой Хрущёва в возможность вернуть Югославию в советский лагерь путем постоянного «активного давления»²¹.

События в Чехословакии весной 1968 г., где новое руководство компартии поставило задачу сменить идеологическую платформу, отказаться от тоталитарной и разработать гуманистическую модель социализма, вызвали серьезную озабоченность в Москве. Идеи «Пражской весны» не вписывались в представления Кремля о функционировании социалистического общества, месте и роли в нем коммунистической партии. В Москве опасались утраты социалистических завоеваний, чего советское руководство не могло допустить. Предлагаемая коммунистами-реформаторами либеральная программа развития чехословацкого общества с целью придания социализму человеческого измерения явилась бы, как считали в Москве, началом распада советского лагеря. В конце апреля 1968 г. советское руководство пригласило Тито, который возвращался из поездки в Иран, Монголию и Японию, заехать в Москву для консультаций²². В ходе незапланированного визита югославам пытались внушить советское понимание происходивших в Чехословакии событий, акцентируя внимание на возможности цепной реакции, в которую могла быть втянута и Югославия. В высказываниях и репликах Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина, других членов Политбюро ситуация в стране характеризовалась как крайне напряженная: партия практически не владеет обстановкой, идет на уступки «антисоциалистическим силам», которые активно действуют в СМИ и обществе. Досталось и гостю: Косыгин упрекал ЦК СКЮ за отсутствие контроля над своими средствами информации, оказывающими поддержку событиям в Чехословакии, что признает и сама чехословацкая пресса²³. Тито, со своей стороны, возвращаясь к главному вопросу, выражал уверенность в том, что, несмотря на наличие в стране значительных антисоциалистических сил, новое руководство КПЧ сумеет справиться с возникшими трудностями. Он подчеркнул, что знает Дубчека как хорошего человека и коммуниста, которого сейчас очень важно поддержать. Брежнев, высказывая точку зрения советского руководства, сообщил, что чехословацкие коммунисты собираются реализовать «новую модель социализма», суть которой, как добавил Косыгин, заключается в утверждении «западной буржуазной демократии». Тито выразил уверенность, что чехословацкая компартия не допустит серьезных внутривнутриполитических изменений в стране, а рабочие не будут безучастными наблюдателями разворачивающихся событий²⁴.

²¹ Подробнее см.: *Dimić L. Jugoslavija i hladni rat. Ogledi o spolnoj politici Josipa Broza Tita (1944–1974)*. Beograd, 2014. S. 188–275.

²² Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 2. 1964–1980. М., 2017. С. 794.

²³ Там же. С. 223.

²⁴ Там же. С. 220

В Москве уже готовились к возможному военному вторжению в Чехословакию в случае неуспеха решения проблемы политическим путем. Брежнев убеждал Тито, что не следует бояться слова «вмешательство», поскольку «пролетарским интернационалистам» «небезразличны судьбы социализма в других странах»²⁵.

Встреча показала, что югославское руководство по основным вопросам было солидарно с позицией Кремля: нельзя допустить утраты главных социалистических завоеваний — монополии компартии на власть и общественной собственности на средства производства. Однако в отличие от советской стороны оно готово было, до этих пределов, поддерживать реформаторские искания команды Дубчека. (Напомним, что сходную позицию руководство СКЮ занимало и во время революции 1956 г. в Венгрии²⁶.)

После московских переговоров, несмотря на прозвучавшие резкие замечания в свой адрес, равнозначные прямым обвинениям в симпатиях к реформаторским силам в Чехословакии, Тито и его окружение не отказались от дальнейших контактов с чехословацкими коммунистами и поддержки их политики. В ходе визита в ЧССР в мае 1968 г. министр иностранных дел СФРЮ Марко Никезич озвучил перед чешским коллегой Иржи Гаеком уверенность своего правительства, что происходящие в Чехословакии процессы будут способствовать укреплению ее внутреннего и международного положения и что чехословацкое руководство способно эффективно разрешить стоящие перед страной проблемы²⁷. Учитывая, что летом 1968 г. Москва пыталась консолидировать страны «социалистического лагеря» на основе идеи приостановки любыми средствами развивавшихся в Чехословакии процессов, указанная выше позиция Белграда и его активность вызывали раздражение советской стороны. В начале июля всем европейским компартиям была разослана очередная информация о ситуации в Чехословакии. Югославское руководство в ответном письме призвало не драматизировать отдельные негативные явления в стране и предупредило, что любые политические акции извне, которые можно было бы рассматривать как попытки воздействовать на КПЧ или ограничить суверенитет ЧССР, могут лишь усилить влияние реакционных сил. Тито, находившийся в то время в Египте, в интервью крупнейшей ежедневной газете «Аль-Ахрам» 12 июля отметил: он не верит, что в СССР есть недалёковидные люди, готовые прибегнуть к силе для решения внутренних проблем в Чехословакии²⁸. Вскоре Миялко Тодорович, второй человек в югославской партийной иерархии, через посла

²⁵ Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 2. С. 652, 223.

²⁶ Подробнее см.: *Едемский А.Б.* Был ли тайный стговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова (1930–2005). М., 2010. С. 349–370.

²⁷ *Tričković D.* Jugoslavija — SSSR. 1956–1971. Beograd, 2013. S. 217.

²⁸ *Едемский А.Б.* Советско-чехословацкие отношения в оценке югославского руководства. Январь — июнь 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 252.

ЧССР в СФРЮ Л. Шимовича передал послание чехословацкому руководству, в котором говорилось о несогласии с советской позицией по Чехословакии и о поддержке группы Александра Дубчека. Советская реакция на югославские заявления была довольно острой: 17 июля Брежнев на заседании ЦК КПСС заявил, что югославское руководство поощряет активные действия правых сил в Чехословакии²⁹. Вернувшийся в Москву в конце июля югославский посол Добривое Видич готовился выполнить поручение Тито — подтвердить югославскую позицию, изложенную в конце апреля в Кремле, однако не смог получить аудиенцию у секретаря ЦК КПСС К. Ф. Катушева. Принявший его член ЦК Ф. Д. Кулаков, сообщив о своем разочаровании в Дубчеке, подчеркнул, что Чехословакией управляют сионисты, желающие восстановления в стране западной общественной модели³⁰.

Допуская возможность вторжения в Чехословакию армий стран Варшавского договора, Тито все-таки надеялся, что это не произойдет. Последнюю попытку скорректировать курс чехословацких коммунистов он предпринял 10–11 августа, когда в составе делегации в течение двух дней вел в Праге соответствующие беседы с руководством КПЧ. Югославский лидер пытался убедить чехословацких руководителей принять решительные меры против оппозиционных и антисоциалистических сил, блокировать их планы введения многопартийной системы в стране, подчеркивал важность сохранения решающей роли компартии, борьбы с провокаторами и хулиганами, выходящими на улицы с антисоциалистическими лозунгами³¹. Югославская делегация изложила свою точку зрения по вопросу о праве каждой социалистической страны на собственный путь развития, отвечающий их специфическим условиям, при обязательном условии, что такой выбор не должен вести к ухудшению отношений с СССР и социалистическими странами³². Для Тито было важно в эти критические дни сообщить советскому руководству о результатах переговоров в Праге. Член делегации Тодорович, беседа 14 августа в Белграде с советским послом И. А. Бенедиктовым, постарался убедить советского дипломата в том, что руководство КПЧ во главе с Дубчеком контролирует ситуацию и добилось, несмотря на активность экстремистских мелкобуржуазных сил, единства значительной части населения, а правительство стало объединяющим национальным центром. Тодорович отметил, что в ходе визита в ЧССР югославы действовали в соответствии с тем планом, который был согласован во время апрельской встречи Тито с советским руководством в Москве и преследовал цель создать условия для консолидации чехословацкого общества. Посол, возражая Тодоровичу, указал на усиление антисоциалистических сил, которые находятся «под влиянием зарубежных центров и последовательно проводят

²⁹ Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 281.

³⁰ *Tričković D.* Jugoslavija — SSSR. 1956–1971. S. 221.

³¹ *Ibid.* S. 222.

³² *Ibid.* S. 223–224.

политику отстранения коммунистов от власти и возврата к буржуазной демократии и капиталистическому порядку»³³.

Спустя неделю, 21 августа, войска пяти социалистических стран вступили в Чехословакию. Интервенция была встречена в Югославии с возмущением. В тот же день последовали заявление Тито и сообщение Президиума и Исполкома СКЮ, осуждающие вторжение, а 22 августа — заявление Союзного исполнительного веча (правительства). 22 августа в Белграде состоялся митинг солидарности с Чехословакией, на котором выступил Тодорович. В стране прошли многочисленные протестные манифестации с участием партийных функционеров разного уровня. Вполне предсказуемая реакция югославов сопровождалась реанимированием старой темы защиты независимости и суверенитета Югославии. Об этом говорил, в частности, Тито, выступая на заседании Президиума СКЮ. Как и 20 лет назад, в 1948 г., руководство страны было серьезно озабочено возможностью интервенции со стороны отдельных соседних стран «народной демократии», в частности Болгарии. Москва отреагировала быстро и резко. Запросивший о срочной встрече с Тито посол Бенедиктов 30 августа был принят в резиденции югославского президента, где присутствовал Тодорович. Посол, читая текст в своем блокноте, начал с осуждения недружественной позиции Югославии и антисоветской пропагандистской кампании в СМИ, направленной против «помощи» СССР, Польши, ГДР, Болгарии и Венгрии социалистическому общественному строю в ЧССР. Тито прервал посла оставшимся без ответа вопросом: «Они оказали помощь? Какую помощь?» Бенедиктов продолжил изложение причин, которые привели к решению о вводе войск, отметив, среди прочего, что речь шла о «крупном заговоре международной реакции против социализма в Чехословакии и социализма в целом». В основе советского заявления лежало обвинение Югославии в солидарности и поддержке антисоциалистических сил в Чехословакии. Тито назвал обвинение лживым, подчеркнув, что югославское руководство оказывало поддержку КПЧ и рабочему классу Чехословакии³⁴. Посол в своем обширном изложении сравнил «антисоветскую» позицию Югославии с позицией «империалистических стран, ведущих войну против вьетнамского народа», и подчеркнул, что последствия такой политики ложатся на Югославию и «могут пагубно отразиться на советско-югославских отношениях». В заключение он сообщил, что, доведя текст заявления до сведения югославов, выполнил распоряжение ЦК КПСС³⁵. Возмущенный Тито не выбирал выражений, характеризуя сказанное послом как «тошнотворную ложь», и, в свою очередь, подверг жесткой критике политику Москвы и ее сателлитов в чехословацком вопросе. По его словам, человеку в здравом уме не понять, как можно было решиться на такой страшный шаг, представляющий прямую атаку на интересы социализма, шаг,

³³ Ibid. S. 224.

³⁴ Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 2. С. 232.

³⁵ Там же. С. 234.

который будет иметь далеко идущие негативные последствия. Он сравнил нападки на Югославию с событиями 1948 г., подчеркнув, что происходящее сейчас еще хуже. Тито отметил, что Москва послушалась плохих советчиков, таких как Ульбрихт и Живков, преследующих собственные интересы. Он напомнил также, что неоднократно предупреждал советское руководство о необходимости разрядить обстановку в Чехословакии только политическими методами, исключая силовой вариант³⁶. По словам Тито, ввод иностранных войск без приглашения конституционных и выборных органов страны явился незаконным военным вмешательством и тем самым ужасной ошибкой, которую нелегко исправить. Он напомнил советскому послу, что у югославских коммунистов есть собственная, базирующаяся на началах марксизма-ленинизма концепция социализма, которую они никому не навязывают, но от которой никогда не отступят³⁷. Подтверждением бескомпромиссной позиции Белграда в деле защиты своих национальных интересов прозвучали заключительные слова Тито, что стоящие перед его страной проблемы югославские коммунисты решат сами и не допустят чьего-либо вмешательства со стороны³⁸.

Советский ответ на позицию югославов был дан уже в конце октября. Это были инструкции для широкого круга советских министерств, ведомств, культурных и общественных организаций о том, как следует вести дела с Югославией в новых условиях и реагировать на всю поступающую из страны информацию. Рекомендации были перечислены в составленной в недрах отделов ЦК записке, которая была оформлена в виде постановления Политбюро ЦК КПСС от 23 октября 1968 г. «О некоторых вопросах советско-югославского сотрудничества» и имела гриф «строго секретно». Десять пунктов документа отражали истинный характер отношения Кремля к Югославии, в котором доминирующим был инструментальный подход, стремление использовать завоеванные страной влияние и престиж в мировом социалистическом и рабочем движении и афро-азиатском мире в своих интересах, получать аналитическую информацию о происходящих там процессах. В области идеологии задачи формулировались с учетом негативного отношения Югославии к августовской интервенции: предписывалось еще больше ужесточить контроль за любыми контактами Праги с Белградом, подвергать цензуре всю культурно-идеологическую продукцию, поступающую в СССР из Югославии. Часть рекомендаций, которые носили ограничительный, санкционный характер, охватывала и другие сферы взаимоотношений между двумя странами. Так, в первом пункте говорилось о необходимости не проявлять инициативы в вопросе обмена партийными делегациями и отложить ранее согласованное решение о передаче югославской стороне копий документов о деятельности КПЮ из фондов Коминтерна. Министерству иностранных дел следовало продолжать работу, направленную на оказание

---

³⁶ Там же. С. 236.

³⁷ Там же. С. 237.

³⁸ Там же. С. 240.

«выгодного для социалистических стран влияния на внешнеполитический курс СФРЮ», «добиваться поддержки с ее стороны мероприятий СССР по тем международным вопросам, по которым позиции обеих стран остаются близкими». Советским посольствам было рекомендовано содействовать «нейтрализации подрывной, антисоветской деятельности югославских представителей в третьих странах и международных организациях»³⁹. В сфере взаимного экономического и военного сотрудничества желательным было, сохраняя достигнутый уровень связей, не проявлять новых инициатив и решать все вопросы в зависимости от дальнейшего развития советско-югославских отношений. Туристический и культурный обмен также ставился под усиленный партийный контроль: выезжающие в Югославию группы должны были тщательно подбираться и проходить особый инструктаж, а поездку каждой делегации следовало использовать для усиления советского влияния в стране⁴⁰. Главному управлению по охране государственных тайн при Совете министров СССР предписывалось усилить контроль за содержанием поступающих из Югославии по подписке и в розничную продажу периодических изданий. В первую очередь следовало пресекать появление на советском рынке печатной продукции «материалов с извращенными оценками советской действительности, внешней политики СССР». Таковые подлежали немедленному изъятию из распространения. Редакция партийных газет и журналов рекомендовалось публиковать статьи о югославской действительности, вскрывая отрицательные тенденции, проявляющиеся в ходе проведения в стране экономической и общественной реформы и реорганизации СКЮ, разоблачая югославские концепции роли партии и государства в строительстве социализма, экономическую политику югославской компартии, внеблоковую внешнюю политику СФРЮ и «в целом, миф о преимуществах “особого”, так называемого “югославского пути к социализму”». Особое внимание Кремля к югославской модели строительства социализма в сложной ситуации 1968 г., подчеркиваемая необходимость ее постоянной критики свидетельствовали о признании опасности ее возможного влияния на другие страны советского блока, особенно нежелательного в кризисный период.

Таким образом, постановление Политбюро ЦК КПСС от 23 октября 1968 г. свидетельствовало, что и через двадцать лет после появления бухарестской резолюции Информбюро (июнь 1948 г.) югославский социализм оставался для советских идеологов и политиков ревизионистским проектом, отношение к которому обуславливалось необходимостью решения задач собственной политики. Новые установки Москвы по разным каналам дошли до Белграда и стали дополнительным стимулом для ускоренного проведения социально-экономических реформ и придания большей динамичности югославской политике неприсоединения⁴¹.

---

³⁹ Встречи и переговоры на высшем уровне. Т. 2. С. 799.

⁴⁰ Там же. С. 800.

⁴¹ Димич Л., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. С. 293–295.

Андрей Борисович Едемский

БЕЛГРАД И МОСКВА НА ГРАНИ ОЧЕРЕДНОГО КОНФЛИКТА: ТИТО ПРОТИВ БРЕЖНЕВА В 1968 г.

Советско-югославские отношения, серьезно осложнившиеся в результате резко отрицательной реакции югославского руководства на интервенцию в Чехословакию вооруженных сил стран — участниц Варшавского договора в конце августа 1968 г., не раз привлекали к себе внимание исследователей. В последние десятилетия появились работы историков, занимавшихся их изучением на основе архивных документов, преимущественно югославских и чехословацких¹. Сделано уже немало, тем не менее лакуны в истории взаимоотношений Белграда и Москвы во второй половине 1968 г. остаются, и для их заполнения необходимо тщательное изучение советских документов и синтез полученных новых знаний с результатами предыдущих исследований.

Уже весной 1968 г. вопрос о векторе и перспективах начатых в Чехословакии реформ превратился в основной в официальных отношениях Белграда и Москвы. Именно он стал причиной заранее не запланированных консультаций лидеров двух стран, состоявшихся в конце длительного турне Й. Броз Тито по азиатским странам в апреле. И внимательное прочтение, и формальная «статистика» (в записи беседы от 29 апреля чехословацким сюжетам посвящено

---

¹ Прежде всего назовем фундаментальную монографию Я. Пеликана «Югославия и Пражская весна» (*Pelikán J. Jugoslávie a Pražské jaro. Praha, 2008. S. 161–272.*), которая, несмотря на свое название, во многом посвящена советско-югославским отношениям, и монографию Дж. Трипковича, написанную на основе югославских архивных документов (*Tripković Đ. Jugoslavija — SSSR. 1956–1971. Beograd, 2013. S. 212–250.*). Указанная проблема поднималась также сербскими и хорватскими исследователями (см. подробнее: *Богетић Д. Југословенско-совјетски односи у светлу војне интервенције у Чехословачкој 1968 године // 1968 — четрдесет година после. Зборник радова / гл. и отг. уред. Р. Радић. Београд, 2008. С. 129–162; Димић Љ. Година 1968 — исходиште нове југословенске спољнополитичке оријентације // 1968 — четрдесет година после. С. 339–378; Класић Н. Unutrašnopolitičke i vanjskopolitičke aktivnosti Jugoslavije nakon intervencije Varšavskog pakta u Čehoslovačkoj 1968 godine // 1968 — четрдесет година после. С. 519–548). Результаты первой в российской историографии попытки синтеза некоторых советских документов и достижений сербских историков см. в: *Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М., 2015. С. 283–294, 298–300; Он же. Советско-югославские отношения в конце 1968 — 1969 гг. // Славяноведение. 2018. № 3. С. 44–45.**

более трети ее объема²) подтверждают это. Новый разлом в отношениях лидеров двух стран произошел именно тогда. Обеим сторонам потребовалось приложить немало усилий для того, чтобы этот, казалось бы, периферийный вопрос двусторонних отношений не превратился в запал очередного взрыва, способного развалить тщательно сбалансированную конструкцию двусторонних отношений, которую обе стороны взаимными усилиями старательно создавали с 1954 г.

Еще до обсуждения с советским руководством хода и перспектив «Пражской весны», югославы установили, не стремясь при этом к публичности, тесные контакты с лидерами обновляющейся Чехословакии. После встречи в Москве они уже не старались их скрывать. 13–15 мая в Праге побывал государственный секретарь по иностранным делам СФРЮ Марко Никезич. На состоявшейся после его возвращения в Белград встрече с послом СССР И. А. Бенедиктовым положение в Чехословакии было главной темой. Мы имеем возможность сопоставить отчеты о встрече обоих ее участников. Внимание Никезича, судя по сделанной им записи беседы, привлек, прежде всего, интерес советского посла к вопросу «усиления руководящей роли компартии и государства» в Чехословакии и активизации альтернативных коммунистам сил — социалистической и особенно католической партий (Никезич посчитал, что его собеседник ошибся, назвав так Народную партию). Югославский функционер дипломатично ушел от конфликтных оценок, заметив, что его представления о положении в ЧССР до поездки, сформированные на основе сообщений югославской печати, не соответствовали действительности. Чехословацкая ситуация «значительно более спокойная», чем он ожидал увидеть³. Следует отметить, что запись Никезича в этой части почти не противоречит более подробной записи советского посла. Докладывая о разговоре, Бенедиктов обратил внимание на слова собеседника о том, что «положение в Чехословакии значительно лучше, чем он ожидал встретить, во всяком случае оно много лучше, чем об этом пишут в печати. Никезич охарактеризовал положение в стране как спокойное... новое руководство в Чехословакии не будет иметь больших проблем с бывшими буржуазными партиями в Чехословакии. Главные трудности будут заключаться

² Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2 (1964–1980) / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М., 2017. С. 211–230. Рассмотрение хода встречи на основании югославской записи см.: *Едемский А. Б.* Советско-югославские отношения в оценках югославского руководства. Январь — июнь 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 244–250.

³ АЈБТ. Кутија бр.265. I-5-b / СССР (1967–1969): Pov. br. 418366. Zabeleška o razgovoru državnog sekretara M. Nikezića sa ambasadorom SSSR I. A. Benediktovim, na dan 21. maja 1968. godine. Здесь и далее используются соответствующие материалы из Кабинета президента Республики маршала Й. Броз Тито, ксерокопии которых были сделаны автором в 2007–2009 гг., когда они хранились как единая коллекция в Музее Истории Югославии (г. Белград) под названием «Архив Й. Б. Тито». Ныне коллекция находится в Архиве Югославии (Белград). В статье дается сноска на прежний архивный шифр.

в борьбе с новыми группировками в стране, которые возникли в виде “клубов”. В этой связи Никезич упомянул “Клуб 231”, заметив, что в его состав входят самые различные люди. Среди них находятся и те, которые невинно пострадали, и те, которые активно выступали против существующего строя в Чехословакии и были за это осуждены. По словам М. Никезича, их деятельность является наиболее опасной. Вместе с тем, он считает, что, если партия будет действовать активно, то и это препятствие будет преодолено». В отчете Бенедиктова также была зафиксирована и общая оценка, высказанная Никезичем: «главное заключается в том, что Чехословакии удалось сохранить единство партии. Сейчас перед ней стоит целый ряд неотложных вопросов, которые необходимо решать»: учреждение федеративного устройства в Чехословакии, повышение роли парламента в ее политической жизни, деконцентрация власти в руководстве партии и стране, последовательное осуществление хозяйственной реформы⁴.

Помимо сообщений, почерпнутых Москвой из контактов с югославами, подобных приведенному, советская сторона располагала дополнительной информацией о пребывании Никезича в Праге. В том числе сведениями о том, что глава внешнеполитического ведомства СФРЮ во время переговоров с чехословацкими руководителями «заверил их в готовности ЦК СКЮ и правительства СФРЮ оказать Чехословакии необходимую поддержку. <...> заявлял, что Югославия уже 20 лет существует без диктатуры Москвы», а Чехословакия «имеет более развитую промышленность, чем Югославия, должна выстоять». Прозвучали заверения и о согласии югославов «расширить политические, экономические и другие связи между СФРЮ и Чехословакией, взять на себя роль посредника при осуществлении более тесных контактов между Чехословакией и Западной Германией»⁵.

Действия СССР в Восточной Европе, развитие событий в Чехословакии, а также стратегия и тактика Югославии обсуждались 1 июля 1968 г. на совещании исполнительного секретаря ЦК СКЮ Миялко Тодоровича с главами югославских дипломатических миссий в европейских странах советского лагеря. Выступая на нем, посол СФРЮ в Москве Добриво Видич тщательно проанализировал внешние проявления советской политики в отношении Югославии и ситуацию в СССР. Он отметил, что «руководство КПСС твердо сохраняет негативные оценки развития процессов в самой Югославии, не проявляя особой сдержанности в выражении этого подхода». Посол напомнил, что трижды во время встреч на высшем уровне, в том числе «недавно в Москве», советская сторона оперировала «простыми, грубыми словами и соответствующей аргументацией... в непосредственных разговорах с товарищем Тито и другими нашими руководителями». По словам Видича, «советское руководство постоянно оказывает неприкрытое давление на наше внутреннее развитие», увязывая это с советскими представлениями «о роли великих держав» и «о роли и задачах

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 283. Л. 106–107.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 2207. Л. 42.

Москвы в мировом рабочем движении и среди социалистических стран». Он также напомнил, что внутри- и внешнеполитический курс Югославии не совпадает с советскими представлениями, что порождает намерение Москвы «приблизить... действия [Белграда] к их взглядам», поскольку якобы «ход общего развития понудит Югославию перейти на позиции, которые больше подходят советским руководителям». Характеризуя внутреннее развитие СССР, Видич подчеркнул, что «в верхушке КПСС... достигнут компромисс и избран курс, который не предполагает проведения “более глубоких реформ”», что советская «бюрократическо-этактистская система еще располагает достаточным пространством для экстенсивного развития». Такова реальность, «с которой следует считаться в длительной перспективе».

Наряду с этим Видич указал на существование противоречий в механизме регулирования межнациональных отношений советской системы, на большую свободу культурного творчества, что противоречило упомянутому им компромиссу. Он не исключил, что руководство КПСС продолжит использование внутренних трудностей в Югославии не только в качестве «аргумента» в борьбе против прогрессивных сил в собственной стране и для подтверждения правильности своей продуманной политики, но и как обоснование возможности давления на другие социалистические страны. Посол предупредил: «Мы вновь [находимся] в фазе столкновения с советскими концепциями и действиями». На развитие отношений советской стороны с Белградом, по мнению посла, оказывает влияние и замысел КПСС провести новое международное совещание компартий, продолжив попытки договориться с США и одновременно ослабить позиции КНР. Видич указал, что события в ЧССР и независимое развитие Югославии помешали реализации задуманного, из-за чего Москва оказалась перед необходимостью определить, «как себя вести в дальнейшем». Сославшись на материалы, готовившиеся сотрудниками аппарата югославского посольства в Москве, он заметил, что СССР готов к развитию экономического сотрудничества с Югославией и вряд ли будет стремиться что-либо изменить в существующих положительных тенденциях, чтобы не предстать перед остальным миром как «несолидный партнер». Видич предполагал, что советские руководители «будут все больше подталкивать нас к своим формам сотрудничества, и поэтому нам не следует ожидать, что мы с легкостью сможем убедить их перейти к более современным способам экономического сотрудничества с Югославией». Видич предрекал также появление трудностей на этом пути, но полагал, что не следует каждый раз считать их результатом «политического давления».

Посол закончил свое выступление четко сформулированным предложением: не портить отношения там, «где это не является необходимым»; «начать вербальный диалог и оказывать сопротивление еще более открыто и агрессивно по принципиальным вопросам строительства социализма и отдельным вопросам международных отношений, более открыто высказывая наши взгляды»; «параллельно с этим продолжать усилия по развитию экономического

и культурного сотрудничества, межпартийных связей, создавая этим возможности как для высказывания своих аргументов, так и для оказания определенного влияния»⁶.

К настоящему времени исследователи не располагают сведениями о том, что содержание выступления Видича стало известно советской стороне по конфиденциальным каналам. Поскольку факт проведения указанного совещания скрыть было невозможно, югославы ограничились информированием о нем советских партнеров в самом общем виде. 5 июля в беседе в Государственном секретариате по иностранным делам (ГСИД) СФРЮ советник-посланник советского посольства П. С. Кузнецов попросил Д. Вуколича, в то время начальника Первого политического отдела ГСИД, рассказать о нем. Ответ был лаконичным и малоконкретным: «Послы были вызваны в Белград для того, чтобы в ходе встреч и бесед с югославскими руководящими деятелями и работниками госсекретариата по иностранным делам обменяться мнениями о состоянии отношений СФРЮ со странами, в которых они аккредитованы». Вуколич упомянул также и о встречах послов с руководителями экономического блока югославского руководства, указав, что «состояние отношений [с СССР] в экономической области в целом было оценено положительно, хотя отмечалось, что они не со всеми странами советского лагеря развиваются столь же успешно»⁷.

Столь же кратко рассказал о своем пребывании в Белграде и сам Видич заведующему Четвертым европейским отделом МИД СССР С. Т. Аставину, в ведение которого входили отношения с СФРЮ. Посол не вышел за рамки того, что уже было известно советской стороне от Вуколича. Однако в информации Видича имелась одна особенность: он обратил внимание Астасвина на то, что был единственным участником совещания, встречавшимся и с Тито, и с Никезичем. Сообщив об этом, Видич попросил оказать содействие в организации приема у секретарей ЦК КПСС К. Т. Мазурова («для информации об имевших место консультациях с югославскими послами в Белграде и о полученных директивах в области развития экономических связей с Советским Союзом») и К. Ф. Катушева (чтобы «проинформировать его о вопросах, которые затрагивались во время бесед в ЦК СКЮ (тт. Тодоровичем и Диздаревичем) с югославскими послами»). Видич рассчитывал, что эти встречи могут быть проведены до пятницы следующей недели, когда он вновь улетал в Белград для участия в работе пленума ЦК СКЮ. Видич дал понять, что после пленума рассчитывает уйти в отпуск и вернется в Москву между 15 и 20 августа. Астасвин немедленно выполнил просьбу посла, направив два первых экземпляра сделанной им записи беседы в секретариаты Мазурова и Катушева⁸.

⁶ АЈ. Ф. 507. SSSR. IX. 119/IV-200. Informacija o razgovoru M. Todorovića sa šefovima diplomatskih misija SFRJ u evropskim socijalističkim zamljama, 1 jula 1968. S. 2–4.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 283. Л. 142–143.

⁸ Там же. Д. 282. Л. 35–37. Из дневника Астасвина С. Т. Запись беседы с послом СФРЮ в СССР тов. Д. Видичем 9 июля 1968 г.

Исследователям не известна реакция советского руководства на просьбу Видича. Есть основания предполагать, что, скорее всего, она была проигнорирована и указанные советские деятели с послом не встретились. (Записи бесед запрашиваемых Видичем встреч до настоящего времени не обнаружены ни в доступных исследователям фондах российских архивов, ни в архивах Сербии или других постъюгославских государств.) В Белград 9 июля по решению Политбюро ЦК КПСС была передана лишь информация об оценках ситуации в ЧССР. В таком случае не следует исключать, что именно игнорирование просьбы Видича решающим образом повлияло на то, что официальный Белград несколькими днями позже предпринял довольно неожиданный ход — опубликовал в центральной печати выдержки из интервью Тито египетской газете «Аль-Ахрам», предостерегавшие советское руководство от силовых действий в Чехословакии⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в советских документах того времени, предназначенных «для внутреннего пользования», СКЮ и РКП были отнесены ко второму эшелону союзников Москвы, наряду с компартиями Кореи и Вьетнама, а Тито упомянут в одном ряду с Чаушеску. Это свидетельствовало о снижении значения Белграда для Кремля как союзника во внешних делах, в отличие от 1967 г., когда Тито постоянно упоминался в ближнем круге руководителей союзных СССР стран. В направленной в Белград пространной информации содержалась емкая формулировка с оценкой положения в ЧССР: «Становится совершенно очевидным, что на карту поставлен коренной вопрос — быть или не быть Чехословакии социалистической. Нельзя не видеть, что распоясавшаяся контрреволюция отбирает у КПЧ одну позицию за другой, создавая плацдарм для решающего наступления, которое может погубить социалистический строй в Чехословакии». Авторы текста предупреждали, что советская сторона считает своей задачей «бдительно следить за обстановкой и быть готовыми к любому повороту событий», и призывали лидеров СКЮ «предпринять... необходимые шаги в поддержку завоеваний социализма в этой стране»¹⁰.

В Белграде были озабочены обращением участников варшавского совещания руководителей пяти партий («пятерки») к чехословацким реформаторам. В современной сербской историографии справедливо отмечено, что сложившаяся ситуация в связи с отказом Дубчека приехать в Варшаву напомнила югославам о событиях в июне 1948 г. перед вторым совещанием Коминформа, на котором руководство КПЮ было осуждено заочно. Тито и его соратники тогда отказались прибыть в Бухарест, считая, что вместо равноправного обсуждения делегация КПЮ станет объектом односторонних обвинений¹¹.

⁹ Подробное изложение событий в июле 1968 г. см.: *Pelikan Jan. Jugoslavija i Praško proleće posle pojačanja sovjetskog pritiska na Čehoslovačku (jul 1968) // 1968 — четрдесет година после. С. 97–128.*

¹⁰ Чехословацкий кризис в документах ЦК КПСС 1967–1969 гг. / отв. сост. Л. А. Величанская. М., 2010. С. 121, 125–126.

¹¹ *Božetiћ Д. Југословенско-совјетски односи у светлу војне интервенције. С. 129–162; Димић Љ. Година 1968. С. 135.*

Принципиальная позиция официального Белграда, уже высказанная Тито 29 апреля в Москве, была, в соответствии с рекомендациями Видича от 1 июля, обоснована в «Ответе на информацию ЦК КПСС от 12 июля». Вечером 14 июля югославский ответ был доведен Никезичем до сведения советника-посланника П. С. Кузнецова. Утром 15 июля с югославским ответом был ознакомлен и посол Бенедиктов¹². 19 июля, после одобрения текста на пленуме ЦК СКЮ ответ югославов был опубликован в печати¹³.

Советские дипломаты ознакомились с ответом ЦК СКЮ, зная о публикации в центральных югославских СМИ 14 июля фрагмента из упомянутого выше интервью Тито египетской газете «Аль-Ахрам» по поводу будущего чехословацких реформ и советского взгляда на их перспективы. Газета «Борба», официальное общегославское ежедневное издание, опубликовала его на первой полосе под заголовком «Тито: социализму в Чехословакии ничто не угрожает». Ключевой для выражения югославской позиции стала фраза: «Я не верю в то, что в Советском Союзе найдутся близорукие люди, которые для решения внутренних вопросов в Чехословакии воспользуются политикой силы». 20 июля в СМИ был опубликован уже полный текст интервью Тито. В частности, на двух первых полосах белградской газеты «Политика», массового ежедневного издания, пытавшегося сохранять имидж гражданского и непартийного СМИ, этот материал был помещен под заголовком «Является абсолютно ошибочным вмешательство одной или нескольких стран во внутренние дела другой страны»¹⁴. Вслед за этим югославы окончательно определились с необходимостью поездки Тито в Прагу, согласовав проект чехословацко-югославского коммюнике по ее итогам. Таким образом, Белград продолжил свой курс на усиление открытой поддержки чехословацких реформаторов.

Из доступных к настоящему времени материалов известно, что советская официальная реакция на публикацию была внешне спокойной. В одной из бесед, 17 июля, советник-посланник Кузнецов, в те дни временный поверенный в делах СССР в Белграде (Бенедиктов вылетел в Москву), уточнил у помощника Никезича С. Феича, обсуждался ли чехословацкий вопрос во время переговоров Тито и Насера. Ответ Феича, что эта тема на переговорах не поднималась¹⁵, казалось, удовлетворил советскую сторону.

Если судить по соответствующим югославским документам этого периода, отношения Москвы и Белграда в последующие недели перешли в фазу ограниченных контактов. Югославы рассчитывали избежать осложнений во взаимоотношениях сторон из-за «чехословацкого вопроса». Тем не менее именно желанием югославов продолжить диалог с Москвой можно объяснить спешное возвращение в советскую столицу Видича сразу же после консультаций с Тито

¹² *Pelikan J. Jugoslavija i Praško proleće. S. 123.*

¹³ Фрагменты документа с ссылкой на архив опубли. в: *Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии. С. 281.*

¹⁴ *Борба. 20.VII.1968; Политика. 20.VII.1968.*

¹⁵ *РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 283. Л. 152.*

24 июля¹⁶ (как уже отмечалось выше, 9 июля югославский посол предупредил Астасина, что вернется из Белграда только после отпуска, в 20-х числах августа). Что касается утверждения зарубежной историографии о намеренном ограничении советским руководством контактов с Белградом и понижении статуса их участников, то оно представляется небесспорным. Ключевое для некоторых исследователей донесение Видича о *намеренном* (здесь и далее курсив мой. — А.Е.) отказе секретаря ЦК КПСС Катушева принять его по возвращении в Москву («удалось встретиться *лишь* с функционером ЦК Федором Кулаковым»¹⁷) нуждается в дополнительной проработке. Не следует исключать того, что не только стремление смягчить разочарование югославов по поводу несостоявшейся встречи Видича с Катушевым (а ранее и с Мазуровым) стояло за приемом посла Кулаковым. Пренебрежительное отношение Видича (а вслед за ним и исследователей) к Ф. Д. Кулакову, который, по всей видимости, не произвел на посла положительного впечатления, вряд ли оправдано. В советской аппаратной иерархии Кулаков являлся не совсем обычным «функционером ЦК». Он был не только заведующим Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС (1961–1976 гг.), но и с 1965 г. — секретарем ЦК. Курирование сельского хозяйства — предмета особой заботы первых лиц КПСС (Хрущёва и Брежнева) — давало возможность установления и особых отношений с первым лицом партии. Если к этому добавить, что во второй половине 1950-х гг. Кулаков занимал пост заместителя министра сельского хозяйства РСФСР (Бенедиктова), то версия о намеренной изоляции Видича от контактов с советскими верхами в июле представляется не столь убедительной. Не опасаясь ошибиться, можно предположить, что для советской стороны целью приема Кулаковым Видича было нечто большее, чем лишь стремление смягчить разочарование посла невыполнением его просьбы о встрече с Катушевым и Мазуровым. В случае необходимости Кулаков в любой момент мог неформально проконсультироваться с Бенедиктовым и имел достаточно солидный вес в аппарате для того, чтобы, в случае необходимости, довести нужную информацию и до Брежнева. Тем не менее более определенно судить о значении встречи Кулакова и Видича возможно только на основе достоверной информации о содержании их беседы.

До сих пор историки располагают лишь косвенными подтверждениями того, что во второй половине июля 1968 г., несмотря на сделанные Тито публичные предостережения советским руководителям о неуместности силовых действий в Чехословакии и недовольство этим шагом Тито со стороны Брежнева, потенциал для дальнейшего взаимодействия сохранялся. Вместе с тем выявляется весьма важное обстоятельство, указывающее на намерение советской стороны не ограничиваться игнорированием или ослаблением внимания к позиции Белграда. Сохраняемые в РГАСПИ (ф. 495) досье («личные дела») югославских руководителей, которые вела референтура Отдела ЦК КПСС, используя для их

¹⁶ *Tripković D.* Jugoslavija — SSSR. S. 220–221.

¹⁷ *Ibid.*

пополнения различные аппаратные возможности, прежде всего документацию главных советских внешнеполитических служб и учреждений, свидетельствуют: именно в июле 1968 г. были составлены (обновлены) подробные справки-характеристики на ведущих югославских руководителей — Карделя, Годоровича, Гошняка, Никезича, Влаховича и др.¹⁸ Практика показывает, что внимание к подобным подробным «объективкам» всегда возрастало во время подготовки важных решений советского руководства «по югославскому вопросу» (соответственно в 1949, 1954–1955 гг.). Уместно предположить, что в июле 1968 г. на Старой площади была начата подготовка еще одного решения «по югославскому вопросу», сходного по своим масштабам с предшествующими. Весьма возможно, что на этот раз актуализация указанных «справок» проводилась с прицелом на новую встречу на высшем уровне. Не следует, однако, исключать проработку и более жестких вариантов развития событий. В пользу такой возможности говорит наличие в советском руководстве к тому времени блока консервативно-охранительной части партгосаппарата и военных кругов, рассматривавших ситуацию в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в контексте противостояния с военно-политическим блоком НАТО. Принимались во внимание при этом сообщения о неустойчивости ситуации и непопулярности руководства СФРЮ, поступавшие от югославских сторонников резолюций Информбюро 1948–1949 гг., и расчет на поддержку населения, традиционно настроенного в пользу Москвы. Тем не менее это всего лишь предположение, верификация которого возможна только при дальнейшем тщательном исследовании всего комплекса документов, раскрывающих позицию советских военных кругов и консервативной части партаппарата в рассматриваемый период.

В настоящее время преимущество остается за версией о подготовке новой встречи на высшем уровне. В ее пользу свидетельствует и беседа Никезича с Кузнецовым 30 июля, во время которой последний узнал о намерении Тито принять его в тот же день в Загребе, откуда югославский лидер должен был выехать поездом в Прагу. По словам Никезича, на 31 июля был намечен вылет югославского лидера в столицу Чехословакии, но в самый последний момент план поменялся¹⁹. Следует адекватно оценить и тот факт, что в конечном счете поездка была отложена еще на десять дней. Думается, что это свидетельствовало об ожидании Белградом новых сообщений из Москвы, а возможно, и встречи с советским руководством.

Краткий визит Тито в Прагу 10–11 августа 1968 г., выглядевший ярким жестом поддержки чехословацких реформаторов, фотографии его восторженной встречи жителями Праги, официальные заявления сторон, выступления, комментарии печати и итоговый документ²⁰, разумеется, очень интересова-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 15. Л. 135–138; Д. 20. Л. 19–20; Д. 39. Л. 75–78; Д. 46. Л. 46–47; Д. 89(1). Л. 47–48; Д. 1431. Л. 103–105; Д. 2207. Л. 41–42.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 284. Л. 156.

²⁰ Подробнее см.: *Bogetiћ Д.* Југословенско-совјетски односи у светлу војне интервенције. С. 145–159.

ли Москву. В соответствии с избранной ранее тактикой югославы через посла Бенедиктова информировали советское руководство о поездке. Тодорович, входивший в состав делегации, пригласил советского посла приехать для разговора уже 13 августа. В очередной раз он подробно изложил позицию официального Белграда, подчеркнув, что делает это «по договоренности с товарищем Тито познать советское руководство с наблюдениями и впечатлениями делегации СКЮ... побывавшей с визитом в ЧССР». В обстоятельном и продолжительном (1 час 45 минут) разговоре Тодорович, помимо прочего, высказал уверенность в «несомненной стабилизации внутривосточной ситуации в Чехословакии»: новое чехословацкое руководство во главе с Дубчеком «держит ситуацию крепко в своих руках», «стало подлинно народным руководством, вокруг которого объединился народ». Тодорович подчеркнул, что из подробных рассказов «чехословацких товарищей» и высказанных ими оценок внутреннего развития «мы получили достаточно доказательств, что в этой стране происходит живое, бурное и в то же время позитивное развитие». Общий вывод Тодоровича был однозначным: «Товарищ Брежнев и остальные товарищи во время последней встречи в Москве выразили пожелание, чтобы товарищ Тито помог консолидации ситуации в ЧССР. Мы считаем, что в данном случае мы это сделали»²¹.

Вместе с тем не без влияния вновь поднявших голову сторонников резолюций совещаний Коминформа 1948–1949 гг. (в данном случае черногорского поэта-сталиниста Радована Зоковича) в Москве негативно оценивали как личность Тодоровича, так и положение в югославских верхах в целом. Охотно повторяя высказанную Зоковичем отрицательную характеристику Карделя, советские эксперты обратили внимание на данное им описание общего соотношения сил в югославском руководстве: Кардель, который «играет сейчас решающую роль в партии и стране», сознавая свою непопулярность в Югославии (и даже в Словении²², т.к. проживает в Белграде), «как бы отошел на второй план и действует через своих приближенных». Первым среди них Зокович как раз и назвал Тодоровича — «главного проводника политического и идеологического курса» Карделя²³.

Развернутые советские оценки визита Тито и его переговоров с Дубчеком в Праге по-прежнему недоступны исследователям. Некоторое представление о восприятии официальной Москвой этих югославских шагов дает информационная записка от 15 августа корреспондента ТАСС в Белграде Ю. Родионова, присланная из посольства СССР²⁴. Статьи в югославских СМИ, публиковавшие

²¹ АЖ. КРР/СССР. Zabeleška o razgovoru sekretara Izvršnog komiteta СК SKJ Mijalko Todorovića sa Ambasadorom СССР u SFRJ Ivanom Benediktovim, 14 avgusta 1968 godine, u СК SKJ u Beogradu. S. 1–2.

²² По национальному происхождению Эдвард Кардель был словенцем.

²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1431. Л. 134. Выписка из записи беседы с югославским писателем Радованом Зоковичем. 17 июля 1968 г.

²⁴ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 29. П. 68. Д. 6. Л. 23–35. Посольство СССР в СФРЮ (корреспондент ТАСС Ю. Родионов) 15 августа 1968 г. Югославская печать о событиях вокруг Чехословакии (обзор печати за июль — начало августа 1968 г.).

еся в предшествующие дни, Родионов назвал «информационным обеспечением визита Тито и поддержкой реформаторов». По его мнению, «энергичная кампания поддержки нового курса чехословацкого руководства... была рассчитана и на поднятие в глазах определенной части общественности Чехословакии авторитета Югославии и ее политики как страны, якобы пришедшей на помощь ЧССР в трудный для нее момент». По оценке журналиста, именно так создавалась и атмосфера для визита в ЧССР Й. Броз Тито. Автор высказал предположение, что «Чехословакия может также явиться еще одним подтверждением с югославской точки зрения правильности пути, по которому пошла Югославия после 1948 года». В качестве доказательства он процитировал абзац из статьи известного белградского эксперта по внешнеполитическим вопросам Р. Петковича в журнале «Международна политика» (№ 432): «По пути, по которому так долго идет Югославии, пошла Румыния, и на этот путь вступила Чехословакия». Родионов с понятным только в определенных партийно-аппаратных кругах сарказмом заключил (оговорив, что опирается исключительно на материалы югославской печати): «СКЮ претендует сейчас в международном рабочем движении на роль борца за “демократизацию” социализма, за “равноправные отношения между социалистическими странами и между коммунистическими и рабочими партиями”, за независимость и суверенитет социалистических стран»²⁵.

Сообщение советского посольства о вводе войск стран-членов ОВД в ЧССР с объяснением необходимости этого шага, присланное из Москвы на имя исполнительного секретаря ЦК СКЮ Тодоровича, было передано высокопоставленным сотрудником посольства СССР в Белграде Ю. П. Островидовым в Международный отдел ЦК СКЮ Бориславу Милошевичу 21 августа в 12:30²⁶. Советская сторона не стала дублировать данную информацию через югославское посольство в Москве. В свою очередь, посол Видич в тот день был озабочен не сообщениями о событиях в Чехословакии, а изменением обстановки вокруг его посольства: усилением с 18 августа охраны здания и обнаружением с 20 августа слежки за некоторыми сотрудниками²⁷.

Сообщение Островидова, как и телеграммы из Праги, ввергли югославскую элиту в состояние разворошенного муравейника. При этом каждый участник событий «знал свой маневр». Хотя вторая половина августа и была периодом отпусков, сотрудники Секретариата президента СФРЮ и офицерские чины президентской охраны срочно доставляли высшее партийное и государственное руководство из мест их номенклатурно-укромного курортного отдыха в правительственную резиденцию на о. Бриони. Были задействованы все виды транспорта: автомобили, самолеты, вертолеты и даже быстроходные катера. Когда первые прибывшие появились на острове, Тито уже провел совещание с высшими

²⁵ Там же. Л. 35.

²⁶ АЈ. III/134. Prilog 3. Informacija Sovjetske Ambasade.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 283. Л. 154–155. Из дневника Астафина С. Т. Запись беседы с послом СФР Югославии в СССР Добривое Видичем, 21 августа 1968 г.

военными чинами страны и встретил «гостей» почти криком: «...Если на нас нападут, мы будем защищаться, мы заявим об этом во весь голос»²⁸.

О ситуации в ЧССР немедленно были проинформированы находившиеся в те дни на Бриони по приглашению Тито члены чехословацкого руководства — заместитель председателя правительства ЧССР Ота Шик и министр иностранных дел Иржи Гаек, а вслед за ними и другие высокопоставленные лица, которые вместе с семьями отдыхали на адриатическом побережье (министр государственного планирования Ф. Власак, председатель Центральной комиссии народного контроля Ш. Гашпарик и др.²⁹). С. Дапчевич-Кучер и М. Трипало по поручению Тито известили супругу А. Дубчека, которая вместе с сыном отдыхала на острове Крк³⁰.

Заявление Тито от 21 августа для ТАНЮГ и телевидения Загреба на следующий день было растиражировано в печати. Население страны узнало о «глубоком беспокойстве», вызванном вводом иностранных военных частей в Чехословакию без приглашения или одобрения законного правительства. Случившееся Тито назвал «нарушением суверенитета социалистической страны», явившимся тяжелым ударом по силам социализма и прогресса во всем мире. Ссылаясь на свои недавние встречи с Дубчеком в Праге, Тито заметил, что он был уверен в решимости чехословацкого руководства блокировать любую попытку антисоциалистических сил нарушить нормальное развитие демократии и социализма в Чехословакии. Сообщив о предстоящем 23 августа пленуме ЦК СКЮ с целью выработки официальной позиции Югославии, Тито решительно призвал к соблюдению порядка и хладнокровию, предупредив, что «...не будут позволены какие бы то ни было демонстрации, которые могли бы выродиться в разного рода провокации. Наш рабочий класс и народ в целом имеют достаточно других возможностей выразить свое негодование подобными действиями в отношении социалистической страны»³¹.

На состоявшемся поздно вечером в тот же день расширенном совместном заседании Исполкома и Президиума ЦК СКЮ был обсужден текст заявления. Одним из ключевых моментов стал подбор соответствующего термина для характеристики действий иностранных войск в Чехословакии³². День 22 августа был отведен на подготовку к пленуму ЦК и более тщательный, чем обычно, мониторинг обстановки в СФРЮ и за рубежом. Значительным событием этого

²⁸ Tripalo M. Hrvatsko proleće. Zagreb, 1989. S. 97.

²⁹ О их последующих действиях см.: Пеликан J. Покушај стварања језгра чехословачке емиграције у Југославији након совјетске окупације Чехословачке у августу 1968 године // Токови историје (Београд) 1–2/2007. С. 81–106.

³⁰ Tripalo M. Hrvatsko proleće. S. 97.

³¹ Izjava Predsednika Tita povodom upada trupa SSSR, DR Nemačke, Poljske, Mađarske i Bugarske u Čehoslovačku. Beograd, 21 avgusta 1968 // Petranović B., Zecević M. Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 1219.

³² AJ. F. 507. III/134. Prilog 2. 1968.VIII.21: Autorizovane stenografske beleške sa Jedanaeste zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta održane 21.08.1968. godine na Brionima.

дня стало проведение 250-тысячного митинга в Белграде на площади Маркса и Энгельса, главным оратором на котором был Тодорович³³.

Первыми из советских граждан, помимо дипломатов в Белграде, негативную югославскую реакцию в связи со вторжением в ЧССР ощутила на себе 21–22 августа группа деятелей советского театра и музыки, возвращавшаяся в СССР через столицу Югославии после посещения театрально-музыкального фестиваля в Дубровнике. Ее участникам было отказано в проведении ранее оговоренной встречи в Союзе драматических артистов Югославии и нескольких других. Представители театральной и музыкальной общественности Белграда на эти встречи не приехали³⁴.

Экстренно проведенный 23 августа на Бриони пленум ЦК СКЮ осудил интервенцию в Чехословакии. Тито назвал вторжение «оккупацией». Помимо сообщений в печати, информация о решениях пленума, выступлениях участников и прозвучавших оценках от имени Никезича была передана в чехословацкий МИД Ф. Винтером, представителем СФРЮ в Праге³⁵.

В эти же дни получили возможность выразить свое отношение к событиям в ЧССР и чехословацкие министры, находившиеся в Югославии. Их обращение «ко всем правительствам в мире» было опубликовано в югославских СМИ³⁶. 24 августа в Белграде состоялась пресс-конференция О. Шика. Информация о ней в тот же день прошла по югославскому телевидению, а подробный отчет был опубликован в печати на следующий день³⁷. В югославских политических кругах высоко оценивали публичные высказывания чехословацких министров, де-факто эмигрантов, производивших «отличное впечатление»³⁸. Параллельно в это же время в югославском городке Вршац прошла встреча румынской и югославской делегаций во главе с лидерами двух стран, в ходе которой Чаушеску вел себя довольно нервно, а Тито демонстрировал уверенность³⁹.

³³ *Klasić H.* Unutrašnopolitičke i vanjskopolitičke aktivnosti Jugoslavije nakon intervencije Varšavskog pakta u Čehoslovačkoj 1968 godine // 1968 – четрдесет година после. С. 521.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 23. Д. 118. Л. 30. Отчет ответственного секретаря театральной и музыкальной секций ССОД Ф. Ярикова о поездке специализированной туристической группы ССОД в Югославию с 11 по 22 августа 1968 г.

³⁵ *Prameny k dějinám Československé krize 1967–1970. Díl 4/2 svazek // Vondrová Jítka, Navrátil Jaromír.* Mezinárodní souvislosti Československé krize 1967–1970. Červenec-srpen 1968. S. 262.

³⁶ Не признајте ни једну владу која би се створила под притиском окупаторских снага. Апел четири члана чехословачке владе свим владама света // Политика. 1968. 24.VIII. С. 5. Газеты подробно сообщили и о заявлении лидера ИКП об осуждении оккупации Чехословакии (см.: Лонго: СССР нема право да се меша у унутрашње послове ЧССР // Там же).

³⁷ Нећемо прихватити компромис који би нарушио суверенитет и независност ЧССР. Конференција за штампу потпредседника чехословачке владе Шика // Политика. 1968. 25.VIII. С. 8.

³⁸ *Marković D.* Život i politika 1967–1978. Knjiga prva. Beograd, 1987. S. 83.

³⁹ АЈ. КРР. I-3-a / Румунија. Zabeleška razgovora Tito – Чаушеску. У суботу 24. августа 1968. год. Одржан је (последодне) у Вршцу. Запис беседе публикује се у разделу «Приложење» настоящей книги.

Отказ Югославии поддержать интервенцию и заявление Тито вызвали негативную реакцию в Москве⁴⁰. Позиция югославского руководства была охарактеризована в «Правде» от 23 августа как «непоследовательная», а причиной автор статьи счел «явную дезориентацию некоторых наших друзей». Среди причин этого были названы «империалистическая пропаганда», а также и то, что «друзья не разобрались в существе сложившегося положения и торопятся немедленно выразить свое несогласие с действиями социалистических стран, выполняющих свое обязательство, принятое в Братиславе» (речь шла о коллективной ответственности стран «социалистического лагеря» в деле защиты социализма)⁴¹. Но вскоре характеристики стали более жесткими и конкретными. В сообщении ТАСС указывалось, что к «империалистическому хору присоединились руководители Югославии и Румынии, которые оказывают активную помощь чехословацким антисоциалистическим силам. Именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги, *оказавшиеся в эти дни за пределами Чехословакии*». (Намек был более чем прозрачным!) В комментарии указывалось, что «о том, насколько далеко заходят югославские покровители антисоциалистических сил, свидетельствует, например, адресованное ООН провокационное заявление правительства Югославии по так называемому чехословацкому вопросу: это заявление полностью совпадает с позицией стран НАТО. В том же духе выступает сейчас и группа Мао Цзе-Дуна в Пекине, сомкнувшаяся в этом вопросе с США и Югославией». В комментарии также подчеркивалось, что «контрреволюционные силы, действующие в Чехословакии, и их зарубежные покровители всячески пытаются изобразить меры, предпринятые союзными государствами в защиту социализма и национального суверенитета ЧССР, как некую «оккупацию»⁴².

В публичной пропаганде, как и в ряде решений югославского руководства, не предназначенных для оглашения, довольно часто мелькали фразы, выражавшие опасения советского вторжения в Югославию. Основания для этого давало предложение Брежнева, озвученное им еще 29 апреля на консультациях в Москве: «рассмотреть, что означает слово “вмешательство”». «Если мы связали свою судьбу с делом социализма, — заявил советский лидер, — нас должно интересовать и то, что происходит и в Югославии». Эта фраза вызвала такой бурный протест югославской делегации, что Брежнев был вынужден отказаться от своих слов. (В югославском альтернате записи беседы они сохранились⁴³.) В реалиях второй половины августа фраза Брежнева, по всей видимости, не взволновать югославов. Вместе с тем современный уровень изученности внутренних процессов в СФРЮ по-прежнему не позволяет

⁴⁰ Все оценки были суммированы в разделе «Советский Союз» справочного материала «Naradi petorice na Jugoslaviju» (AJ. F.507/ III/135 Prilog 3).

⁴¹ Жуков Ю. Кто им покровительствует // Правда. 1968. 23 VIII. № 236 (18283). С. 4.

⁴² Сообщение ТАСС // Правда. 1968. 25 VIII. № 238 (18285). С. 1.

⁴³ Подробнее см.: Едемский А.Б. Советско-югославские отношения в оценках югославского руководства. С. 249.

однозначно определить, в какой мере югославское руководство было действительно обеспокоено возможностью советской интервенции, а в какой степени обстановка искусственно нагнеталась в целях консолидации югославской политической элиты. Последний вариант, в частности, позволял изменить баланс сил в пользу усиления прозападной ориентации, вытесняя с ведущих позиций просоветски настроенных политиков. По-прежнему открытыми остаются и некоторые другие вопросы, а именно: насколько югославские военные использовали предоставившуюся им в эти недели возможность для усиления своих позиций и влияния в стране⁴⁴, насколько удалось националистически настроенным силам в федеративных республиках использовать ситуацию и приступить к созданию территориальной системы самообороны. Как оказалось, эти территориальные системы стали основой будущих военных формирований.

Как бы то ни было, термин «война» и производные от него использовались в югославских секретных документах на высшем уровне. Так, среди решений «о непосредственных задачах», определенных на заседании Исполкома ЦК СКЮ 28 августа, содержался пункт, призывавший «усилить бдительность партийного руководства на всех уровнях в связи с хранением документов с грифом “секретно” и “сов. секретно”», определив, «какие из них должны быть сохранены, а какие не должны попасть в руки неприятеля в случае войны»⁴⁵.

В конце августа 1968 г. в советско-югославских отношениях начался этап открытой полемики. На приеме у Тито 30 августа посол Бенедиктов, в присутствии Тодоровича, зачитал присланный ему из Москвы текст заявления ЦК КПСС и советского правительства с резкими характеристиками позиции Югославии как «недружественной», выражающей солидарность с «антисоциалистическими силами» в Чехословакии. Держался Бенедиктов твердо, несмотря на неоднократные попытки Тито его прервать. Обстановка так накалилась, что эмоциональный югославский руководитель, продемонстрировав превосходное знание русского языка, использовал не принятые на официальных встречах выражения. В заключение беседы, напомнив о героической борьбе югославов против фашизма, унесшей жизни 1,7 млн жителей страны, Тито заявил о готовности «и сейчас идти на жертвы, если под угрозой окажутся и наша независимость, и наш собственный путь социалистического строительства»⁴⁶.

Сложившаяся после 21 августа обстановка обсуждалась 2 сентября на заседании Президиума и Исполкома ЦК СКЮ. Как свидетельствует протокол, открыв заседание, Тито сообщил о событиях последних десяти дней, в том числе рассказал о приеме им Бенедиктова. Далее последовало выступление Никезича,

⁴⁴ Подробнее см.: *Радић А.* Вежба Авала Југословенска одбрана од Варшавског пакта 1968. године // Историја XX века. 2006. № 2. С. 87–104.

⁴⁵ АЈ. F.507. III/135: Prilog 9. Beleška sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ od 28.avgusta 1968. Zaključci o neposrednim zadacima. 31. avgust 1968. S. 4.

⁴⁶ АЈ. F. 507. III/135. Prilog 5. S. 5. Zabeleška o prijemu Sovjetskog ambasadora kod predsednika Tita u petak 30.avgusta 1968. g. u 14,30 časova na Vangi; *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии. С. 291–293.

которое Тито активно комментировал, а затем первым начал его обсуждение. Достаточно пространно говорили Н. Диздаревич и В. Влахович. Более краткими были выступления К. Црвенковского, М. Рибичича и Д. Радосавлеви-ча. Годорович зачитал заключенный в Москве советско-чехословацкий догово-вор. Когда же он предложил создать группу для подготовки решения по итогам обсуждения, Тито, заметив, что «еще рано», предложил продолжить дискус-сию. После этого высказались П. Стамболич, Э. Кардель, далее — И. Гошняк, В. Джуранович, Ц. Миятович, С. Вукманович, А. Хумо, А. Роман и К. Попович. По итогам обсуждения зачитанное Бенедиктовым заявление было названо «де-маршем СССР в весьма оскорбительном для нас и для товарища Тито лично тоне... первым актом прямого давления на нас». Наряду с этим в протокол было внесено и высказывание Тито о необходимости более аккуратного освещения в югославской печати текущих событий: «Товарищ Тито особо подчеркнул, что он сказал послу о том, что мы не будем никоим образом действовать прово-кационно и враждебно в отношении как Советского Союза, так и советского народа. Однако, мы не можем молчать, когда речь идет в борьбе за принципы социализма, и мы против всех уклонов». В протокол было также включено вы-сказывание Тито о необходимости в дальнейшем «пойти по пути внесения уме-ренности в настроения граждан в нашей стране, но не оправдывать государств-агрессоров, действия которых нарушают суверенитет Чехословакии, свободу ее народа». Тито не исключал возможности экономического давления со сторо-ны СССР, предлагая в этом случае принять «соответствующие меры». Он под-черкнул: «Помимо выражения наших принципиальных позиций мы не должны делать ничего такого, что даст Советам повод снова свести ситуацию к 1948 г., т. е. к отказу от торговых и экономических отношений». Югославский лидер за-метил при этом, что «более широкий отказ от экономических договоров и дого-воренностей привел бы к серьезным трудностям в нашей экономике»⁴⁷.

Ответ югославского руководства на советское заявление был дан в двух-недельный срок. Его передал посол Видич во время встречи с председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным 11 сентября⁴⁸. О ре-

---

⁴⁷ АЈ. F. 507. Ш/135 Predlog zapisnika sa zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ održane 2. septembra 1968 godine na Brionima. S. 1–2.

⁴⁸ АЈБТ: KPR. Кутија бр.265. I-5-b / СССР (1967–1969): Kod Podgornog, predsednika prezidijuma VS SSSR, danas u 16 sati (дата разговора — 11 сентября — ясна из текста теле-граммы Видича). Длительное время ответ югославской стороны не был известен исследо-вателям. К большому сожалению, обошли своим вниманием этот документ и составители двухтомника «Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югосла-вии в 1946–1980 гг.», не упомянув о нем ни во вводных статьях, ни в комментариях к доку-ментам (см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.). Т. 2 (1964–1980). С. 244, 654, 797, 910). Лишь в 2018 г. российский исто-рик Б. С. Новосельцев упомянул об обнаруженном им ответе югославской стороны в Ар-хиве Югославии (F. 837. Kabinet Predsednika Republike. I-3-a/101–108. Prijem ambasadora I. A. Benediktova 30.8.1968 // Odgovor vlade SFRJ i CK SKJ na Izjavu CK KPSS i vlade. / KPSS od 30.8.1968). Он охарактеризовал содержание документа как официальное, развернутое

акции Подгорного узнаём из телеграммы Видича в Белград. Посол сообщал, что после взаимного обмена колкостями началось обсуждение, во время которого больше говорил Подгорный. Он, по словам Видича, «как свое собственное, высказал мнение, что после встречи товарищей Тито и Тодоровича с Бенедиктовым можно [было] уже заранее сказать, что заявление правительства и ЦК КПСС не помогло югославским товарищам понять и свои ошибки, и саму ситуацию, вынудившую СССР и других предпринять известные меры в отношении ЧССР». Видич выделил слова собеседника о том, что «сейчас и самые жесткие противники из империалистического лагеря отказались от использования определения “оккупация”, “интервенция”, и эти выражения продолжают использовать только в Югославии, что их (советских руководителей. — А.Е.) нисколько не радует». Видич передал в Белград и слова Подгорного о том, что «вопрос ЧССР не должен оказаться вновь доведенным до ситуации, имевшей место ранее. Они желают продолжения сотрудничества, при котором экономические и другие отношения должны быть продолжены». По словам Подгорного, это зависит не только от советского руководства, но и от югославской позиции. В развитие сказанного Подгорный заметил, что в Москве располагают информацией о происходящей в Югославии определенной мобилизации, причины которой непонятны. «К чему этот психоз?» — спросил он⁴⁹. В целом, по словам Видича, «беседа велась в спокойной атмосфере». Характерен заключительный абзац телеграммы. На него обратил внимание и Тито, подчеркнув фразу, что Подгорный не выслушал Видича «от начала и до конца», никак не прокомментировал предложение о встрече, отрицал существование опасности для Югославии, настаивал на том, что югославы изменили свои взгляды перед предстоящим обсуждением в ООН, осудил содержание и тональность югославской печати и предупредил о предстоящем появлении в советской прессе соответствующих статей о Югославии, высказывался за сохранение нормального взаимного сотрудничества в экономической и других областях, несмотря на имеющиеся расхождения во взглядах, и одновременно с этим предостерегал, что югославские оценки ситуации могут отрицательным образом отразиться на взаимоотношениях Москвы и Белграда⁵⁰.

Замечание Подгорного о бурной реакции в Югославии на действия СССР и его ближайших союзников в Чехословакии было запоздалым. К тому времени советские наблюдатели в Белграде уже указывали на некоторое снижение polemического накала в югославских выступлениях. Так, после посещения публичной лекции «Международная политическая ситуация в настоящее время», прочитанной членом Исполкома ЦК СКЮ Н. Диздаревичем в белградском Доме

повторение позиций Тито, высказанных им Бенедиктову 30 августа в ответ на зачитанное советским послом заявление ЦК КПСС (*Новосельцев Б. С.* Советско-югославские отношения в конце 1968 — 1969 году // *Славяноведение.* 2018. № 3. С. 44).

⁴⁹ АЈБТ: KPR. Кутија бр.265. SSSR (1967–1969) I-5-b . Kod Podgornog. S. 3.

⁵⁰ Ibid. S. 9.

молодежи 11 сентября⁵¹, сотрудник советского посольства В. А. Солянский отметил сдержанную позицию лектора в отношении Советского Союза. В конце полуторачасового мероприятия Диздаревич, отвечая на заданный вопрос, указал, что в настоящий момент не существует непосредственной угрозы нападения на Югославию со стороны социалистических стран. Лектор также добавил, что слухи, распространяемые в Югославии о якобы происходящей концентрации советских войск на венгеро-югославской границе и болгарских войск — на болгаро-югославской границе, лишены всякого основания. Солянский также обратил внимание на замечание Диздаревича, что имеющая место скупка «некоторыми лицами» продовольственных товаров не приведет к их нехватке в торговой сети⁵².

Общую тенденцию к снижению накала полемики в Югославии отметил в записке в МИД СССР от 17 сентября 1968 г. и корреспондент «Правды» в Белграде Т. А. Гайдар⁵³. Давая оценку событиям в стране за прошедшую неделю (9–16 сентября), он отметил «постепенное снижение тона антисоветской кампании в югославской печати». «Материалы, посвященные событиям в Чехословакии, — сообщил Гайдар, — по-прежнему занимали значительное место на страницах югославских газет. ...Основные оценки этих событий так и не изменились, хотя сам тон комментариев стал более сдержанным», причем подобные изменения наблюдались не только в белградской, но и в республиканской печати. По мнению Гайдара, это подтверждало собранные им ранее сведения о полученном на местах указании ЦК СКЮ «не развязывать вербальную войну, постараться избежать заострения полемики». Гайдар писал, что «именно в таком ключе, по доверительным сообщениям югославских журналистов», выступил на совещании редакторов Диздаревич, и эту же идею проводил при встрече с коллективом газеты «Борба» Никезич.

Гайдар, очевидно не желая даже в закрытом документе использовать термин «экономические санкции», аккуратно заменил этот термин словами «определенные меры». Он указал, что «одной из причин, побудивших югославское руководство предпринять некоторые шаги, если не для прекращения, то для сдерживания антисоветской кампании... [явились] серьезные опасения, что дальнейшее развитие полемики может повлечь за собой со стороны СССР и других социалистических стран... определенные меры, которые усложнят и без того достаточно сложную экономическую ситуацию в Югославии»⁵⁴.

Советское посольство, занимая довольно жесткую позицию в отношении публикаций в югославской печати, затрагивающих позицию СССР, неодно-

⁵¹ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 29. П. 68. Д. 12. Л. 41–47. Из дневника Солянского В. А. 17 сентября 1968 г. Запись лекции, прочитанной членом Исполнительного комитета ЦК СКЮ Н. Диздаревичем в Доме молодежи в Белграде, 11 сентября 1968 г.

⁵² Там же. Л. 47.

⁵³ Там же. Л. 56–60. Информация была направлена Л. Ф. Ильичеву и С. Т. Астафину. Только 22 октября 1968 г. с этого материала была сделана копия, направленная руководству «Правды» — М. В. Зимянину, В. И. Некрасову и А. И. Луковцу.

⁵⁴ Там же. Л. 56.

кратно выступало с соответствующими заявлениями перед руководителями ГСИД. К примеру, 19 сентября посол Бенедиктов резко осудил действия югославских властей, якобы поощрявших югославские СМИ, в беседе с помощником госсекретаря по иностранным делам Бабичем⁵⁵. Особенно болезненно советская сторона реагировала на опубликованные в печати карикатуры. Так, в беседе с Видичем 5 сентября Аставин, разумеется, на основе информации посольства, указал на разнузданный тон югославской печати по отношению к советским воинским подразделениям, находящимся на территории Чехословакии. В этой связи Аставин показал послу номер словенского (в записи беседы он был назван словацким. — *А. Е.*) сатирического журнала «Павлиха» от 28 августа, издающегося в Любляне, в котором было опубликовано несколько антисоветских карикатур. На одной из них были изображены советский танк с красной звездой на башне и танкист, держащий в руках транспарант со словами «Американцы — вон из Вьетнама!». Под карикатурой подпись: «На пражских улицах»⁵⁶.

Сотрудники посольства СССР в Белграде тщательно фиксировали и другие действия, которые, по их мнению, с ведома или по указанию властей были направлены против советского влияния в Югославии⁵⁷. В частности — по ограничению советской информационной деятельности в СФРЮ. Прежде всего это сказалось на спланированных мероприятиях Агентства печати «Новости» (АПН) и ССОД. Югославские организации прекратили выпуск и распространение журнала «Страна Советов» на сербско-хорватском языке. Не вышли в свет несколько номеров, посвященных очередным годовщинам освобождения Белграда и государственного праздника СССР 7 ноября, а также номер в связи с 25-летием 2-го заседания АВНОЮ о совместной борьбе народов Советского Союза и Югославии против фашизма. Правительственный Секретариат по информации не дал разрешения на проведение в Культурном центре Белграда ежегодной выставки работ фотографов АПН. Югославские власти также вернули предоставленную АПН для демонстрации в столичном Доме молодежи Белграда экспозицию работ фотографов Агентства, посвященную 50-летию ВЛКСМ.

В посольстве СССР знали и об указании руководства ССТНЮ от 3 октября, переданном во все нижестоящие организации (республиканские, городские, общинные), — возвращать получаемые ими по почте иностранные бюллетени и другие информационные материалы. Помимо этого произошел ряд событий, свидетельствовавших о том, что югославские власти предприняли меры, значительно осложнившие условия информационной работы Дома советской культуры (ДСК) в Белграде. От сотрудничества с ДСК на гонорарной основе внезапно отказались переводчик и преподаватели сербскохорватского

⁵⁵ Там же. Д. 6. Л. 101.

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 282 Л. 57.

⁵⁷ Приведенные ниже факты взяты из обобщающей информационно-аналитической записки И. А. Бенедиктова от 24 декабря 1968 г. (АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. П. 68. Д. 6. Л. 98–103).

языка, прекратились коллективные посещения группами учащихся столичных школ и гимназий проводимых в ДСК кинопоказов и выставок. Также были нарушены налаженные связи ДСК с учебными заведениями вне Белграда. Группа преподавателей и студентов филологического факультета города Нови Сад, изучающих русский язык, предварительно договорившаяся с ДСК об организации просмотра (вне графика киносеансов) кинокартины «Анна Каренина», отказалась от просмотра за несколько часов до его начала, предупредив руководство ДСК по телефону о невозможности приехать в Белград из-за запрета поездки. Помимо этого Секретариат по информации не согласовал выступление в ДСК с концертом на праздничном вечере советской колонии в честь 51-й годовщины Октябрьской революции эстрадного ансамбля Саши Суботы (после протеста посольства запрет был отменен как «недоразумение»). Секретариат по информации также «не рекомендовал» Д. Петрович, редактору издательства «Рад», выступать с докладом в ДСК на литературном вечере, посвященном 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева (были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты). Сотрудникам ДСК и посольства было также известно о случаях, когда на улице неизвестные лица оставляли посетителей ДСК и интересовались, кто они и зачем идут в Дом советской культуры.

Помимо этого оказались нарушенными налаженные в последние годы контакты восьмилетней школы при посольстве со столичными школами имени Владо Авксентьевича и Стевана Дукича и школой г. Врнячка Баня. В посольстве считали, что «связи были прекращены по инициативе югославских школ, которые, как стало достоверно известно, получили указание избегать контактов с советской школой в Белграде». Из доверительной беседы с директором школы имени Владо Авксентьевича в посольстве стало известно, что «в связи с указаниями вышестоящих органов школе предложено прекратить связи с советской школой в Белграде по всем направлениям, хотя большинство учителей и учащихся хотели бы продолжать дружеские контакты с советской школой». Была также получена информация о состоявшемся в сентябре совещании преподавателей русского языка сербских школ, на котором было сообщено, что «все советские люди, находящиеся в Югославии, являются тайными агентами СССР».

Об осложнении двусторонних отношений свидетельствовало, по мнению посольства, возобновление югославскими властями практики слежки за советскими дипломатами и сотрудниками других советских учреждений в Югославии. Так, слежка была установлена за советским советником-посланником П. С. Кузнецовым во время его посещения 19–22 ноября Сараево и за сотрудниками посольства П. Д. Минеевым и К. Н. Смирновым во время их пребывания 25–27 ноября в Любляне. В посольстве СССР тщательно фиксировали факты преследования и арестов югославских граждан «за дружеские симпатии и чувства, проявляемые к Советскому Союзу», а также за одобрение действий СССР в Чехословакии. Так, в посольстве стало известно об аресте инженера

Марко Живковича за публичные высказывания о том, что действия социалистических стран в ЧССР были направлены на предотвращение контрреволюционного переворота и что сам он «никогда не возьмет в руки оружие, чтобы воевать против русских».

Обилие подобных фактов объясняет реакцию советского посла, подчас излишне эмоциональную, на происходившее. К примеру, узнав о опубликованной в загребской газете «Весник» серии статей под рубрикой «Трудный 1948 год» (ее, кстати, Бенедиктов посчитал «сенсационной»), посол возмутился. Причиной стали не столько названия статей («Террористы переходят границы», «Еще одна резолюция» (о резолюции Информбюро, принятой в ноябре 1949 г. — А.Е.), «Бряцание оружием», «Как мы выдержали» и др.), сколько концовка одной из них. «Не являемся ли мы свидетелями того, что начинается новый 1948 год? — задавался вопросом автор. — Если начинается, мы знаем ответ. Имеем прекрасный опыт». Особое внимание посла привлек материал «Дипломаты-шпионы» от 13 сентября, в котором, как он отметил, «наряду с другими злонамеренными домыслами, содержатся выпады против сотрудников посольств СССР, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и Чехословакии, работавших в Югославии в 1946–1948 гг.». Бенедиктов также посчитал «недружественным актом по отношению к Советскому Союзу, носящим клеветнический характер», опубликованную подборку цитат из выступлений Ворошилова 22 августа 1949 г., Булганина 11 сентября 1949 г., Суслова 3 декабря 1949 г., Молотова 21 декабря 1949 г. о позиции югославского руководства в то время. Бенедиктов сообщил в Москву, что в связи с публикацией он сделал заявление в ГСИС СФРЮ, и также предложил сделать устно соответствующее заявление и послу СФРЮ в Советском Союзе Видичу⁵⁸.

Впрочем, и югославская сторона имела достаточно поводов, чтобы быть недовольной советскими действиями. Так, в середине сентября власти Македонии обнаружили, что на домашние адреса профсоюзных лидеров Скопле по почте из СССР поступает пропагандистский материал — обращения советских профсоюзных руководителей «для самого широкого знакомства с фактами о подлинном положении дел в Чехословакии». В ответ югославы возвращали в посольство СССР в Белграде или направляли по разным адресам в Советский Союз полученный материал вместе с собственным приложением — резолюцией X пленума ЦК СКЮ⁵⁹.

26 сентября 1968 г. в Белграде была получена пространная, на шести страницах, телеграмма Видича о его беседах с советскими руководителями на приеме,

⁵⁸ Там же. Л. 41–43. Этот документ посол направил не только по обычной рассылке — заместителю министра иностранных дел А. А. Громько Л. Ф. Ильичеву, в соответствующий отдел МИД СССР и в Отдел ЦК КПСС, но и начальнику Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) А. М. Сахаровскому.

⁵⁹ АЈБТ: КРР. 1-5-b. Kutija 265 / SSSR 1967–1969. Beograd, 27.IX.1968. Beleška o slanju propagandnog materijala iz SSSR na kućne adrese naših sindikalnih funkcionera. 16.IX y 13.30 ЦК СКЮ примио је депешом од Бироа за информацију ЦК СКМ.

устроенном шахиншахом Ирана Мохаммедом Резой Пехлеви⁶⁰. У югославского посла сложилось впечатление, что советская сторона не против обсудить подготовку встречи на высшем уровне, но ее организацию намерена оговорить целым рядом условий. Впрочем, предположение, высказанное Видичем, являлось, скорее, его личным впечатлением и к настоящему времени не нашло документального подтверждения в российских архивах. В обзорном докладе Л. И. Брежнева на совещании лидеров «пятерки» в Москве 27 сентября 1968 г., созданном для оценки обстановки в Чехословакии после ввода войск, Югославия была лишь кратко упомянута в связи с ее особой позицией. Только в выступлении В. Гомулки поведению югославского руководства было уделено больше внимания, причем оценил его польский лидер исключительно негативно⁶¹. Несомненно, мнение партнеров по ОВД оказывало влияние на советскую позицию и в дальнейшем.

В октябре — ноябре 1968 г. Президиум ЦК КПСС принял ряд решений по «югославскому вопросу», основой которых стала записка от 4 октября В. В. Кузнецова и К. В. Русакова «О реакции в Югославии на события в Чехословакии в августе 1968 г.»⁶². Затрагивая широкий круг вопросов двусторонних отношений, решения акцентировали дальнейшее развитие экономических связей, но одновременно микшировали мероприятия в политической сфере: так, например, предлагалось понизить уровень празднования в СССР государственного праздника СФРЮ — Дня республики⁶³.

Обмен письмами между лидерами двух стран несколько уменьшил накал полемики, хотя оценки Брежнева были достаточно жесткими. Югославская позиция не претерпела особых изменений, что отразило письмо Тито от 5 ноября. В нем акция СССР и союзных государств в Чехословакии была вновь названа «военной интервенцией». Югославский лидер в очередной раз выразил несогласие с действиями Кремля как представляющими угрозу независимости других стран. Он напомнил, что по-прежнему нет гарантий, устраняющих в этом плане опасения Югославии. Тито задал также и фундаментальный вопрос: признаёт ли советское руководство принципы Белградской и Московской деклараций 1955 и 1956 гг.?⁶⁴

Несмотря на наличие существенных противоречий между руководствами двух сторон, положительным оказалось уже то, что они в письменной форме, позволяющей обдумывать и четко формулировать свои позиции, возобновили

---

⁶⁰ Ibid. 26.IX.1968. Vidić. Sa Mazurovim, Voronovim i Jepiševom danas, na prijemu iranskog Šaha.

⁶¹ Prameny k dějinám Československé krize 1967–1970. Díl 4/3. svazek. Vondrová Jítka, Navrátil, Jaromír, Mezinárodní souvislosti Československé krize 1967–1970. Září 1968 — květen 1970. Dok. 190. S. 77, 98–99.

⁶² Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии. Т. 2. С. 802–805.

⁶³ Там же. С. 815–817.

⁶⁴ Там же. С. 244–246.

обстоятельный диалог на высшем уровне. К позитивам следует отнести, на наш взгляд, и выступление советского посла 6 ноября (на следующий день после послания Тито Брежневу) по центральному югославскому телевидению с трехминутным обращением в связи с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Полученное на то разрешение властей дополнительно подтвердило намерение Тито и его ближайшего окружения не углублять разногласия в отношениях Белграда и Москвы.

Выступая с докладом на пленуме ЦК КПСС 31 октября 1968 г., Брежнев критиковал позицию и действия Белграда весьма дозированно. Констатируя, что руководители СКЮ «заняли ошибочную позицию» и что «такая линия Белграда тесно связана с ревизионистскими тенденциями, которые не раз давали себя знать в деятельности лидеров СКЮ», советский лидер гордо напомнил, что «наша реакция на югославскую позицию была взвешенной, но достаточно острой». Свое письмо Тито Брежнев назвал в докладе «призывом... трезво оценить создавшуюся ситуацию, положить конец антисоветской кампании в СФРЮ, чреватой серьезными осложнениями советско-югославских отношений»⁶⁵.

Брежнев был недалек от истины. Разгоревшаяся осенью полемика сказала и на долговременных оценках югославами советских действий в международных делах. Посольство СФРЮ в Москве попыталось дать новую интерпретацию политики СССР, в частности, пересмотрев прежние характеристики советских действий во всем Восточном Средиземноморье и вновь напомнив об использовании Белградом в 1948–1949 гг. старого тезиса о многовековых империалистических устремлениях России получить выход «к теплему морю». Старый «новый» подход нашел отражение в объемистой, на 19 страницах, аналитической записке за подписью первого секретаря посольства М. Филиповича и посла Видича⁶⁶. Вскоре содержание записки, разосланной Международным отделом ЦК СКЮ, стало широко известно в партийных кругах.

Таким образом, югославская реакция на действия военных частей стран ОВД в ЧССР с легкостью перечеркнула тенденции к действительно глубокому советско-югославскому взаимодействию во внешнеполитическом плане, которые проявились в 1965–1967 гг.

Состояние советско-югославских отношений также оставалось в центре внимания посольства СФРЮ в Москве. В аналитической записке от 31 октября авторы указали на особо негативное восприятие Москвой югославских мер «оборонительного характера» и отрицание советской стороной намерения применить силу. Русские «опровергают все известия о концентрации или передвижениях войск в нашем направлении. Они продолжают энергично твердить

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 121. Л. 84.

⁶⁶ AJ. F. 507. SSSR. IX. 119/XI-115: I sekretar M. Filipović, Ambasdor D. Vidić. Odnosi SSSR sa Balkanskim zemljama posle okupacije ČSSR i Sovjetska politika prema Mideteranu — Prilog za izradu jedne procene o namerama.

об отсутствии советских войск в Болгарии», — сообщалось в документе, — а объясняя отсутствие намерений напасть, подчеркивают «различия между ЧССР и Югославией». В записке указывалось на заявления советской стороны об имевшейся «опасности угрозы внутренней системе ЧССР со стороны контрреволюции и военно-стратегической угрозы В[аршавскому] д[оговору] и в особенности СССР, что в случае Югославии, как они (русские. — А.Е.) утверждают, исключено»⁶⁷.

Возобновленный в виде переписки на высшем уровне диалог не отменил дальнейшую реалистическую негативную оценку действий сторон, дававшуюся экспертами в Белграде и Москве. В первой половине ноября советское посольство в СФРЮ отправило в «центр» обзор публикаций югославской прессы, автор которого первый секретарь посольства В. А. Токарев работал в Отделе ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран именно в те годы, когда советник-посланник посольства СССР в ЧССР И. И. Удальцов занимал пост заместителя заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС. Показательны названия разделов подготовленного Токаревым документа: О некоторых клеветнических и антисоветских выпадах; Об опубликовании недружественных и антисоветских карикатур; О произвольном сокращении некоторых важных дружественных сообщений югославских корреспондентов при их публикации в газетах СФРЮ; О перепечатке статей и других материалов антисоветского и антисоциалистического содержания из буржуазных изданий; О перепечатывании клеветнических антисоветских материалов из китайских и албанских источников; Об опубликовании в СФРЮ нелегально попавших за границу произведений Солженицына, Сахарова и др.; О кампании «теоретических» обоснований так называемых критических, а на деле тенденциозных и антисоветских выступлений в печати по радио и телевидению в СФРЮ⁶⁸.

В Москве не прошли незамеченными и первые шаги югославы в разработке концепции народной обороны. В начале ноября атташе советского посольства в Белграде В. А. Солянский побывал на лекции генерал-майора М. Пантелича «Как бы выглядела всенародная оборонительная война», прочитанной в Доме молодежи в Белграде. Дипломат обратил внимание на тезис генерала

---

⁶⁷ А.И. Ш/136. Prilog: Jugoslovensko-sovjetski odnosi /Informacida naše Ambasade iz Moskve od 31.X 1968.g.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. П. 68. Д. 6. Л. 48–56. Акцент на материалах такого рода был характерным для большинства сотрудников посольства СССР в Белграде, включая и самого посла И. А. Бенедиктова. В одном из документов, подписанным им в конце года, указывалось: «В югославских газетах было осуществлено печатание непубликовавшихся в Советском Союзе произведений А. Солженицына “Раковый корпус”, “Первый круг” (так в тексте. Правильно: “В круге первом”. — *Ред.*), “Моя судьба”, которые, как это хорошо известно югославской стороне, в рукописи были тайно вывезены из СССР и в настоящее время используются органами империалистической пропаганды во враждебных Советскому Союзу целях». Особенно возмутило Бенедиктова издание на сербско-хорватском языке издательством «Отокар Кершовани» (Риека) книги «Раковый корпус», вопреки протесту советской стороны (Там же. Л. 99).

о том, что «в нынешних условиях нельзя исключать возможность агрессии против Югославии, как с Запада, так и с Востока. Поэтому необходимо обеспечить эффективную оборону страны против возможных агрессоров». По мнению Пантелича, «всемирная оборонительная война наилучшим образом отвечает этой задаче», предусматривая «комбинацию фронтальной и партизанской войны с участием всех общественных факторов, начиная с трудовой организации и кончая федерацией, в любых условиях». Лектор подчеркнул также потенциальную опасность таких действий со стороны Советского Союза, которые имели место в Чехословакии⁶⁹.

Однако заявления Пантелича разделялись далеко не всеми югославскими военными. Точнее было бы сказать, что среди них имел место значительный разброс представлений о военной угрозе. Так, например, беседуя 27 сентября 1968 г. с послом Бенедиктовым, заместитель государственного секретаря по делам народной обороны, главнокомандующий ВВС и ПВО СФРЮ генерал-полковник В. Бубань заметил, что «глупых статей» по поводу концентрации войск в Болгарии или где-либо еще для нападения на СФРЮ он «не читает, не собирается читать и советует другим поступать таким же образом». Подчеркнув, что югославская сторона в настоящее время вполне удовлетворена ходом поставок военного снаряжения из Советского Союза, Бубань заявил, что полемику между СССР и Югославией следует «прекратить как можно скорее, и [что] возможностью для достижения этой цели», по его мнению, является встреча представителей обеих стран на высоком уровне⁷⁰.

В целом с конца сентября отмечается сглаживание остроты полемики и болезненной реакции советской стороны на звучавшие в югославской публичной сфере голоса о возможности агрессии против Югославии с Востока. Но определенная напряженность все же сохранялась.

Так, в середине ноября сотрудники советского посольства на примере недавно опубликованной в Белграде книги бывшего корреспондента ТАНИЮГ в Москве М. Маровича «Советская реформа — дилеммы и развитие» представили югославские характеристики политического развития и обстановки в СССР. Авторы аннотации подчеркнули пропагандистские цели указанного издания, хотя и отметили намерение Маровича разобраться с тем, что происходило в СССР с объявленной несколько лет назад хозяйственной реформой. Общая оценка книги все же была негативной: «носит нездоровый характер по отношению к Советскому Союзу, написана с известных позиций югославской теории и практики самоуправленческого социализма и призвана дать югославскому читателю превратное представление о действительных достижениях Советского Союза в области экономики за полувековую историю развития, исказить и приуменьшить эти успехи, исказить экономическую политику СССР»⁷¹.

⁶⁹ Там же. Л. 73–78.

⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 284. Л. 180–181.

⁷¹ Там же. Л. 63–72.

О том, что советско-югославская полемика уже окончательно потеряла исключительный характер, свидетельствует тот факт, что Тито перестал выступать на соответствующих совещаниях, а лишь председательствовал на них. Так, 14 ноября на заседании правительства и Исполкома ЦК СКЮ он при обсуждении международного положения не счел нужным сделать какие-либо вводные замечания, а передал слово Диздаревичу и исполняющему обязанности государственного секретаря по иностранным делам Павичевичу⁷². Очередную развернутую оценку своего взгляда на события он дал 22 ноября на прощальной аудиенции уже отозванному в Прагу послу Чехословакии Шимовичу. Югославский лидер довольно подробно описал состояние отношений между Белградом и Москвой, сделав особый акцент на расхождениях между СКЮ и КПСС⁷³.

Очевидно, что Тито больше не был намерен выносить имевшиеся разногласия на публику. На это повлияла не только возобновившаяся переписка с Брежневым. Весьма важное значение имел также резкий всплеск ирредентистских настроений в сербском автономном крае Косово и Метохия. Его кульминация пришлось как раз на последние дни ноября⁷⁴. Факт первого открытого выступления сепаратистов, к тому же накануне важного государственного праздника — Дня республики, повлиял на тональность и содержание публичного выступления Тито 29 ноября на праздничных торжествах в г. Яйце (Босния и Герцеговина): в нем отсутствовали какие-либо упоминания о Советском Союзе, которые Москва могла посчитать недружественными. На состоявшейся на следующий день пресс-конференции Тито, отвечая на вопрос иностранного журналиста, коротко и энергично опроверг обнародованный в западной печати факт, будто Югославия потребовала от Советского Союза гарантий собственной безопасности. Тито категорически заявил, что югославы с таким требованием к советской стороне не обращались⁷⁵.

И данный Тито определенный ответ, и явно смягченные формулировки предыдущих выступлений произвели большое впечатление на советскую сторону. Тем более что и в дальнейшем советские наблюдатели убедились: позитивная тенденция проявилась в публичных высказываниях и других югославских руководителей. Как подчеркивал посол Бенедиктов в конце декабря 1968 г., «члены Президиума ЦК СКЮ, выступавшие на съездах Союзов коммунистов

---

⁷² AJ. F. 507. III/136 Autorizovane stenografske beleške sa Jedanaeste zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ, održane 14. novembra 1968. u Beogradu.

⁷³ Prameny k dějinám Československé krize 1967–1970. Díl 4/3. svazek. Vondrová Jítka, Navrátil, Jaromír, Mezinárodní souvislosti Československé krize 1967–1970. Září 1968 – květen 1970. Dok. 216. S. 199–200.

⁷⁴ *Гаталовић М.* Бурна времена. Косово и Метохија у државној политици Југославије 1966–1969. Београд, 2018. С. 165–202.

⁷⁵ Положај Југославије променио се на боље. Конференција за штампу председника Тита у Јајцу // Борба. 1968. 31.XI. С. 16.

в Хорватии, Словении и Черногории, воздерживались от прямых недружественных заявлений по адресу СССР»⁷⁶.

Советские дипломаты в Белграде не раз говорили об этой позитивной динамике и при личных встречах с руководством ГСИД СФРЮ в декабре 1968 г. Особо подчеркивалось, что в Москве с одобрением восприняли такую позицию Тито⁷⁷. В записи, сделанной после беседы с послом Бенедиктовым, М. Павичевич, приведя высокие оценки послом выступления Тито в г. Яйце, констатировал: «Ответственные товарищи в СССР считают, что этим, после известного ухудшения, создана база для улучшения благоприятной атмосферы в наших отношениях». Югослав также выделил замечание советского посла о том, что, по мнению Москвы, существует гораздо больше элементов, которые помогают «сближению позиций»⁷⁸. Тем не менее реальные шаги к возвращению советско-югославских отношений в прежнее русло были сделаны лишь в последние месяцы 1969 г.⁷⁹ Исследователям еще предстоит тщательно изучить эти события.

---

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. П. 68. Д. 6. Л. 100–101.

⁷⁷ АЈБТ. Ф. 837. КРР/СССР. 1-5-b: Veljko Mićunović. Zabeleška o razgovoru sa ministrom-savetnikom Ambasade SSSR-a P. Kuznecovom, 5. XII. 1968. S. 2.

⁷⁸ Там же. Zabeleška o razgovoru v.d. državnog sekretara M. Pavićevića sa ambasadorom SSSR I. A. Benediktovim, na dan 25. decembra 1968. S. 2.

⁷⁹ Улуян Ар. А. «Послепражский 1969-й»: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М., 2016. С. 88; Новосельцев Б. С. Советско-югославские отношения в конце 1968-го — 1969-м году // Славяноведение. 2018. № 3. С. 46–51.

Татьяна Андреевна Покивайлова

ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ В АВГУСТЕ 1968 г.

В статье будут проанализированы причины формирования особой позиции румынского руководства и реакция на ввод в Чехословакию в августе 1968 г. войск пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД). Эта тема до сих пор остается недостаточно изученной в отечественной историографии. Из работ российских авторов следует, прежде всего, отметить статьи В. Л. Мусатова и И. И. Орлика, где в контексте общей политики ОВД в отношении лидеров и общественных сил, выступавших за реформирование социализма в Чехословакии, рассмотрена особая политика Румынии в августе 1968 г.¹ Реакции румынского руководства на события в Чехословакии в это время посвящены статьи Т. А. Покивайловой² и А. С. Стыкалина, рассмотревшего также и восприятие особой позиции Румынии в Советской Молдавии³.

В монографии румынского исследователя В. Буги «На острие ножа. Советско-румынские отношения. 1965–1989 гг.» анализу двусторонних отношений накануне и во время чехословацкого кризиса посвящена отдельная глава⁴. Ав-

---

¹ Мусатов В. Л. Чехословакия-68. Формирование позиции СССР и их союзников // Мир перемен. 2008. № 3. С. 11–20; *Он же*. Венгрия и Румыния: два взгляда на «Пражскую весну» // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 310–329; Орлик И. И. Поражение «Пражской весны»: международный аспект // Мир перемен. 2008. № 3. С. 30–45; *Он же*. Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. С. 183–203.

² Покивайлова Т. А. В августе 1968-го... Реакция румынского руководства на события в Чехословакии // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. С. 298–309.

³ Стыкалин А. С. «Наши пограничники наблюдают развернутые работы по созданию оборонительных сооружений...». О положении на советско-румынской границе в конце августа 1968 г. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 489–508; *Он же*. Августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии и позиция Румынии // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2018. № 4. С. 78–95; *Он же*. Международный кризис 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии и ситуация на советско-румынской границе после 21 августа (по донесениям партийного руководства Советской Молдавии в ЦК КПСС) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах / отв. редактор Е. С. Узенёва. М., 2012. С. 202–211.

⁴ Buga V. Pe muchie de cuțit. Relații româno-sovietice. 1965–1989. București, 2013. P. 68–118.

тор рассматривает как внутривосточные проблемы, так и международные коллизии, обусловившие особую позицию Румынии в отношении военной интервенции. Эта тема затрагивается и в другой недавно увидевшей свет монографии автора «Под пристальным взглядом Москвы. Внешняя политика Румынии. 1965–1989 гг.»⁵.

В настоящей статье использованы материалы российских и румынских архивов, а также документальные публикации, увидевшие свет в обеих странах. Особый интерес представляют документы бывшего партийного архива ЦК РКП⁶, материалы ЦК и Политбюро ЦК КПСС⁷, а также донесения дипломатических служб, отложившиеся в Архиве внешней политики РФ и архиве Министерства иностранных дел Румынии. Значительная часть документов румынского внешнеполитического ведомства введена в научный оборот исследователями в опубликованном в 1998 г. сборнике «Пражская весна в дипломатических документах румынских архивов». В частности, исследователям стали доступны донесения румынских дипломатов из Москвы, стран Восточной Европы, западных стран и отчасти стран Азии, прежде всего Китая⁸. Эти документы были широко использованы румынскими историками⁹. Ценные документы представлены в двухтомнике о начальном периоде правления Николае Чаушеску (1965–1971 гг.), изданном в Бухаресте в 2012 г.¹⁰

Негативная реакция Румынии на военную интервенцию в августе 1968 г. в Чехословакию была предсказуема. Она определялась курсом, который проводила Румынская коммунистическая партия (РКП, до 1965 г. Румынская рабочая партия — РРП) на внешнеполитической арене в предшествующем десятилетии. Расхождения между СССР и его союзниками по Варшавскому договору начали проявляться еще на рубеже 1950–1960-х гг. Секретарь ЦК РРП Георге Георгиу-Деж, опасаясь за свою личную власть, де-факто не принял решений XX съезда КПСС. Н. С. Хрущёв своим бесцеремонным отношением к руководству Румынии способствовал ухудшению личных отношений между руководителями двух стран. Попытки Москвы заменить Георгиу-Дежа другой фигурой, как это произошло в ряде стран «социалистического лагеря», окончились

⁵ Buga V. Sub lupa Moskovei. Politica externă a României. 1965–1989. București, 2015.

⁶ Arhivele Nationale ale României. F. CC al PCR/ Cancelarie. Vol. IV. 1968; F. Relații externe.

⁷ Чехословацкий кризис. 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.

⁸ Dinu N., Preda D., Teodor Gh. «Primăvară de la Praga în documentele diplomatice românești». Focșani, 1998.

⁹ Constantiniu F. I. O istorie sincera a poporului roman. București, 1999; Retegan M. 1968 din primăvară până în toamnă. București, 1998; Idem. România și «Primăvară de la Praga». București, 2005; Idem. Cum s-a pregătit lichigarea primăvarii de la Praga // Magazin istoric. 1998. № 7; Ștefan M. «Primăvară de la Praga și diplomația Română» // Magazin istoric. 1998. № 7; Grigorescu L., Moraru C. Trupe în apropierea Frontierei și turist în interior // Magazin istoric. 1998. № 7; Matei D. «Primăvară de la Praga» și diplomația Română // Magazin istoric. 1998. № 8.

¹⁰ Istoria Comunismului din Română. Vol. II. Documente. Nicolae Ceaușescu. 1965–1971. București, 2012.

неудачей. Вывод советских войск из Румынии в 1958 г. способствовал ослаблению в стране позиций Советского Союза.

Переломным моментом в отношениях Румынии с другими социалистическими странами стал апрель 1964 г., когда руководство РРП приняло так называемую декларацию о независимости, в которой заявило о своей особой позиции по целому ряду внутренних и международных проблем. Прокламировавшиеся в декларации абсолютизация принципов национального суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела социалистических стран, взаимовыгодное экономическое сотрудничество в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) означали на практике дистанцирование от Советского Союза и ориентацию на налаживание контактов с западными державами и Китаем.

Смерть в марте 1965 г. Георгиу-Дежа и приход к власти Николае Чаушеску не привели к изменению прежнего курса румынской компартии, на что надеялась Москва. Более того, во внутренней политике стали нарастать националистические тенденции, направленные на разрыв дружественных отношений между народами Советского Союза и Румынии, сложившихся в конце 1940-х — начале 1950-х гг.¹¹ В 1968 г. Румыния поддержала Чехословакию в повороте к ориентации на западные державы.

К 1968 г. напряженность в отношениях Румынии с СССР и другими странами «социалистического лагеря» усилилась. Поведение Бухареста внушало все большую обеспокоенность. 31 января 1967 г. Румыния установила дипломатические отношения с ФРГ, что вызвало болезненную реакцию в Москве и особенно в ГДР¹². По сообщению из советского посольства в Бухаресте в МИД СССР от 3 февраля 1967 г., посланник ГДР в Румынии Э. Мольдт заявил советскому послу А. В. Басову, что, «по его мнению, установление дипломатических отношений между ФРГ и СРР наносит серьезный ущерб Германской Демократической Республике и не служит интересам европейской безопасности». При этом Мольдт подчеркнул, что «акт установления дипломатических отношений между СРР и ФРГ был осуществлен без всякого предварительного совета и консультаций не только с ГДР, но и с другими социалистическими странами»¹³. В конце марта — начале апреля 1968 г. во время посещения Финляндии румынская правительственная делегация возложила цветы на могилу маршала Маннергейма. Так гости сочли необходимым отметить участие последнего в боевых действиях на румынском фронте в Карпатах зимой 1916–1917 г. в качестве

¹¹ Подробнее см.: *Покивайлова Т.А.* Механизмы формирования общественных настроений в Румынии и их эволюция в 1940–1950 гг. // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М., 2011. С. 153–167; *Она же.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-российские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2013. С. 177–206.

¹² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 300а. Д. 18. Л. 92, 94, 139.

¹³ Там же. Оп. 57. П. 297. Д. 8. Л. 59.

командира крупного российско-румынского соединения, сражавшегося против германских и австро-венгерских войск. Советское правительство сочло этот акт недружественным по отношению к СССР, сделав упор на статусе Маннергейма, в годы Второй мировой войны верховного главнокомандующего армии Финляндии, воевавшей на стороне нацистской Германии. МИД СССР в связи с этим выразил протест румынскому послу в Москве¹⁴. Во время Шестидневной войны в июне 1967 г. на Ближнем Востоке Румыния не разорвала свои связи с Израилем и отказалась признать еврейское государство агрессором¹⁵, в то время как все другие страны восточного блока поддерживали Египет. В русле самостоятельного внешнеполитического курса Румыния выступила также за «прекращение нападков на коммунистический Китай»¹⁶. На сессии Великого национального собрания Чаушеску заявил, что РКП считает необходимым восстановление «законных прав» Китая в ООН. Чаушеску поддержал член Политбюро РКП Эмил Боднэраш¹⁷. Понятно, что подобные действия не могли не вызвать острого раздражения в Кремле.

Румынские лидеры были нетерпимы к любой критике в свой адрес. Когда на одном из заседаний комиссии представителей коммунистических и рабочих партий, собравшейся в Будапеште в конце февраля 1968 г. для подготовки международного совещания, глава сирийской делегации Халед Багдаш подверг критике руководство Румынии, обвинив его в национализме, румынская делегация покинула зал и отбыла в Бухарест¹⁸. Уход румынской делегации с заседания широко освещался в западной прессе. В частности, печать ФРГ писала о том, что в изменившейся обстановке «даже такие маленькие страны, как Румыния, могут позволить себе пренебречь мнением большинства и совершенно безнаказанно выйти из рядов некогда единого движения», а французский еженедельник «Paris Match» констатировал, что «конечная цель Румынии сводится к тому, чтобы избавиться от опеки Москвы»¹⁹. История имела продолжение: в Румынии были организованы массовые митинги в поддержку действий делегации на встрече в Будапеште²⁰.

Румыния всячески пыталась если не сорвать, то, по крайней мере, затруднить работу и принятие коллективных решений в рамках СЭВ и ОВД. Противопоставляя себя другим странам «социалистического лагеря», руководство Румынии поддержало политику нового чехословацкого руководства, надеясь найти себе союзника в отношениях с Москвой, хотя само было далеко от идей реформирования существующего строя. В справке советского посольства в Румынии, направленной в МИД СССР 18 ноября 1968 г., отмечалось: «Несмотря

¹⁴ Там же. Д. 17. Л. 92, 94.

¹⁵ Там же. Оп. 58. П. 300а. Д. 18. Л. 140.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 134.

¹⁹ Там же. Л. 99, 101.

²⁰ Там же. Л. 72.

на все особенности курса РКП, позиции социализма в Румынии являются прочными, а внутривластное положение в целом устойчивым. События последнего времени показывают, что румынские руководители, очевидно, не намерены идти по пути ослабления довольно жесткого контроля и централизации в руководстве экономической и общественной жизнью страны. Подтверждением этого процесса служит тот факт, что, наряду с проявлением декларативных заявлений о стремлении к демократизации в последний период, в стране активно ведется борьба за усиление бдительности, принявшая характер широкой кампании внутри партии. РКП усиливает контроль за деятельностью партии»²¹ и, следовательно, добавим мы (*Т. П.*), всего общества. Кроме того, указывали авторы справки, кажущаяся демократизация политической жизни объясняется, прежде всего, желанием «как можно скорее освободиться от наследия Георгиу-Дежа и связанных с ним в прошлом работников», которые на начальном этапе народной власти сотрудничали с Москвой и поддерживали политику СССР на международной арене. Приход на их место новых кадров преследовал также цель создать вместо культа Георгиу-Дежа культ Чаушеску. Именно этим авторы справки объясняли начавшийся в апреле 1968 г. процесс реабилитации некоторых партийных и государственных деятелей, подвергнутых ранее необоснованным репрессиям (Лукрециу Пэтрэшкану, Штефана Фориша и других)²². Чаушеску, по сути, сосредоточил власть в своих руках. Венгерский посол в Бухаресте в одной из бесед с сотрудниками советского посольства заявил, что, «по его мнению, реальное значение имеют лишь встречи и беседы с т. Чаушеску, ибо никто другой, включая [премьер-министра] т. Маурера, ничего не решает»²³.

Сотрудник болгарского посольства в Бухаресте Г. Богданов поделился с советскими коллегами своими впечатлениями о встрече Тодора Живкова и Чаушеску, состоявшейся в октябре 1967 г.: «Серьезных переговоров не было, беседы велись, в основном, в автомашинах и во время кратковременных остановок, причем говорил, в основном, Н. Чаушеску». Богданов отметил, что «Чаушеску держал себя нервно, легко возбуждался, терял контроль над собой, особенно после небольшого количества выпитого вина. Излагая свою точку зрения по тому или иному вопросу, часто делал это с таким видом, будто бы лишь ему одному известна истина. Несколько раз он делал намеки на давление, которое он, якобы, испытывает со стороны ряда партий и, прежде всего, КПСС; многие вопросы трактовал с явно выраженным националистическим оттенком. По манере Н. Чаушеску держаться по отношению к другим румынским руководителям, по безапелляционному тону его высказываний можно предположить, что он является носителем тех тенденций, которые определяют националистические устремления румынского руководства». Кроме того, по словам

²¹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 301. Д. 28. Л. 131.

²² Там же. Д. 29. Л. 1–23.

²³ Там же. П. 300а. Д. 17. Л. 92.

болгарского дипломата, «в репликах и высказываниях Н. Чаушеску сквозили антисоветские настроения»²⁴.

В 1968 г. представительные румынские делегации дважды побывали в Чехословакии — в феврале, на праздновании 20-летия февральской победы 1948 г., и в середине августа, когда за несколько дней до вторжения был подписан новый двусторонний договор о дружбе и сотрудничестве. Румынское руководство выразило полную поддержку политике чехословацкого правительства во внутриполитических и международных делах. Чаушеску утверждал, что в Чехословакии отсутствуют антисоциалистические элементы, а острые заявления Москвы на этот счет считал не соответствующими объективному положению дел в Чехословакии²⁵.

Из-за особой позиции Румынии в советском блоке Кремль и руководство других «братских» стран посчитали правильным не приглашать румын на закрытые совещания и встречи, где обсуждались вопросы, связанные с ситуацией в Чехословакии, и принималось решение о вводе войск. Официальных протестов из Бухареста не последовало. Тем не менее в августе 1968 г. Чаушеску с обидой заявил руководству Чехословакии, что, хотя Румыния является членом Варшавского договора, ее представители не были приглашены на совещания ПКК ОВД ни в Дрездене (23 марта 1968 г.), ни в Варшаве (14–15 июля), ни в Братиславе (3 августа)²⁶. Развитие событий в Чехословакии, сопровождавшееся ужесточением их оценок в «социалистическом лагере», не располагало к углубленному анализу особого курса Румынии. Но есть основания считать, что не все руководители «братских» стран с самого начала воспринимали его остро критически. В историографии неоднократно отмечена умеренность и сдержанность венгерского лидера Яноша Кадара, имевшего за плечами трудный опыт «прерванной» революции 1956 г. в собственной стране. В мае 1968 г. на совещании «пятерки» в Москве Кадар подчеркивал: «...Мы не должны исходить только из фактов, которые лежат на поверхности. Если мы будем считать, что Мао Дзедун и его товарищи выжили из ума, что Фидель Кастро — мелкий буржуа, Чаушеску — националист, а в Чехословакии действуют попросту сумасшедшие, то при таком подходе мы вообще не сможем ничего решить»²⁷. Однако замечу, что уже через несколько месяцев, к августу 1968 г., позиция лидера венгерских коммунистов изменилась: он поддержал решение о вводе союзных войск на территорию Чехословакии.

Информация о подготовке силового варианта поступала в Бухарест по различным каналам, но о состоявшемся вводе войск румынское руководство

²⁴ Там же. П. 301. Д. 29. Л. 195–196.

²⁵ Там же. П. 300а. Д. 17. Л. 233–234; *Matei D. Primăvară de la Praga și diplomația Română*. P. 10.

²⁶ *Istoria Comunismului din Română*. Vol. II. Documente. Nicolae Ceaușescu. P. 418–419.

²⁷ *Cim s-a liemdarea primavării de lu Praga. Raportulul Comitetul Politic eu privire la întâlnirea de lu 8 mai 1968 a primilor secretari al partidelor frățești din einci țări socialiste. Un răspuns din athivele ungure // Magazin istoric*. 1998. № 7. P. 24–25.

официально узнало только в 3 часа 21 августа 1968 г., когда в ЦК РКП из советского посольства было доставлено курьером письмо (без подписи). В нем сообщалось, что войска пяти стран по просьбе большинства членов ЦК КПЧ были введены в Чехословакию в целях противодействия контрреволюции. Ознакомившись с письмом, Чаушеску в 6 часов 30 минут срочно созвал заседание Исполнительного комитета ЦК РКП, а в 10 часов утра уже состоялся расширенный пленум ЦК совместно с правительством Румынии.

Чаушеску представил на пленуме четко сформулированную позицию, согласно которой угрозы контрреволюции в Чехословакии не существовало, ЦК КПЧ владел ситуацией в стране, и, следовательно, для военной акции не было никаких оснований. Интервенцию Чаушеску оценил как грубую ошибку, подчеркнув, что Румыния может стать следующим объектом вторжения. Исходя из сложившейся обстановки, румынский руководитель указал на необходимость мобилизации армии, усиления охраны жизненно важных объектов, создания рабочих и патриотических отрядов самообороны. «Путь решения проблем, на который вступило руководство пяти стран, — заявил Чаушеску, — это путь авантюры, и нет никакой гарантии, что подобное не может случиться с другими странами, прежде всего с Румынией»²⁸. Хотя Чаушеску не упоминал об особом курсе Румынии, по всей вероятности, именно его он считал основанием для подобных опасений.

Несомненно, важным стимулом решительных заявлений Чаушеску являлись его опасения потерять власть. Не случайно поэтому уже на упомянутом выше заседании Исполкома ЦК РКП он, по сути, встал на путь круговой поруки: заставил каждого участника дать оценку случившемуся. Скорее всего, он не хотел допустить, чтобы в руководстве РКП появилась «группа товарищей», наподобие «чехословацкой четверки», которые в будущем могли бы попытаться посягнуть на его власть. Благо прецеденты в истории румынской компартии имелись — «дела» Штефана Фориша (1944 г.), Анны Паукер и Василе Луки (1952 г.), Мирона КонстантINESКУ, Теохари Джорджеску и Иосифа Кишиневского (1957 г.). Уместно напомнить и другие, менее известные факты, как, например, неудавшаяся попытка Хрущёва отстранить от власти в 1956–1957 гг. и в 1962–1963 гг. Георгиу-Дежа, заменив его на Киву Стойку или Георге Апостола, что не могло не повлиять негативно не только на личные отношения двух лидеров, но и на двусторонние отношения Румынии и СССР в целом²⁹.

Выступая вслед за генеральным секретарем, член Политбюро ЦК РКП Георге Апостол, впоследствии один из оппонентов Чаушеску, поддержал его позицию и заявил: «От советских можно ожидать всего, чего угодно». В том

²⁸ Stenograma ședinței Comitetul Executiv al CC al PCR din ziua de 21 august 1968 // Retezan M. 1968 — din primăvară până în toamnă. București, 1998. P. 278–279.

²⁹ Подробнее см.: Anton M. Ieșirea din cere. Politica externă regimului: Gheorghii-Dej. București, 2007. P. 82–92, 118–147, 177–192; *Ibid.* O vizita cu multe semne de întrebare. N. S. Hrușov la București. 18–25 iunie 1962 // Arhivele Totalitarismului. № 3–4. București, 2007. P. 187–202.

же ключе оценил обстановку Д. Поп: «События в Чехословакии, — заявил он, — вызывают не только возмущение, но и требуют принять меры для защиты нас не только от США и ФРГ, о чем постоянно твердят советские товарищи, но и против интервенции первого в мире социалистического государства не на словах, а на деле... Интервенция в Чехословакию показала его подлинное лицо, чуждое марксизму-ленинизму. Ведь в Чехословакию вторглись не США и ФРГ, а Советский Союз и войска еще четырех социалистических стран»³⁰.

Все выступившие поддержали Чаушеску, демонстрируя при том из карьеристских побуждений свои верноподданнические чувства. На их фоне выделялось выступление Киву Стойки, в котором он ни разу не упомянул ни Советский Союз, ни Чаушеску. Он акцентировал внимание на характере отношений между социалистическими странами: сотрудничество и взаимопомощь, но никоим образом не подчинение и господство³¹.

В конечном итоге все члены Исполнительного комитета ЦК РКП, как представители старшего поколения (Ион Георге Маурер, Эмил Боднэраш, Александру Бырлэдяну, Леонте Рэуту и др.), так и новые выдвиженцы, высказались в поддержку сформулированной Чаушеску позиции³².

В тот же день, 21 августа, состоялось заседание руководства Министерства обороны Румынии, наметившее конкретные меры по защите военных объектов, аэродромов, железных дорог, усилению охраны границ и пр.

В полдень 22 августа в Бухаресте состоялся многочисленный митинг трудящихся. По призыву ЦК РКП огромные массы народа стекались в центр столицы, демонстрируя с небывалым подъемом солидарность с братской Чехословакией. С балкона здания ЦК Чаушеску произнес пламенную речь, основное содержание которой сводилось к следующему: предпринятый через голову чехословацкого руководства, ЦК КПЧ и чехословацкого правительства ввод войск в Чехословакию равнозначен оккупации; нарушены принципы взаимоотношений между социалистическими странами и коммунистическими партиями стран-членов Варшавского договора.

Возглавлявший в то время кабинет министров Ион Маурер признал позднее, что Чаушеску, «опьяненный реакцией масс», отступил от заранее подготовленного текста и сказал больше, чем предполагалось. Ввод войск он, в частности, резко квалифицировал как «момент позора в международном рабочем движении»³³.

Пользуясь сложившейся ситуацией, Чаушеску и его окружение пытались создать в румынском обществе атмосферу политического психоза, подключив к этому средства массовой информации и весь пропагандистский аппарат.

³⁰ Stenograma ședinței Comitetul Executiv al CC al PCR. P. 291–292.

³¹ Ibid. P. 281.

³² Ibid. P. 291–292.

³³ Цит. по: История Румынии. Перевод с рум. яз. / координаторы Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован. М., 2005. С. 648–649.

В стране ширились слухи о предстоящем вторжении в Румынию, называлась и дата — 8 сентября 1968 г.³⁴

Прозвучавший на массовом митинге в центре столицы призыв Чаушеску «быть готовыми в любой момент выступить на защиту нашей социалистической родины» начал стремительно воплощаться в жизнь. Уже на следующее утро несколько батальонов бойцов патриотической гвардии с оружием в руках прошли по улицам Бухареста, в том числе и перед зданием советского посольства. 23 августа отряды гвардейцев приняли участие в демонстрации трудящихся по случаю 24-й годовщины освобождения Румынии от фашизма³⁵. В последующие дни на большинстве предприятий, в учреждениях и кооперативах были сформированы отряды патриотической гвардии, которые были сведены в роты и батальоны. Решалась задача их вооружения и обучения. Так, на крупный металлургический комбинат в Галаце было завезено оружие, которое было роздано рабочим, была организована усиленная военная подготовка³⁶.

Настроения в румынском обществе были сложными: по мнению тщательно изучившего источники историка В. Буги, поддержка румынами своего руководства не была всеобщей. Эта важная констатация нуждается в пояснении.

Значительная часть рабочего класса, крестьянства, партийных и государственных функционеров безоговорочно поддерживала линию партии. Вместе с тем среди рабочих и интеллигенции имелись недовольные политикой Чаушеску, в том числе и внешнеполитическим курсом, причем не только во время чехословацкого кризиса. Свидетельством тому являлись письма, поступавшие в советское посольство в Бухаресте³⁷. Возможно, это объяснялось тем, что во взаимоотношениях между СССР и Румынией не было своего 1953 г., как в ГДР, или 1956-го, как в Венгрии и Польше. Румынское общество в целом в 1950–1960-е гг. было дружественно настроено к Советскому Союзу, ощущая экономическую помощь советской страны и справедливо увязывая с ней реальное повышение жизненного уровня.

При том, что в обществе, несомненно, превалировали осуждение интервенции и поддержка чехословацких реформаторов, вместе с тем часть его, в первую очередь интеллигенция, выражала надежду на отказ от постулатов догматического социализма и демократизацию в собственной стране. Это не могло не вызывать определенную озабоченность у руководства РКП. В целях предотвращения нежелательных явлений партийные власти, с одной стороны, стремились усилить контроль за культурной жизнью страны, а с другой — допускали некоторую (дозированную) либерализацию под патронатом партии и по ее инициативе.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 301. Д. 28. Л. 120.

³⁵ Там же. П. 300а. Д. 178. Л. 301–302.

³⁶ Там же. П. 301. Д. 28. Л. 120.

³⁷ *Buga V. Pe muchie de cutit. P.107–108.*

Документы рисуют сложную картину восприятия событий августа 1968 г. в отдаленных, национально неоднородных районах: растерянность и замешательство, непонимание происходящего (возможно, в силу достаточно прочно укоренившихся в сознании просоветских настроений)³⁸.

И, наконец, главный вопрос: насколько реальна была военная угроза со стороны государств Варшавского договора, о которой неоднократно говорил Чаушеску? Скорее всего, намерений использовать силовой вариант в Румынии у Москвы не было. Во многом действиями и оценками Чаушеску руководил страх, что советское руководство захочет сменить его на другого лидера, принимавшего согласованную позицию советского блока. Он явно хотел использовать ситуацию для укрепления своей личной власти внутри страны и авторитета за рубежом.

Безусловно, особая позиция Румынии вызывала раздражение у советских руководителей. В беседе с румынским послом Теодором Маринеску 21 августа 1968 г. заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичёв указал на недопустимость использования в публичных выступлениях румынских представителей таких выражений, как, например, «оккупация Чехословакии». Ильичёв обратил внимание посла на заявление ТАСС, в котором говорилось о просьбе группы чехословацких партийных и государственных деятелей ввести войска стран Варшавского договора в Чехословакию. Как несоответствующее реальному положению дел в стране Ильичёв отверг заявление МИД Румынии о том, что в Чехословакии отсутствуют антисоциалистические элементы³⁹.

Во время чехословацкого кризиса Чаушеску не раз демонстрировал свою готовность посредничать в нормализации обстановки: он обращается на Запад, к руководству Югославии и Китая, в международные организации, призывает руководителей СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши провести встречу с чехословацкой стороной с целью преодоления кризиса. Пытаясь заручиться поддержкой западноевропейских компартий, Чаушеску 23 августа предложил их руководителям и лидерам стран Варшавского договора созвать совещание с приглашением Дубчека и других реформаторов, чтобы сообща обсудить положение в Чехословакии. Западные компартии, осудив акт вмешательства стран Варшавского договора во внутренние дела Чехословакии, высказались в пользу такого совещания, но ничего конкретного не предложили. Советское руководство, помедлив, 25 августа отказалось от проведения такого совещания. И идея, выдвинутая руководством РКП, повисла в воздухе.

В сложной международной обстановке румынская сторона тщательно отслеживала позиции лидеров, прежде всего западных стран. Инструкция о необходимости такой работы была разослана МИД Румынии во все румынские посольства. Поступавшая оттуда информация, как и записи бесед с представителями западных держав в Бухаресте, оказалась, однако, неутешительной.

³⁸ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 301. Д. 29. Л. 69.

³⁹ *Matei D. Primăvară de la Praga și diplomația Română*. P. 10.

Нельзя сказать, что позиция румынского руководства не находила отклика на Западе. Румынское руководство срывало аплодисменты западных политиков, ему обещали экономическую поддержку и кредиты. Однако в целом западные страны заняли весьма сдержанную позицию, демонстрируя, что не намерены вмешиваться в события, происходившие в советской сфере влияния. Британский посол в Бухаресте Дж. Чедвик заявил, что возможности Англии как одной из пяти великих держав будут ограничены действиями, которые предпринимает сама Румыния⁴⁰. Посол США в Бухаресте Р. Дэвис был еще более сдержан. «В настоящий момент мы не делаем публичных заявлений, а ожидаем, что предпримет Совет Безопасности. Кроме того, мы ведем переговоры с чехословацким послом с целью выяснения некоторых деталей. Хотя, как нам кажется, — добавил он, — чехословацкий посол не владеет достаточной информацией о конкретных действиях своего правительства». Правительство США лишь поддержало идею созыва Совета Безопасности, но отказалось выступить с подобной инициативой.

В какой-то степени позицию США прояснил румынским дипломатам корреспондент французской газеты «*Le Monde*» в Варшаве Бернард Маргеритт: «Среди западных дипломатов, аккредитованных в Варшаве, ходят слухи, что вторжение советских войск в Чехословакию не могло произойти без уведомления об этом администрации США, и именно этим фактом можно объяснить, почему американское правительство не реагировало немедленно на столь тяжелую ситуацию, в то время как в других, менее значительных, случаях оно реагирует мгновенно»⁴¹.

В сообщениях, поступающих по румынским каналам из Вашингтона и Бонна, говорилось, что правительства США и ФРГ рассматривают внутривнутриполитическую обстановку в Чехословакии через призму послевоенного раздела сфер влияния великих держав и Ялтинских договоренностей⁴². Министр иностранных дел Австрии Курт Вальдхайм в беседе с румынским послом заметил, что ситуация в Румынии отличается от чехословацкой, и он не разделяет мнения тех, кто считает, что Румыния может быть оккупирована, поскольку «весь народ Румынии объединен вокруг правительства»⁴³. Состоявшаяся 24 августа встреча Чаушеску с Тито и Карделем в югославском городе Вршац недалеко от румыно-югославской границы практически закончилась для румын

⁴⁰ *Matei D. Primăvară de la Praga și diplomația Romană. P. 11.*

⁴¹ *Ibid. P. 12.* В ходе конфликта отчетливо проявилась так называемая блоковая дипломатия. Американская сторона была озабочена соблюдением ялтинско-потсдамских договоренностей и не собиралась вмешиваться в ситуацию в советском блоке. 22 июля 1968 г. государственный секретарь Соединенных Штатов Дин Раск заверил советского посла в Вашингтоне А. Ф. Добрынина, что в связи с событиями в Чехословакии его страна намерена проявить сдержанность. В Вашингтоне считали события в Чехословакии делом самих чехов и словаков и Организации Варшавского договора. (*Прим. редколлегии*).

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*

безрезультатно. Тито заявил Чаушеску, что в случае вторжения союзных войск на территорию Румынии он готов пропустить румынские войска в Югославию, но без оружия. В противном случае румынские войска будут разоружены⁴⁴.

Со своей стороны, Москва стремилась снизить накал страстей в Румынии. С этой целью было решено направить румынскому руководству по дипломатическим каналам письмо, в котором говорилось, что ТАСС опровергает всякие слухи об «интервенции» в Румынию⁴⁵. В этой ситуации позиция Румынии стала быстро меняться. Накануне национального праздника 23 августа — дня освобождения Румынии от фашизма — в румынские посольства поступило указание не поднимать вопрос о Чехословакии на официальных мероприятиях. 24 августа Чаушеску, выступая на митинге в Брашове, заявил, что во взаимоотношениях СССР и Румынии нет проблем, которые могли бы помешать их дружбе и сотрудничеству. На следующий день, 25 августа, в Исполком ЦК РКП поступило из советского посольства письмо (датировано 24 августа), которое, по всей вероятности, развеяло страхи перед угрозой интервенции союзных войск в Румынию. На состоявшейся в тот же день встрече Чаушеску с послом А. В. Басовым советская позиция, скорее всего, получила дополнительное освещение и была соответствующим образом прокомментирована. Сразу после встречи срочно было созвано заседание ЦК РКП, на котором Чаушеску информировал о своем разговоре с советским дипломатом и о содержании письма. Подводя итог своему выступлению, он заявил, что сделает все возможное для позитивного развития отношений с Советским Союзом и социалистическими странами, чтобы устранить «любые спекуляции со стороны империалистических кругов»⁴⁶.

28 августа, уже после окончания советско-чехословацких переговоров⁴⁷, Чаушеску подчеркнул, что нельзя действовать через голову нынешнего

---

⁴⁴ Ibid. Югославский альтернат записи беседы в переводе с сербского яз. публикуется в разделе «Приложение» настоящей книги.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 301. Д. 28. Л. 143.

⁴⁶ *Retegan M.* 1968 — din primăvară până în toamnă. P. 301.

⁴⁷ Переговоры проходили 23–26 августа в Москве. Согласно официальной трактовке, предметом обсуждения являлись вопросы международного характера, в частности, активизации империалистических сил против лагеря социализма, а также положения в Чехословакии и временного вступления на ее территорию войск пяти социалистических стран. Была подчеркнута необходимость последовательной реализации принятых в Чиерне-над-Тисой совместных решений и сформулированных на совещании в Братиславе положений и принципов с целью скорейшей нормализации обстановки в ЧССР. Советская сторона подчеркнула готовность к широкому и искреннему сотрудничеству и следованию принципам взаимного уважения, равноправия, территориальной целостности, независимости и социалистической солидарности. В подтверждение было заявлено о невмешательстве во внутренние дела Чехословакии войск союзных стран, временно вступивших на ее территорию (Коммюнике о советско-чехословацких переговорах // Правда. 1968. 28 VIII. № 241 (18288). С. 1). (Прим. редколлегии).

руководства Чехословакии во главе с президентом Л. Свободой. Он также не поддержал идею создания чехословацкого правительства в эмиграции⁴⁸.

Таким образом, во время чехословацких событий 1968 г. румынское руководство во главе с Чаушеску заняло особую позицию, отличную от других стран Варшавского договора. В создавшихся кризисных условиях в социалистическом содружестве и на международной арене в связи с вводом войск пяти государств Варшавского договора румынский лидер защищал прежде всего собственные интересы и стремился к укреплению личных позиций, как внутри страны, так и за рубежом. Во внутренней политике, сохраняя устаревшую экстенсивную модель социализма с опорой на собственные силы, Чаушеску пошел по пути раздувания национализма и антисоветизма. Во внешней политике, лавируя в треугольнике Москва — Пекин — Вашингтон, он стремился добиться преференций, прежде всего, со стороны западных держав. Ничего общего с трансформационными идеями и реформированием социалистического общества в демократическом направлении его политика не имела.

---

⁴⁸ Из опубликованных материалов советской разведки следует, что идея создания чехословацкого правительства в эмиграции принадлежала «некоторым деятелям контрреволюции». В частности, указывалось на одну из знаковых фигур чехословацких реформаторов — Оту Шика, ставшего «невозвращенцем» (в момент вступления войск он находился на отдыхе в Югославии). Исходя из реальной обстановки в Чехословакии и позиции Тито, не поддержавшего эту идею, оставшиеся в стране «представители правых» считали формирование кабинета в эмиграции нецелесообразным. В качестве альтернативы указывалось на усиление «движения сопротивления» в Чехословакии, включая саботаж и методы партизанской войны. URL: proza.ru/2010/10/04/935 (дата обращения: 17.05.2020). (Прим. редакции).

Бела Йозефович Желицки

ЯНОШ КАДАР И АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЙ 1968 г.

С о времени подавления венгерской революции 1956 г. прошло всего 12 лет, когда наступила «Пражская весна». В 1968 г. весь мир пришел в движение, охватившее как благополучный Запад, так и многострадальный Восток и заявившее о себе чередой значительных, порой трагических событий в общественно-политической жизни. Достаточно вспомнить мощные студенческие демонстрации в Париже, которые напугали даже генерала де Голля, молодежные акции протеста в Западной Европе и Польше, кровопролитные бои в Южном Вьетнаме, гражданские войны в Лаосе и Камбодже, гибель первого в мире космонавта Ю. А. Гагарина, убийство сенатора США Р. Кеннеди...

Массовые беспорядки, протесты и бунты по всему миру имели разный характер, были вызваны различными причинами, которые толковались по-разному, но суть их была одна — стремление к переменам, к политическим и социальным преобразованиям, к расширению демократических свобод и изменениям существующих порядков. В Западной Европе под воздействием идей либерализма звучали требования расширения гражданских прав и свобод, популяризировались лозунги, осуждавшие расизм, в поддержку радикальных идей и свободы нравов.

В социалистическом мире 1968 г. ознаменовался борьбой против тоталитаризма, сопротивлением тирании, диктату и застою, стремлением к реформированию общественной системы, к ее демократизации. Одним из наиболее ярких и судьбоносных событий 1968 г. стала, конечно, «Пражская весна» — своеобразный символ перемен, выражение настроений широких народных масс, их жажды свободомыслия и стремления к свободе.

В условиях коммунистической диктатуры правящие партии не допускали свободомыслия и реального существования оппозиции, уничтожали их в зародыше, отказывая даже собственным функционерам в попытках что-либо изменить, улучшить в системе, т. е. отойти от сталинского образца в направлении гуманизации социализма. Для блокирования подобных устремлений в рамках «социалистического лагеря» использовались как внутренние, так нередко и внешние силы.

Для двух центральноевропейских стран — Венгрии и Чехословакии 1968 г. стал временем реформаторских инициатив и начинаний. Весьма упрощенно

и условно их можно назвать реформами Кадара и Дубчека (хотя на самом деле в ВНР эта реформа больше связана с именем Режё Ньерша, а в ЧССР в условиях коммунистической диктатуры — Любомира Штроугала и Оты Шика). Начатые тогда преобразования, так или иначе, вели к созданию отличающихся от советской модели вариантов социализма. Ранним предшественником подобных, правда, еще робких реформаторских инициатив в Венгрии в 1953 г. стал премьер-министр Имре Надь, но ему, как известно, не было позволено реализовать свои идеи. Обозначенные им начинания экономических и частичных политических реформ в условиях ракошистского «социализма» признавались «преждевременными» и даже вредными. Они отвергались самим партийным ареопагом. Инициативы Надя были уничтожены на корню, а его самого объявили ревизионистом. Между тем венгерская историческая практика убедительно показала, что в условиях застоя при пренебрежительном отношении к назревшим преобразованиям и реформам в общественно-политической жизни появляются противоречия, назревает напряжение, которое приводит к росту недовольства, к массовым протестам и чревато стихийным революционным взрывом. Впрочем, Янош Кадар, согласившись в 1956-м на роль душителя или могильщика венгерской революции, придя к власти, был вынужден осознать необходимость уступок восставшему народу. После подавления революции он согласился на определенные перемены.

Находясь у власти, Кадар вскоре поддержал реформаторские инициативы. После предварительных опытов и отраслевых испытаний с 1 января 1968 г. Венгрия начала «реформу экономического механизма»¹, которая сразу же стала давать положительные результаты. Опыт постреволюционного «примирения» со своим народом, «молчаливое согласие» венгерского общества с властью в обмен на частичные уступки с ее стороны позволили Кадару завоевать определенное признание в стране и мире. Правда, в «лагере социализма» венгерскому лидеру пришлось преодолеть немалые препятствия, чтобы отстоять возможность реформы. Успехи Кадара вызывали к нему и его политической практике интерес и уважение со стороны реформаторов в других странах региона. В руководстве компартии Чехословакии интерес к венгерскому опыту проявился главным образом в 1968 г., когда КПЧ возглавил бывший первый секретарь компартии Словакии Александр Дубчек.

Обстановка в странах Восточной Европы к началу 1968 г. реально мало чем отличалась от предреволюционной ситуации 1956 г. в Венгрии. При этом потребность в переменах, в демократизации жизни общества оставалась неизменной. Однако коммунистические режимы, в которых решающее слово по-прежнему принадлежало старым испытанным кадрам, не учли уроков истории, не считались с потребностью в преобразованиях и настроениями масс. Явно

---

¹ Подробнее см.: *Желицки Б.Й.* Венгерская экономическая реформа 60-х — начала 70-х годов XX века: социальные аспекты // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 220–240.

недостаточным оказался и учет уроков 1956 г. реформаторскими и леворадикальными силами, настроенными на серьезные перемены. Кроме того, как показали события 1968 г., сторонники демократизации не ощущали пределы допустимого, переоценили свои возможности и пренебрегли грозившей им реальной опасностью.

Что касается высшего руководства КПЧ, то обстановка в нем была сложной. Реформаторской части обновленной партийной элиты во главе с Дубчеком, настроенной с конца 1967 г. на реформы, также пришлось встретить сопротивление ортодоксальной части партийной верхушки. Впрочем, «отец венгерской реформы» Ньерш, который в кризисном 1968 г. дважды побывал в ЧССР, где встречался и беседовал со многими политическими деятелями, в отчете о поездке от 4 марта 1968 г., представленном в ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), с полной убежденностью писал, что «в Чехословакии в кризисе оказалась не система, а догматическая политика, политический курс, представленный А. Новотным, его методы и стиль работы». Раскрывая конкретные причины и оценивая ситуацию в соседней стране, Ньерш отмечал, что Дубчеку, которого он охарактеризовал как «преданного идее коммуниста», приходится нелегко при отстаивании своих взглядов, но что у него и других чехословацких реформаторов «имеются четкие представления о ситуации, и они сумеют ее преодолеть»².

Поддержанные Кадаром венгерские реформаторы-экономисты внимательно и с заинтересованностью в успехе преобразований наблюдали за событиями в сопредельной Чехословакии. Они не без основания надеялись, что посредством реформ им удастся улучшить положение в собственной стране. Вскоре выяснилось, однако, что чехословацкие реформаторы склонны к более масштабным преобразованиям, которые выходят за пределы экономики. Стремясь к демократизации общественной жизни страны, они вторглись в запретную для преобразований политическую зону и тем самым вызвали на себя огонь со стороны ретроградных сил как в самой Чехословакии, так и за ее пределами. Попытка проведения ими комплексной демократической реформы в исторических условиях 1968 г. тоже оказалась «преждевременной» и, как в 1953 г. в случае с И. Надем, была обречена на поражение. В памяти руководителей КПСС и других компартий, готовых коллективно выступить в защиту «братской» Чехословакии, еще были свежи воспоминания о венгерской революции, и они решили не допустить новых, опасных для системы, экспериментов. Лидеры «Пражской весны», лишённые свойственного Кадару политического опыта и осторожности, ошибочно полагали, что времена изменились, что реально существовавшему социализму уже можно придать более привлекательный, «человеческий» облик.

Накануне «Пражской весны» Дубчеку не раз приходилось встречаться и консультироваться с более опытным в политическом отношении Кадаром.

² *Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel. Budapest, 2004. 332–333. old.*

По словам Ньерша, венгерский лидер «с самого начала принял и поддержал Дубчека, его новое руководство, и лишь при необходимости призывал его действовать аккуратно по отношению к Новотному»³. Начиная с первой конфиденциальной встречи и во время последовавших частных и коллективных бесед Кадар и Дубчек обменивались актуальной информацией о ситуации в стране и мире, делились опытом проведения реформ.

Чем были вызваны эти встречи и какова была их атмосфера? О чем партийные лидеры вели беседы? Насколько они понимали друг друга? Каковы были роль и задачи Кадара во время этих встреч? Какое воздействие оказали они на ход и результаты политического процесса в Чехословакии? Попытаемся в меру наших возможностей найти ответы на эти и некоторые другие вопросы.

Кадар после 1956 г. некоторое время не располагал желанной самостоятельностью и, как справедливо отмечал бывший сотрудник международного отдела ЦК КПСС В. Л. Мусатов, находился на «ручном управлении»⁴. К 1968 г. он, благодаря «своему самостоятельному мышлению и харизме»⁴, уже приобрел необходимый опыт, становился все более известным и признанным партийным лидером в «лагере социализма». Завоеванный Кадаром авторитет обуславливал и растущие возможности его действий. Не удивительно поэтому, что с ним считались и к нему тянулись представители более молодого поколения коммунистов восточноевропейского региона. Среди них был и руководитель словацкой компартии, занявший в начале 1968 г. ответственный пост первого секретаря ЦК КПЧ.

Анализ контактов и встреч Кадара и Дубчека целесообразно начать с переломной для Чехословакии исторической даты. На 3–5 января 1968 г. был назначен пленум ЦК КПЧ, призванный принять решение об изменениях в составе высшего политического руководства страны. Еще накануне пленума, в декабре 1967 г., в чехословацкую столицу по инициативе Антонина Новотного (в то время руководителя КПЧ и главы чехословацкого государства) был приглашен генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Будучи хорошо осведомленным о проблемах и кризисной ситуации в стране, об отсутствии единства в руководстве чехословацкой компартии, советский лидер считал нужным, чтобы одновременно с ним в Прагу прибыл также Кадар. Он явно рассчитывал опереться на его опыт в беседах с чехословацким руководством.

Опережая события предстоящего пленума ЦК КПЧ, Брежнев еще 13 декабря 1967 г. лично позвонил Кадару в Будапешт, чтобы заранее согласовать прибытие в Прагу. И услышал в ответ нечто неожиданное. Кадар сообщил, что Прага только что отменила свое приглашение, прислав официальный отказ-извещение⁵. Отмеченный эпизод явно свидетельствовал об определенных не-

³ *Huszár T. Beszelgetések Nyers Rezsővel.* 334. old.

⁴ *Muszatov V. Szovjet politikai beavatkozás és katonai intervenció Magyarországon 1956–ban* // *Múltunk*, 1991, 4. sz., 170. old.

⁵ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz* // *Beszélő*. 2008, június – augusztus, 7. sz., 13. old.

урядицах и расхождении в высшем чехословацком партийном руководстве. Брежнев же, в свою очередь, рассчитывал на помощь и опыт Кадара, чтобы попытаться вместе с ним разобраться во внутривластной ситуации и помочь в преодолении разногласий в канун партийного пленума. В телефонном разговоре Брежнев, в частности, проинформировал Кадара о намечавшемся выдвижении Дубчека на пост руководителя КПЧ вместо Новотного.

Избрание Дубчека состоялось на январском пленуме ЦК КПЧ. В венгерском руководстве это было воспринято с надеждой: появлялся шанс на совместные действия двух партий в процессе реализации реформаторских проектов и в экономической, и в политической сферах. Информация о чехословацких инициативах и начинаниях уже поступала в Венгрию, где с начала 1968 г. делали первые шаги «реформы экономического механизма».

Говоря о реформаторских начинаниях в двух сопредельных странах «социалистического лагеря», следует считаться с тем немаловажным обстоятельством, что в коммунистическом блоке, по сути, почти все действующие лидеры являлись принципиальными противниками реформ и преобразований, следовательно, отход от принятого стандарта считался чуждым и опасным. Кстати, по этой причине тревогу вызвала и смена лидера КПЧ. В частности, В. Ульбрихта и возглавляемое им руководство СЕПГ и ГДР полностью устраивал Новотный как глава партии и государства. (Практически то же наблюдалось и в верхах других компартий региона, ничего не имевших против Новотного.) Тем не менее «смену караула» в Праге приняли, хотя и без особого энтузиазма, в Софии и Варшаве. В Москве же, как известно, Дубчека знали со времени его обучения в ВПШ ЦК КПСС, считались с ним и надеялись на него. «Ритуальную» поездку Дубчеку предстояло совершить именно в Москву, однако, стремясь публично не нарушать сложившуюся традицию, он решил предварительно негласно встретиться и побеседовать с Кадаром, к которому испытывал искреннее уважение. Эту встречу Дубчек инициировал сам и считал для себя крайне важной⁶.

Первая конфиденциальная встреча двух лидеров состоялась на охоте 20 и 21 января 1968 г. в приграничных словацких Паларикове и Комарно. Во время откровенного разговора обсуждались международная обстановка и развитие ситуации в Чехословакии. Кадар поделился с Дубчеком своим опытом преодоления разногласий в партийно-политической жизни. Он обратил внимание на важность сохранения единства в партии, аккуратно сформулировав мысль о бережном отношении к старым кадрам. В качестве аргумента привел следующий пример: Брежнев «оставил» Новотного на посту главы государства и по-прежнему уважительно относится к нему. Кадар также счел своим долгом обратить внимание собеседника на то, что серьезные дела в конечном счете нельзя решать на одних только секретных встречах⁷.

⁶ Ibid. 21. old.

⁷ Ibid. 11–15. old.

Дубчек, судя по записи присутствовавшего на встрече Кароя Эрдеи и по некоторым научным публикациям, произвел на Кадара хорошее впечатление. Выступая перед сотрудниками аппарата ЦК ВСРП, он охарактеризовал нового первого секретаря ЦК КПЧ как весьма приятного «здравомыслящего и ответственного человека, коммуниста, который озабочен [стоящими перед его страной] трудностями»⁸. Кадар, в частности, подчеркнул: «Была хорошая обстановка. Тов. Дубчек заявил, что ни с одним другим человеком ему не было так легко разговаривать»⁹.

Вернувшись в Будапешт, Кадар 22 января позвонил Брежневу и сообщил о состоявшейся встрече с Дубчеком. Поделился, в частности, приятными впечатлениями, которые произвел на него новый первый секретарь ЦК КПЧ. Можно только догадываться, почему Кадар решил проинформировать советского руководителя. Характерно, что Брежнев не выразил своего недовольства в связи с этой частной встречей.

Итак, начало было многообещающим. Последовавшая за первой встречей серия контактов двух лидеров проходила в более сложных, кризисных для Чехословакии условиях. Немало трудностей и проблем ожидало Дубчека на избранном пути. Ему предстояло неоднократно выслушивать упреки в свой адрес на многосторонних совещаниях партийных деятелей стран Организации Варшавского договора (ОВД), приходилось считаться с «коллективной мудростью» лидеров коммунистических и рабочих партий стран, далеких от каких-либо реформ и демократических устремлений. Они считали гораздо более опасными и в целом угрожающими для дела социализма ситуацию в Чехословакии и перспективы развития страны. Мало кто, кроме Кадара, понимал по-настоящему и мог объективно оценить действия и намерения чехословацкого политического руководства. Кадар же имел возможность во время личных встреч с чехословацким руководителем не только поделиться своим опытом, но и выяснить реальное состояние дел в Чехословакии. Он, естественно, располагал большей информацией о намерениях и целях лидера КПЧ, чем руководители других братских партий. Кадар доверял Дубчеку и считал, что под его руководством партия сумеет преодолеть кризисное состояние страны. Поэтому на многосторонних форумах партийных деятелей он упорно в острых дебатах с оппонентами чехословацких реформ пытался практически до конца поддерживать позицию лидера КПЧ и защищать его самого от нападков и критики. При этом Кадар, как правило, излагал свое собственное видение и оценку ситуации. О том, как это происходило, свидетельствуют конкретные материалы последующих встреч с участием Дубчека или в его отсутствие.

---

⁸ *Vida I.* A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság. 1968. január–október // *História*, 1993–0910. Digitális Tankönyvtár, 12–14. old. URL: <https://www.tankönyvtar.hu/tartalom/historia/93-0910/ch21.html> (дата обращения: 10.06.2020).

⁹ *Békés C.* Kádár János és a Prágai tavasz. 15. old.

Вслед за первой встречей Дубчека и Кадара вскоре последовала вторая. Она состоялась 4–5 февраля 1968 г. по просьбе Дубчека. Он назначил ее сначала на 5-е число, предложив местом проведения Будапешт, но затем лично позвонил в венгерское посольство в Праге, в результате чего была достигнута договоренность о проведении двухдневной встречи в Комарно. Во время встречи состоялся обмен мнениями о внешнеполитической ситуации в мире и о назревших актуальных проблемах внутреннего развития ЧССР¹⁰. Следует учитывать, что положение в стране становилось все более тревожным: одновременно сплачивались как ретроградные, выступающие против реформы, силы, так и протагонисты широкой радикальной демократизации жизни страны, либерализации режима, расширения реальных прав и свобод граждан. Такие устремления присутствовали и в рядах самой КПЧ, а также в близких к ней кругах интеллигенции, следовательно, находили отражение в планах и проектах самого партийного руководства. Атмосфера в стране стремительно менялась. Ситуация становилась непривычной, нестандартной для существовавшей системы. Готовясь ко встрече с Дубчеком в Комарно, Кадар тщательно изучал поступавшую информацию. Переговоры давали возможность расширить и конкретизировать предварительно полученные им сведения. К тому времени в Чехословакии уже была отменена цензура, на страницах прессы публиковались статьи по проблемам, ранее относившимся к числу запретных, поскольку не вписывались в рамки господствующей марксистско-ленинской идеологии.

Февральская встреча Кадара и Дубчека на сей раз была официальной. В ней участвовали представители МИД обоих государств и секретари ЦК двух компартий: с венгерской стороны З. Комочин, а с чехословацкой — В. Коуцкий. В повестке дня значились вопросы международного характера, внешней политики, генезиса и развития чехословацкого кризиса (в том числе ошибки, допущенные прежним руководством КПЧ). Важное место заняло обсуждение вариантов путей выхода из сложившейся ситуации. Позиции Кадара и Дубчека совпали в оценке ФРГ: стороны, в частности, договорились о необходимости добиваться пересмотра отношения к Западной Германии остальных стран ОВД.

Дубчек на встрече рассказал о поездке в Москву 30–31 января. Подробно остановился на планах модернизации страны и предстоящей демократизации общественно-политической жизни Чехословакии, включая разделение государственной и партийной власти. Дубчек также проинформировал о некоторых пунктах готовившейся Программы действий, опубликованной позднее, в апреле 1968 г., и о намерении руководства созвать в 1970 г. очередной съезд КПЧ.

Отметим, что по вопросам демократического переустройства Чехословакии позиция Кадара не во всем совпадала с представлениями Дубчека. На том этапе они еще не все вписывались в венгерские реформаторские концепции, выходили за их рамки, чем объяснялось отчасти настороженное отношение Кадара

¹⁰ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz. 22–23. old.*

к замыслам чехословацкой стороны. Венгерский лидер считал тогда некоторые из них чересчур смелыми и преждевременными, хотя впоследствии и сам обращался к подобным идеям и даже частично реализовал их. Это касалось, прежде всего, вопроса о честных парламентских выборах, а также о расширении прав общественных организаций. Кадар, например, не был согласен с тезисом Дубчека об уравнивании прав всех общественных организаций, понимая, что это означает посягательство на ведущую роль компартии. А для Кадара такая роль являлась аксиомой, о чем он прямо заявил собеседнику. В целом же руководитель ВСРП подтвердил свою позицию сторонника продолжения реформ в Чехословакии, что отвечало интересам и самой Венгрии, проводившей серьезные экономические преобразования.

На встрече в Комарно Кадар обещал Дубчеку оказать ЧССР необходимую экономическую поддержку в целях успешного преодоления кризисной ситуации. Он выразил также готовность к всестороннему развитию культурных связей и сотрудничества между двумя странами. Стороны зафиксировали полное совпадение взглядов относительно необходимости скорейшей стабилизации внутренней обстановки в Чехословакии, отметив, что она должна быть достигнута именно под руководством Дубчека, а не с помощью поощряемых извне «здоровых сил».

Полученная в Комарно свежая и достоверная информация о положении в сопредельной с Венгрией стране была озвучена Кадаром 6 февраля 1968 г. в докладе на закрытом заседании ЦК ВСРП. Характеризуя обстановку в Чехословакии, он, в частности, отметил: «Там происходят странные дела, такие, что волосы дыбом встают. Там готовят 12 пунктов и подают в ЦК. Их настрой не является враждебным или антипартийным, но они вместо ЦК готовят программу... Вот такие дела. Они поднимают, например, вопрос о том, стоит ли оставлять Новотного на посту главы государства, и пр.»¹¹.

Несмотря на очевидные сомнения Кадара, его в целом положительное отношение к происходившему в ЧССР не менялось. Находясь 22–23 февраля в Праге на торжествах в связи с 20-летием установления монопольной власти коммунистов, Кадар при встрече с Новотным заявил о своей поддержке реформаторских шагов Дубчека. Более того, стремясь помочь последнему в налаживании столь нужного единства в руководстве КПЧ, Кадар фактически взял на себя своеобразную посредническую миссию, стремясь убедить своего собеседника. При этом Кадар особо подчеркнул, что при решении вопроса об освобождении Новотного с поста руководителя партии его заслуги не ставятся под сомнение. Кадар просил Новотного забыть все обиды и поддержать новое партийное руководство в решении назревших в стране проблем.

Советское руководство и лично Брежнев хотя и не возражали против контактов Кадара с Дубчеком, все же решили не устраняться от контроля

---

¹¹ MSzMP KB ülése 1968. február 6. Jegyzőkönyv. MNL OL. MK-6-288. F.5/445.ö. (Цит. по: *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz*. 26. old.)

за действиями нового партийного лидера. Особенно актуальным такое решение стало после отмены цензуры в ЧССР. 13 марта Брежнев сообщил Кадару, что руководство намерено пригласить Дубчека в Москву для обсуждения сложившегося в Чехословакии положения. Кратко, без каких-либо пояснений и комментариев, советский лидер заявил, что Москва планирует и «другие меры» в отношении Чехословакии. Возможно, имелся в виду зарождавшийся в то время вариант военного решения проблемы. 16 марта последовал повторный звонок из Кремля: Брежнев сообщил Кадару, что Дубчек принял его предложение, но просил провести такую встречу позже. Как следует из записи телефонного разговора с Кадаром, Брежнев еще допускал возможность приглашения Дубчека в Будапешт¹². Сказал также, что в том случае, если встреча с Дубчеком получится в венгерской столице только двусторонней, он просил бы Кадара подготовить собеседника к многосторонним переговорам с участием представителей еще четырех компартий «братских» стран¹³.

От встречи 19 марта 1968 г. с Кадаром в Будапеште Дубчек отказался, а Брежневу предложил готовить многостороннее совещание в Дрездене. Мотивировал свой «географический» выбор Дубчек тем, что прежде не бывал в ГДР. (Судя по всему, он явно не был достаточно информирован о том, как лидер СЕПГ Ульбрихт относится к чехословацким реформам.) Кроме того, Дубчек посчитал важным предварительно оговорить характер переговоров, полагая, что они будут посвящены проблемам экономического развития с приглашением широкого круга специалистов.

В этой связи нельзя не отметить, что в данном случае сказалось отсутствие достаточного опыта у Дубчека — политика, которому следовало бы догадаться, что советские товарищи и их коллеги старой сталинской закалки из Восточной Германии, Болгарии и Польши, будучи противниками любых реформ и преобразований, проявят интерес не столько к хозяйственно-экономическим вопросам, сколько к общественно-политической ситуации в ЧССР. И еще одно важное обстоятельство: поскольку предложение провести встречу в ГДР исходило от самого Дубчека, то распространенное в литературе мнение, что его якобы «заманили в ловушку», представляется необоснованным.

Анализ венгерских партийных материалов и научной литературы показывает, что руководство ВСРП с самого начала расценивало предстоящее совещание в Дрездене с участием Гомулки и Ульбрихта как весьма опасное для реформ в Чехословакии и лично Дубчека. По имеющимся сведениям, именно упомянутые партийные лидеры предложили рассмотреть на ближайшем форуме политическую ситуацию в этой стране, чтобы добиться прекращения

¹² Речь шла о консультативной встрече представителей компартий стран «социалистического лагеря» в связи с готовившимся международным совещанием в Москве, подобным совещаниям 1957 и 1960 гг. (*Прим. редколлегии*).

¹³ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz. 34. old. Feljegyzés Kádár — Brezsnyev telefonbeszélgetéséről, 1968.március 13. MOL MK-5. F.47./743. Ö.e.* (Запись телефонных разговоров Кадара и Брежнева).

нежелательных для социалистической системы процессов демократизации. Опасаясь за судьбу чехословацкой реформы, некоторые члены Политбюро ЦК ВСРП даже попытались уговорить Кадара, чтобы он убедил Дубчека не ездить в Дрезден. Но это уже было невозможно.

Сам Кадар, который ситуацию в ЧССР тогда не считал столь критической, как Брежнев и некоторые другие руководители, и к тому же не хотел конфликтовать с советским генсеком, решил, что венгерская делегация обязательно должна присутствовать на форуме. Он полагал, что следует поддержать чехословацких коллег-реформаторов во главе с Дубчеком, хотя такая поддержка означала определенный риск для самой венгерской реформы.

На совещании в Дрездене 23 марта 1968 г. собрались руководители компартий шести стран — СССР, ЧССР, НРБ, ГДР, ВНР и ПНР (Н. Чаушеску не пригласили, а Т. Живкова, находившегося на переговорах в Турции, заменил Ст. Тодоров). Чехословацкая партийная делегация была представлена А. Дубчеком, Й. Ленартом и О. Черником. Забегая вперед, заметим, что в Дрездене представители ЧССР в первый и последний раз участвовали в работе такого многостороннего форума. Совещание на правах хозяина встречи открыл Ульбрихт, а затем слово было предоставлено Дубчеку для информации о положении в Чехословакии. Участники подвергли, как известно, резкой критике и «товарищескому» осуждению руководство КПЧ за создавшуюся в ЧССР политическую ситуацию.

Тон обсуждения был задан Брежневым, который опирался главным образом на информацию, полученную от советского посла в Праге С. В. Червоненко. Генеральный секретарь ЦК КПСС с озабоченностью, а местами и в мрачных тонах охарактеризовал положение, которое сложилось в Чехословакии, весьма остро критиковал политику КПЧ. Основными аргументами явились отмена цензуры и, как следствие, утрата контроля над СМИ, критика в них партийно-государственного аппарата, поворот ЧССР в сторону Запада и стремление к возрождению буржуазной демократии времен Масарика. В выступлениях Брежнева и Гомулки уже прозвучали тезис о «контрреволюционной угрозе» или характеристика ситуации в стране как «контрреволюционной»¹⁴. Наряду с Дубчеком, поименной критики от Брежнева «удостоились» также О. Шик, Й. Смрковский и даже Г. Гусак. Советский лидер упрекал новое чехословацкое руководство и в том, что оно под давлением печати 22 марта, накануне встречи в Дрездене, согласилось на устранение Новотного с поста главы государства. Болгарский представитель, присоединившись к наиболее резким высказываниям Гомулки о тяжелой ситуации в ЧССР, говорил о ее большой опасности для всех социалистических стран. По его словам, положение в Чехословакии вызывает озабоченность в Болгарии, а Ульбрихт призвал руководство КПЧ использовать для наведения порядка в стране не политические, а полицейские меры¹⁵.

¹⁴ *Vida I.* A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság. 21. old.

¹⁵ *Ibid.*

Кадар же не мог принять однозначно осуждающего заявления Гомулки в адрес нового руководства КПЧ, так же как и некоторые брежневские характеристики и оценки сложившейся в ЧССР ситуации. Фактически лишь он один поддержал, хотя и с некоторыми оговорками, намерения КПЧ во главе с Дубчеком, чем и «вызвал огонь на себя» со стороны других участников встречи. Р. Ньерш вспоминал, что в Дрездене Кадар выступал «в свойственной ему сдержанной манере на основе имеющейся информации и собственного суждения», призвал доверять Дубчеку и новому партийному руководству, поддержать их основные цели и начинания¹⁶. Его фактически посредническая позиция основывалась на глубокой внутренней убежденности в том, что нельзя вмешиваться во внутренние дела другого государства, что обстановка в ЧССР не может считаться контрреволюционной, хотя при этом был вынужден констатировать отсутствие единства в правящей партии. Критические высказывания Кадара были не столь значительны, хотя он и признал, что определенная опасность для появления антисоциалистических тенденций в Чехословакии все же существует. Для ее преодоления в качестве «рецепта» Кадар привел собственный политический опыт и посчитал своим долгом напомнить чехословацким товарищам об актуальности задачи вести борьбу на два фронта. При этом он отметил, что в свое время в Венгрии так же имелись «смутно мыслящие» люди, которые, опираясь на установки XX съезда КПСС, подготавливали кризис. Выраженная Кадаром позиция и его предостережения оказались наиболее либеральными, отличаясь от вала обвинений в адрес руководства КПЧ. «Его выступление вызвало, главным образом со стороны немцев, поляков и болгар, острую критику в адрес самого Кадара и венгерской делегации», — подчеркивал впоследствии Р. Ньерш, вспоминая о дискуссии в Дрездене¹⁷.

Небезынтересно отметить также, что Кадар, считавшийся в социалистическом сообществе «мастером компромиссов», сыграл важную роль не только в отстаивании политики руководства КПЧ, но и в подготовке текста коммюнике совещания, который в итоге и был принят вместо заранее составленного советского варианта. В последнем в довольно резкой и категоричной форме перечислялись действия, обязательные для исполнения руководством КПЧ¹⁸. Предложенные Кадаром формулировки снимали несправедливые на том этапе обвинения, давали чехословацкому руководству время и возможность скорректировать дальнейшие действия на пути демократических преобразований в стране.

Чехословацкие делегаты в Дрездене со своей стороны оспаривали некоторые оценки обстановки в ЧССР, которые были даны Брежневым и Гомулкой. Признавая частичную потерю контроля над положением дел в стране, давление на партию со стороны правых и левых радикалов, они не соглашались

¹⁶ *Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel.* 334. old.

¹⁷ *Ibid.* О позиции болгар см. очерк Т. В. Волокитиной в настоящем издании.

¹⁸ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz.* 39–40. old.

с утверждением о наличии контрреволюционной ситуации и угрозе социализму в стране.

Из Дрездена Кадар и премьер-министр Венгрии Йенё Фок возвратились с тяжелыми чувствами. Их особенно огорчила позиция Гомулки, хотя ей можно было найти объяснения: студенческие волнения в Польше в начале марта 1968 г. Выступая 26 марта по венгерскому радио, Кадар заявил о поддержке им политики нового чехословацкого руководства и начатых им перемен. «Мы одобряем действия и стремления братской чехословацкой партии»¹⁹, — отмечал в этой связи руководитель ВСРП.

Внешнее давление на чехословацкое руководство в дальнейшем только нарастало, да и в самой КПЧ не удавалось установить желаемого единства. Характерно, однако, что при этом уже в апреле, на очередном пленуме ЦК, была принята программа действий «Путь Чехословакии к социализму», и большинство делегатов высказались в поддержку начатых в стране реформ. Было образовано и новое правительство Чехословакии.

Поскольку процесс демократизации в стране развивался в неприемлемом для советского руководства направлении и вызывал отторжение со стороны противников реформ внутри страны, было очевидно, что дрезденское совещание не дало тех результатов, на которые рассчитывали его организаторы. Нельзя исключать, что Кадар также надеялся на некоторую корректировку действий и политики КПЧ после Дрездена, безусловно, по-прежнему поддерживая взятый курс на реформы. Но уже 16 апреля 1968 г. в телефонном разговоре с венгерским руководителем Брежнев заявил: «Мы находимся на пороге потери Чехословакии». Он предложил провести новую встречу лидеров компартий, но без участия Чехословакии и Румынии. Кадар согласился, однако «выразил свое непонимание того, как можно говорить о Чехословакии, обсуждать положение в стране без чехословацкого участия»²⁰.

4 мая 1968 г. Дубчека вызвали в Москву, где он в очередной раз выслушал серьезную «товарищескую критику» в связи с ситуацией в партии и стране.

Спустя два дня Кадару в Будапешт позвонил председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и просил его срочно прибыть в советскую столицу для обсуждения положения в ЧССР. В обстановке полной секретности состоялось первое совещание «пятерки»²¹. Помимо хозяев, в нем приняли участие Кадар, Гомулка, Живков и Ульбрихт. Представленные советской стороной остро критическое видение ситуации и негативная оценка событий и «поведения» руководства КПЧ были встречены почти всеми руководителями «братских» партий с полным одобрением. Гомулка, Живков и Ульбрихт охарактеризовали ситуацию в Чехословакии как «контрреволюцию», подчеркивая, что ее уже нельзя выправить иначе как

¹⁹ *Vida I.* A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság.

²⁰ *Békés C.* Kádár János és a Prágai tavasz. 40–41. old.

²¹ Записи этой и следующих встреч опубликованы, см.: Пражская весна и международный кризис 1968 г. Документы. М., 2010. (*Прим. редколлегии*).

с помощью «здоровых сил»²². В завязавшейся острой дискуссии Кадар, признавая ситуацию опасной, убеждал участников совещания, что руководство КПЧ при надлежащей поддержке способно разрядить обстановку²³. В споре со своими товарищами он фактически оставался на своей, уже ранее высказанной позиции. «Сейчас в Чехословакии идет не наступление контрреволюции, — подчеркивал Кадар, — а борьба за исправление ошибок, совершенных в прошлом»²⁴. Иными словами, венгерский руководитель фактически отстаивал тезис, в соответствии с которым считал неприемлемым вмешательство во внутренние дела Чехословакии и предлагал доверить решение проблемы обновленному руководству компартии и правительству страны. Свою позицию он мотивировал тем, что внешнее вмешательство приведет только к укреплению сил внутренней оппозиции. Сославшись на пример Венгрии, Кадар отверг также предложение о возможном привлечении вооруженных сил для «исправления положения в стране», заявив, что следует искать другое решение. Об эмоциональном состоянии венгерского лидера свидетельствует приведенный им следующий аргумент: «Если мы будем считать, что Мао Дзедун и его товарищи выжили из ума, что Фидель Кастро — мелкий буржуа, Чаушеску — националист, а в Чехословакии действуют попросту сумасшедшие, то при таком подходе мы вообще не сможем ничего решить»²⁵. Кадар попытался донести до соратников свое убеждение, что «исход борьбы в Чехословакии решится в самой партии, в рабочем классе, в народе» и что единственная задача «социалистического лагеря» заключается в том, чтобы «сделать все для того, чтобы помочь чехословацким коммунистам выйти из этой тяжелой ситуации, но ничего не следует совершать, чтобы играть на руку врагам»²⁶. Однако переубедить участников встречи Кадару не удалось.

«Братские» компартии, как известно, добились согласия чехословацкого правительства провести военные учения на территории Словакии с 20 по 30 июня. Против проведения учений Кадар возражать уже не стал, однако просил все взвесить еще раз²⁷. При этом венгерский руководитель предупреждал, что одной военной силой проблему не решить, что ее использование чревато новыми трудностями, но остался в одиночестве.

Очередную попытку заявить о своей позиции по чехословацкому вопросу Кадар предпринял на прошедших в Будапеште венгерско-польских переговорах в середине мая 1968 г. В ходе острой полемики раздраженный Гомулка выступил против реформ в принципе, правда, его словесные выпады остались не известными широкой общественности. Напряженность в этом вопросе чувствовалась и тогда, когда Кадар накануне многосторонней встречи пытался

²² Ibid. 41. old.

²³ Ibid. 42. old.

²⁴ *Vida I. A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság.*

²⁵ Prager Frühling. Das internationale Krisenjahr 1968. Dokumente / hrsg. von S. Karner et al. Köln; Wiemar; Wien, 2008. Bd. 2. S. 591–599.

²⁶ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz.* 44–45. old.

²⁷ *Vida I. A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság.*

предложить Брежневу предварительно провести советско-чехословацкие переговоры, но советский генсек отклонил такой вариант. Это имело место и после переговоров Кадара с Дубчеком и Черником 13–15 июня в Будапеште. Чехословацкое руководство, очевидно, тоже отдало бы предпочтение двусторонним переговорам, нежели «суду» «пятерки». При всех отмеченных выше факторах постоянное давление со стороны «братских» партий на лидера КПЧ, по мнению Р. Ньерша, не прошло бесследно и для Кадара: приближалось время, когда оно его «несколько поколебало»²⁸.

Однако в июне 1968 г., когда в Будапеште по случаю подписания нового Договора о дружбе и сотрудничестве между ЧССР и ВНР (на 20 лет) Дубчек и Кадар снова встретились, их переговоры еще прошли в духе полного взаимопонимания и согласия. Позиция Кадара к середине июня 1968 г. демонстрирует его сдержанное отношение к чехословацким событиям, свидетельствовавшее о том, что их оценки являлись результатом серьезных размышлений и ответственности руководителя за принимаемые решения.

Выступая 19 июня 1968 г. на заседании ЦК ВСРП, Кадар, в частности, говорил: «Если бы я сказал, что там [в Чехословакии] контрреволюция и она берет вверх, тогда, между нами говоря, надо было бы идти как можно дальше, и тогда я бы обеими руками проголосовал за то, чтобы они оккупировали Чехословакию. Имею в виду активных и готовых к этому стран-членов Варшавского договора, поскольку это надо было бы сделать, ведь социалистический мир не может потерять Чехословакию»²⁹.

Таким образом, Кадар продолжал опровергать утверждения других членов «пятерки» о наличии в ЧССР «контрреволюции», а от защиты и поддержки реформаторских устремлений Дубчека и руководства КПЧ не отказывался и впредь. Его неизменная позиция нашла отражение в решениях ЦК ВСРП. Так, расширенное заседание этого органа 19–20 июня 1968 г. по итогам встреч в Дрездене и Москве документально зафиксировало, что «состоялся искренний обмен мнениями, оказавший полезное воздействие на развитие сотрудничества социалистических стран». Отмечалось, что ЦК ВСРП «с одобрением принял к сведению позиции руководителя делегации». В решении ЦК, в частности, подчеркивалось: «Венгерская общественность проявляет большой интерес к чехословацким событиям. Центральный Комитет выражает полную поддержку и братскую солидарность с Центральным Комитетом КПЧ... Искренне желает, чтобы устремления партии, направленные на последовательное исправление ошибок прошлого, на развитие социалистической демократии, были успешными и чтобы они направлялись на преодоление правых и антикоммунистических течений, угрожающих правильно намеченным целям»³⁰.

²⁸ Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel. 334–335. old.

²⁹ Jegyzőkönyv az M SzMP KB június 19–20-i üléséről // MOL M-üKS–288.f.4/492.ö.e. (Цит. по: *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz. 2–3. old.*)

³⁰ A Magyar Szocialista Munkáspárt határozatai és dokumentumai. 1967–1968. Budapest, 1974. 158. old.

Обстановка же в ЧССР продолжала стремительно накаляться, вызывая все более жесткие оценки происходящего в стране, прежде всего, со стороны советского руководства и некоторых других партий. Начиная со второй половины июня 1968 г., по мере поляризации реформаторского движения и появления некоторых публикаций в СМИ Чехословакии, постепенно меняется и позиция официального Будапешта. Особое беспокойство в высших партийных кругах Венгрии, как и других социалистических стран, вызвало появление в Праге известного документа либеральной оппозиции «2000 слов» с критикой правящей компартии и призывом к политическому плюрализму. Неожиданной и мало-приятной для венгерской стороны оказалась и публикация в газете «*Literární Listy*» статьи журналиста О. Махатки, приуроченной к 10-летию казни Имре Надя и содержащей позитивные оценки его деятельности³¹. Конечно, нельзя утверждать, что именно этот факт повлиял на частичную корректировку мнения Я. Кадара по чехословацкому вопросу, но он определенно не мог не вызвать раздражения. Во всяком случае, 5 июля 1968 г. Кадар в письме к Дубчеку выразил недовольство обстановкой в ЧССР. Но смены принципиальной оценки положения в стране пока еще не произошло: Кадар по-прежнему не считал ситуацию в Чехословакии контрреволюционной. Здесь важно зафиксировать также, что 12 июля 1968 г. Политбюро ЦК ВСРП однозначно высказалось против военного решения чехословацкой проблемы³².

Во второй половине дня 13 июля 1968 г., накануне варшавской встречи лидеров стран ОВД (14–15 июля), по просьбе Дубчека состоялась еще одна его секретная встреча с Кадаром. Место встречи — привычное словацкое Комарно. Состав участников ограниченный: Кадар, Дубчек и премьер-министры Й. Фок и О. Черник. Общая тональность беседы несколько отличалась от прежних.

Она началась с информации Дубчека о положении в партии и стране. Он сообщил также о том, что чехословацкая делегация по решению Президиума КПЧ не намерена участвовать в очередной многосторонней встрече руководителей компартий в Варшаве. (Кадар был одним из членов оргкомитета этой встречи.) Дубчек пояснил, что Прага не пренебрегает такого рода встречами, однако непонятно, почему на них занимаются исключительно проблемами Чехословакии. Он выразил также свое недовольство теми характеристиками и оценками, которые были даны большинством товарищей из «пятерки» положению в его стране на прежней, дрезденской встрече. Он сказал также, что чехословацкое руководство вообще предпочло бы вести двусторонние переговоры. Дубчек выразил свое непонимание и по поводу того, почему войска ОВД, участвовавшие в военных учениях [«Шумава»], не выведены, а продолжают оставаться в стране. Он прямо и откровенно заявил, что это обижает Прагу.

Кадар, приняв к сведению сказанное Дубчеком, посчитал нужным перейти на более официальную и в какой-то степени даже менторскую тональность,

³¹ *Literární Listy*. 1968, juni 27.

³² *Békes C. Kádár János és a Prágai tavasz*. 54. old.

которая была выдержана им до конца переговоров. Холодный тон, сопровождавшийся выражением недовольства, удивил Дубчека. Отказ КПЧ от участия в работе совещания в Варшаве Кадар счел неверным и, разъяснив его цели и задачи, назвал решение руководства КПЧ «самой грубой ошибкой с января 1968 года»³³. Он подчеркнул, что, со своей стороны, расценивает этот шаг как нежелание выступить в защиту своих собственных интересов, как сдачу позиций и что отказ от участия чреват пока еще неясными последствиями. Реагируя на одну из фраз Дубчека, Кадар отметил также, что вряд ли целесообразно искать себе других союзников в лице румын или югославы: те преследуют свои особые интересы, а сближение с ними может только испортить отношения чехословаков с Москвой. Он сказал, что не следует обижаться даже при обоснованном, законном недовольстве или угрозе суверенитету, а нужно участвовать и отстаивать свое дело также на этих совместных обсуждениях.

Как представляется, Кадар искренне сожалел, что Прага отказалась направить свою делегацию в Варшаву. Он рассчитывал на совместные действия с чехословаками именно на этом многостороннем форуме, полагая, что общими усилиями им удастся более аргументированно представить и отстоять необходимость реформ. Кадар упрекал Дубчека в том, что своим отказом поехать в Варшаву чехословацкая сторона фактически пренебрегает возможностью отстаивать реформаторские инициативы и преобразования. Тем самым (встреча в Варшаве, кстати, это подтвердила) они «поставили в тяжелое положение и венгров»³⁴, оставив их наедине с противниками реформ. По мнению Ньерша, на сей раз Дубчек в глазах Кадара «выглядел крайне упрямым»³⁵. На упреки Кадара лидер КПЧ отреагировал кратким вопросом: «Зачем же было так срочно снова собираться?», а вдогонку услышал фразу Кадара: «Вы еще не знаете своих партнеров»³⁶.

Судя по венгерским записям и материалам, Дубчек не ожидал, что сочувствующие чехословацким реформам венгры столь критично воспримут отказ от участия в совещании. Он был поражен также и изменившейся тональностью переговоров. Впрочем, в отчете об этой встрече Кадар на заседании Политбюро ЦК ВСРП отметил, что Дубчек и его товарищи, «видимо, только сейчас осознали, до чего докатились». По его словам, Дубчек даже заплакал и сказал, что «теперь ясно видит, что перед ними закрылись все двери»³⁷.

Беседа Кадара с Дубчеком, видимо, оказала воздействие на чехословацкое руководство, т.к. вместо полного пренебрежения сотрудничеством с «пятеркой» уже утром 14 июля (т.е. в день начала работы совещания в Варшаве) Президиум ЦК КПЧ отправил письмо в Варшаву с заявлением, что Прага

³³ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban // Földes György, Mitrovics Miklós. Kádár János és a 20. századi magyar történelem. Tanulmányok. Budapest, 2012. 137. old.*

³⁴ *Ibid. 138–139. old.*

³⁵ *Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel. 334. old.*

³⁶ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban. 139. old.*

³⁷ *Ibid. 139. old.*

не намерена изолироваться от многостороннего сотрудничества. Письмо, конечно, было принято во внимание, но исправлять положение было уже поздно.

Встреча с Дубчеком убедила Кадара в том, что совещание в Варшаве будет нелегким. Он понимал, что предстоит массированная атака на Чехословакию с критикой реформаторских начинаний и давлением на их сторонников. Кадар мог предположить, что отсутствие Дубчека и чехословацкой делегации на совещании вызовет недовольство и даже возмущение со стороны остальных участников, что те, возможно, будут настаивать и на крайних мерах по «спасению» Чехословакии.

Решение Президиума КПЧ отказаться от участия в работе совещания так или иначе осложнило положение и самого Кадара. Поэтому накануне варшавского совещания, поздней ночью 13 июля 1968 г., он собрал членов Политбюро ЦК ВСРП на экстренное заседание для оценки ситуации в ЧССР.

Он попросил собравшихся в лаконичной форме выразить свое видение чехословацкого кризиса и допустимых мер по его разрешению, имея в виду и тот вариант, когда «будет необходимо дать однозначный ответ на советское требование военной интервенции». Совещание не протоколировалось, записи не велись, только Кадар сделал себе краткие заметки. Как отмечал впоследствии в одном из интервью Ньерш, Кадар утверждал, что в ЧССР «нет речи о всеобщем кризисе, который угрожал бы социалистическому строю». Остальные, по словам Ньерша, «ощутили риск и предостерегали от военного вмешательства», но при этом «однозначную позицию отказа от интервенции занимали только Лайош Фехер, Йенё Фок, Дьёрдь Ацель»³⁸. Кадар, подчеркнув с сожалением, что отсутствие Дубчека не позволит образовать «единый фронт» в защиту реформ, изложение своей позиции отложил до Варшавы.

На варшавском совещании венгерскую делегацию ждал холодный прием: участники не скрывали своих подозрений и неприязненного отношения. Впоследствии на заседании ЦК ВСРП 7 августа Кадар так вспоминал об атмосфере встречи: «Мы чувствовали себя там штрейхбрехерами»³⁹. На совещании действительно царила напряженная, нервная обстановка. Открыл его Гомулка, затем выступили руководители делегаций. По обсуждаемому вопросу — о ситуации в Чехословакии и мерах ее разрешения — выявились различные мнения, подходы и предложения. При этом все делегации понимали, что хотя вопрос военного вмешательства прямо в повестке дня не значился, именно он становился центральным. Выступление Гомулки на сей раз было не столь резким и осуждающим, нежели в Дрездене. Он не говорил о контрреволюции, а сосредоточился на опасности превращения КПЧ в социал-демократическую партию и на угрозе поворота Чехословакии к капитализму.

Кадар поддержал позицию польского лидера, разделив его озабоченность в отношении социал-демократической и буржуазно-демократической

³⁸ Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel. 336–337. old.

³⁹ Vida I. A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság.

«опасности» и особенно подчеркнув свое согласие с ним по военному вопросу. Политические процессы в Чехословакии Кадар оценил как «югославизацию», отвергнув утверждения о победе в стране контрреволюции. Защищая руководство КПЧ, он доказывал, что нет необходимости использовать военную силу и что не следует вмешиваться во внутренние дела страны. В связи с этим следует отметить, что Кадар привез в Варшаву проект предложений о недопустимости вооруженного вмешательства в Чехословакии⁴⁰. Не оглашая проект целиком как документ, он четко обосновал центральный тезис и до конца его отстаивал. В ответ Кадар услышал резкую критику, нападки и даже угрозы, особенно со стороны Ульбрихта, допустившего грубые выпады против венгерского лидера и добивавшегося демонстрации военной силы в Словакии. Живков поддержал Ульбрихта и, отвергая венгерский подход, заявил, что ОВД в отношении Чехословакии уже исчерпала все политические возможности, что «без нашей помощи внутренние силы страны не смогут навести порядок». Болгарский лидер настаивал на «восстановлении пролетарской диктатуры» военными методами.

Кадар, конечно, подставил себя. Его предположение, что в отсутствие чехословаков венгры станут объектом жесткого подхода, оправдалось: Ульбрихт и Живков прямо заявили, что следующей страной, обстановку в которой следует «разобрать», станет Венгрия и ее реформы. Стремление наказать партии и страны, которые обратились к реформам, независимо от степени опасности их начинаний для «дела социализма», набирало опасные обороты.

Пытаясь убедить коллег в справедливости своей аргументации в защиту чехословацких преобразований, Кадар попросил слово для повторного выступления. Этим он на самом деле защищал и венгерскую реформу. Однако в итоге Кадару пришлось пойти на компромисс: как утверждает Ньерш, Кадар «в первой части своего выступления отвергал [оценки событий в Чехословакии], а во второй как бы и соглашался с ними»⁴¹.

В чем же уступил Кадар соратникам из «братских» партий в условиях, сложившихся для него в Варшаве? Давление извне в итоге заставило его дать своеобразную «клятву верности», заявив: «Мы в полной мере согласны с оценкой и требованиями советских товарищей и готовы участвовать во всех совместных акциях»⁴². Это обещание прозвучало от него вопреки консолидированной позиции Политбюро ЦК ВСРП. Известно, что время военного вторжения в ЧССР тогда еще не настало. И в Варшаве решение о нем не принималось, но Кадару ради защиты венгерской реформы пришлось заранее фактически связать себя предварительным обещанием участвовать в «окончательном решении» чехословацкой проблемы. Заметим в связи с этим, что 26 июля Брежнев от имени Президиума ЦК КПСС тепло поблагодарил Кадара за его предварительное

⁴⁰ *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz.* 60. old.

⁴¹ *Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel.* 338. old.

⁴² *Békés C. Kádár János és a Prágai tavasz.* 62. old.

согласие. «Это настолько дорого для нашей партии и дружбы, — подчеркнул советский лидер, — что нет слов для выражения благодарности. Пока я жив, не забуду»⁴³. Кстати, на варшавском совещании Брежнев не спешил брать слово, однако его, видимо, раздражали крайне резкие заявления Ульбрихта и Живкова, и он высказался более сдержанно. Не заявляя открыто о приоритете военного решения чехословацкой проблемы, Брежнев указал на необходимость и право «оказать братскую помощь» Чехословакии в условиях «роста контрреволюционных сил» в этой стране.

В Варшаве, как отмечалось, вопрос о военном вмешательстве не стоял на повестке дня совещания и не обсуждался. Другое дело, что он, как говорится, уже «вита́л в воздухе». Интересно, что рассмотреть его предлагал в своем выступлении Живков, но на это предложение фактически никто не отреагировал. Доступные сегодня исследователям документы — протоколы варшавского совещания⁴⁴ — тому свидетельство. Они позволяют верифицировать распространенные утверждения, что вопрос о вторжении якобы обсуждался в столице Польши, и уже тогда по нему было принято положительное решение⁴⁵.

Что касается предложения Брежнева на совещании, то речь шла о целесообразности обращения к руководству КПЧ с коллективным письмом от имени пяти компартий с пожеланием активизировать свои действия против «контрреволюционных сил» в стране. Такое письмо, как известно, было составлено, но без резких формулировок в адрес руководства КПЧ и Дубчека. Оно содержало адресную критику «эры Новотного» и призыв «порвать со сталинским прошлым»⁴⁶. Предлагалось также «использовать все меры защиты» против антисоциалистических сил и внепартийной оппозиции. 16 июля 1968 г. письмо было передано высшему партийно-государственному руководству Чехословакии.

На совещании Кадар поддержал предложение Брежнева и о других совместных действиях. Имелись в виду разъяснение содержания указанного письма в печати социалистических стран, организация встречи представителей двух-трех «братских» партий с руководителями КПЧ. А кроме того, рекомендовалось дождаться ответа руководства КПЧ. Предусмотрен был также и вариант оказания прямой поддержки чехословацких «здоровых сил», если предложения участников совещания будут отвергнуты. О том, что руководство «соцлагеря» пока еще ориентировалось в первую очередь на политические методы разрешения кризисной ситуации, свидетельствовала готовность предпринять еще одну попытку убедить руководство КПЧ в необходимости принять решительные меры, чтобы остановить дальнейшее нарастание чехословацкого кризиса.

⁴³ *Vida I. A magyar pártvezetés és a csehszlovák válság.*

⁴⁴ См., например: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы / гл. редакторы Н. Г. Томилина, С. Карнер, А. О. Чубарьян. М., 2010.

⁴⁵ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban.* 140. old.

⁴⁶ Правда. 1968. 18 VII. № 200 (18247).

Кадар все эти позиции разделял, тем более что у него в кармане, как отмечалось, лежал проект предложений о недопущении военного решения проблемы⁴⁷.

Президиум ЦК КПЧ, как известно, отверг критику в свой адрес, а на требования «пятерки» не реагировал. Последовали новые совещания с чехословацким руководством в августе 1968 г. — в Братиславе и Чиерне-над-Тисой, которые завершились совместными заявлениями.

В официальном сообщении о заседании ЦК ВСРП от 7 августа 1968 г. в связи с положением в Чехословакии теперь уже отмечалось, что венгерское партийное руководство «присоединяется к тем оценкам и разделяет те выводы, которые приняли другие коммунистические и рабочие партии» по чехословацкому вопросу⁴⁸.

Приглашенный на отдых в Крым 12–15 августа Кадар встретился в Ялте с Брежневым и Косыгиным, где попытался убедить советских руководителей провести еще одну двустороннюю советско-чехословацкую встречу с руководством КПЧ. Брежнев уже 13 августа позвонил Дубчеку, чтобы получить ответ на единственный вопрос: будет ли дан ответ на июльское письмо и каким станет решение Президиума КПЧ? Генерального секретаря ЦК КПСС, кроме этого принципиального вопроса, интересовало, установит ли Прага контроль над средствами массовой информации и решит ли кадровые проблемы? Ответ Дубчека был уклончивым. Он просил подождать до намеченного на сентябрь очередного съезда КПЧ и подвел черту в разговоре следующими словами: «Если думаете, что мы вас обманываем, поступайте так, как считаете нужным. Это ваше дело»⁴⁹. На основании разговора в Москве пришли к выводу, что Прага не намерена придерживаться обязательств, зафиксированных в Чиерне-над-Тисой и Братиславе⁵⁰.

Кадар, явно информированный о телефонном разговоре, вернувшись 15 августа в Будапешт, решил написать письмо Дубчеку. Он по своей инициативе пригласил его на 17–18 августа на беседу по актуальным вопросам. Дубчек 16 августа откликнулся на приглашение и назначил встречу в Комарно на 17 августа. С венгерской стороны в ней участвовали Кадар и Эрдеи, а с чехословацкой — Дубчек и Черник. Кадар известил Брежнева о назначенной встрече. Характерно, однако, что едва начались переговоры во второй половине дня, как Кадар получил от Брежнева срочное сообщение, которое фактически заставило прервать переговоры. «В виду исключительной сложности положения в Чехословакии» Кадару надлежало на следующий же день, в воскресенье 18 августа к 10 часам утра срочно прибыть в Москву⁵¹.

⁴⁷ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban.* 139–141. old.

⁴⁸ *Népszabadság.* 1968, augusztus 8.

⁴⁹ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban.* 139–140. old.; Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 851–861.

⁵⁰ *Sipos P. Kádár János és az 1968 évi bevonulás // História.* 1992, 8; *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban.* 141. old.

⁵¹ Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. С. 184.

Возможно, в Москве посчитали, что теперь даже Кадару, «мастеру компромиссов», не удастся уговорить Дубчека пойти навстречу выдвинутым требованиям. И в этом советские руководители не ошиблись: попытка Кадара убедить Дубчека в необходимости воспользоваться последней возможностью, уступить требованиям Москвы и пойти хотя бы на частичный компромисс не удалась. Чехословацкая сторона, не осознавая масштаб надвигавшейся опасности или делая вид, что не понимает сложности ситуации, продолжала занимать выжидательную позицию, настроившись затягивать время. Дубчек, в частности, рассказывал на встрече о подготовке партии к очередному съезду, который и займется решением назревших проблем.

К моменту получения вызова в Москву Кадар уже понимал, что Дубчек не собирается выполнять соглашения, подписанные им в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе. Более того, он предполагал, что предстоящее совещание самым серьезным образом, вплоть до силового варианта, займется вопросами коллективного «спасения» Чехословакии от кризиса и реформ. А вот сказать с определенностью, сообщил ли Кадар Дубчеку и Чернику о надвигавшейся угрозе для «Пражской весны», сегодня невозможно.

18 августа собравшиеся в Москве руководители стран-членов ОВД приняли решение о начале военной операции в Чехословакии. Кадар после консультации с премьер-министром ВНР Й. Фоком от имени ВСРП дал согласие на участие в интервенции без предварительного обсуждения вопроса в Политбюро и ЦК партии. Ввод вооруженных сил ОВД на территорию ЧССР начался 20 августа, а части Венгерской народной армии присоединились к ним 21-го числа.

Считается, что Кадар на основании международного права мог бы уклониться от участия венгерских войск в этой вооруженной акции, сославшись на историю Второй мировой войны, статус Венгрии как сателлита гитлеровской Германии, отторжение восточной части Словакии в пользу Венгрии и пр. Заметим, что на схожих основаниях (существование на территории Чехии германского протектората Богемии и Моравии) участие подразделений Национальной народной армии ГДР ограничилось дислокацией ННА вдоль немецко-чехословацкой границы. Но Кадар понимал, что в целом ситуацию это не изменит и результат для ЧССР будет тот же — оккупация, подавление демократических реформ и преобразований, приведение к власти «здоровых сил» во главе с В. Биляком. Неучастие же Венгрии в интервенции вызвало бы недовольство Брежнева, осуждение позиции Будапешта и, как следствие, блокирование венгерской экономической реформы. Кадар принял позицию советского руководителя, которую на Западе вскоре окрестили «доктриной Брежнева».

В конечном счете прагматизм Кадара позволил венгерской экономической реформе просуществовать еще один десяток лет⁵². Если оценивать и сравнивать

---

⁵² Желицки Б.Й. Венгерская экономическая реформа 60-х — начала 70-х годов XX века. С. 220–240.

чехословацкие и венгерские реформаторские начинания того времени, то следует признать, что, подавив «Пражскую весну» 1968 г. в самом начале ее зарождения, брежневское руководство не оставило много времени и для реализации венгерской экономической реформы. Таким образом, финал «Пражской весны» стал началом конца и реформы в Венгрии. При содействии внутренних антиреформаторских сил в руководстве («рабочей оппозиции») она уже в 1972–1973 гг. была заморожена и постепенно сведена на нет, затем при попытке ее оживления она лишь влачила свое существование вплоть до смены общественного строя Венгрии.

«С подавлением “Пражской весны” неиспользованной оказалась последняя возможность для проведения реформ в направлении демократического социализма»⁵³, — отмечал в этой связи Ньерш. Для восточноевропейского региона эта оценка известного венгерского реформатора, безусловно, справедлива, а в отношении Китая — подлежит изучению.

* * *

Подводя итоги и пытаясь сделать некоторые выводы из анализа взаимодействия, прямых и косвенных связей между двумя историческими личностями — Яношем Кадаром и Александром Дубчеком — в ходе чехословацких событий 1968 г., отметим, что они были плодотворны и давали определенные, правда, лишь временные результаты. В целом они не смогли оградить Чехословакию от вторжения войск ОВД. Кадар с момента выдвижения Дубчека на пост руководителя КПЧ и до его последних попыток преодолеть кризисную ситуацию в партии и стране пытался оказать своему чехословацкому коллеге товарищескую помощь и поддержку. Между ними возникло взаимопонимание по ряду актуальных вопросов общественно-политического развития ЧССР и принципиальным оценкам ситуации в стране. Попытки преодоления кризиса, стремление к демократизации требовали от лидера КПЧ выдержки и взвешенного подхода. Руководство КПСС и большинства правящих партий стран «социалистического лагеря», чуждые реформаторским и демократическим устремлениям, выражали острое недовольство политическим курсом Дубчека и его ближайшего окружения, требовали свертывания реформ, оценивали преобразования в ЧССР как «контрреволюцию». Дубчек в конечном счете не выдержал массированных атак и отказался участвовать в работе совместных совещаний. В защиту позиций чехословацких реформаторов на этих встречах почти до самого трагического финала «Пражской весны» выступал только Кадар.

Советы и предложения Кадара, как более осторожного, опытного и закаленного в политических схватках функционера, могли бы иметь для Дубчека (при более сдержанных или дозированных темпах демократизации в ЧССР) другой эффект и привести к взаимовыгодным результатам для реализации реформ, как в Чехословакии, так и в Венгрии. Дубчек, однако, не решился воспользоваться рекомендациями Кадара и, переоценивая свои возможности, избрал

---

⁵³ *Huszár T. Beszélgetések Nyers Rezsővel. 339. old.*

тактику затягивания решений, которых требовали от него остальные соратники по коммунистическому движению. Взаимовыгодному взаимодействию Кадара с Дубчеком по защите реформ был нанесен сокрушительный удар со стороны лидеров братских партий на варшавском совещании «пятерки». Кадар, рассчитывавший на совместное с Дубчеком выступление в защиту реформаторских идей, оказался на нем в одиночестве и принял на себя удар массивной критики, отстаивая замысел преобразований и попытки его реализации. В крайне неблагоприятной для себя обстановке венгерский лидер был вынужден дать своеобразную «клятву верности» коллегиальным принципам, хотя еще в августе 1968 г. он пытался защитить реформаторскую деятельность Дубчека.

Приведенный в статье материал дает основание усомниться в утверждении Дубчека, прозвучавшем в его интервью каналу Венгерского телевидения в 1989 г. в связи с 20-летним юбилеем «Пражской весны». Если бы в 1968 г. Кадар оказал чехословацкому руководителю поддержку, заявил Дубчек, то могла бы возникнуть «чехословацко-польско-венгерская ось реформ», и тогда Советский Союз не решился бы на вторжение в Чехословакию⁵⁴.

Но, во-первых, если Дубчек действительно формулировал или вынашивал идею создания «оси реформ» как возможную альтернативу, то почему не выступил с такой инициативой, которая наверняка оставила бы след в чехословацких, венгерских и польских документах и научной литературе. В известных же нам материалах даже упоминания о чем-либо подобном не встречается.

Во-вторых, как убедительно свидетельствуют реалии 1968 г., Кадар вплоть до июля месяца последовательно поддерживал Дубчека. В меру своих возможностей он как мог защищал чехословацкие реформы, отстаивал позиции Дубчека даже в его отсутствие (пример тому — варшавское совещание 1968 г.), щедро делился своим политическим опытом, давал ему советы, но считал при этом необходимым для чехословацкой стороны самостоятельно принимать решения, искать и находить выход из ситуации.

В-третьих, причисляя Польшу 1968 г. к странам предполагаемой «оси реформ», Дубчек явно ошибался. Вряд ли Гомулка согласился войти в упомянутый союз. Он принадлежал не к лагерю сторонников, а скорее противников Дубчека и его реформ.

Относительно же предположения Дубчека, что в случае образования мифической «оси» Советский Союз не решился бы на вооруженное вмешательство, то это — явная иллюзия. И Кадар, безусловно, понимал, что вторжение произойдет в любом случае, что отказ Венгрии значения иметь не будет, а реформу в стране может погубить. А вот лидер «Пражской весны», в отличие от Кадара, еще продолжал пребывать в иллюзорном мире даже спустя 20 лет после ее трагического завершения.

---

⁵⁴ *Mitrovics M. Kádár és Dubček 1968-ban. 194–195. old.*

Татьяна Викторовна Волокитина

«БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ» В БОЛГАРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Позиция Болгарии во время чехословацкого кризиса отражена в отечественной историографии вполне определенно. Как правило, она представлена в контексте реализации права лидеров всех стран «социалистического лагеря» принимать участие в обсуждении важнейших внешнеполитических акций Советского Союза. Однако из многочисленных публикаций следует, что «почетное» место в «пятерке» их авторы, как правило, отводили Вальтеру Ульбрихту, Владиславу Гомулке и Яношу Кадару. Тодор Живков нередко даже не упоминается в числе руководителей, чье мнение было особенно важно для советского руководства и должно было учитываться в первую очередь¹. По всей вероятности, это обуславливалось не только «периферийным» значением малой балканской страны в советском блоке, но и доказанным к тому времени «поведением» Болгарии как самого верного советского сателлита, демонстрировавшего полную и безоговорочную поддержку намерениям и действиям Москвы. Именно так единодушно оценивают позицию своей страны и болгарские исследователи².

При этом крайне важно, что болгарские историки подняли проблему выбора вариантов поведения собственного руководства, констатируя, что оно предпочло защиту интересов СССР. Сегодня, когда «градус» критики в Болгарии ее социалистического прошлого и связей с Советским Союзом весьма высок, такие действия нередко трактуются как недалководные, а то и преступные и даже предательские по отношению к своему народу. Но при этом четкого ответа на вопрос, насколько такой выбор соответствовал

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ. Грант № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

¹ См., например: «Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения «Пражской весны» и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 79.

² Обзор болгарской историографии см., например: *Волокитина Т.В.* «Пражская весна» в осмыслении болгарских историков (Историографические заметки) // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей / отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 2010. С. 751–777.

национальным интересам Болгарии (естественно, в понимании тогдашнего политического руководства), нет. А между тем ответ далеко не так прост, особенно если попытаться взглянуть на события глазами их современников и участников, а не высокомерных и бескомпромиссных «обвинителей» и «судей» наших дней.

Авторитетная исследовательница, профессор Софийского университета Искра Баева считает, что впервые Живков как национальный лидер оказался перед выбором линии своего поведения еще в конце 1950-х гг. в связи с обострением советско-китайских отношений³. А уже на Московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г. болгары ясно заявили о своей позиции. После выступления Дэн Сяопина с критикой гегемонистского курса советского руководства в международном коммунистическом движении болгарская делегация передала в секретариат совещания специальное заявление с просьбой раздать этот документ всем делегациям и включить его в протокол. Авторы излагали свое отношение к тем пунктам позиции китайцев, которые вызывали у болгар «особенно сильную тревогу»: отрицание авангардной роли КПСС и Советского Союза, авторитета и влияния лично Н. С. Хрущёва; ревизия марксизма-ленинизма с позиций его «китаизации»; насаждение неправильных взглядов в международных организациях, коммунистических и рабочих партиях и др. В заявлении осуждались также действия сотрудников посольства КНР в Софии, распространявших пропагандистские материалы «без ведома и через голову» болгарского руководства⁴. Не удовлетворившись подачей официального документа, Живков повторно взял слово для «краткого заявления» от имени болгарской делегации, в котором фактически представил квинтэссенцию письменного обращения. Резко осудив «неконструктивное» выступление Дэн Сяопина, болгарский руководитель четко сформулировал условия, по его мнению, «абсолютно необходимые для обеспечения единства наших рядов»: продублировав основные положения заявления, Живков потребовал «положить конец неправильному, антиинтернационалистскому отношению китайских и албанских товарищей к КПСС», прекратить «фракционную деятельность» в международном коммунистическом движении и международных демократических организациях. Решительно высказался он и против нападок китайцев на советского лидера: «Мы настаиваем, чтобы китайские товарищи прекратили, наконец, недружелюбную деятельность против КПСС и товарища Хрущёва»⁵.

На пленуме ЦК БКП 10 декабря 1960 г., рассмотревшем ход и итоги совещания, Живков начал, что называется, «за здравие»: отметил состоявшийся на нем «принципиальный товарищеский разговор... *без критических замечаний в адрес китайских руководителей* (здесь и далее курсив мой. — Т.В.),

³ Баева И. Годор Живков. София, 2006. С. 74.

⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 441. Л. 204–222.

⁵ Там же. Л. 200–201.

чтобы выяснить основные проблемы, достичь по ним единомыслия, сузить поле разногласий и постепенно их преодолеть»⁶. Однако далее Живков, противореча самому себе, заострил внимание на прозвучавшей на совещании «резкой критике» в адрес китайского руководства за намерение дискредитировать КПСС и Советский Союз с целью «возглавить международное коммунистическое движение... стать центром социалистического лагеря», добиться признания Мао Цзедуна «пятым классиком» марксизма-ленинизма после Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Подробно Живков охарактеризовал «догматический курс» Пекина, призванный «китаизировать» коммунистическое учение, ввести его в рамки «маоцзедунизма», по мнению китайцев, творчески развивающего марксизм-ленинизм в новых условиях⁷. Речь Дэн Сяопина он охарактеризовал как «типично антисоветскую», но еще больше досталось албанскому лидеру Энверу Ходже, чье многочасовое выступление было названо «верхом безобразия» и «позорным, провокационным, хулиганским проявлением»⁸.

Столь резких оценок Ходжа удостоился за категорическое несогласие с антикитайской позицией КПСС и лично Хрущёва, «навязывание неправильных взглядов... другим коммунистическим и рабочим партиям», «лихорадочную и недопустимую обработку албанских коммунистов» с намерением заставить их примкнуть к ревизионистской, по оценке албанского руководителя, позиции Москвы и пр.⁹

Декабрьский пленум ЦК БКП принял решение провести собрания партийного актива на местах и разослать в первичные партийные организации информацию о московском совещании. При этом, однако, подчеркивалось, что информация «будет существенно отличаться от услышанного только что на пленуме»: акцент предполагалось сделать «не на резолюции совещания и *дискуссии*, а на факте, что разногласия преодолены, достигнуто единство»¹⁰. Таким образом, намерение «не выносить мусор из избы» проявилось на том этапе вполне определенно. Результатом стала откровенная дезинформация партийного актива и рядовых болгарских коммунистов.

Я не случайно подробно остановилась на китайском факторе. Дело в том, что, критикуя Пекин, Живков был вынужден, что называется, «наступить себе на горло»: подавить не только свое позитивное отношение к экономическому опыту китайского руководства, который он, как и другие болгарские руководители, высоко ценил (проводившаяся в стране в 1958–1960 гг. хозяйственная политика

⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 441. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 14–19.

⁸ Там же. Л. 8, 10.

⁹ Подробнее см.: Ходжа Э. Речь, произнесенная от имени ЦК АПТ на московском совещании 81 коммунистической и рабочей партии (16 ноября 1960 г.) // Ходжа Э. Избранные произведения. Т. 3. Июнь 1960 — октябрь 1965 г. Тирана, 1980. С. 111–196.

¹⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 441. Л. 52–53.

не случайно получила по китайскому примеру название «большого скачка»¹¹), но и личное теплое отношение к Мао Цзедуну. Ведь еще совсем недавно, в 1957 г., на Московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий, Живков удостоился высочайшей оценки со стороны «великого кормчего». В приватной беседе, развивая свой тезис о том, что настало время для утверждения социалистической системы во всемирном масштабе, пусть даже ценой новой мировой войны, Мао Цзедун назвал болгарского руководителя потенциальным главой будущего планетарного правительства «всемирных социалистических штатов»¹². Можно предположить, что основанием для такого признания послужили впечатления от поведения Живкова на международном форуме: его деятельное общение с руководителями компартий, быстрая и адекватная реакция на происходящее, активное участие в дискуссиях¹³. Как отметил руководитель кабинета Живкова Нико Яхнель, слова Мао (позднее, правда, появились сомнения, говорил ли он всерьез) произвели на болгарского лидера настолько сильное впечатление, что впоследствии он не раз вспоминал этот эпизод¹⁴. А вот теперь, зимой 1960 г., находясь в Москве, он отвечал «великому кормчему» черной неблагодарностью. Но слишком высока была ставка: китайский фактор становился главным мерилом верности Москве и фактически гарантией благосклонности советских «верхов» и особо доверительных с ними отношений.

Встает вопрос, задумывался ли Живков о последствиях резкой смены курса на китайском направлении в собственной стране? Учтем при этом, что достоверных сведений о масштабах распространения прокитайских настроений в Болгарии нет. Болгарский историк Евгений Кандиларов считает, например, что не было оснований говорить о наличии каких-либо маоистских групп или о значительном китайском влиянии на политическую жизнь страны¹⁵. Вряд ли Живков заблуждался на этот счет. Тем не менее, когда после отставки Хрущёва

¹¹ *Мигев В.* Отражението в България на политиката на Китайската комунистическа партия за «Големия скок» (1958–1960) // Минало. 2012. № 1. С. 75–79.

¹² *Живков Т.* Мемоари. София, 1997. С. 518.

¹³ Помимо деловых качеств Живков, как отмечал позднее политик и дипломат Петр Младенов, обладал «мастерством создавать вокруг себя благоприятную атмосферу»: умел вызывать симпатии, особенно людей, редко с ним встречавшихся, удачно подхватывал в разговоре темы, нравившиеся его собеседникам, и громким голосом и заразительным смехом превращал себя в центр внимания (*Младенов П.* Животът, плюсове и минуси. София, 1992. С. 42–43). Это подтверждает и личный переводчик Живкова с румынского яз. Илия Стоянов: «При встречах с иностранными делегациями [Живков] создавал самую благоприятную атмосферу, легко завоевывал внимание и расположение собеседников. Благодаря этому умению быстро приковывал к себе внимание и без труда получал нужную информацию. С легкостью отсеивал мелкие вопросы и сосредоточивался на главных и самых существенных проблемах» (*Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску насаме // Нова зора. 25 септември 2001 г.).

¹⁴ *Яхнел Н.* Тодор Живков и личната власт. Спомени, документи, анализи. София, 1997. С. 124.

¹⁵ *Кандиларов Е.* Конфликтът между СССР и КНР и отражението му в България (60-те години на XX в.) // Русия, Европа и светът. Сборник с материали от международна научна

в октябре 1964 г. болгарский руководитель, как сообщали из Софии в Государственный департамент США американские дипломаты, оказался якобы перед реальной аналогичной угрозой¹⁶, то именно китайский фактор был введен в действие в целях укрепления личной власти. В ходе расследования раскрытого в 1965 г. заговора группы Ивана Тодорова-Горуни, направленного на отстранение Живкова, ее идейная платформа не случайно была охарактеризована как *смесь маоизма и сталинизма*¹⁷. В предъявленных членам группы обвинениях в антипартийной и антигосударственной деятельности едва ли не центральное место отводилось «сектантско-догматическим, авантюристическим и антисоветским взглядам» руководителей КПК, разделявшимися болгарскими заговорщиками¹⁸. Представляется, однако, что политическое руководство, в первую очередь сам Живков, было заинтересовано в нагнетании китайской угрозы для страны и использовало с этой целью объективный факт — совпадение некоторых идейных позиций участников заговора и китайских руководителей¹⁹. Китайская «опасность» определила размах репрессивных мероприятий против болгарских заговорщиков и сочувствующих, а роль генералитета в смещении Хрущёва — направленность репрессий прежде всего против военно-партийной номенклатуры. Статистика указывает, что 189 партийных функционеров лишились в то время партбилетов, более 250 армейских офицеров были понижены в звании и должности, разжалованы или уволены из рядов вооруженных сил НРБ; в системе военного управления прошли кадровые перестановки; подверглись структурным изменениям органы госбезопасности и обороны. Это сводило к нулю вероятность отставки Живкова по советскому образцу. Добавлю, что для предотвращения подобной альтернативы Живков и сам предпринял безотказный ход — постарался заручиться поддержкой советской стороны. Вскоре после смещения Хрущёва, в декабре 1964 г., он побывал в Москве, где, как считают некоторые исследователи, продемонстрировал свою преданность, переходя при этом все допустимые границы²⁰. В октябре 1965 г. последовала встреча Живкова с Брежневым на официальном уровне. Она положила начало тесным дружеским, искренним и исключительно теплым отношениям двух лидеров, характерным для всей «эпохи» Брежнева.

конференция. София, 28–29 септември 2009 г.) / съст. и науч. ред. проф. д-р Искра Баева. София, 2012. С. 313.

¹⁶ Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013. С. 116–117.

¹⁷ Чакъров К. Втория етаж. София, 1990. С. 91; Иванов Д. Заговорите срещу Тодор Живков. София, 1992. С. 12; Валева Е.Л. Оппозиционные настроения в Болгарии в 1960-е годы // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М., 2011. С. 355.

¹⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 6. Л. 1, 4, 8, 23, 97.

¹⁹ Кандиларов Е. Конфликтът между СССР и КНР и отражението му в България. С. 313.

²⁰ Христов Хр. Тодор Живков. Биография. София, 2009. С. 93.

Достижения развернувшейся в мире с конца 1950-х гг. научно-технической революции диктовали необходимость срочной модернизации экономики социалистических стран, развивавшейся в русле советской модели. «Социалистический лагерь» переживал последствия первых потрясений и кризисов, дух перемен постепенно становился определяющим. Развертывался поиск рыночных механизмов в экономике, но в условиях строгой централизации социалистической системы они неизбежно прорисовывали перспективу изменений и в политической сфере²¹. В числе первых реформаторские настроения охватили промышленно развитую Чехословакию, остро ощущавшую тугую «узду» Совета экономической взаимопомощи. Появление критических настроений в Чехословакии вновь поставило болгарское руководство перед необходимостью сделать выбор дальнейшего пути. При этом на передний план поначалу вышел экономический фактор.

К тому времени основным ориентиром для болгар стал воспринятый в СССР курс на создание «материально-технической базы коммунизма», углубление мировой социалистической системы во всех сферах и все большее сближение социалистических наций. Поскольку на XXII съезде КПСС (1961 г.) союзникам по восточному блоку было предложено последовать советскому примеру²², болгары не только заложили в пятилетний народно-хозяйственный план 1963/1967 гг. идею возведения промышленных гигантов в металлургии, энергетике, нефтехимии и других отраслях, но и выступили с инициативой всестороннего сближения и — в перспективе — слияния НРБ с СССР. Вопрос этот специально рассматривался на пленуме ЦК БКП в декабре 1963 г.²³

Запланированные непосильные масштабы промышленного развития, «грандомания» (строительство металлургического комбината «Кремиковци», энергетического комплекса «Марица — Изток», нефтехимических комбинатов

²¹ См., например: *Шестаков В.А.* Реформа А. Н. Косыгина и административно-командная система СССР // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2013. С. 12–32; *Желицки Б. Й.* Венгерская экономическая реформа 60-х — начала 70-х годов XX века: социальные аспекты // Там же. С. 220–239; *Никифоров К. В.* Реформы 60-х годов // Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 64–72.

²² XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.

²³ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 600. Л. 1–133. Также см.: *Драганов Д.* Как за малко щеше да ни няма. Всичко от архивите по идеята «16-та република на СССР». София, 2015; *Баева И., Калинова Е.* 16-а република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София, 2017; в российской историографии: *Зудинов Ю. Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (Социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 404–405; *Волокитина Т. В.* Болгария — «16-ая республика СССР»: замыслы и действительность. 1960-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 36–51; *Она же.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ю республику СССР») // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... С. 241–274 (то же на болг. яз. опубл. в: *Интеграционни процеси през 60-те години на XX век / съст. И. Баева.* София, 2013. С. 48–78).

в Бургасе и Плевене, комбината по производству цветных металлов и азотнотугового завода в Стара Загоре и пр.), увлечение нереальными показателями привели к перенапряжению в экономике, следствием которого явилось снижение жизненного уровня населения и рост цен на основные продукты питания и значительную часть товаров широкого потребления. В связи с неурожаем зерновых культур в 1963 г. была введена карточная система на хлеб. На фоне несомненных издержек проводимого амбициозного курса было принято решение о начале эксперимента по введению «новой системы руководства и планирования народного хозяйства». Очевидным импульсом стал и на сей раз советский пример: после появления в сентябре 1962 г. в «Правде» статьи харьковского профессора Е. Г. Либермана «План. Прибыль. Премия», в которой предлагалось пересмотреть механизм хозрасчета, вернуться фактически к капиталистическому (разумеется, этих слов в статье не было) принципу, оставляя предприятию прибыль, в СССР развернулась экономическая дискуссия²⁴. Стимулом для нее явились поиски выхода из тяжелой экономической ситуации в стране, возникшей в результате череды проводившихся с конца 1950-г гг. хрущёвских «реформ» и сопровождавшейся расстройством управления народным хозяйством и снижением темпов экономического роста²⁵.

²⁴ Подробнее см.: *Лазарева Л. Н.* Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 453–466; *Лисовицкий В. Н.* Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы // Там же. С. 433–452.

²⁵ По мнению советского экономиста акад. Л. И. Абалкина, инициированные Хрущёвым мероприятия в хозяйственной и управленческой сферах, строго говоря, считать реформами нельзя в силу их спонтанности и отсутствия четко сформулированных конкретных целей (*Абалкин Л. И.* Экономическая история СССР. Очерки. М., 2007. С. 40–41). Начавшись с провозглашения Хрущёвым в мае 1957 г. на зональном совещании работников сельского хозяйства знаменитого лозунга «догнать и перегнать Америку» в ближайшие годы по производству мяса, молока и масла на душу населения, реформы обещали путем «прыжка вперед» достичь заманчивые цели. Но ни переход к территориальной системе управления промышленностью через создание совнархозов, ни попытки образования мощных «колхозных союзов» при одновременном роспуске МТС и передаче колхозам их техники как начальный этап индустриализации сельского хозяйства, ни свертывание личных подсобных хозяйств, ни, наконец, «кукурузная эпопея» не дали в итоге значимых позитивных результатов. «Соревнованию» с Америкой положила конец так называемая рязанская катастрофа — провал разрекламированной акции за один год утроить государственные заготовки мяса в Рязанской области, закончившейся разоблачением широкомасштабных приписок, массовым забоем мясного и молочного скота для получения дутой отчетности и самоубийством секретаря обкома КПСС А. Н. Ларионова. Развитию имевшихся в некоторых начинаниях Хрущёва, как, например, в той же системе управления через совнархозы, рациональных элементов мешали проявления присущего ему стиля руководства. Как вспоминал впоследствии председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, поиски новых путей и форм хозяйствования велись подчас «сумбурно и поспешно», перестройка управления народным хозяйством отличалась импульсивностью, «бестолковой стихийностью действий», непродуманностью, бесконечными реорганизациями (*Байбаков Н. М.* От Сталина до Ельцина // Байбаков Н. М. Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. М., 2011. С. 131, 143, 146).

За ходом экономической дискуссии в СССР и некоторых экспериментов в народном хозяйстве (на швейных фабриках в Москве и Горьком и на шахтах Западного угольного бассейна на Украине) внимательно следили в странах «социалистического лагеря».

В Болгарии основной тон в экономическом эксперименте задавал сам Живков. К этому его подталкивал не только советский, но и чехословацкий опыт, в частности, разработки чехословацкого экономиста Оты Шика²⁶, к которым болгарский руководитель проявлял немалый интерес. Политический советник Живкова Костадин Чакрыров вспоминал позднее, что от своего шефа он не раз слышал высокие оценки экономической программы и экспериментов в управлении народным хозяйством в Чехословакии, подготовленных Шиком. Единственным, что вызывало несогласие Живкова, был «преждевременный отказ от руководящей роли партии»²⁷.

В 1966 г. XIII съезд КПЧ утвердил «Принципы ускоренного внедрения новой системы руководства производством», зафиксировавшие курс на его либерализацию (право предприятий самостоятельно устанавливать цены на свою продукцию, введение полного хозрасчета, стабильные отчисления в государственный бюджет — в размере 18% от валового дохода). Впоследствии Шик подчеркивал: «Основополагающие цели обновления рынка были известны. Основная работа нашего коллектива была направлена на определение нового способа планирования народного хозяйства, которое мы все считали необходимым, поскольку не хотели, чтобы введение рыночного механизма сопровождалось возникновением негативных процессов, присущих капиталистической системе хозяйства». При подобном подходе к реформированию новая чехословацкая хозяйственная система должна была, с одной стороны, включить некоторые югославские черты (самостоятельность предприятий в решении вопроса о разделении дохода на зарплату и инвестиции), а с другой — сделать установление ориентировочных планов производства независимым от административной системы, дополнив их практикой государственного заказа на некоторые виды продукции. И именно на XIII съезде Шик поставил вопрос о «политической демократии в обществе», вызвав шквал аплодисментов в зале. Как отмечено исследователями, на сидевшего в президиуме Брежнева

---

²⁶ Крупный экономист, директор Института экономики ЧСАН, член ЦК КПЧ Ота Шик (1919–2004) играл ведущую роль в созданной в 1963 г. специальной комиссии по подготовке экономических реформ. Значительный резонанс имела опубликованная им в «Rude právo» программная статья о реформировании национальной экономики на рыночных принципах, но без возвращения к капиталистическим основам хозяйствования. В 1964 г. идеи Шика нашли более детальное обоснование в его книге «К проблематике социалистических товарных отношений» (*Šik Ota. K problematice socialistických zbožních vztahů*. Praha, 1964).

²⁷ Чакрыров К. Втория етаж. С. 118.

реакция делегатов произвела самое сильное впечатление²⁸ и, по всей вероятности, не могла не насторожить.

В Болгарии с весны 1963 г. содержание национальной хозяйственной реформы неоднократно обсуждалось на заседаниях ЦК БКП²⁹. Реформа задумывалась и как тактика, и как стратегия. Постепенно определялись приоритетные «узлы» нового экономического механизма: ограничение административных методов руководства народным хозяйством, укрепление экономических рычагов, создание государственных хозяйственных объединений, обеспечение их финансовой независимости, сокращение числа спущенных из центра плановых показателей и пр.

Вскоре дело перешло в практическую плоскость: при Совете министров НРБ была создана специальная комиссия по внедрению новой системы, болгарские специалисты постоянно выезжали в Великобританию, Францию, Бельгию, ФРГ для изучения организации и функционирования трестов³⁰. В Москве подобная инициатива была воспринята спокойно, поскольку и здесь болгары следовали советскому опыту. Во время Всемирной выставки Экспо 58 в Брюсселе по предложению Хрущёва туда направлялись большие группы специалистов различного профиля, в том числе и практиков — организаторов производства. Цель «брюссельского семинара», как тогда называли эти поездки в руководящих структурах, была ясна — ознакомление с современными технологиями с целью их последующего применения в Советском Союзе³¹.

Вместе с тем советское руководство с критическим вниманием отнеслось к реформаторским усилиям Софии. Причиной явились опасения Хрущёва, что болгары вступят на путь «югославских ревизионистов»³². Известные основания для этого имелись: в Софии, действительно, не обходили своим вниманием югославский опыт, сконцентрировавшийся позднее в «общественно-экономической реформе 1965 года».

Похоже, что в тот момент в Москве не связали болгарские реформаторские тенденции с чехословацкими. А для самих болгар преобразования в Чехословакии стали своеобразной точкой отсчета. Показательно, что эйфория, охватившая сторонников реформы в Болгарии, проявилась в ее оценке как «более продвинутой», нежели чехословацкая³³. Однако западные эксперты посчитали ее явно завышенной. Сравнивая реформы в Болгарии, СССР и других странах «социалистического лагеря», они отдавали безусловный приоритет венграм,

---

²⁸ *Травин Дм.* Великие реформаторы. Ота Шик. Коммунист с человеческим лицом // Дело. Аналитический еженедельник. СПб., 2008. 18 августа; *Шевченко К.* Чехословакия, 1968: цугцванг Варшавского договора. К 50-летию Пражской весны 1968 года. URL: <https://regnum.ru/news/2491395.html> (дата обращения: 17.05.2020).

²⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп.5. А.е. 562, 574.

³⁰ *Бонев Ст.* Времето, в което живях и хората, с които работих. София, 2001. С. 65.

³¹ *Аджубей А.* Те десять лет. М., 1989. С. 42.

³² *Чакъров К.* Втория етаж. С. 117.

³³ *Баева И.* Тодор Живков. С. 75.

чехам и даже полякам, хотя уже к концу 1950-х гг. начатые правительством Гомулки после событий 1956 г. реформы в экономике (ропуск кооперативов, допущение ограниченной частной инициативы, участие рабочих в управлении предприятиями и пр.) были в результате сопротивления партаппарата значительно сивелированы. Болгарская реформа характеризовалась, по сравнению с указанными странами «социалистического лагеря», как более ограниченная, но вместе с тем как более развернутая, нежели в советской практике³⁴. Реагируя на начавшийся в июле 1966 г. по постановлению болгарского правительства переход к разработке нормативных актов по непосредственному руководству отдельными звеньями экономики, немецкий католический еженедельник «Deutsche Tagespost» положительно оценил «более гибкое [нежели прежде] руководство экономикой». Но одновременно критически отозвался о приверженности болгарских реформаторов тотальному планированию и нежелании ограничить монополию партии в политике и экономике³⁵. Сам Живков подчеркивал, что не видит принципиальной разницы между болгарским и чехословацким вариантами реформы и что в Польше, Венгрии и ГДР проявляют интерес к начинаниям болгар³⁶. Несмотря на возникшее в руководящих структурах противостояние «рыночников» и «централистов», к началу 1967 г. при поддержке Живкова новая система охватывала уже $\frac{2}{3}$ промышленных предприятий страны.

В Чехословакии тем временем политическая обстановка постепенно осложнялась. Интересно посмотреть на нее глазами болгарских наблюдателей. По указанию Министерства иностранных дел Болгарии и ЦК БКП болгарские дипломаты внимательно отслеживали происходившие в стране перемены. Начиная с декабря 1967 г. шифртелеграммы посла в Праге Стайко Неделчева адресовались непосредственно Живкову. Объяснялось это нараставшими противоречиями в руководстве КПЧ и усилением критических настроений против Антонина Новотного, проявившихся на октябрьском и декабрьском пленумах ЦК, последовавшим за пленумами «неожиданным» визитом Брежнева в Прагу (декабрь 1967 г.)³⁷. (Он состоялся по приглашению Новотного «отдохнуть и поохотиться», но в надежде, что советский лидер примирит «либералов» и «консерваторов», однако тот роль «миротворца» на себя не взял. Объективно брежневская позиция «над схваткой» развязывала руки политическим оппонентам Новотного.)

---

³⁴ *Мигев В.* България по време на комунистическия режим (1946–1989) // Исторически преглед. 2002. № 1–2. С. 146.

³⁵ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2010. София, 2010. С. 152.

³⁶ *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България по време на студената война. София, 2016. С. 233.

³⁷ *Маринова-Христиди Р.* Отражението в България на «Пражката пролет '68» // Пражката пролет и държавна сигурност. Документален сборник / ред. Георги Георгиев, Тодор Трифонов. София, 2011. С. 11.

Документы свидетельствуют о значительном разбросе оценок в поступавшей в то время в Софию информации из Праги: наблюдатели сообщали и об «интересных процессах» в стране, и о перспективе «определенных трудностей», и о «нездоровых настроениях» в руководстве. В целом, однако, постепенно верх начинали брать опасения последствий политических преобразований в «братской стране» для Болгарии, тревога в связи с «ревизией» незыблемого постулата о руководящей роли компартии, намерениями руководителей КПЧ усилить роль парламента, критикой совмещения высших партийных и государственных постов и особенно фактической ликвидацией цензуры и реализацией требования свободы печати. Характерно, что при этом болгарские дипломаты в своих донесениях, как правило, старались обходить факты, подтверждавшие широкую поддержку в обществе, прежде всего среди чехословацкой интеллигенции, представлений о гуманном и демократическом социализме³⁸.

Несмотря на симпатии официальной Софии к Антонину Новотному, его снятие с высшего партийного поста в январе 1968 г. и избрание секретарем ЦК КПЧ компромиссной фигуры — Александра Дубчека были восприняты болгарами спокойно, как внутреннее дело «братской» компартии. Помимо положительной реакции Москвы на смену лидера, принципиальное значение имели заявления нового руководства о верности прежнему курсу на единство и братство Чехословакии с СССР и КПСС и «социалистическим лагерем» и укрепление международного коммунистического движения. И, конечно, нельзя не учитывать, что на болгарское политическое руководство продолжало влиять «обаяние» чехословацкого реформаторского курса.

Поэтому представляется, что выступление Живкова в феврале 1968 г. в Праге на праздновании 20-летия прихода коммунистов к власти в 1948 г. было вполне искренним, а не просто обязательным и традиционным славословием по поводу «красного дня календаря». На привычном партийном языке болгарский лидер констатировал «полное единство» партии и народа Чехословакии, «умелое и мудрое» руководство КПЧ страной и, главное, отсутствие каких бы то ни было спорных вопросов с чехословацкими коммунистами³⁹. Однако прошло совсем немного времени, и уже 6–7 марта в Софии, во время заседания Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора (ПКК ОВД), Живков заявил совсем иное. Правда, произошло это за кулисами встречи, в конфиденциальной беседе с Брежневым и Косыгиным, на которой болгарский руководитель, возможно, на правах хозяина, был ознакомлен с советской позицией. Тремя неделями позднее, на пленуме ЦК БКП 29 марта, Живков так представил это событие: «Я имел особую встречу с товарищами Брежневым и Косыгиным, во время которой изложил нашу тревогу

---

³⁸ Тодорова Р. Българските дипломатически представителства в ГДР, Полша и Чехословакия и събитията в Берлин (юни 1953), Познан (юни 1956) и «Пражката пролет» 1968 // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 631–632.

³⁹ Външна политика на НРБ. Сборник документи и материали. Т. II. София, 1971. С. 422.

и необходимость сделать все возможное, в том числе [заявил, что] мы пойдем и на риск, но не допустим разгула контрреволюции в Чехословакии и ее потери [для «социалистического лагеря»]. Что такое Чехословакия? Чехословакия находится в центре социалистического лагеря, это государство с относительно большим политическим и экономическим весом в социалистической системе. Мы категорически заявили тов. Брежневу и тов. Косыгину, что должны быть готовыми действовать и нашими армиями»⁴⁰.

Трудно с определенностью сказать, насколько точно передал Живков ход встречи (создается впечатление, что о «неблагополучной» обстановке в Чехословакии он знал ранее, что документально пока не подтверждается) и «авторство» представленной им позиции: говорил ли он с советскими руководителями от своего имени или выразил коллективную точку зрения. Искра Баева считает, например, что смешение местоимений и глагольных форм («я имел», «мы заявили» и пр.) отражает, прежде всего, желание Живкова, чтобы Болгария участвовала в возможной силовой акции⁴¹. Это мнение, однако, разделяют не все. Ссылаясь именно на эту встречу, болгарские СМИ разместили в августе 2008 г. в Интернете приуроченный к 40-летию чехословацких событий материал под броским заголовком «София *первой* настаивала на военной интервенции в Праге»⁴². Но точна ли эта оценка, возникшая на волне критики социалистического прошлого, и если она верна, то по каким причинам именно Болгария стала забойщиком силового варианта? И какова роль советского фактора в определении болгарской позиции? Кстати, для иностранных наблюдателей она была очевидна. Еще в отчете посольства Великобритании в Софии за 1967 г. подчеркивалась тесная, «более чем когда-либо», привязанность Болгарии к СССР, рождающая вопрос: «...является ли Болгария вообще нацией или просто и только советской провинцией со своим МИДом и представительством в ООН, подобно Украинской или Белорусской советским социалистическим республикам?»⁴³ Однако достаточно ли этого для констатации абсолютного «лидерства» Болгарии при постановке вопроса о вторжении?

Замечу, кстати, что в том же «юбилейном» 2008 г. в Интернете появилась информация, что первым вопрос о силовом вмешательстве поставил *Ульбрихт*, а затем уже *Гомулка и Живков*⁴⁴). Сам Брежнев на заседании Политбюро ЦК КПСС 21 марта, сообщив, что «в Софии и уже после» с просьбой принять какие-либо меры по урегулированию обстановки в Чехословакии к нему обращались *Живков, Гомулка, Кадар*, о заявлении союзников в пользу силового варианта не упомянул. Наоборот, заметил, что *конкретных предложений от них не поступило*⁴⁵.

⁴⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 58. А.е. 3. Л. 96, 97.

⁴¹ *Баева И.* България и Източна Европа. София, 2010. С. 134.

⁴² См.: www.capital.bg, 28.08.2008.

⁴³ Цит. по: *Христов Хр.* Тодор Живков. Биография. С. 94.

⁴⁴ *Трухачев В.* Эхо 1968 года: противоречивые итоги подавления «Пражской весны». URL: pravda.ru/world/280096-chech/ (дата обращения: 17.05.2020).

⁴⁵ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991 / изд. третье, испр. и доп. М.; Берлин, 2019. С. 283.

Противоречие налицо. (С этими заявлениями не стыкуется и свидетельство члена Политбюро ЦК КПСС и активного участника разного рода мероприятий, связанных с «чехословацким вопросом», П. Е. Шелеста, согласно которому позиции Гомулки, Ульбрихта, Кадара и Живкова не были известны в Москве вплоть до «Дрездена», т. е. до второй половины марта 1968 г.⁴⁶) Возможно, подобные различия объясняются «плотностью» событий при их большой значимости для развития чехословацкого кризиса. Как бы то ни было, очевидно, что за очень короткий срок позиция Живкова оформилась вполне отчетливо, причем он, безусловно, оказался в компании тех участников «пятерки», которые были настроены наиболее критически к процессам, имевшим место в Чехословакии и которых, без особой натяжки, можно считать «ястребами». Но до определенной поры эта позиция выражала его личное мнение, не была «санкционирована» коллективным мнением и тем более решением болгарского руководства. Замечу в связи с этим, что состоявшиеся в Софии «встречи за кулисами» остались на уровне конфиденциальных и проводились за спиной участвовавших в заседании членов чехословацкой делегации. Чехословакия не упоминалась ни в официальном коммюнике совещания, констатировавшем «откровенный обмен мнениями», ни по ходу пленума ЦК БКП (14 марта 1968 г.), специально обсуждавшего итоги заседания ПКК ОВД⁴⁷. Время вынести чехословацкие сюжеты на белый свет еще не настало. Но ждать оставалось недолго...

Известно, что в Софии участники по предложению Дубчека условились провести встречу представителей СССР, Венгрии, ГДР и Польши в Дрездене с целью обсудить состояние *экономического сотрудничества и международное положение*. По настоянию Живкова, стремившегося войти в «клуб» высших руководителей, Болгария в числе других участниц советского блока получила приглашение на эту встречу⁴⁸. Характерно, что приглашения (в болгарском случае устная информация советника-посланника в Болгарии М. Е. Позолотина) поступали фактически накануне и без указания точной повестки дня⁴⁹. Трудно сказать, явилось ли это стечением обстоятельств, желанием обеспечить полную секретность или расчетом на эффект неожиданности. Думается, что менее всего можно говорить о случайности.

Расчет оправдался: во всяком случае, чехи и болгары не ожидали, что центральным на совещании в Дрездене окажется вопрос о ситуации в Чехословакии и возможных последствиях ее развития для восточного блока. По всей

---

⁴⁶ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. С. 160. URL: libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/224044-2-neizvestno-shelest-da-ne-sudimy-budete.html#text (дата обращения: 17.05.2020).

⁴⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 58. А.е. 1. Л. 62–131.

⁴⁸ Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 11.

⁴⁹ Живков Ж. Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на Тексим. Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 151–152.

вероятности, по этой причине выступление Дубчека, заявившего о неожиданной для чехов повестке дня, как вспоминал П. Е. Шелест, «было неорганизованным, несобранным, довольно путаным и неубедительным»⁵⁰. Показательно, что для участников совещания мартовский кризис в Польше, несмотря на размах студенческих волнений, не стал в Дрездене поводом для серьезного анализа и/или беспокойства. Видимо, способность ПОРП «восстановить порядок» под сомнение не ставилась. А вот с Чехословакией дело обстояло иначе. Заверения чехов, что целью намеченных реформ является не уничтожение завоеваний социализма, а его демократизация, не убедили присутствовавших. Реформаторов обвинили в отступлении от принципов советского социализма. Особой резкостью отличались оценки Гомулки и Ульбрихта, заявивших о «ползучей контрреволюции» в стране. Живков на совещании отсутствовал. На то, чтобы, добившись приглашения, не воспользоваться возможностью лично прибыть на встречу на высшем уровне, у болгарского руководителя должна была иметься веская причина. Таковой стал крайне важный для болгарского руководства официальный визит Живкова в Турцию 20–26 марта⁵¹. По мнению Искры Бавовой, отсутствие болгарского лидера в Дрездене подтверждает, что он не склонен был драматизировать события в Чехословакии и, кроме того, вероятно, учитывал, что после вышеупомянутого мартовского заседания ПКК ОВД его позиция была известна и полностью ясна⁵². Болгарский исследователь Ангел Николов склонен усматривать в отсутствии Живкова тактический ход, предпринятый с ведома Брежнева: после отстранения Румынии от обсуждения «чехословацкого вопроса» встреча при участии сопредельных с ЧССР государств приобретала статус регионально-ограниченной. Поэтому неожиданное появление на ней Болгарии, не имевшей с чехами и словаками общей границы, следовало обставить как можно скромнее. Отсюда и отсутствие болгарского лидера

⁵⁰ Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 160.

⁵¹ Основной целью переговоров в Анкаре был вопрос о переселении в Турцию так называемых болгарских турок — наиболее крупного мусульманского меньшинства в стране. Подписанное во время визита Живкова соглашение о воссоединении семей явилось итогом трудных дискуссий и отразило позицию Анкары, готовой принять болгарских турок, чьи родственники переселились в Турцию до 1952 г. (болгарская сторона предлагала полное переселение). Сложно шло обсуждение сторонами вопросов ликвидации недвижимости переселенцев, особенно передела земли, включенной в фонд земледельческих кооперативов (ТКЗХ), пенсионного права и пр. Не по всем из них удалось прийти к консенсусу. Болгарские власти использовали гуманный лозунг «собираания семей» как удобное прикрытие для завершения прерванного еще в 1951 г. процесса переселения, причем в первую очередь «нежелательного элемента», т. е. той части мусульманского населения, чья адаптация к «социалистическому образу жизни» считалась проблематичной. В целом итоги визита стимулировали интеграционные процессы, направленные на создание единой «коммунистической нации» в Болгарии.

⁵² Бавова И. Тодор Живков. С. 75; Она же. Мястото на «Пражката пролет '68» в международните отношения // Международна политика. Благоевград, 2008. № 2. С. 76.

в Дрездене и замена его членом Политбюро Станко Тодоровым⁵³. Кроме него в болгарскую делегацию входили также заместитель председателя Совета министров Живко Живков и председатель Госплана Апостол Пашев. Из воспоминаний Живко Живкова⁵⁴ следует, что никаких директив и рекомендаций они не имели и были вынуждены действовать на свой страх и риск. Это свидетельство важно еще и потому, что означает: ранее обсуждений чехословацкого вопроса в болгарском руководстве не было.

Заслушав в первый день совещания подробную информацию о положении в Чехословакии и выступления Гомулки, Кадара и Ульбрихта, болгарские представители приняли решение воздержаться от резких оценок ситуации в стране, особо подчеркивать общие интересы и общую судьбу стран «социалистического лагеря» и «напирать» на необходимость гасить разногласия путем встреч и переговоров. Живко Живков позднее вспоминал: «Мы хорошо сознавали, что в этих событиях не играем главной роли, и не брали на себя обязательств, которые были бы нам “не по росту”»⁵⁵. Эта, по всей видимости, выразившаяся в выступлении Тодорова установочная позиция, равно как и умеренность Кадара были расценены советской стороной как проявления «нечеткой позиции» болгар и венгров⁵⁶.

Большое впечатление произвел на болгарскую делегацию доклад А. Н. Косыгина, посвященный проблемам экономического сотрудничества. Основное внимание глава советского правительства уделил поставкам сырья — природного газа и нефти — в страны «социалистического лагеря», развитию энергетической базы и атомной энергетики. Лейтмотив выступления — огромные возможности Советского Союза и его преимущества перед Западом в решении соответствующих проблем стран-участниц восточного блока. Представляется, что Москва намеревалась использовать экономическую «наживку» при решении политических проблем «Пражской весны».

В историографии встречается суждение, что появление в Дрездене болгар и их сдержанность, особенно на фоне резких заявлений представителей Польши и ГДР, вызвали недоумение у чехословацких руководителей. В подтверждение приводится адресованная Живкову информация руководителя службы Госбезопасности (ДС) генерала Ангела Солакова об «особом внимании» чехов к позиции Болгарии: «Они признают, что наша страна не вмешивается во внутренние дела Чехословакии и сохраняла “английское спокойствие”, не свойственное темпераменту болгар. Болгария продемонстрировала высокую дипломатическую

---

⁵³ *Николов А.* Горещото лято на 68-а. Пражката пролет, братската помощ и Народна Република България. София, 2013. С. 204.

⁵⁴ Воспоминания Ж. Живкова публикуются в разделе «Воспоминания. Документы» в настоящей книге.

⁵⁵ *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на Тексим. Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 157.

⁵⁶ *Шелест П. Е.* Да не судимы будете. С. 161.

зрелость и политическую корректность»⁵⁷. Некоторые историки, однако, не разделяют эту оценку, считая, что позиция болгарской делегации и дальнейшее поведение Живкова в кризисные дни не были столь самостоятельными. Ангел Николов, например, утверждает, что авторитарный болгарский руководитель не имел собственной позиции по «чехословацкому вопросу», однако старался создать в глазах советской стороны имидж более ревностного сторонника и исполнителя ее планов, нежели иной раз сами инициаторы⁵⁸.

Отсутствие необходимых источников не позволяет дать однозначный ответ на вопрос, когда и, главное, в какой мере болгарские «друзья» были ведомыми, а в какой по своей инициативе (если таковая была) выступали на первый план? Однако вряд ли приходится сомневаться, что советское руководство в лице болгар имело верного соратника, готового озвучить, притом в категорической форме, замыслы и инициативы Москвы как собственные. Не случайно в рабочих дневниковых записях Брежнева, относящихся ко времени чехословацкого кризиса, неоднократно встречаются подтверждения использования им «друзей» для «продавливания» советской позиции, а СССР отводится роль выразителя «коллективного мнения» и арбитра. Но если умеренно настроенному Кадару доставались при этом функции деликатного переговорщика, в частности, с Дубчеком («пусть он *еще поговорит*» с ним), а Гомулке и Ульбрихту предстояло «*оказывать на Дубчека и его друзей соответствующее влияние*», то в отношении болгарского лидера подчеркивалось: «Живков *обещал надавить на пражских руководителей*»⁵⁹.

26 марта Политбюро ЦК БКП обсудило итоги совещания в Дрездене, приняв решение наблюдать за развитием ситуации в ЧССР и глубже изучать ее. Были в связи с этим намечены и конкретные задачи, адресованные государственным (МИД), информационно-пропагандистским структурам (официоз «Работническо дело», Болгарское телеграфное агентство). В решении также указывалось на необходимость избегать публикаций полемического содержания, не допускать появления в печати высказываний и статей «правого или контрреволюционного характера», улучшить работу с интеллигенцией, молодежью и особенно со студентами⁶⁰.

29 марта развернутая информация Станко Тодорова о дрезденской встрече была заслушана на пленуме ЦК БКП. Тодоров сообщил, что участникам было рекомендовано «не вести никаких протоколов и стенографических записей», поэтому он подготовил сообщение, по его словам, «по памяти и по некоторым отрывочным заметкам, которые мы вели...»⁶¹. Но эта оговорка не стыкуется с подробнейшим изложением выступлений чехов и других участников встречи.

⁵⁷ Цит. по: *Николов А.* Горещото лято на 68-а. С. 205.

⁵⁸ Там же. С. 203.

⁵⁹ Цит. по: *Волкоганов Д.* Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 книгах. Кн. 2. Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Константин Черненко, Михаил Горбачёв. М., 1995. С. 42.

⁶⁰ ЦДА. Ф 1 Б. Оп. 35. А.е. 127. Л. 1–4.

⁶¹ Там же. Оп. 58. А.е. 3. Л. 2.

По ходу развернувшегося после обстоятельного доклада Тодорова обсуждения прозвучали выступления с жесткими формулировками, свидетельствовавшими о настрое по крайней мере части партийных функционеров в пользу силового варианта разрешения кризисной ситуации. «...Мы должны вмешаться и остановить контрреволюцию», — настаивал Раденко Видински; «не стоять в стороне и не ждать развития событий», пока, как в Венгрии, контрреволюционеры не выйдут на улицы и начнут вешать коммунистов, — призвал Митко Григоров. В интересах «социалистического лагеря», заявил Делчо Чолаков, не следует «бояться каких-либо грубых мер, наподобие венгерских...». «Они (империалисты. — Т.В.) полагают да и замолчат, а мы не потеряем Чехословакию»⁶². Подводя итоги дискуссии, Живков также говорил резко. Охарактеризовав ситуацию в Чехословакии как «предконтрреволюционную» (фактически это была некая промежуточная позиция между Ульбрихтом и Гомулкой, с одной стороны, и Кадаром, с другой), он подчеркнул, что Дубчек «не имеет ни опыта, ни интеллекта, ни воли, чтобы повести [за собой] партию». По мнению болгарского руководителя, дестабилизации обстановки в Чехословакии способствовали западные центры, большую роль, как и в Польше, играл сионизм. Но Живков указал и на еще один фактор: «...Это также дело югославского руководства, которое пытается через Румынию, Польшу и Чехословакию создать в нашей семье свое объединение. Нет необходимости применять сталинские методы прошлого, но мы должны действовать таким образом, чтобы *навести порядок и в Чехословакии, и в Румынии, а затем и в Югославии*»⁶³.

Очевидно, что прозвучавшие на пленуме прямые призывы к военному вмешательству в дела суверенной «братской» страны не могли не учитывать общую политическую конъюнктуру в рамках «лагеря» и в первую очередь позицию советского руководства. А оно, как свидетельствуют современные исследования, несмотря на колебания, все определеннее склонялось к силовому варианту⁶⁴.

Принятое на пленуме решение (оно не публиковалось, в печати появилось лишь краткое сообщение) было лаконичным и сводилось к одобрению мер, намеченных Политбюро на заседании 26 марта. Особо акцентировалась задача партийной пропаганды в «поддержку положительных шагов нынешнего партийного руководства во главе с тов. Дубчеком»⁶⁵. Для информирования партий-

⁶² ЦДА. Ф 1 Б. Оп. 58. А.е. 3. Л. 72, 93, 86.

⁶³ Там же. Л. 97, 98.

⁶⁴ Уже 8 апреля 1968 г. командующий воздушно-десантными войсками генерал В. Ф. Маргелов получил директиву, которая обязывала его приступить к планированию применения воздушных десантов на территории ЧССР (*Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 56). А командующий 38-й армией Прикарпатского военного округа генерал-лейтенант А. М. Майоров 12 апреля получил секретную карту-приказ о вторжении в ЧССР за подписью министра обороны маршала А. А. Гречко (*Кирилл Шевченко.* Чехословакия, 1968: цугцванг Варшавского договора).

⁶⁵ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 58. А.е. 3. Л. 56.

ного актива была подготовлена и разслана на места специальная брошюра о соещании в Дрездене⁶⁶, которую после ознакомления следовало вернуть в ЦК.

Во исполнение принятого решения сбор информации по Чехословакии развернулся по всем каналам. Центром внимания были Дубчек и Франтишек Кригель⁶⁷. По некоторым данным, спецслужбам удалось завербовать в качестве информаторов даже их личных врачей⁶⁸.

Для подтверждения позиции Живкова важное значение имел его визит в Прагу 23–26 апреля 1968 г. Поездка была предпринята по инициативе чехословацкой стороны: предстояло подписать новый двусторонний договор о дружбе и взаимопомощи. Некоторые западные журналисты посчитали визит проявлением намерения Живкова стать посредником между Советским Союзом и странами «социалистического лагеря» при урегулировании отдельных деликатных вопросов. Но подобное мнение не разделяли работавшие в Праге дипломаты как западно- так и восточноевропейских стран⁶⁹. Эта оценка отражена и в болгарской историографии. Роль своеобразного «моста» между Чехословакией и другими странами восточного блока И. Баева справедливо отводит Кадару⁷⁰.

В Прагу Живков ехал с твердым убеждением, что в Чехословакии идет процесс реставрации капитализма, что Дубчек занимает ревизионистскую позицию, что главной фигурой среди реформаторов является Кригель (кстати, по этой причине Живков изъявил желание поближе с ним познакомиться) и пр. Напрасно посол Стайко Неделчев, близко знавший Дубчека по партшколе в СССР и сохранявший с ним тесные контакты, пытался донести до высокого гостя, что Дубчек — убежденный коммунист, честный человек и друг Советского Союза...⁷¹

Чехословацкая сторона серьезно готовилась к визиту. Детали подготовки раскрывает состоявшийся незадолго до приезда болгар разговор Кригеля с одним из его доверенных лиц — И. Козаком. Донесение об этом болгарам передал по каналам госбезопасности агент «Ростислав»⁷². Кригель сообщил о намере-

⁶⁶ Там же. Оп. 35. А.е. 127. Л. 7–14.

⁶⁷ *Франтишек Кригель (1908–1979)* — чехословацкий политический деятель, последовательный сторонник радикального реформаторского курса и активный участник «Пражской весны», председатель Национального фронта Чехословакии, член Президиума ЦК КПЧ, практикующий врач. Идеиный сторонник еврокоммунизма и демократического социализма. Во внешней политике противник зависимости от Москвы и сторонник переориентации Чехословакии на Китай.

⁶⁸ *Чакъров К.* Втория етаж. С. 118.

⁶⁹ Пражката пролет и държавна сигурност. С. 231–232.

⁷⁰ *Баева И.* Мястото на «Пражката пролет '68». С. 37.

⁷¹ *Яхел Н.* Тодор Живков и личната власт. С. 222.

⁷² «Ростислав» — один из восьми агентов Комитета государственной безопасности Болгарии (КДС), работавших в Праге в период кризиса. А. Николов в высшей степени критически оценивает уровень объективности донесений этого агента, указывает на предпочтение, отдававшееся им сплетням, слухам, а также и на откровенные глупости и притянутые за уши

нии «обезличить» торжественность момента, удержать баланс между дипломатической вежливостью и демонстрацией какого-то особого, чрезмерного уважения к гостям. Так, отсутствие президента в Праге и заседание парламента с оглашением правительственного обращения при участии членов кабинета и партийной верхушки именно в день прибытия делегации должны были подчеркнуть рядовой характер («неисключительность») визита. Для делегации предполагалось создать режим «определенной изоляции»: «не дать ей встретиться с бóльшим числом членов парламента и ЦК, чем это необходимо», и «прямо дать понять, что мы очень заняты собственными делами и заботами и не имеем времени для шумных проявлений внимания». Одновременно следовало правильно сориентировать чехословацкую общественность, указав в связи с визитом, что «ничего особо важного не происходит, имеет место формальность, которая никоим образом не изменит наш новый путь к самостоятельности и внутренним преобразованиям».

Касаясь содержания предстоящих бесед с руководителем болгарской делегации, Кригель подчеркнул: «Прежде всего, следует недвусмысленно дать понять Живкову, что все происходящее у нас, в ЧССР, диаметрально противоположно тому, что происходит у них, и что болгары должны считаться с нами и с сегодняшней обстановкой. Они должны понять, что в будущем координация в области экономики может осуществляться на полностью новой основе и никоим образом не в той форме, которая была до сих пор». По словам Кригеля, под давлением событий и перемен в Чехословакии предстояли глубокие изменения в работе СЭВ. «Чехи, — подчеркнул Кригель, — имеют по этому вопросу твердую позицию, и хотели бы дать понять Москве, что Чехословакия в силу своего географического положения и состояния экономики не может согласиться со старым стилем работы СЭВ, который был очевидной бессмыслицей». В частности, Болгарии как земледельческой стране следовало отказаться от развития промышленных отраслей производства, поскольку никаких предпосылок их эффективного развития в стране, по мнению чешского политика, не существовало. Индустриализация могла касаться только сельского хозяйства. Кригель особо указал на необходимость не допустить возможности создания болгарами собственной электронной промышленности с опорой на японские капиталы. Хотя сведения о соответствующих зондажах Софии перед Токио нуждались в тщательной проверке, Кригель подчеркнул главное: если болгары опередят в своих контактах с японцами чехов, то это крайне осложнит положение последних в СЭВ и лишит их возможности оказывать давление (! — Т.В.) на Москву⁷³.

заклучения, в том числе и в угоду Москве. Николов утверждает, что именно на «фальшивую информацию» «Ростислава» опирался Ю. В. Андропов, чтобы подтолкнуть колеблющихся членов Политбюро ЦК КПСС к принятию решения о вторжении (*Николов А. Горещото лято на 68-а. С. 225*).

⁷³ Пражката пролет и държавна сигурност. С. 127–129.

Уже в первый день визита, 23 апреля, состоялась встреча Живкова с Дубчеком. Чехословацкий руководитель подробно разъяснил гостю суть реформ, их обусловленность внутрипартийными и общественными проблемами, охарактеризовал кадровые изменения в руководстве и основные положения Программы действий КПЧ, принятой на пленуме ЦК 5 апреля 1968 г. Живков начал беседу с утверждения о том, что чехословацкие реформы якобы соответствовали курсу БКП, утвержденному еще на апрельском пленуме 1956 г., т. е. не только подтвердил свою прежнюю идею об отсутствии принципиальной разницы между реформами в обеих странах, но и выразил претензию на чуть ли не лидирующую роль в преобразованиях в рамках соцсистемы. Этой же линии он придерживался и в беседах с Кригелем и министром иностранных дел Иржи Гаеком.

Проявив интерес к экономическим вопросам, болгарский гость привлек внимание к необходимости дальнейшего развития двусторонних хозяйственных связей. Высоко оценил он состояние культурного обмена («трудностей нет»). Но хозяевам пришлось выслушать и «товарищескую критику». Живков не удержался и от соблазна напомнить о собственных заслугах в период активизации «антисоциалистических» сил в Болгарии весной 1956 г. и в проведении апрельского пленума БКП. Показательно, что в лексиконе болгарского лидера уже отразилась, хотя и аккуратно, произошедшая в советских оценках динамика: тезис о необходимости принятия чехословацким руководством решительных мер против «ревизионистских и антисоциалистических элементов» сопровождался рассуждениями об «общей ответственности» коммунистов за состояние единства «социалистического лагеря» (исходная точка здесь — формировавшаяся брежневская доктрина «ограниченного суверенитета») и напоминанием о «несокрушимой мощи» Советского Союза (не было ли это намеком на возможность ее применения?). Чешская сторона реагировала внешне спокойно: от возражений воздерживалась и не особенно откровенничала с гостем, хотя, по наблюдению болгарского дипломата Райко Николова, хозяева явно не разделяли оценок ситуации в Чехословакии, дававшихся Живковым⁷⁴. Иными словами, разговор шел на разных языках.

Визит Живкова в «предконтрреволюционную» страну, вероятно, преследовал, помимо официальной, еще и другую цель: содействовать по мере сил «нормализации» обстановки в Чехословакии и получить из первых рук максимум возможной информации, которая могла способствовать продвижению реформ в Болгарии. При всей важности экономических вопросов в поле зрения болгарского лидера находилось в то время и функционирование политсистемы. Так, на встрече во время визита с сотрудниками болгарского посольства в Праге Живков подтвердил, что на предстоявшем в июле 1968 г. пленуме ЦК БКП будет обсуждаться широкий круг политических вопросов. При этом Живков, в частности, критически отозвался о деятельности болгарского парламента как

⁷⁴ Николов Р. Български посланик разказва. София, 2009. С. 16.

о «пародии», поскольку, по его словам, будучи верховным органом власти, Народное собрание не могло реально влиять на работу правительства⁷⁵.

Еще одно немаловажное обстоятельство, связанное с визитом в Прагу, — подмеченные исследователями отличия в содержании и тональности личных бесед Живкова с Дубчеком и Василом Биляком и предыдущих выступлений на совещаниях ПКК ОВД⁷⁶. Если, находясь в Праге и Братиславе, Живков акцентировал внимание на необходимости усиления экономического сотрудничества, призвав «компетентные органы» пересмотреть «в непродолжительный срок» прежние установочные объемы, то на встрече руководителей соцстран летом 1968 г., забыв об экономике, настойчиво подчеркивал обязательность и неизбежность оказания помощи «здоровым силам» в Чехословакии⁷⁷.

Дальнейшие конкретные действия чехословацкой стороны по ходу визита Живкова подтверждают информацию агента «Ростислава» о намерении хозяев придать ему рутинный характер. Празднование годовщины Договора 1948 г. о дружбе и взаимопомощи, по воспоминаниям Н. Яхиеля, «прошло скромно, в небольшом, невзрачном салоне при малом числе присутствовавших»; «хозяева явно постарались, чтобы событие стало будничным», что, естественно, не могло не задеть болгар. Во время торжества из болгарского посольства поступила информация о студенческой демонстрации в центре Праги с антисоциалистическими лозунгами и плакатами. Выяснилось, что Кригель знал об этом, а Дубчек нет. Это еще больше убедило Живкова в пассивной роли первого секретаря ЦК КПЧ и укрепило его недоверие к действиям чехословацкого руководства. Ни подписание 26 апреля в Тронном зале на Градчанах нового Договора, рассчитанного на 20 лет, ни вручение Живкову президентом Людвиком Свободой высшей национальной награды — Ордена Белого Льва не поколебали это недоверие⁷⁸.

В болгарской печати, как и следовало ожидать, итоги визита получили высокую оценку, особо подчеркивалась теплая атмосфера встреч. Однако опытных наблюдателей это не могло обмануть. «...Не следует делать вывод, — сообщал в Брюссель посол Бельгии в Софии Эмиль Росон, — что болгарские руководители одобряют сегодняшние мероприятия по демократизации режима в Праге. Как всегда, болгарские руководители предпочитают выжидать, избегать опасной ситуации, одновременно твердо поддерживая линию Кремля»⁷⁹.

Вскоре после визита в Прагу Живков направил личное послание Ульбрихту, в котором поделился своей тревогой в связи с развитием событий в Чехословакии и неспособностью Дубчека контролировать ситуацию. 30 апреля 1968 г. посол Болгарии в Берлине Георгий Даскалов сообщил в Софию, что послание вручено⁸⁰. Только ли последовательно жесткая позиция немецкого

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2010. София, 2010. С. 154.

⁷⁷ Там же. ЦДА. Ф. 1 Б. Оп 60. А.е. 7. Л. 15; Оп. 58. А.е. 12. Л. 30–32.

⁷⁸ Яхиел Н. Тодор Живков и личната власт. С. 222.

⁷⁹ Цит. по: Пражката пролет и държавна сигурност. С. 232–233.

⁸⁰ Там же.

лидера была причиной обращения к нему Живкова? Ведь такую же позицию занимал и Гомулка. Представляется, что на этот шаг повлияли и другие обстоятельства, важные для болгар. В частности, категорическое неприятие Ульбрихтом югославского опыта реформ. В начале марта 1968 г. на закрытом заседании партийного и экономического актива в Лейпциге, выразив несогласие с некоторыми действиями и установками КПЧ (особенно с курсом на децентрализацию руководства государством и политикой в сфере культуры), Ульбрихт подчеркнул: «СЕПГ не одобряет и югославский пример и не имеет намерения допустить югославский вариант либерализации, как делается сейчас в ЧССР и Венгрии»⁸¹. Это заявление практически совпало по времени с резким всплеском национализма в болгарском руководстве и развернувшейся в югославской части Македонии антиболгарской кампанией, сопровождавшейся претензиями Скопие на ее болгарскую часть — Пиринский край. Столкновения двух «национализмов» вызвали сильное охлаждение отношений между Болгарией с Югославией. Четкая антиюгославская позиция Ульбрихта пришлось болгарским руководителям как нельзя кстати.

Весной 1968 г. болгарская сторона продолжала активный сбор информации о положении в Чехословакии. Видимо, в этом контексте следует рассматривать поездку в мае в Прагу бывшего посла Болгарии в Чехословакии, а в то время заместителя министра иностранных дел Геро Грозева. Мнения исследователей о целях визита Грозева расходятся. Болгарская исследовательница Румяна Тодорова считает, что он должен был получить информацию о настроениях в партийных кругах⁸². Райко Николов указывает, что Грозев не ограничивался сбором информации, а пытался, используя личные связи с партийными функционерами, настраивать их против Дубчека⁸³. Вполне возможно, что Грозев отправился в чешскую столицу как личный эмиссар Живкова. Во всяком случае, Живкову напрямую докладывали о содержании поступавших от Грозева шифротелеграмм. А они подтверждали худшие опасения: в стране нарастает «контрреволюция», в опасности которой чехословацкие руководители «не дают или не хотят давать себе отчета». Грозев предлагал обсудить с советскими товарищами вопрос об оказании помощи «здоровым силам». Миссия едва не закончилась дипломатическим скандалом: после того, как хозяевам стали известны кое-какие подробности деятельности Грозева в Праге, он был срочно отозван из страны⁸⁴. Однако, по всей видимости, его информация подкрепила позицию Живкова и, возможно, стала известна советским наблюдателям.

⁸¹ *Баева И.* 1968 година — повратна за Източна Европа // 1968 — четридесет година после. 1968 — forty years later. Сборник радова. Београд, 2006. С. 36.

⁸² *Тодорова Р.* Българските дипломатически представителства в ГДР, Полша и Чехословакия. С. 631.

⁸³ *Николов Р.* Български посланик разказва. С. 20.

⁸⁴ В июле 1968 г. на «опасность повторения случая с Грозевым» указывалось в материалах болгарской Госбезопасности в связи с «неправильной манерой поведения» отдельных сотрудников посольства НРБ в Праге: при встречах с чехословацкими товарищами «крайне грубо,

С весны 1968 г. болгары регулярно участвовали во встречах и консультациях с представителями социалистических стран. Как равноценный партнер Живков был приглашен в начале мая на заседание в Москву для очередного обмена мнениями о положении в Чехословакии. Надежды на возможность «обуздания» чехами контрреволюции в стране своими силами и решительными действиями становились тем временем в глазах Москвы и некоторых ее соратников по восточному блоку все более иллюзорными. Непримиимо настроенные Ульбрихт и особенно Гомулка, считавшие победу контрреволюции в Чехословакии непреложным фактом, а Дубчека — руководителем, не способным на решительные действия⁸⁵, готовились к атаке на Брежнева. На встрече с советским руководителем 7 мая, накануне открытия совещания, Гомулка, охарактеризовав Дубчека как «самовлюбленную, политически близорукую и беспомощную» личность, резко осудил брежневскую «политику целования» с ним. Отметивший этот факт в своих воспоминаниях П. Е. Шелест придерживался таких же оценок, указав на то, что Брежнев разводит панибратство с «Сашей» и «сюсюкает» с ним⁸⁶. В острой полемике Гомулка и Живков настаивали на неотложных мерах по нормализации обстановки в Чехословакии⁸⁷. Давление союзников на советского руководителя, безусловно, следует учитывать, но не стоит преувеличивать. По всей видимости, Брежнев и сам все определеннее склонялся к силовому варианту, стремясь при этом придать соответствующему политическому решению характер коллективно выраженного мнения. Во всяком случае на совещании был представлен один из первых вариантов разрешения чехословацкого кризиса военной силой⁸⁸, на основе которого возник сравнительно мало известный исследователям план Брежнева от 22 мая 1968 г. под грифом «Секретно. Особой важности». Точное его название — План проведения операции «Х»⁸⁹. Для согласования он был разослан первым лицам в Берлин, Будапешт, Варшаву и Софию. План состоял из шести разделов (I. Характеристика политической обстановки в ЧССР. II. Цель операции. III. Политические мероприятия. IV. Оперативный план действия. V. Силы и средства. VI. Активные мероприятия) и предусматривал возможность дополнений и корректировки предложенных пунктов «в зависимости от изменений обстановки в Чехословакии». Речь не шла в документе о непосредственном военном вторжении: был предложен некий проект, вариант действия, главными исполнителями которого должны были стать внутренние силы — рабочие отряды, силы Госбезопасности, Народная милиция и отдельные подразделения

бестактно задают вопросы и производят впечатление, что наше посольство занято только сбором информации о положении в ЧССР» (Пражката пролет и държавна сигурност. С. 204).

⁸⁵ Назаров О., Пирин Д. Хроника «Пражской весны». URL: историк.рф/posts/2018/08/22/hronika-prazhskoj-vesny.html (дата обращения: 17.05.2020).

⁸⁶ Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 171, 172.

⁸⁷ Там же. С. 165.

⁸⁸ Баева И. България и Източна Европа. С. 337.

⁸⁹ Полный текст см.: Чакъров К. Втория етаж. С. 119–123.

Чехословацкой народной армии. Характерно, что появление плана не приостановило попытки политическими методами воздействовать на Прагу.

В плане впервые открыто был поднят вопрос о роли сионистов в «широком наступлении на социалистический строй, на КПЧ и органы диктатуры пролетариата» и было предложено «обдумать мероприятия против Кригеля и его группы как западной агентуры, связанной с сионистскими центрами, которые готовят разрыв отношений с Советским Союзом и ориентацию Чехословакии на Запад». Более того, в документе именно «сионисты» открывали перечень экстремистских сил — противников социализма в Чехословакии: за ними следовали «ревизионистские и контрреволюционные элементы».

Акцентируя сионистскую угрозу, советское руководство исходило в первую очередь из практических целей своей внешней и внутренней политики. Именно в первой декаде мая 1968 г. с подачи советской стороны⁹⁰ началась очередная фаза обострения арабо-израильского конфликта, в котором Москва выступала на стороне арабской коалиции. Сложность и разнообразие мотивов, по которым левый антисемитизм принял форму антиссионизма, прослеживаются в истории стран «соцлагеря». Например, союзникам по восточному блоку было известно, что чехословацкое еврейство в целом приветствовало «Пражскую весну», немало евреев было и среди ее активистов и руководителей: Ф. Кригель, О. Шик, И. Пеликан (руководитель радио и телевидения), Э. Гольдштюкер (Союз писателей), В. Кашпар (Союз журналистов), писатели А. Гроссман и А. Лустиг и др. Однако говорить о «еврейском факторе» было неудобно из-за возможных обвинений в антисемитизме и проявлении расового подхода и, как отметил К. Чакыров, звучало бы «старомодно»⁹¹. По этим причинам была воспринята политико-идеологическая дефиниция «сионизм».

После поражения арабской коалиции в Шестидневной войне (июнь 1967 г.) в оборот был запущен лозунг «Сионизм — орудие империализма», под которым СССР стремился, помимо прочего, упрочить и расширить свое влияние в «третьем мире». Учитывался и тот факт, что в руководстве стран восточного блока, особенно в Польше, существовали подозрения в «неблаговидной роли» евреев. Так, начиная с июня 1967 г. в польский политический лексикон было введено определение «империалистическо-сионистских сил» как действовавшей в стране «пятой колонны». На этой основе в Польше поднялась высокая волна антисемитизма, укрепившая стереотип восприятия поляков как врагов еврейства⁹².

---

⁹⁰ Неизвестная Шестидневная война: Израиль против СССР. URL: <https://grimnir74.livejournal.com/10703557.html> (дата обращения: 17.05.2020).

⁹¹ Чакыров К. Вторая етаж. С. 223.

⁹² Подробнее см., например: Дзикавицкий А. Польша вспоминает о старых грехах. URL: svoboda.org/a/24935849.html (дата обращения: 17.05.2020), а также статью В. В. Волобуева в настоящей книге.

В целом педалирование «еврейского фактора» делало возможным и удобным кризис в «социалистическом лагере», в том числе студенческие демонстрации в Польше (март 1968 г.), разногласия с югославским и румынским режимами и, естественно, «Пражскую весну», как и экономический развал и подъем диссидентского движения в СССР, списывать на «происки сионизма».

Хотя в Болгарии «еврейский вопрос» никогда не был актуальным, Живков, следуя в фарватере советских инициатив, не мог его обойти. Беседуя с послом А. М. Пузановым 1 августа 1968 г.⁹³, он выразил «товарищескую озабоченность» распространением сионизма и, в частности, сильным давлением сионистов на Яноша Кадара. Сообщил Живков и о «некоторых проявлениях» сионистов в Болгарии. Приведенный им «факт», что глава правительства Станко Тодоров, «достаточно зрелый и опытный политический лидер», находится под влиянием «весьма сомнительных» взглядов своей жены⁹⁴, на первый взгляд был недостаточно серьезным, но тем не менее отвечал «злобе дня» и при известных обстоятельствах мог бы сработать против Тодорова, в частности и во внутрипартийной борьбе.

Документы свидетельствуют, что информация Живкова пришлась «ко двору». В записке Пузанова от 6 июня 1969 г., адресованной заместителю министра иностранных дел В. С. Семенову⁹⁵, с удовлетворением отмечалось, что в вопросе о деятельности международного сионизма позиция ЦК БКП «не отличается от нашей» и что «болгарские друзья правильно оценивают международный сионизм как активное орудие и верную агентуру империализма». Особо указывалось на наличие «значительной прослойки» евреев в болгарских СМИ и творческих организациях, перечислялись в этой связи и сотрудники партийно-государственного аппарата (директор Института истории БКП Д. Елазар, ранее заведовавший Агитпропотделом ЦК; директор Института общественных и идеологических исследований Р. Аврамов; директор Института организации управления при Совете министров Д. Давидов; советник Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству при Совете министров НРБ В. Натан). Пузанов также выразил озабоченность тем, что усилия «друзей» по разоблачению сионизма недостаточны (в 1968 г. этому была посвящена всего одна статья в газете «Вечерни новини», а в первые месяцы 1969 г. — ни одной) и что только в последнее время власти начали чистку СМИ «от политически неустойчивых элементов», в числе которых лица, находящиеся под влиянием сионистской пропаганды. Думается, что это критическое замечание объективно отразило искусственность постановки «еврейского вопроса»

⁹³ Христов Хр. Тодор Живков. Биография. С. 203.

⁹⁴ Жена Станко Тодорова — известная журналистка и общественный деятель Соня Бакиш (1923–2010), участница движения Сопротивления, боец партизанского отряда «Христо Михайлов». При народной власти — сотрудник центрального органа БКП газеты «Работническо дело», главный редактор газеты «Учителско дело», в течение 20 лет главный редактор журнала «Жената днес» («Женщина сегодня»).

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 28–29.

болгарским руководителем, вынужденность его своевременной и «адекватной» реакции на соответствующие установки Москвы.

В данном контексте понятна и дальнейшая судьба Сони Бакиш. В связи с 25-летием руководимого ею популярного журнала «Жената днес» (основан 1 октября 1945 г.) Живков в «поздравительной» телеграмме остро раскритиковал издание за мелкобуржуазный уклон, отсутствие классовых позиций, неправильное воспитание болгарских женщин и за — самое преступное! — феминизм⁹⁶. Не удивительно, что подобные обвинения вскоре привели к отставке главного редактора.

С приближением августовских дней обстановка и настроения в болгарских «верхах» все существеннее менялись. По мере увеличения объема поступавшей информации о ситуации в Чехословакии и усиления в ней обвинительного уклона более активно стал проявляться конфронтационный настрой. В Политбюро ЦК БКП выявились три тенденции. Сторонники решительных мер высказывались за жесткий «вариант Тодора Живкова», демонстрируя личную привязанность к своему лидеру и полное одобрение его действий. Более осторожные отмалчивались. Имелись и протагонисты умеренных действий, смягчения напряженности. Однако, как вспоминал Живко Живков, при всех различиях мнений и оценок конкретные вопросы военного вторжения на заседаниях Политбюро не только не обсуждались, но и вообще не ставились⁹⁷. Если довериться этому утверждению, то получается, что Живков в контактах с другими членами «пятерки», выступая как выразитель коллективного мнения болгарской партийно-государственной верхушки, являлся, по существу, авторитарным формулировщиком «единой» позиции национального руководства.

Тем временем после отказа чехов прибыть в Варшаву в начале июля на консультации с руководителями компартий события неумолимо приближались к развязке. На варшавской встрече 14–15 июля 1968 г. Живков, как и ранее, продемонстрировал жесткую и твердую позицию. Поддержанный большинством, он заявил: «Здоровые внутренние силы должны почувствовать нашу решительную помощь, помощь наших партий, помощь наших стран, помощь наших вооруженных сил, помощь Варшавского договора»⁹⁸. Эта точка зрения стала определяющей. 15 июля участники встречи направили чехам резкое письмо с оценкой «Пражской весны» как контрреволюции и призывом к немедленному исправлению ситуации⁹⁹.

По возвращении болгарской делегации из Варшавы создавшееся в Чехословакии положение было обсуждено на пленуме ЦК БКП 24–26 июля 1968 г. Действия национальных реформаторов единодушно были осуждены как

⁹⁶ Тодоров К. Всичко за майка ми Соня Бакиш. URL: jenatadnes.com/hora/vsichko-za-maika-mi-sonya-bakish (дата обращения: 17.05.2020).

⁹⁷ Живков Ж. Кръглата маса на Политбюро. С. 162–163.

⁹⁸ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 58. А.е. 5. Л. 30, 32.

⁹⁹ Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 69, 84, 85, 632.

«ревизионистское извращение марксизма-ленинизма», а позиция Шика — как симптом «буржуазного национализма»¹⁰⁰.

Политические оценки были даны. Сложнее обстояло дело с экономическим фактором. Июльский пленум предстает, помимо прочего, и как важная веха в реформаторском курсе болгарского руководства. Входявшие в команду Живкова известные экономисты во главе с проф. Д. Давидовым не оставляли надежд на успех реформ. Пленум подчеркнул необходимость «устранить противоречие между нынешним этапом общественного развития и потребностями научно-технической революции, с одной стороны, и существующей системой управления, с другой»¹⁰¹. На партийном форуме открыто заговорили «капиталистическим» языком — о рынке, прибыли, конкуренции, самостоятельности производителя и пр. Для того времени это было шагом вперед, хотя позднее, при сломе коммунистического режима, на разработчиков реформы навесили ярлык политической нелояльности¹⁰².

На пленуме была обоснована также необходимость вслед за реформами в экономике провести изменения в политической надстройке, однако их основной провозглашался незыблемый для БКП принцип демократического централизма. Его Живков объявил «азбучной истиной». Предложенная им формула «расширять демократизм и совершенствовать централизм» предполагала «довести до конца единство законодательной и исполнительной властей», а именно: усилить роль и расширить функции парламента (Народного собрания), создать Государственный совет, сосредоточив в его руках всю власть, совершенствовать функции правительства, расширить права и самостоятельность народных советов и т.д.¹⁰³ Иными словами, установка классиков марксизма-ленинизма о государственной власти как «работающей корпорации», одновременно законодательствующей и исполняющей законы, оставалась вне зоны критического подхода. Объективной закономерностью общественного развития страны провозглашалось дальнейшее усиление руководящей и направляющей роли коммунистической партии, без чего, как подчеркивалось, «немыслим при социализме какой-либо демократизм»¹⁰⁴. Таков был окончательный болгарский ответ идеологической компоненте чехословацкого варианта реформирования социализма.

18 августа 1968 г. было принято коллективное решение руководителей стран-участниц Варшавского договора о военном вторжении в Чехословакию. «Мы полностью поддерживаем все мероприятия и будем всеми средствами участвовать в защите социализма в Чехословакии, — говорил в своем выступлении Живков. — *Мы, наконец, видим мужество и решимость Политбюро ЦК*

¹⁰⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 58. А.е. 5 (Т. I). Л. 128, 96.

¹⁰¹ Там же. Л. 6.

¹⁰² Чакъров К. Втория етаж. С. 97.

¹⁰³ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 58. А.е. 5 (Т. I). Л. 6, 4.

¹⁰⁴ Там же. Л. 7.

КПСС. ...Положение, которое сложится в Чехословакии после ввода войск, поставит перед нами новые проблемы»¹⁰⁵.

Участие Болгарии в акции вторжения в августе 1968 г.¹⁰⁶ положило конец курсу на реформы в Болгарии. Их продолжение рассматривалось теперь как прямая угроза существовавшему политическому режиму. Экономическая логика оказалась побежденной опасениями политических последствий преобразований. В полной мере проявились при этом прагматизм Живкова и его готовность не просто «сверять часы с Москвой», но и жить по московскому времени. «Негарантированным преимуществам реформ, — пишет Искра Баева, — Живков предпочел надежную политическую и экономическую поддержку Советского Союза»¹⁰⁷. Характерный пример: уже в начале сентября 1968 г. ожидался приезд Живкова в Москву с просьбой предоставить Болгарии кредит в 300 тыс. валютных рублей. А сколько было еще подобных обращений!

Вся дальнейшая история «эпохи живковизма» свидетельствует, что болгарский лидер всеми силами стремился обеспечить оформившееся еще в хрущёвский период привилегированное положение Болгарии под заботливым крылом «старшего брата», понимая, что такое отношение следовало «отрабатывать». Ясно подтвержденный в драматические дни чехословацкого кризиса курс безоговорочной поддержки советского руководства способствовал формированию особого отношения Брежнева к Болгарии, которую советский лидер, по признанию его окружения, очень любил¹⁰⁸. Болгарский выбор — безоговорочное следование в фарватере советской политики, демонстрация восторженно-го восприятия советских инициатив — приносил значительные преференции при распределении советских субсидий, энергоносителей и сырья. В итоге при Брежневе сложилась неравноправная система двустороннего сотрудничества, при которой льготная, а нередко и вообще бесплатная помощь достигала десятков миллиардов рублей ежегодно, а за важное стратегическое сырье, поставлявшееся по ценам значительно ниже мировых, Болгария поставляла в Советский Союз сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары, не имевшие спроса на мировом рынке. Подобная практика отвечала представлениям болгарского лидера о возможных путях реализации национально-государственных интересов Болгарии. Насколько долговременной виделась ему эта перспектива и каковы были, по мнению Живкова и его окружения, пределы

¹⁰⁵ Шелест П. Е. Да не судимы будете. С. 212.

¹⁰⁶ Пребывание болгарских военных в Чехословакии было подробно освещено в докладной записке от 30 сентября 1968 г. министра народной обороны генерала армии Добри Джурова в Политбюро ЦК БКП «Действие частей БНА в ЧССР» (Пражката пролет и държавна сигурност. С. 336–344).

¹⁰⁷ Баева И. Годор Живков. С. 75.

¹⁰⁸ Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачёва. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачёва. М., 1994. С. 157.

зависимости Болгарии от Москвы, возможности и готовности проявления какой-либо самостоятельности в международных делах, в частности по румынскому примеру, — другой вопрос, требующий внимательного всестороннего изучения. Однако сделанный Живковым выбор, рассмотренный в исторической ретроспективе, несомненно способствовал последующему модернизационному прорыву Болгарии, который невозможно отрицать и бессмысленно игнорировать. Понимание этого продемонстрировал премьер-министр Болгарии Бойко Борисов. Выступая в ноябре 2010 г. по национальному телевидению, он заявил: «Если мы сможем сделать хотя бы сотую долю того, чего добился для Болгарии Тодор Живков, и что было сделано за эти годы, это стало бы огромным успехом правительства. ...Мы уже 20 лет приватизируем то, что было построено тогда...»¹⁰⁹

Помимо прагматических соображений для формирования «особой» позиции Живкова и, как следствие, для выбора «поведения» Болгарии в период чехословацкого кризиса решающее значение имели представления об исторической необходимости для коммунистов любыми средствами защищать завоевания социализма, равно как и своеобразный комплекс ненужности глубинного реформирования этого общественного строя, ограничиваясь лишь исправлением его «недостатков» на основе прежней идеологической парадигмы.

---

¹⁰⁹ Цит. по: day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/bay-tosho-i-ego-epoha (дата обращения: 17.05.2020).

1968 г. в Польше и позиция епископата Римско-католической церкви

Примас (глава епископата) Польши кардинал Стефан Вышиньский характеризовал бунтарство западной молодежи в 1960–1970-е гг. как анархию, огульное ниспровергательство без созидательной программы и каприз людей, не знающих, куда девать время и деньги. Такому мнению, несомненно, способствовали симпатии многих бунтарей марксизму, который в глазах польского клира являлся не чем иным, как орудием порабощения народа. Между тем в 1968 г. молодежные волнения распространились и в самой Польше.

Начиналось, как и на Западе, с музыки. Уже в 1965 г. аранжировщик и певец, будущий классик прогрессивного рока Чеслав Немен объехал с концертами Польшу, Венгрию, Францию и Югославию, а в конце 1966 г. увидела свет первая успешная пластинка польских «битлов» — группы «Червоне гитары». В апреле 1967 г. произошло и вовсе неслыханное — в Варшаве выступили «Роллинг Стоунз». Концерт состоялся во Дворце науки и культуры, некогда возведенном советскими строителями по образцу сталинских «высоток», а билеты распространялись через горком — красноречивое свидетельство новых времен!

Казалось, повеяло новой оттепелью, как уже было в 1956 г., но надежды эти не сбылись. Напротив, пока молодежь играла рок и отращивала волосы по последней моде, номенклатура развязала «охоту на ведьм», назвав ее «антисионистской кампанией».

«Антисионистская кампания» являла собой польский вариант массовой замены управленческих кадров в партийно-государственном аппарате социалистической страны, по типу Большого террора или китайской «культурной революции», но без убийств и физических расправ. Ее двигателями были партфункционеры низшего звена, а неформальным лидером — амбициозный министр внутренних дел Мечислав Мочар. Имея за плечами опыт борьбы в антифашистском подполье, он сплотил вокруг себя таких же бывших участников Сопrotивления, независимо от их идеологической окраски (хотя костяк составляли, разумеется, ветераны-коммунисты).

С легкой руки западных журналистов сторонников Мочара в Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) окрестили «партизанами». Используя простецкий язык улицы, «партизаны» стремились показать себя выходцами из «толщи народной», плотью от плоти матери-Польши, что отличало их

от прибывших из СССР солдат и офицеров Войска Польского, якобы находившихся в подчинении у евреев-коммунистов и советского командования. Постоянное апеллирование к патриотизму должно было продемонстрировать их заботу о национальных интересах родины, в противоположность господствовавшему до тех пор классовому подходу.

Гомулка не рассматривал Мочара как соперника. В тот момент его куда больше занимал расчет с берутовской элитой, которая, по убеждению главы партии, направляла из-за кулис деятельность разнообразных диссидентов. Поэтому он не усомнился в правдивости тех «Информационных бюллетеней», которые сотрудники Мочара поставляли в Политбюро, донося о настроениях в обществе после отгремевшей 5–10 июня 1967 г. арабо-израильской войны.

Как известно, конфликт на Ближнем Востоке являлся одним из фронтов холодной войны, в силу чего разгром арабских стран был очень болезненно воспринят в «соцлагере». Для Мочара не составляло труда увязать «агрессивную политику Израиля» с борьбой группировок в ПОРП, благо немалая часть функционеров, задававших тон в сталинский период, была еврейского происхождения. Тщательно препарированные отчеты сформировали у первого секретаря ощущение сионистской угрозы. «Наши евреи побили их арабов», — это выражение, гулявшее тогда по Польше (не известно, впрочем, насколько популярное), взбесило Гомулку. 19 июня 1967 г., выступая на очередном конгрессе профсоюзов, он заявил, что власть не может оставаться безучастной к наличию в стране «пятой колонны» и что у граждан Польши должна быть одна родина; те же, кто считает иначе, могут уезжать. Это высказывание, пробуждавшее ассоциации с недоброй памяти реакционными режимами, не попало в печать, но, будучи передано по радио и телевидению, запустило механизм «охоты на ведьм»¹.

Поначалу кампания затрагивала только партократов и слабо касалась прочих служащих еврейского происхождения. До конца 1967 г. партаппарат понемногу выдавливал из себя потенциальных «сионистов», т. е. евреев, имевших несчастье оказаться на ответственном посту, либо тех, кто по каким-то причинам вызывал подозрение. Из редакции Большой энциклопедии был уволен ряд прежних деятелей «идеологического фронта»; из армии выгнали около 2 тыс. офицеров, в том числе 17 генералов (именно тогда министром обороны стал будущий диктатор Войцех Ярузельский²). В конце января 1968 г., не желая мириться с нарастающей антисемитской волной, из ПОРП добровольно вышли два выдающихся ученых еврейского происхождения — социолог Зыгмунт Бауман и экономист Владзимеж Брус.

¹ *Stola D.* Kampania antysyjonistyczna. Warszawa, 2000. S. 33–34, 40–42.

² В современной Польше оценки личности и деятельности В. Ярузельского не столь однозначны. По данным социологического опроса 2014 г., они варьируют от поддержки за то, что «хорошо служил Польше» (47% респондентов), до резкого неприятия (33%), связанного с руководством Военным советом национального спасения и введением в стране военного положения в декабре 1981 г. (*Прим. редколлегии*).

Однако то была лишь прелюдия. Подлинный размах кампания приобрела весной 1968 г. после протеста студенческой оппозиции против снятия с репертуара Национального театра пьесы по поэме Адама Мицкевича «*Dziady*» («Деды»). Спектакль был приурочен к 50-й годовщине Октябрьской революции, но вызвал недовольствие высшего партийного руководства своими религиозными и антиросийскими мотивами. Было объявлено, что с 30 января 1968 г. постановка исключается из репертуара. По Варшаве разнесся слух, что к этому приложил руку советский посол А. Б. Аристов. В день последнего представления ряд учащихся Варшавского университета и Высшей театральной школы организовали манифестацию протеста, разогнанную милицией. Этот факт, как и вообще вся атмосфера вокруг спектакля, вызвали возмущение не только в университете, но и в литературной среде. Свою лепту внесли и события в соседней Чехословакии, где новый руководитель КПЧ Александр Дубчек отпустил вожжи в политике и культуре. Вдохновленные примером соседей поляки тоже захотели открыто говорить о том, что их волновало.

Волновало же их то, что польская «оттепель», так славно начинавшаяся, к концу 1960-х гг. сошла на нет. Партия вновь затянула гайки в области культуры и вернулась на путь форсированной индустриализации, выжимая все необходимые средства из населения. Низкий уровень жизни, стареющий догматик на посту лидера партии, свертывание рабочего самоуправления, закрытие нескольких популярных журналов — все это понемногу переполняло чашу терпения. Особенно живо реагировала творческая интеллигенция, которая еще в 1958 г. на очередном съезде писателей протестовала против возвращения жесткой цензуры. В 1964 г. тридцать четыре заслуженных деятеля науки и культуры обратились с открытым письмом к премьер-министру Юзефу Циранкевичу, вновь выступив против цензуры, а заодно потребовав увеличить количество бумаги на издание художественной литературы (бумага в большом количестве шла на экспорт).

29 февраля 1968 г., в обстановке нарастающего политического маразма и репрессий, варшавское отделение Союза писателей собралось на чрезвычайное заседание. Писателей словно прорвало. Как и в 1956 г., труженики пера снова заговорили о произволе цензуры, о разгуле антисемитизма, об арестах недовольных, наконец, об убожестве материального положения литераторов. Блестящий памфлетист католического еженедельника «*Tygodnik Powszechny*» Стефан Киселевский зачитал список писателей и их произведений, запрещенных к изданию, к восторгу присутствующих обозвав режим Гомулки «диктатурой невежд». Вздурораженные писатели готовы были выступать до поздней ночи, но в это время к зданию Союза писателей подъехали машины с «рабочим активом», и литераторы поняли, что пора закругляться. Все же перед закрытием собрания они успели принять резолюцию, где высказали немало претензий власти и потребовали вернуть «*Дзядов*» на сцену.

Начало было положено. 8 марта, невзирая на превентивное задержание почти всех лидеров студенческой акции протеста, состоялся массовый митинг

учащихся Варшавского университета. Студенты требовали демократии и уважения к национальной культуре. На этот раз власти не обошлись простыми угрозами, а перешли к действиям. Поскольку милиция не имела доступа на территорию вуза, к университетским воротам подогнали автобусы с «Добровольным резервом гражданской милиции» (*Ochotnicza Rezerwa Milicji Obywatelskiej, ОРМО*): дружинниками в касках, вооруженными резиновыми палками. И началось...

«Автобусы как раз отъезжали... — вспоминала на допросе одна из участниц митинга, — когда внезапно со стороны истфака появились ОРМО-вцы с палками, я побежала... Нас... загнали в Казимировский дворец (одно из зданий на территории вуза. — В.В.)... С балкона я видела, как ОРМО-вцы и милиционеры в касках действуют внизу дубинками. Видела двух милиционеров в форме, которые избивали какую-то девушку, лежавшую без сознания. С правой стороны возле стены лежали два парня, тоже без сознания. К ним подбежали три ОРМО-вца и стали лупить их по лицам и животам. В другом месте несколько гражданских били палками двух девушек. Убегающих били по головам, ногам и шее. Когда через минуту двое студентов попытались втянуть тех парней через окно, к ним снова подлетела пара ОРМО-вцев и стала охаживать их, пока окно не закрыли. Помню, что, стоя на балконе, я разрыдалась и сказала оказавшемуся рядом профессору несколько горьких слов о том, что нас обманули. Остальные чувствовали то же самое. Какой-то парень, бледный и не владеющий собой, хотел сбросить на стоявших внизу ОРМО-вцев горшок с цветами. Его оттащили... Другие требовали ректора, но тот не захотел подойти к окну»³.

Выбегающие из университета студенты стали собираться большими группами в центре исторической части города — Краковском предместье, но их немедленно атаковали милиционеры. Доходило до гротеска. Несколько десятков человек в поисках спасения укрылись в костеле Святого Креста — одном из крупнейших храмов польской столицы. Кто-то издевательски выкрикнул: «Глядите, как партия заталкивает людей в церковь!»⁴ Милиция устремилаась внутрь, студенты с пением «Интернационала» попытались забаррикадировать двери, но безуспешно.

Вскоре на улицах города был водворен порядок.

Расправа со студенческим митингом взорвала Польшу. Уже на следующий день в Варшаве состоялась крупная манифестация студентов, вновь разогнанная милицией, а с понедельника 11 марта запыхало во всех университетских центрах. На протяжении недели демонстрации протеста и столкновения с милицией прокатились по Лодзи, Вроцлаву, Гданьску, Люблину, Ополе, Торуню, Катовицам, Познани, Ченстохову, Щецину. Продолжалось противостояние в Варшаве, где забастовками были охвачены все вузы. Выступления были отмечены также в городах, где не было крупных учебных заведений: Легнице,

³ AIPN BU. 0365/46. Т. 4. Oświadczenie Teresy Boguckiej. S. 39–40.

⁴ AIPN BU. 0746/41. S. 158.

Радоме и Еленя-Гуре. В Кракове особо напряженными выдались 13 и 14 марта. В эти дни происходили стычки на центральной площади, около памятника Мицкевичу, причем досталось от разошедшихся милиционеров и профессорам. Милиция окружила площадь кордонами и пропускала лишь тех, кто жил или работал в расположенных неподалеку зданиях. Обитатели студенческих общежитий готовились к обороне, запасаясь бутылками с зажигательной смесью. Однако брать штурмом пришлось лишь общежитие Горно-металлургической академии, в остальных центрах протеста удалось разрядить обстановку благодаря вмешательству преподавателей⁵.

Еще около полутора недель двери польских вузов и стены общежитий украшали лозунги: «Нет хлеба без свободы», «Вся Польша ждет своего Дубчека», «Рабочие с нами», «Долой цензуру!», «Вернуть *Дзядов* на сцену!» и т. д. Столкнувшись с предвзятостью прессы, студенты пустили в ход листовки, переписывая их методом «китайской пишущей машинки», т. е. сразу по несколько штук под копирку. В этих листовках, а также в резолюциях, принимаемых забастовщиками, провозглашалась верность социализму, но содержались требования к прессе сказать правду о событиях, а к милиции — отпустить арестованных.

На волнения молодежи (а среди задержанных милицией рабочих оказалось даже больше, чем студентов) власть ответила новым витком антисемитской пропаганды. Газеты соперничали друг с другом в поиске «provokatorov» и «поджигателей», неизменно указывая на «политических банкротов» из прежней элиты, которые действовали якобы по указке сионистов и немецких реваншистов. Особенно усердствовала пресса лояльной партии католического Товарищества ПАКС, печатавшая материалы откровенно антисемитского характера. Студенческих заводил называли «банановой молодежью», СМИ публиковали фамилии отпрысков высокопоставленных родителей, замеченных в акциях протеста. Лишь к концу мая, когда волнения уже давно утихли, Гомулка начал сворачивать кампанию, опасаясь, что она выйдет из-под контроля. Сотни людей к тому времени оставались под арестом в ожидании суда, тысячи вынуждены были эмигрировать.

Всего из страны в 1968–1969 гг. без права возвращения уехали более 15 тыс. граждан, среди них несколько сотен ученых, около 200 сотрудников прессы и издательств, 91 артист, 26 кинематографистов и более 300 врачей. Была проведена большая чистка в руководящих органах. Уже к сентябрю 1968 г. ответственных постов в Варшаве лишились 774 человека, в том числе 5 министров, 22 заместителя министра, 133 директора и заместителя директора отделов министерств; 82 члена руководящих органов партии не были переизбраны в новый состав ЦК на V съезде ПОРП, состоявшемся в ноябре 1968 г.⁶ Отличившийся в событиях весны 1968 г. Мочар был избран в ЦК ПОРП и кандидатом в члены Политбюро, а освободившееся в связи с его переходом на партийную работу кресло

⁵ *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 340–342, 365–366, 376–378, 386–387.

⁶ *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 300–301.

министра внутренних дел занял человек, никакого отношения к «партизанам» не имевший. Гомулка явно переменял отношение к товарищу по подпольной борьбе. В целом антиссионистская кампания как средство обновления партийных кадров принесла свои плоды, хотя далеко не удовлетворила ее зачинщиков.

В периоды кризисов в ПНР особое значение всегда имела позиция епископата. Невзирая на годы атеистической пропаганды, клир сохранял огромное влияние на население. Достаточно сказать, что в социалистической Польше Рождество и Пасха были нерабочими днями, а все школьники посещали уроки Закона Божьего, проводившиеся ксендзами в особых «пунктах катехизации» при костелах. Власти вели с церковью ожесточенную борьбу за души людей. Последнее их столкновение произошло в 1966 г., когда органы власти организовали большие торжества в честь тысячелетия Польского государства, пытаясь затмить мероприятия церкви в честь тысячелетия крещения поляков. Кроме того, милиция и местные власти чинили всяческие препятствия паломникам, ежегодно собиравшимся в Ченстохове, чтобы поклониться величайшей святыне Польши — иконе «Черной Мадонны»⁷. Иерархи тоже находились под постоянным давлением. Одним из средств воздействия на них был отказ в выдаче загранпаспортов. Примас С. Вышиньский, к примеру, не получил загранпаспорт осенью 1967 г., из-за чего не смог присутствовать на Первой генеральной ассамблее Синода католических епископов в Риме (29 сентября — 29 октября 1967 г.).

К «антиссионистской кампании» епископат отнесся с отстраненным любопытством. Оно и понятно: кампания никак не затрагивала интересы церкви. Когда же на улицы вышли студенты, взбудораженные запретом «Дзядов», некоторые прелаты (например, краковский архиепископ Кароль Войтыла, будущий папа римский Иоанн Павел II) попытались отбить у молодежи охоту от участия в забастовках и митингах, уверенные, что ее просто используют в чужих интересах. Редкостное совпадение мнений партии и церкви!

Как всегда, с особенным вниманием клир ожидал слова Вышиньского. Хотя его титул примаса был прежде всего почетным и не давал каких-либо дополнительных прав в управлении костелом, но в условиях господства коммунистов Вышиньский сумел стать его подлинным вождем и руководил организацией достаточно авторитарно.

Кардинал поначалу сторонился событий. В ноябре 1968 г. на встрече с главой немецкого епископата кардиналом Юлиусом Дёпфнером он так разъяснил свою тогдашнюю позицию: «<...> в Польше нет национального или общественного движения против евреев, поскольку нет угрозы, которая имела место перед войной; зато в лоне партии ведутся споры, жертвой которых становятся евреи из государственной и партийной администрации...» Вышиньский не стал

⁷ В католическом почитании и религиозном искусстве так именуются изображения Девы Марии с ликом крайне темного оттенка. Автор имеет в виду главную святыню Польши и всей Центральной Европы — чудотворную икону Ченстоховской Божьей Матери, написанную по преданию в Иерусалиме евангелистом Лукой. В католическом мире чествуют икону 26 августа. (Прим. редколлегии).

распространяться о сути предвоенной угрозы. Но одна информационная записка из архивов госбезопасности разъясняет, что имел в виду примас. По данным сотрудников тайной службы, он считал кампанию против сионизма следствием советского давления, при этом сам он, как и другие члены епископата, ничего против сионизма не имел: пусть, мол, евреи уезжают в Израиль — тогда они перестанут строить государство в государстве, как это было до войны⁸.

В этом вопросе кардинал совершенно расходился со светским католическим движением «Знак» — единственной структурой, наряду с костелом, которую он считал выразителем интересов верующих в Польше (другая структура — Товарищество ПАКС — являлась послушным орудием властей и не рассматривалась епископатом в качестве партнера). «Знак», объединявший католических либералов, узрел в антисионистской кампании возрождение довоенной польской юдофобии. В июне 1967 г. пятеро депутатов фракции «Знак» в Сейме обратились к министру иностранных дел Адаму Рапацкому с заявлением, в котором перечисляли страдания, перенесенные в прошлом еврейским народом, и вопрошали, каково отношение польского правительства, так яростно бичующего сионизм, к арабскому национализму?⁹

Это было почти безрассудным действием. Пятерка депутатов бросала вызов партии! У примаса они едва ли могли найти поддержку — тот не собирался вмешиваться во внутрипартийные дела. Фактически все пятеро подставляли свои головы под топор. Их могли обвинить в чем угодно, вплоть до государственной измены. Подозревать парламентскую католическую фракцию в связях с «еврейской группировкой» в ПОРП было бы глупо, но сам факт, что она не захотела плясать под дудку правящей партии, развязывал руки властям.

Не остался «Знак» в стороне и от страстей по поводу «Дзядов». Сначала, о чем упоминалось выше, своей речью о «диктатуре темноты» отметился «знаковец» Киселевский (за что получил благодарственное письмо от Вышиньского). Затем, 11 марта 1968 г., вновь проявила активность фракция, направив обращение к премьер-министру Циранкевичу, в котором поддержала резолюцию Союза писателей от 29 февраля и обвинила милицию в излишней жестокости при подавлении студенческих выступлений¹⁰.

10 апреля на очередной сессии парламента Циранкевич ответил на это обращение, записав светских католиков в число тех, кто «под флагом защиты якобы угрожаемой свободы культуры желает нападать на общественный порядок в нашей стране и вести безответственные политические игры». После Циранкевича выступали и другие представители партии, в том числе член Политбюро

⁸ *Żaryn J.* Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003. S. 274–275; *Raina P.* Kardynał Wyszyński. Czasy prymasowskie. 1967–1968. Cz. 8. Warszawa, 1998. S. 217–218.

⁹ Interpelacja Koła Posłów «Znak» do ministra spraw zagranicznych z 8 czerwca 1967 r. w związku z reakcją rządu PRL na wojnę na Bliskim Wschodzie // *Frizke A.* Koło posłów «Znak» w Sejmie PRL. 1957–1976. Warszawa, 2002. S. 475–477.

¹⁰ *Ibid.* S. 488–489.

Зенон Клишко, который упрекнул «Знак» в том, что он не выразил признательность Гомулке за его «историческую речь» по поводу сионизма¹¹ и тем самым поставил себя «вне народа».

Тут уже не выдержал лидер «Знака» писатель Ежи Завейский. Взяв на трибуну, он экспромтом произнес пламенную речь в защиту своего движения и лично тех литераторов, которые оказались на прицеле у польского партийного агитпропа (прежде всего, Киселевского). В конце выступления, не раз прерываемого издевательскими выкриками с мест, Завейский поставил вопрос о своем членстве в Государственном совете (коллективном органе взамен отмененного поста президента), ибо раз он «вне народа», то и делать ему там — нечего.

Этот поступок восхитил даже примаса, который патетически назвал его «жестом Рейтана», вспомнив знаменитого литовского шляхтича Тадеуша Рейтана, который в 1772 г. несколько раз пытался сорвать заседания Сейма, решавшего вопрос о первом разделе Речи Посполитой, и даже лег в дверях, не давая депутатам покинуть зал заседаний¹².

Завейский потерял место в Госсовете и подвергся шельмованию в прессе. Вскоре он перенес тяжелый инсульт, очень долго лежал в больнице, а когда в его состоянии наметилось улучшение, при неясных обстоятельствах в июне 1969 г. покончил с собой (выпал с третьего этажа клиники). В вопросе о возвращении «Дзядов» на театральную сцену Вышиньский уже действовал заодно со светскими католиками. Оно и понятно: защита национальной традиции — вовсе не то же самое, что защита «каких-то евреев» из компартии. Хотя поначалу Завейский и условился с примасом, что костел не станет вмешиваться в события, Вышиньский не стерпел. 21 марта 1968 г. появилось «Слово Епископата о болезненных событиях», в котором иерархи осуждали суровые меры в отношении студентов. В тот же день они направили письмо Циранкевичу, требуя отпустить арестованных и пресечь ложь в прессе. «Резиновая дубинка — не аргумент для свободного общества, — говорилось в письме. — Государственная власть не может заменить рассудок и справедливость резиновой дубинкой»¹³.

Оба вышеназванных документа были утверждены на конференции епископата, проходившей в Варшаве 21–22 марта 1968 г. Конференция, что понятно,

¹¹ Имеется в виду выступление Гомулки на съезде профсоюзов 19 июня 1967 г., через неделю после разрыва дипломатических отношений Польши с Израилем. Первый секретарь ЦК ПОРП, подняв вопрос о польском следе в ближневосточных событиях, заявил, что некоторые польские евреи сочувствовали врагам социализма, «израильским агрессорам», и тем самым поставили под сомнение свое право называться лояльными польскими гражданами. Одного морального порицания недостаточно, подчеркнул польский лидер: потенциальную «империалистическо-сионистскую пятую колонну» внутри страны необходимо искоренить до того, как она наберет силу. Этот призыв стал фактическим руководством к действию. (*Прим. редколлегии*).

¹² Raina P. Kardynał Wyszyński. S. 162–164.

¹³ Eisler J. Polski rok 1968. S. 662, 664–665; Kościół w PRL. Dokumenty / pod red. P. Rainy. T. 2. 1960–1974. Warszawa, 1995. S. 500–501.

занималась проблемами церкви, новости политики ее не касались, а потому лишь один Кароль Войтыла косвенно затронул текущие события, подняв вопрос о свободе личности и зачитав «Слово Епископата» (очевидно, по договоренности с примасом)¹⁴.

3 мая появилось еще одно «Слово Епископата» — теперь уже в защиту «Знака». Не говоря о нем напрямую, прелаты заявляли, что «никого нельзя порочить как врага по причине его взглядов», и вообще, подчинение народного представительства «одной группе (читай: ПОРП. — *В.В.*) лишает это учреждение смысла, а народ теряет возможность выражать свои желания и мнения». Впечатление от этой демократической декларации, отвергавшей однопартийную диктатуру, несколько сглаживалось концовкой, где авторы решительно восставали против огульных обвинений поляков в антисемитизме, громко раздававшихся на Западе в связи с кампанией против сионизма в Польше. Для партийцев, всегда нервно реагировавших на активность «враждебных центров на Западе», лояльность в данном вопросе епископата оказалась кстати. Одно дело, когда обвинения в разгуле юдофобии опровергает официальный представитель правящего режима, и совсем другое, когда это делает глава костела, находящийся с режимом в неприязненных отношениях.

Между тем мартовские волнения заставили Гомулку по-иному взглянуть и на «Пражскую весну». Поначалу он приветствовал отстранение сталиниста Новотного, но теперь, пережив всплеск общественных волнений в собственной стране, изменил свое отношение. В частности, принялся именовать Дубчека в личных записках не иначе как «Дупчеком» («*dupa*» по-польски — «задница»). Ярость партийного лидера вызывалась страхом, что под лозунгом демократизации Чехословакия сползет в капитализм, а вслед за этим — выйдет из Организации Варшавского договора. И тогда, опасался первый секретарь, повторится ситуация 1939 г.

Дамокловым мечом над Польшей висела проблема западной границы. ФРГ отказывалась признавать ее, в силу чего Гомулка панически боялся любых геополитических изменений в Европе. Поэтому он вместе с восточногерманским лидером Вальтером Ульбрихтом принялся настойчиво добиваться от Брежнева силового подавления «Пражской весны». 21 августа 1968 г. их политика увенчалась успехом: армии пяти стран ОВД вторглись в Чехословакию, Дубчек был арестован и вывезен в Москву.

В то время как растоптанная Чехословакия погрузилась в траур, поляки, наоборот, праздновали 50-летие независимости. Правда, старый День независимости, установленный в память обретения в 1918 г. независимости Польским королевством (статус национального праздника придан законом от 23 апреля 1937 г.), был давно заменен на День возрождения Польши, который отмечался 22 июля. В тот день в 1944 г. в освобожденном Красной армией г. Хелме был провозглашен Манифест ПКНО (Польского комитета национального

¹⁴ *Eisler J.* Polski rok 1968. S. 665.

освобождения), содержащий программу строительства народно-демократической Польши. Однако эта дата не могла сравниться по значимости с 11 ноября 1918 г., когда созданный немцами Регентский совет отказался от власти в пользу Юзефа Пилсудского, с триумфом прибывшего в Варшаву прямиком из магдебургской тюрьмы. Пилсудский в глазах поляков навечно остался тем человеком, который восстановил Польшу спустя 123 года после третьего раздела Речи Посполитой Россией, Пруссией и Австрией (1795 г.).

Польские иерархи подготовили особое «Письмо» в честь годовщины, которое было оглашено 15 сентября 1968 г. в Ясногурском монастыре (главном центре паломничества в стране). В этом документе епископы выразили свою солидарность со всеми, кто, подобно полякам, в разные годы отстаивал национальную независимость, в том числе чехам и словакам; любое нарушение этой свободы, подчеркивали авторы, глубоко ранит «польскую душу». Изначально в «Письме» должны были также содержаться рассуждения о том, насколько независим польский народ сегодня, но примас счел момент неподходящим для такого рода высказываний и вычеркнул эти строки¹⁵.

Вообще среди польских прелатов не было единства в отношении реформ в Чехословакии и военной интервенции. Известный своими трениями с правящей партией архиепископ вроцлавский Болеслав Коминек не раз выражал публичную поддержку чехословацкой «оттепели», зато остальные представители епископата, в том числе сам Вышиньский, предпочитали хранить молчание. Ввод войск в Чехословакию также вызвал неоднозначную реакцию среди высшего духовенства страны. Часть его выступила резко против, называя такой шаг агрессией, другая часть заняла выжидательную позицию, опасаясь начала новой войны; были и такие, кто поддерживал вторжение, разделяя опасения властей о «немецкой опасности»¹⁶. Вышиньский избегал публично высказываться по этому поводу, в личных же беседах сокрушался, что Польша идет к изоляции, а всему виной — угроза советской интервенции, которая якобы вынуждает Гомулку действовать именно так¹⁷.

Примас, однако, отговорил депутатов «Знака» от идеи сложить мандаты в знак протеста против вторжения: мол, католические депутаты могут сделать еще много полезного, оставаясь в парламенте (например, бороться за «культурную автономию» католиков), в то время как уход «Знака» мог превратить всегда лояльного властям ПАКСа в единственного выразителя мнения верующих¹⁸.

¹⁵ *Vevoda R.* Kościół katolicki w Polsce wobec praskiej wiosny oraz interwencji wojskowej w Czechosłowacji // *Wokół Praskiej Wiosny. Polska i Czechosłowacja w 1968 roku / pod red. Ł. Kamińskiego.* Warszawa, 2004. S. 89–90; *Żaryn J.* Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce. S. 279.

¹⁶ *Vevoda R.* Kościół katolicki w Polsce. S. 88.

¹⁷ *Żaryn J.* Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce. S. 278; *Vevoda R.* Kościół katolicki w Polsce. S. 95.

¹⁸ *Vevoda R.* Kościół katolicki w Polsce. S. 95–96; *Friszke A.* Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 101.

Партийная верхушка была настолько вдохновлена внешним смирением кардинала, а также его попытками противостоять «антипольской кампании на Западе», что в том же году вновь позволила ему выехать за границу. Некоторые итальянские и западногерманские газеты напрямую связали это со «сдержанной позицией» примаса по чехословацкому вопросу¹⁹. Сам Вышиньский также отмечал, что у западной и эмигрантской прессы не было сомнений в причинах внезапной благосклонности властей: «Ну, поскольку примас молчал в марте, молчал в мае, молчал в августе, молчал о студенческих общежитиях, молчал о Чехословакии, то и получил паспорт»²⁰.

Ставка коммунистов на благоразумие примаса сыграла. Выступая по ватиканскому радио в Риме в декабре 1968 г., Вышиньский взялся опровергать штамп о поляках как завязтых антисемитах. Управление по делам вероисповеданий ПНР с удовлетворением восприняло это выступление как «фактическое отмежевание кардинала от пропаганды центров идеологической диверсии». Несомненно, польским партийно-государственным функционерам доставило особенное удовольствие, что заявления Вышиньского прозвучали прямо в Ватикане — одном из таких «центров».

События 1968 г. демонстрируют, с одной стороны, какой степенью свободы обладала католическая церковь в Польше, если даже открытое осуждение действий милиции со стороны епископата не влекло за собой репрессий. С другой же, они показывают, что власть могла ловко манипулировать церковной верхушкой, разыгрывая патриотическую карту, а епископат, преследуя собственные цели, готов был иногда идти на поводу у партии, невзирая на глубокие идеологические расхождения с правящим режимом.

---

¹⁹ *Vevoda R.* Kościół katolicki w Polsce. S. 85–86.

²⁰ *Raina P.* Kardynał Wyszyński. S. 225.

ВЛИЯНИЕ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ — 68» И «НОРМАЛИЗАЦИИ» НА ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Политика чехословацкого государства, проводимая на протяжении многих лет и игнорировавшая отличия, обусловленные национальной идентичностью, во многом объясняет отсутствие толерантности титульной нации к национальным меньшинствам и стремление к их ассимиляции. Последняя воспринималась в обществе как синоним интеграции. Вместо открытого гражданского общества возникло общество закрытое, со всеми его негативами, в том числе недостаточной терпимостью к любым отличиям, формированием особого социума, в котором только в первой половине 1960-х гг. часть населения набралась смелости задуматься над судьбой собственного мажоритарного общества, не говоря уже о положении меньшинств¹. И сегодня в повседневной жизни Чешской Республики нередко под интеграцией понимается ассимиляция, хотя бы частичная.

Особую роль в подходе к проблеме меньшинств сыграло советское представление об интернационализме, рассматриваемом в чехословацком обществе с классовых позиций, без учета специфических интересов и потребностей различных групп, а уж тем более индивидуумов. Национальная идентичность меньшинств была ликвидирована политической волей властей путем депортаций, обмена населения, ресловакизации², ликвидации или ограничения национального образования, роспуска общественных организаций, поддерживающих национальную идентичность, запугиванием обвинениями в «буржуазном национализме» и т. п. И только в 1960-е гг., когда общество вступило на путь демократизации, меньшинствам была предоставлена некоторая свобода. Но едва они успели воспользоваться этой недолгой передышкой, как период «нормализации» вернул все на свои места. Допустимой считалась только некоторая культурная специфика, а в местах компактного проживания меньшинств сохранялась возможность открывать школы с преподаванием на соответствующих языках.

---

¹ Знаковым в этом плане следует считать фундаментальное исследование чехословацкого общества, проведенное коллективом социологов под руководством Павла Махонина, «Československá společnost: Sociologická analýza sociální stratifikace». Bratislava, 1969.

² *Ресловакизация* — скрытая форма насильственной ассимиляции венгерского национального меньшинства в Словакии. (Прим. редколлегии).

Конституция ЧССР, принятая в июле 1960 г., закрепила право национальных меньшинств (кроме немецкого и цыганского) на развитие культурных традиций и национального образования.

Национальной политикой, а соответственно и проблемами национальной идентичности, занимался идеологический отдел ЦК КПЧ. Его аппарат отслеживал положение нацменьшинств, составлял отчеты о положении и настроениях граждан разных национальностей и давал местным парторганизациям указания в соответствии с главными ориентирами идеологической и иной работы. На места из центра регулярно поступали циркуляры, регламентировавшие работу с гражданами польской, венгерской, а иногда и немецкой национальности. Постановления президиумов окружных комитетов КЧП определяли направления взаимодействия с представителями иных национальностей в конкретных регионах. Они задавали общий вектор политико-массовой работы в целях приобщения нацменьшинств к политике КПЧ. При этом, однако, существовала и определенная «специализация»: партийные органы Чехии и Моравии сосредоточивались на работе с немцами, а Словакии — с венграми. Деятельность Культурного союза украинских трудящихся Чехословакии и Польского культурно-просветительского союза рассматривалась властями как бесппроблемная и не вызывала беспокойства. Характерно, что в 1960-е гг. представители разрешенных культурных объединений национальных меньшинств обращались к властям с просьбой о расширении культурной и образовательной деятельности, рассчитывая добиться и некоторых политических прав. В 1966 г. с подобной идеей выступил упомянутый выше Польский культурно-просветительский союз: выдвинутые им предложения касались участия членов союза в принятии политических решений, касавшихся польского нацменьшинства. От других национальных объединений в ЦК КПЧ поступали предложения повысить статус своих объединений. Поскольку нажим на партийное руководство постепенно усиливался, партаппарат, учитывая набиравший обороты процесс демократизации в стране, был вынужден реагировать.

В ходе федерализации был принят Конституционный закон № 144 от 27 октября 1968 г. о положении национальностей в ЧССР.

Закон определял чешскую и словацкую нации в качестве государствообразующих субъектов, а венгерской, немецкой, польской и украинской (руси́нской) национальностям гарантировал «возможности и средства всестороннего развития» (ст. 1) и их представительство в выборных органах страны «соразмерно своей численности» (ст. 2). За ними признавалось право на всестороннее культурное развитие, на обучение на родном языке, на использование своего языка на территории, заселенной данной народностью, на печатные издания и получение информации на своем языке (ст. 3). Была признана этническая (согласно терминологии того времени) индивидуальность четырех народов: поляков, немцев, венгров и украинцев. Однако без соответствующих нормативно-правовых актов закон терял смысл, а государственные постановления так и не были изданы. Цыгане по-прежнему считались проблемной социальной

группой. В 1969 г. они основали Союз цыган Чехословакии, начали выпускать собственные печатные издания и устанавливать контакты с соплеменниками по всему миру.

Неудавшаяся попытка демократических реформ в 1968 г. отразилась и на положении национальных меньшинств. В ходе «нормализации» из руководства объединений, редакций и учебных заведений вынуждены были уйти многие известные личности. Разочарование привело к росту эмиграции, оказало влияние на ассимиляционный процесс.

В условиях «нормализации» ЦК КПЧ, стремясь подвести под национальную политику научную основу, взял курс на «углубление» интернационализма. С этой целью предполагалось использовать систему партийного образования и обучения кадров на всех уровнях. С 1969 г. изменился и партийно-общественный лексикон: официально начали использовать термин «национальная политика партии» или «национальная политика КПЧ», население Чешской и Словацкой республик стало именоваться «социалистическими народами». По указанию ЦК КПЧ научные институты сосредоточились на изучении истории национальных меньшинств в Чехословакии, формирования их национального сознания, обращались к темам патриотизма и интернационализма, проводили социологические исследования.

Коммунистическая партия, как и раньше, в целом руководила национальной политикой. Эта политика реализовывалась через Федеральное собрание, национальные советы и национальные комитеты всех уровней; в национально-смешанных районах комиссии и советы по делам национальностей создавались на основе указаний местного аппарата КПЧ. Правительственными органами, в чьем ведении находились вопросы нацменьшинств, являлись Совет по делам национальностей правительства Чешской Республики и Совет по делам национальностей правительства Словацкой Республики. Эти советы и их комиссии должны были обеспечить права народностей. Культурно-просветительные организации нацменьшинств теперь не занимались политическими вопросами и не принимали участия в разрешении касавшихся их политических проблем. Большой упор делался на идеологию. При этом акцентировалась необходимость последовательно усиливать интернационалистскую составляющую и бдительность в связи с якобы существовавшей угрозой «национализма».

В целом в 1948–1989 гг. политика по отношению к нацменьшинствам не была самостоятельным фактором общественной жизни. Она являлась частью общей политики КПЧ, ее в значительной степени импровизированным вариантом, и должна была оперативно реагировать на любые проявления национальной идентичности, хотя в партийном лексиконе тех лет этого термина не было.

По указанию партии проблемы национальных меньшинств по-прежнему оставались в сфере внимания министерств внутренних дел, культуры, образования, а при необходимости и некоторых других. Министерство культуры

финансировало из государственного бюджета различные культурные акции, Министерство образования — школы и другие учебные заведения.

В годы «нормализации» при изучении состояния «этнических групп» начал складываться своеобразный подход: их численность и другие показатели не учитывались.

Заметим, что упомянутый выше Конституционный закон № 144 не затрагивал положения словаков в Чехии или чехов в Словакии (их право на использование собственного языка в обеих частях страны было декларировано, так же как и обучение на родном языке, презентация собственной культуры и т.п.). Однако документ не снимал накопившиеся проблемы, что проявилось в стремлении проживавших в Чехии словаков (самой, кстати, многочисленной инациональной группы) к общественной деятельности путем создания своих организаций.

Именно студенты — словаки, обучавшиеся в Праге, стали в этом деле запевалами. В начале 1968 г. настроенные на демократические перемены словацкие студенты решили создать свой клуб. Инициаторами выступили студенты философского факультета Карлова университета.

26 марта 1968 г. 60 студентов пражских вузов собрались в зале университетского общежития Na Větrníku-jih, чтобы обсудить основные направления деятельности будущего клуба. Ведущую роль играли при этом сторонники левой ориентации — члены Чехословацкого союза молодежи и КПЧ, проникшиеся идеей словацкой идентичности в чешской среде. В отличие от большинства собравшихся, они имели практический навык свободно дискутировать и отстаивать свои взгляды.

Выступавшие сошлись во мнении, что клуб должен представлять интересы словацких студентов в чешских вузах, причем в первую очередь организовывать культурные и политические мероприятия и содействовать созданию Центра словацкой культуры в Праге. В частности, предполагалось организовать дискуссионные клубы, в которых студенты могли бы встречаться с действующими политиками, обсуждать внутреннюю и международную обстановку, актуальные идеологические, экономические, исторические и социально-политические проблемы. Акцентировалось внимание на сотрудничестве с социально-политическими и студенческими организациями. Члены клуба могли выражать свои политические взгляды в печати, сотрудничать с редакциями словацких газет и журналов. По возможности клуб мог иметь и собственные печатные органы. На собрании вполне определенно проявилась социально-политическая и общественно-пропагандистская функции будущей организации: вопросы, связанные с приемом студентов в вузы, их размещением и бытом, не обсуждались.

23 апреля 1968 г. состоялось организационное собрание. 84 студента-словака, собравшись в Чешской высшей технической школе на Карловой площади, основали САК — Словацкий академический клуб студентов (Slovenský akademický klub vysokoškolačů, SAK). Были утверждены устав и программа, принята декларация о создании организации и ее принципах, избраны

руководящие органы. В организационном заседании приняли участие студенты юридического, философского и медицинского факультетов Карлова университета, Чешской высшей технической школы и Высшей школы прикладного искусства. Декларация с программой деятельности клуба 29 апреля была опубликована в газете «Smena» (Смена).

За недолгий период своей деятельности клубу удалось провести ряд различных культурных акций не только для словацких, но и для чешских студентов (например, прогулка на парходе по Влтаве с музыкой и танцами в честь окончания летнего семестра в июне, экскурсии в Словакию (первой стала поездка в братиславскую крепость Девин), чаепития с танцами, майские студенческие праздники (Majáles) и пр.). Клуб начал собственными силами издавать «Словацкую студенческую газету» (Slovenské študentské listy). Тексты печатали на пишущей машинке под копирку в нескольких экземплярах, иногда удавалось переписать все на пленку и размножить на ротаторе. Словацкие студенты с удовольствием окунулись в свободную жизнь, подобно своим ровесникам в странах западной демократии. Их никто не финансировал, небольшие средства на свою деятельность они получали за счет проведения любимых «пятичасовых чаев» и студенческих вечеров, билеты на которые стоили недорого. Национальное культурно-просветительное общество «Матица словацкая» (Matica slovenská), деятельность которого при посредничестве словацких государственных чиновников и деятелей культуры возобновилась с осени 1968 г., предложило включить Словацкий академический клуб в свое пражское отделение, но руководство САК отказалось. Поэтому местное отделение «Матицы словацкой» поддерживало индивидуальное вступление своих членов в САК³.

Словацкий академический клуб не был официальной организацией. В период «Пражской весны» на волне демократизации общества новое объединение постепенно оформилось юридически. САК был включен в Союз клубов молодежи — СКМ (Svaz klubů mládeže, SKM). 30 ноября 1968 г. Словацкий академический клуб был зарегистрирован как клуб СКМ и на основании устава СКМ получил правовой статус. С апреля 1968 до июня 1969 г. САК имел демократическую ориентацию. Большинство его членов не были политически организованы: не состояли в Чехословацком союзе молодежи, не сотрудничали с факультетскими организациями союза или КПЧ. Они просто воспользовались обстановкой «Пражской весны» для создания необычного для своего времени клуба, главным направлением работы которого было поддержание регулярных контактов со студентами словацких вузов и сотрудничество с чешскими студентами. Намерения руководителей рядовым членам не были известны, поэтому и до сегодняшнего дня существуют по меньшей мере три оценки деятельности Словацкого академического клуба. Они принадлежат функционерам, стоявшим у истоков клуба (хронологически это апрель 1968 — июль

³ Подробнее см.: Čermák R. Bilancia času // Listy Slovákov a Čechov ktorí chcú o sebe vedieť. 2008. Č. 3. Roč. 15. Приложение Klubové listy. S. 1–4.

1969 г.), пришедшим им на смену в июле 1969 г. и, наконец, рядовым членам организации.

Вторжение войск стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. и последовавшую за ним оккупацию Чехословакии большинство членов САК встретило с гневом и возмущением. Они проявились в осенних факультетских забастовках в Праге, которые продолжались до весны 1969 г. Некоторые члены САК пытались наладить координацию чешского и словацкого движения сопротивления, обеспечивали связь между пражскими, братиславскими и злинскими⁴ студентами. Члены САК были потрясены самосожжением Яна Палаха и приняли участие в марше протеста в день его похорон. Подробную информацию об этом поместила «Словацкая студенческая газета» в мартовском номере за 1969 г.⁵

В жизни Словацкого академического клуба сыграла свою роль подготовка федерализации Чехословакии, развернувшаяся в 1968 г. Словаки Праги, в первую очередь те из них, кто работал в правительственных структурах, органах управления и в сфере культуры, содействовали обновлению столичного отделения «Матицы словацкой». (Обновленная «Матица» возникла в феврале 1969 г. в ходе «нормализации» как культурная организация. Основной задачей «Матицы» являлось трудоустройство столичных словаков, т.е. обеспечение оплачиваемой работой.) Некоторые новые члены САК входили в организации КПЧ философского и юридического факультетов Карлова университета, поддерживали контакты со словаками в правительственных органах и других структурах, другие придерживались иных политических взглядов, которые и проявили в первые месяцы «нормализации». Их целью было превращение САК в организацию с четко выраженными целями, в составную часть «Матицы словацкой».

27 июля 1969 г. газета «Smena» сообщила о назначении нового председателя Словацкого академического клуба. Произошло это без уведомления членов клуба и в отсутствие многих из них в Праге. Новый председатель, который одновременно возглавлял студенческую организацию КПЧ на философском факультете Карлова университета, не стал простым исполняющим обязанности председателя на время каникул. При нем началось постепенное обновление руководства САК: на основании рекомендации нового председателя его пополнили новые члены — коммунисты, о чем сообщала пресса. Рядовые члены о деятельности «каникулярного председателя» не были проинформированы. Процесс смены руководства длился до ноября 1969 г. Помимо этого, временный председатель, оставаясь на своем посту, не известив членов клуба, единолично вел переговоры с функционерами местного отделения «Матицы словацкой», будущими деятелями «нормализации», о присоединении к нему САК.

---

⁴ В чешском городе Злине располагались технологический и экономический факультеты Технического университета г. Брно. (*Прим. редколлегии*).

⁵ Literárny archív Matice slovenskej. Martin, časť Spolky.

Дальнейшая история САК известна: он превратился в Академический клуб Матицы (*Matiční akademický klub*) и под руководством молодых членов-коммунистов постепенно пришел в упадок. В годы «нормализации» о первом этапе деятельности Словацкого академического клуба по понятным причинам не говорилось. Клуб снова воскрес только в 2002 г., чтобы создать своим руководителям периода «нормализации» имидж диссидентов и борцов с коммунистическим режимом. Возражения очевидцев и рядовых членов клуба в связи с подобной мистификацией звучат и по сей день, что объясняет наличие разных интерпретаций современной истории словацкого студенческого объединения.

ГРУЗ ТРАНСИЛЬВАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ВЕНГЕРО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1950–1960-х гг. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА 1968 г.*

Парижский мирный договор 1947 г., восстановив венгеро-румынские границы, установленные по Трианонскому мирному договору 1920 г., поставил на долгие десятилетия точку в длительном и чрезвычайно остром споре двух соседних государств вокруг Трансильвании, обширной исторической области в юго-западных предгорьях Карпат, в составе современной Румынии, где испокон веков большой процент населения составляли этнические венгры¹. Конечно, восстановление довоенных, крайне неблагоприятных для Венгрии границ было воспринято в венгерском обществе как дипломатическая неудача и вместе с тем не вызвало такого же шока, как в свое время Трианонский мирный договор². Ведь роль хортистского режима в войне оставляла Венгрии (независимо от того, какие правительства стояли после войны во главе страны) довольно слабые надежды на благосклонное отношение держав-победительниц к ее пожеланиям и на признание ими правомерности хотя бы части территориальных приращений 1938–1941 гг., осуществленных при поддержке нацистской Германии. С подписанием мирного договора Венгрии не оставалось ничего другого, как пойти на нормализацию отношений со своим проблемным восточным соседом, тем более что советское руководство явно не хотело раздувания конфликтов между странами собственной сферы влияния. Тотальный контроль коммунистов над прессой, установленный к концу 1940-х гг., позволял пресекать любые публичные проявления ирредентистских настроений, способные вызвать недовольство Бухареста, а главное Москвы, и потому нежелательные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573. Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

¹ О венгеро-румынском национально-территориальном споре, изменениях границ в Дунайско-Карпатском регионе в годы Второй мировой войны и о послевоенном урегулировании конфликта двух соседних государств в контексте политики великих держав см.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., 2008; *Стыкалин А.С.* Советский Союз и проблемы международного урегулирования Трансильванского вопроса (1945–1946 гг.) // Великая Отечественная война. 1945 год / отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 103–146.

² *Зейдлер М.* Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии // Историческая экспертиза. СПб., 2019. № 2. С. 133–157.

для официального Будапешта. Заключение 24 января 1948 г. двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве с Румынией явилось для Венгрии признанием не только статус-кво в вопросе о границах, но и того факта, что забота о положении большого венгерского национального меньшинства в Румынии³ всецело относится к компетенции румынского правительства. В угоду единству формирующегося советского блока из венгерской прессы начисто исчезает любая критика национальной политики в соседней стране.

Таким образом, установление как в Венгрии, так и в Румынии коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю под эгидой СССР, усиленно формировавшемуся начиная с конца 1940-х гг., ускорили видимую нормализацию отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отношений. В Москве, имевшей полное представление о тлеющих углях застарелого национально-территориального спора, прилагали все усилия для смягчения потенциальных конфликтов. Так, в 1952 г. именно советская сторона предложила Бухаресту создать в Восточной Трансильвании венгерскую территориальную автономию. При этом были использованы советский опыт и конкретные образцы решения национального вопроса в СССР⁴. На территории венгерской автономии имелось больше возможностей для применения венгерского языка в публичной сфере и административном управлении, именно здесь была сосредоточена основная масса венгерских национально-культурных институций, 80% чиновников здесь составляли этнические венгры, лояльные коммунистическому режиму. Создание Венгерской автономной области (ВАО)⁵ подавалось в пропаганде как решение острейшей проблемы в межэтнических взаимоотношениях в Трансильвании «в духе ленинской национальной политики». Однако в реальности с созданием автономии были тут же ограничены возможности развития венгерской культуры за ее пределами, хотя по меньшей мере две трети (!) румынских венгров проживало не в границах нового административно-территориального образования. Не входил в него и традиционный центр венгерской культуры Трансильвании крупный город Клуж (ныне Клуж-Напока; венг.: Коложвар), в котором

---

³ Как в собственно Трансильвании (на территории бывшего Трансильванского княжества), так и в прилегающих к ней и связанных с ней общностью исторических судеб областях Западной Румынии (Кришана, Банат, Марамуреш) к началу 1950-х гг. проживало более 1,7 млн венгров.

⁴ *Боттони С.* Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 206–230.

⁵ Автономия с центром в г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвархей) занимала территорию трех современных румынских уездов — Марош, Харгита и Ковасна. Только в двух последних из них, находящихся на исторической земле секеев (особая венгероязычная этническая группа Восточной Трансильвании, отличающаяся значительным культурным своеобразием), венгры до сих пор составляют большинство населения. Автономия существовала до 1968 г.

по-прежнему была сосредоточена основная масса элитной венгерской интеллигенции Румынии и до 1959 г. существовал самостоятельный венгерский университет⁶. При этом румынские власти всячески препятствовали установлению каких-либо непосредственных (в том числе и культурных) связей ВАО с Венгрией даже на уровне общественных организаций. Ни о каком национальном самоопределении венгров в рамках такого рода автономии речи, разумеется, быть не могло. Более того, румынская коммунистическая элита использовала советскую инициативу в целях гомогенизации (румынизации) других областей Трансильвании, вытеснения венгерской культуры из большинства трансильванских городов⁷. За пределами автономии венгры последовательно отодвигались с любых административных позиций⁸. К тому же вскоре после создания автономии, в 1953 г., был распущен венгерский народный союз, который являлся в 1945–1947 гг. попутчиком коммунистов (заинтересованных и в головах венгерского избирателя) в их политическом противоборстве с оппонентами и внес свой вклад в установление в стране коммунистической диктатуры.

Создавая видимость решения «венгерского вопроса» на основе советского опыта, коммунистический режим в Румынии вместе с тем в полной мере унаследовал от своих межвоенных предшественников крайне настороженное отношение отнюдь не только к откровенно ирредентистским настроениям в Венгрии, но даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма и, более того, вообще к какому-либо напоминанию о трансильвано-венгерской культурной общности в прошлом и настоящем. Румынские власти внимательно следили за тем, чтобы Будапешт не вмешивался в дела, касающиеся трансильванских венгров (в том числе развития их культуры), весьма ревниво и с подозрением реагировали на любую, самую аккуратную и осторожную постановку вопроса о положении венгров в Румынии. Призрак великомадьярского ревизионизма, постоянно мерещившийся официальному Бухаресту и усматриваемый им даже в самой умеренной критике, неизменно отягощал отношения двух коммунистических режимов. Так, в начале 1950-х гг. румынская сторона опротестовала

---

⁶ В 1959 г. он был соединен в одно учебное заведение с клужским румынским университетом под знаком преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского.

⁷ Этому способствовал и медленный, но верный процесс изменения национального состава трансильванских городов вследствие урбанизации, переселения сельских жителей в города. Согласно переписям, процент румын в них с 1930 по 1977 г. повысился с 35 до 70%, процент же венгров, напротив, значительно снизился (*Bottoni St., Novak Cs. Romania // Minority Hungarian Communities in the 20-th century / ed. by N. Bardi, Cs. Fedinec, L. Szarka. New Jersey, 2011. P. 397, 423*).

⁸ Проект ВАО не воспринимался в качестве оптимального ни в румынской, ни в венгерской среде Трансильвании и, разумеется, не решил на практике национального вопроса. Более того, в венгерской среде сложилось мнение, что власти явно использовали создание автономии именно в целях вытеснения венгров с любых значимых административных должностей в уездах, не входивших в состав ВАО, и с тем, чтобы ликвидировать многие венгерские культурные институты за пределами автономии.

предполагаемое включение в подготовленное к изданию в Будапеште собрание сочинений выдающегося венгерского поэта межвоенной эпохи Аттилы Йожефа трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгра на отторжение Трансильвании⁹. Еще более резкий отклик — демонстративный отзыв посла — вызвало выступление в прессе в 1955 г. писателя Пала Сабо, выразившего аналогичные ностальгические настроения по поводу Трансильвании¹⁰. Как явствует из записки «О румыно-венгерских отношениях в связи с Трансильванией», подготовленной в сентябре 1956 г. в МИД СССР, на протяжении 1954–1956 гг. румынский лидер Георге Георгиу-Деж неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских ответственных лиц, включая самого Матяша Ракоши, дававшие якобы основания заподозрить их в непризнании послевоенных границ¹¹.

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС под лозунгами обновления социализма, сопровождался публичной постановкой многих ранее запретных вопросов, и в том числе о положении венгров в Трансильвании. Инициатива здесь принадлежала отнюдь не руководству партии, а его критикам из числа коммунистов-реформаторов, с каждым месяцем усиливавшим свое влияние. 9 сентября 1956 г. в центральном партийном органе газете «*Szabad Nép*» была опубликована статья Пала Панди «О наших общих делах». Как отмечал публицист, «вопрос о румынских венграх оказался в списке щекотливых проблем, которые не принято поднимать и даже простое упоминание которых может повлечь за собой обвинение в национализме. Боязнь оказаться заподозренным в национализме привела к какому-то подчеркнутому псевдоравнодушию по отношению к венграм», живущим в других странах. Более того, «проявлялась какая-то удивительная готовность всячески демонстрировать такое равнодушие». Между тем, по мнению автора, «извращения сталинской эпохи» не могли не сказаться на национальной политике в Румынии, и равнодушие к таким извращениям не только оставляет нерешенными существующие проблемы, но и, «вопреки нашему желанию, дает пищу как венгерскому, так и румынскому шовинизму». В статье выражалось недоумение по поводу роспуска ряда общественных организаций румынских венгров, говорилось о необходимости оживления культурного обмена, ставился вопрос о восстановлении в Румынии снесенных после 1920 г. памятников деятелям венгерской истории и культуры — Шандору Петёфи на месте его гибели

⁹ MOL. 276 f., 233 o.e., 171 l.

¹⁰ Ibid. 196–197 l.

¹¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 38. Л. 56–60. В записях бесед сотрудников посольства СССР в Венгрии с румынскими коллегами-дипломатами за 1950-е гг. находим постоянные жалобы румын в связи с живучестью ревизионистских настроений среди венгерских педагогов, представляющих учащимся Трансильванию как одну из венгерских «исторических земель», утраченную лишь вследствие внешнеполитических неудач (Там же. П. 187. Д. 7. Л. 157–158; Д. 8. Л. 133). Советские дипломаты также были склонны расценивать это как проявление венгерского национализма.

в 1849 г. в Трансильвании, «арадским мученикам» (генералам венгерской революционной армии, героям революции 1848–1849 гг., казненным в г. Араде после ее подавления). Особенно крамольным показался в Бухаресте тезис о культуре румынских венгров как органической части современной венгерской культуры и, как следствие этого, подчеркивание необходимости способствовать ее развитию в самой Венгрии.

Не слишком острая, но явно непривычная для своего времени подобная постановка проблемы вызвала крайне негативную реакцию румынских властей. Политбюро ЦК РРП квалифицировало ее как «открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании»¹². Во избежание более шумных демаршей официального Бухареста венгерскому руководству пришлось отмежеваться от позиции, зафиксированной на страницах партийного официоза¹³. С настороженностью публикация была воспринята и в Москве, где опасались возникновения трещин в советском блоке. В записке МИД СССР в ЦК КПСС в этой связи отмечалось, что появление статьи не случайно, а свидетельствует «о наличии серьезных националистических тенденций в отношении Трансильвании среди некоторых слоев венгерского населения и прежде всего в кругах венгерской интеллигенции»¹⁴.

Подобного рода статьи, демонстрировавшие сохранявшийся в Венгрии общественный интерес к положению соотечественников в соседних странах, вызывали столь большое раздражение коммунистического руководства Румынии не только из-за традиционного недоверия к официальному Будапешту, обусловленного историческими причинами, а прежде всего потому, что венгерское влияние в тот конкретный период связывалось прежде всего с либеральными политическими веяниями. Румынские коммунистические лидеры, не склонные даже к самым ограниченным реформам в своей стране, в одинаковой мере боялись как «заражения» собственной интеллигенции идеями либерализации социализма, так и активизации венгерского национального меньшинства в его борьбе за свои гражданские права. (Кстати, подобные настроения разделяли и некоторые круги титульной румынской нации.) Стремясь оградить страну от ветра перемен из Венгрии, Георгиу-Деж и его окружение стали все настойчивее подчеркивать в своей внутренней пропаганде опасность для Румынии великоадырского шовинизма.

Особенно решительно эта линия стала проводиться с началом венгерского восстания 23 октября 1956 г. Его резонанс в Румынии был весьма заметным, поскольку в западной части страны (в Трансильвании, Банате, Кришане) проживала значительная в численном отношении и консолидированная

¹² На это указывалось в записке первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громько в ЦК КПСС в связи с положением в Венгрии от 17 сентября 1956 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 484. Л. 37).

¹³ Член Политбюро ЦК ВПТ Л. Ач провел пресс-конференцию, на которой статья была подвергнута осуждению (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 10 Л. 179).

¹⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 191. Д. 38. Л. 55.

венгерская диаспора с высоким уровнем этнического самосознания и наличием немалой прослойки национальной (в том числе творческой) интеллигенции. Необходимо также иметь в виду, что историческая память двух соседних народов по-прежнему несла на себе тяжелый груз межнациональных распрей и конфликтов, многие из которых (относившиеся ко времени Первой, а особенно Второй мировой войн) оставили непосредственный глубокий след и в сознании здравствующих поколений. Общенациональное восстание в соседней стране правящая коммунистическая элита Румынии восприняла как крайне опасный сигнал, особенно в свете стойкой венгерской национальной идентичности подавляющего большинства трансильванских венгров, а значит их потенциальной солидарности с восставшими соплеменниками. С первых же дней румынскими властями принимается широкий комплекс охранительных (в том числе превентивных) мер по нейтрализации влияний, идущих из соседней страны¹⁵.

Призывы к ревизии трианонских границ в дни венгерской революции фактически не звучали. Вместе с тем немалая часть румын реально ощущала гипотетическую венгерскую ирредентистскую угрозу. И это обстоятельство в полной мере было использовано властями. Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внести раскол в молодежную среду Клужа, утихомирить (не без помощи также и превентивных арестов) студенческие брожения в главном городе Трансильвании. По-иному обстояло дело в главном городе Баната Тимишоаре, самом интернациональном городе Румынии, где в силу исторических условий, напротив, сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. В этом городе молодежные (прежде всего студенческие) выступления солидарности с восставшей Венгрией приобрели самый массовый характер, заставив власти прибегнуть к их жесткому силовому подавлению¹⁶.

В последующие годы венгерская революция и проявленная частью румынского общества (отнюдь не только этническими венграми) солидарность с ней были использованы в качестве повода для внесения более долгосрочных корректив во внутреннюю политику Румынии в сторону ее ужесточения, нейтрализации и блокирования любого рода реформаторских настроений.

В 1960-е гг. Венгрия и Румыния вступили в состоянии хотя и внешне бесконфликтном, но явно не свободном от взаимной подозрительности, причем все более усиливавшейся. Каждая из этих стран искала свой собственный путь развития в рамках социалистического выбора и советского блока, в большей мере (по мнению национальных коммунистических элит) отвечавший специфическим условиям обеих стран.

---

¹⁵ Подробнее см.: *Гладышева А. С.* Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2017. № 4. С. 8–14.

¹⁶ *Sitariu M.* Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași, 2004.

Проявив себя надежным партнером советского руководства в ходе венгерского кризиса 1956 г., оказав непосредственную помощь в нейтрализации неприемлемого для официальной Москвы правительства Имре Надя и тем самым укрепив доверие к себе Кремля¹⁷, румынские лидеры стремились использовать приобретенный внешнеполитический капитал в интересах ограничения советского влияния. Решающее значение в этом плане имел вывод советских войск из Румынии в 1958 г., подававшийся советской стороной как одна из ее мирных инициатив, адресованных Западу. С конца 1950-х гг. более инициативной стала румынская внешняя политика¹⁸. Что касается перспектив внутривнутриполитической либерализации коммунистического режима, то определяющим фактором явилось намерение Георгиу-Дежа и его окружения по возможности оградить свою страну от возможной цепной реакции под влиянием идей XX съезда КПСС и особенно событий в Польше и Венгрии. Сильно напуганные революцией в соседнем государстве, румынские лидеры в конечном итоге стремились воспользоваться ею в интересах укрепления своей власти. Георгиу-Деж и его команда с конца 1956 г. все более целенаправленно создают механизмы противодействия внешнему — не только венгерскому и польскому, но также и советскому — влиянию, причем нередко под вывеской искоренения последствий культа личности¹⁹. В дальнейшем этот курс получил продолжение и развитие преемником Дежа — Николае Чаушеску.

На рубеже 1950–1960-х гг. Румыния все еще воспринималась в Москве как надежный союзник, по выражению Н. С. Хрущёва, «шагающий в ногу» с другими членами «социалистического лагеря». Об этом можно судить как по дипломатическим донесениям, так и по отчетам многочисленных советских эмиссаров и делегаций, выезжавших в Румынию в рамках двустороннего сотрудничества (в том числе делегаций деятелей культуры)²⁰. Но уже в 1962–1963 гг. приобрела довольно отчетливые очертания более независимая внешнеполитическая линия Румынии в рамках СЭВ, а позже и Организации Варшавского договора (ОВД).

На сессиях СЭВ представители Румынии с начала 1960-х гг. все более активно выступали против советских планов экономической интеграции стран блока, недостаточно, по их мнению, учитывавших сложившуюся структуру производства в стране: их реализация привела бы, с точки зрения официального Бухареста, к сужению профиля национальной экономики, по сути

¹⁷ *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь — декабрь 1956 года) // *Славяноведение*. 2000. № 1. С. 70–81.

¹⁸ *Moraru C.* Politica externă a României 1958–1964. București, 2006.

¹⁹ *Cătănuș D.* The Romanian Communists under the Impact of Destalinization, 1956–1961 // *Totalitarian Archives*. București, 2002. № 1–2. P. 174–191.

²⁰ См. подробнее: *Стыкалин А. С.* Восприятие Румынии конца 1950-х — 1960-х гг. советскими писателями // *Человек на Балканах глазами русских* / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 306–321.

к превращению Румынии в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств. Особую критику вызывали проекты создания надгосударственных экономических, плановых органов и предполагаемого включения отдельных частей Румынии в экономические районы, формирующиеся поверх государственных границ²¹.

Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации особенно остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10–13 мая 1963 г. Насколько можно судить по некоторым источникам, они были довольно неожиданны для Хрущёва²², по решению Президиума ЦК КПСС вскоре выехавшего в Бухарест во главе советской делегации для того, чтобы «найти приемлемую форму сотрудничества по кооперированию»²³. Поездка, состоявшаяся 24–25 июня, не была результативна, беседа лидеров двух стран прошла в настолько напряженной атмосфере, что через неполные полтора года, в середине октября 1964 г., при отстранении Хрущёва ему среди прочего соратниками было поставлено в вину на конкретном румынском примере неумение вести нормальный уважительный диалог с главами братских партий (подобный стиль общения, как отмечалось, лишь способствует дальнейшему разброду в соцлагере)²⁴.

Хотя, к чести обеих сторон, им удалось избежать публичной полемики, разногласия сохранялись и даже усиливались, касаясь отнюдь не только проектов экономического сближения социалистических стран²⁵. За несколько месяцев до отставки, в июне 1964 г., Хрущёв успел-таки на встрече в Ленинграде с Йосипом Броз Тито попросить харизматичного югославского лидера, воспринимавшегося в Бухаресте в качестве эталона коммунистического руководителя, умеющего на равных разговаривать с Москвой, повлиять на румын, дабы те не сближались слишком сильно с Китаем²⁶. Особенно раздражало Хрущёва то,

²¹ Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 177–206.

²² Так, 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран он говорил, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, и Георгиу-Деж, как и некоторые другие восточноевропейские лидеры, «нам безгранично верит» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. М., 2003. С. 645). Конечно, это было иллюзией, что наглядно показала варшавская сессия СЭВ, и чем сильнее была иллюзия, тем сильнее и последующее разочарование.

²³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 732.

²⁴ «Зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» — риторически вопрошали участники заседания Президиума ЦК от 13 октября 1964 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 865).

²⁵ Это заметили еще осенью 1963 г. и западные наблюдатели (*Brown J.F. Rumania Steps Out of Line // Survey. A Journal of Soviet and East European Studies. № 49. October 1963. P. 19–34*).

²⁶ Стыкалин А.С. Хрущёв и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // *Studia Universitas Moldaviae — Ştiinţe Umanistice, № 10 (110). Chişinău, 2017. P. 243–259.*

что в ходе встреч китайцев с румынами то и дело поднимался (в Москве знали об этом не только из агентурных донесений, но и вычитывали между строк из опубликованных в прессе коммюнике) бессарабский вопрос, по мнению обеих сторон разрешенный несправедливо: для руководства КПК Бессарабия выступала дежурным примером того, что не только на Дальнем Востоке, но и в Европе Советский Союз обладает землями, на которые он имеет меньше прав, нежели некоторые соседние государства²⁷.

Формирование особого внешнеполитического курса получило теоретическое обоснование в программном документе, принятом на состоявшемся в апреле 1964 г. расширенном пленуме ЦК Румынской рабочей партии — Декларации РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения. В нем делался акцент на приоритете национально-государственных интересов, которые не могут быть подчинены общим задачам блока. В соответствии с этим документом (а по большому счету еще до его принятия) Румыния стала делать все больший упор на внеблоковые принципы сотрудничества в Европе. Она, в частности, дистанцировалась от СССР в вопросе о нераспространении ядерного оружия, требуя предоставления дополнительных гарантий неядерным государствам²⁸. В соответствии с этой позицией уже осенью 1963 г. румынская дипломатия совершает тайный ход в целях обеспечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, вызвавшему Карибский кризис 1962 г. В октябре 1963 г. в кулуарах Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии Корнелиу Мэнеску просил представителей США при возможном возникновении новой угрозы ядерного конфликта рассматривать Румынию не как союзника СССР, а как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за принятые в Кремле без консультации с союзниками пагубные внешнеполитические решения²⁹.

После отставки в октябре 1964 г. Хрущёва и кончины в марте 1965 г. Георгиу-Дежа новое, брежневское, руководство СССР, преувеличивая роль субъективного фактора в ухудшении советско-румынских отношений, надеялось,

---

²⁷ Междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишиневе. В 1918 г. аннексирована Румынией, в июне 1940 г. присоединена путем силового диктата к СССР в соответствии с предварительными советско-германскими договоренностями 1939 г. о разделе сфер влияния. Летом 1941 г. оккупирована Румынией. По итогам Второй мировой войны — вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР).

²⁸ Подробнее см.: *Гладышева А. С.* Позиция Румынии по вопросу нераспространения ядерного оружия (1955–1968) // *Славяноведение*. 2018. № 5. С. 60–73.

²⁹ *Toader I.* «Mystery revealed?» The Mănescu — Rusk conversation of October 1963 and the beginning of the Romanian — American «special relationship» // *Arhivele totalitarismului, București*, 2016. № 3–4. P. 237–253.

что теперь удастся возобновить диалог «с чистого листа», убрав возникшие наслоения. Но это было иллюзией: новый румынский лидер, довольно молодой и амбициозный Чаушеску, в целях повышения собственной популярности и укрепления своих позиций внутри страны и правящей партии, с еще большей последовательностью, чем предшественник, пытался проводить в отношениях с СССР независимую линию, ссылаясь на национальные интересы, как он их понимал. Сопоставимым с Чаушеску, хотя и не столь афишируемым влиянием в это время пока еще обладал и премьер-министр Ион Георге Маурер, еще в годы Дежа ставший главным архитектором нового курса. Этот старый хорошо образованный левый интеллигент, никогда не скрывавший своих прозападных ориентаций (Маурер сблизился в 1930-е гг. с коммунистами как адвокат, защищавший их на судебных процессах, и довольно долго оставался попутчиком компартии), пользовался откровенной нелюбовью в Кремле и на Старой площади. Довольно настороженно к нему относились и венгерские коммунисты. Как читаем в донесении советского посольства из Бухареста (май 1966 г.), «посол ВНР Винце отметил, что среди румынских руководителей Маурер является наиболее сильной фигурой, он в значительной степени тормозит развитие отношений Румынии с другими социалистическими странами и в первую очередь с СССР. В силу целого ряда причин он сохранил большую симпатию к Западу, и эти симпатии накладывают свой отпечаток на всю его политическую и общественную деятельность. Н. Чаушеску, который чувствует превосходство Маурера в некоторых вопросах, большой симпатии к нему не питает», но заинтересован в его поддержке³⁰.

Попытки плотнее пристегнуть Румынию к общей внешнеполитической линии советского блока оказывались безуспешными. Разногласия по широкому кругу вопросов усугублялись. Продолжалось балансирование румынских коммунистов на советско-китайских противоречиях³¹. На заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) и совещаниях армейского командного состава ОВД представители Румынии выступали за более активное приобщение генералитета стран-союзниц к выработке принципиальных решений и разработке военно-стратегических планов блока³². В январе 1967 г. Румыния без консультаций с Москвой восстановила дипломатические отношения с ФРГ вопреки общей линии советского лагеря не делать этого, пока в Бонне

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 71. Л. 107.

³¹ В сентябре 1965 г., принимая одну из венгерских делегаций, Маурер говорил, что в нынешней обстановке, характеризующейся обострением отношений между КПСС и КПК, возросла роль малых партий, которые призваны отстаивать свои специфические национальные интересы. Это может, по его мнению, привести и к определенной корректировке позиции СССР, тем более что и советский народ будет оказывать давление на свое руководство, вынуждая его к проведению более взвешенной и адекватной политики (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 71. Л. 127).

³² *România în Organizația Tratatului de la Varșovia, 1954–1968. Vol. I–II / ed. G. Preda, P. Opriș. București, 2008–2009.*

не возобладает «новая восточная политика», т. е. пока там официально не признают если не ГДР, то, по крайней мере, восточные границы будущей единой Германии по Одеру и Нейсе³³. В июне того же года во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке Румыния заняла особую, не однозначно проарабскую (как другие европейские социалистические страны), а компромиссную позицию, отказавшись порвать отношения с Израилем, разгромившим три арабских государства³⁴. Следствием этого явился скандал, разыгравшийся через полгода в Будапеште. Румынская делегация, после колебаний все-таки приехавшая в начале марта 1968 г. на рабочую встречу представителей компартий, где обсуждался вопрос о перспективах проведения большого совещания компартий мира (подобного проведенным в 1957 и 1960 гг.), демонстративно покинула ее в ответ на звучащие там жесткие нападки лидера сирийской компартии Халеда Багдаша. Через три недели произошел еще один нешуточный скандал, теперь уже в двусторонних советско-румынских отношениях, когда при посещении Финляндии румынская делегация во главе с премьером Маурером возложила венок на могилу маршала Маннергейма, памятуя о его заслугах на румынском фронте в бытность генералом российской царской армии в годы Первой мировой войны. В Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне болезненно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В. В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с недружественным СССР актом³⁵.

Что касается внутривнутриполитической жизни, то применительно к первым годам «эпохи Чаушеску», возглавившего румынскую компартию весной 1965 г., а через два с половиной года ставшего главой государства, можно говорить и о некоторой либерализации культурно-идеологической политики, которая продолжалась до так называемых июльских тезисов 1971 г.³⁶ В этой сфере наблюдаются некоторое расширение свободы творчества, возвращение в румынское культурное пространство многих имен (прежде всего межвоенного периода), которые в 1950-е гг. были, по сути, вычеркнуты из интеллектуального наследия. При этом акцент делался на той его части, которая была созвучна поискам особого пути, подчеркиванию румынского национального своеобразия. Началось искусственное конструирование традиции, способной продемонстрировать как

³³ О формировании Румынией особой позиции в германском вопросе см.: *Гладышева А. С.* Германский вопрос на заседаниях ПКК и позиция Румынии (1956–1967) // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: СПб., 2017. С. 329–346.

³⁴ *Anton M.* Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // *Revista Istorică*. 2007. № 3–4. P. 229–236.

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. Возложение венка на могилу Маннергейма не входило в предварительно согласованную программу визита, явившись спонтанной инициативой румынской делегации.

³⁶ Программные положения, изложенные Чаушеску 6 июля 1971 г. на заседании Политбюро ЦК РКП и намечавшие откат от относительно либерального курса середины 1960-х гг.

восходящую еще к дако-римским временам глубокою древность, так и величие румынской культуры: в ней выискивались новаторские явления европейского масштаба. Эта тенденция получит полнокровное развитие уже в 1970-е гг., причем при растущем ограничении творческих свобод.

Обновление (хотя во многом декларативное) установок и методов во внутренней политике не ограничивалось только культурно-идеологической сферой. В апреле 1968 г. состоялся пленум ЦК румынской компартии, на котором были осуждены репрессии 1950-х гг., политически реабилитирован (в числе других) арестованный в 1948 г. и казненный в 1954 г., уже после смерти Сталина (!), на основании фальсифицированных обвинений видный деятель румынской компартии и один из очень немногих в Румынии теоретиков марксизма Лукрециу Пэтрэшкану. Впервые прозвучала открытая критика политических методов Георгиу-Дежа³⁷. Инициировав решения апрельского пленума, Чаушеску, совершенно очевидно, стремился прежде всего ослабить позиции своих влиятельных соратников по руководству партии, входивших в него еще задолго до его возвышения (Эмил Боднэраш, Георге Апостол, Киву Стойка)³⁸. Тем не менее и в румынском обществе, и за пределами страны происходившее было воспринято как пусть и запоздалый, но довольно решительный разрыв со сталинским наследием, вполне созвучный идеалам развернувшейся «Пражской весны», начатым венгерским экономическим реформам, польскому молодежному движению за обновление социализма.

Весной 1968 г. главное внимание в советском лагере было переключено на события «Пражской весны». В Москве и ряде других столиц увидели в них куда большую опасность, чем в румынском национализме, осознав в чехословацких экспериментах угрозу подрыва властной монополии компартий, настоящий вызов для консервативного истеблишмента в соцстранах. Позиция румынской компартии в отношении «Пражской весны» закономерно вытекала из вышеупомянутой апрельской Декларации 1964 г., ставившей во главу угла национальную специфику построения социализма и требования суверенитета. В отличие от лидеров других стран-членов ОВД (за исключением до определенного времени Венгрии), Чаушеску и его окружение в течение весны и лета 1968 г. неустанно выражали свою солидарность с реформаторским руководством компартии Чехословакии (КПЧ) во главе с Александром Дубчеком. При

---

³⁷ Выступая в апреле на партактиве, Чаушеску говорил о том, что «никакие заслуги Георгиу-Дежа не могут снять с него ответственности за злоупотребления и беззакония», в том числе проявленные в деле Пэтрэшкану (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 8. Л. 171). Это резко контрастировало с его предшествующими заявлениями.

³⁸ На это в своих комментариях обратила внимание «*New York Times*» в номере от 1 мая 1968 г. Решения апрельского пленума были расценены американскими наблюдателями как вступление в решающую фазу процесса овладения Чаушеску всей полнотой политической власти. При этом методы румынского лидера сравнивались с методами Хрущёва, использовавшего кампанию по десталинизации против тех, кто мог представить угрозу для сформировавшейся единоличной власти.

этом румынские лидеры, не уделявшие в своей стране большого внимания реформам экономического механизма и мало озабоченные «человеческим лицом» чехословацкого, как и любого другого социализма, воспринимали все происходящее сквозь призму собственной национал-коммунистической доктрины³⁹. Соответственно и в «Пражской весне» они предпочитали видеть прежде всего движение за расширение национального суверенитета, а в чехословацких коммунистах-реформаторах своих попутчиков в борьбе за самоутверждение Румынии на международной арене, еще большее освобождение ее от советского влияния. Как бы то ни было, занятие ими особой позиции и в неожиданно возникшем весной 1968 г. «чехословацком вопросе» было новым и очень отчетливым знаком их усиливавшегося расхождения с генеральной линией советского блока по широкому перечню пунктов. В силу этого своего внешнеполитического тренда представители Румынии даже и не приглашались на созывавшиеся начиная с 23 марта заседания (первое прошло в Дрездене) руководителей европейских социалистических стран-участниц ОВД, где обсуждались пути решения все более обострявшейся «чехословацкой проблемы».

В августе 1968 г. Румыния — вполне ожидаемо — бойкотировала, как известно, военную акцию стран ОВД в Чехословакии, и Чаушеску выступил с ее жесткой критикой⁴⁰.

Иной вектор развития возобладал в 1960-е гг. в соседней Венгрии. Казнь Имре Надя, преследования тысяч людей за участие в событиях 1956 г. легли на венгерского лидера Яноша Кадара несмываемым пятном позора. Однако с начала 1960-х гг. его режим, воспринимавшийся многими в мире как одиозный, претерпевает эволюцию. По мере консолидации политической обстановки менялась и тактика властей, стремившихся обрести внутренние опоры устойчивости, не зависящие от присутствия в стране советских войск. Предпринимаются попытки «наведения мостов» к венгерской нации. Было амнистировано большинство осужденных и переживших репрессии участников революции 1956 г., что вызвало позитивный отклик в мире: венгерский вопрос в 1963 г. был снят с повестки дня ООН, кадаровская Венгрия выходит из внешнеполитической изоляции. С каждым годом улучшалось экономическое положение в стране, рос жизненный уровень населения, во многом благодаря продуманной, учитывавшей материальную заинтересованность крестьян аграрной политике. Открытость контактам с Западом и некоторая либерализация проявились и в культурной политике, что способствовало оживлению духовной жизни.

---

³⁹ Премьер-министр Маурер, принимая в июле 1968 г. одну из зарубежных делегаций, заявил о поддержке Румынией «прогрессивных процессов в Чехословакии, которые могут перешагнуть ее границы». Придерживаясь принципа не комментировать внутренние дела дружественной страны, Маурер тем не менее откровенно заметил, что у румынского руководства имеется свой взгляд на происходящее в Чехословакии, и многое из того, что там происходит, оно бы не допустило у себя дома (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 71. Л. 128–129).

⁴⁰ *Стыкалин А. С.* Августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии и позиция Румынии // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2018. № 4. С. 78–95.

На фоне оптимистических общественных ожиданий коммунист-прагматик Кадар выдвигает свой знаменитый программный лозунг «кто не против нас, тот с нами», провозглашавший национальное единство, согласие и примирение на определенной компромиссной платформе. Компромисс был взаимным — власти требовали от граждан минимума конформизма, отказа от политической активности (которая легко могла стать оппозиционной) и соблюдения ряда табу в обмен не только на гарантированный растущий достаток, но и право неплохо зарабатывать. Известный бухаринский лозунг 1920-х гг. «Обогащайтесь!» получил наиболее законченное воплощение в условиях реального социализма именно в кадаровской Венгрии. Венгерское общество, уставшее от материальных лишений и духовных травм минувших десятилетий, заинтересованное в стабильности и спокойствии, готово было принять эти правила игры: политическая активность сознательно приносилась большинством граждан в жертву растущему материальному благополучию.

Убеждаясь в прочности «социалистических завоеваний» в кадаровской Венгрии, Москва в свою очередь была готова предоставить лидеру Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) чуть больше простора во внутренней политике. Воспользовавшись этим, Кадар приступил с начала 1968 г. к реформе экономического механизма в целях его рационализации. Реформа предполагала расширение самостоятельности предприятий, предоставление некоторого простора частной инициативе, более широкое применение материальных стимулов в экономике, которым Кадар и его команда всегда отдавали предпочтение перед любыми другими стимулами. Показательны в этой связи программные высказывания Кадара о «естественном праве людей завтра жить лучше, чем сегодня», и о том, что «народ существует не для того, чтобы опробовать на нем марксизм». Венгерский лидер надеялся, что реализация его реформаторских планов придаст свежие силы реальному социализму в его стране. Однако события «Пражской весны» поставили Кадара и его окружение перед серьезной дилеммой. Всецело поддерживая развернувшиеся в Чехословакии реформы в экономической сфере, они в то же время примерно с конца июня стали проявлять все больше озабоченности активизацией внесистемных политических и идейных движений, возможным выходом ситуации из-под контроля коммунистических властей⁴¹. «Пражская весна» дала повод главному идеологу режима Дьёрдю Ацелу уже весной 1968 г. в своих программных заявлениях более четко обозначить пределы толерантности культурной политики: при свободе творческих поисков и широте границ разрешенного нетерпимым объявлялось все то, что угрожало «устоям» (отрицание политической гегемонии правящей ВСРП, критика принадлежности Венгрии к советскому блоку и ее лояльности СССР, признание событий 1956 г. революцией, которое делегитимизировало бы право команды Кадара на власть). В отличие от Румынии,

⁴¹ Подробнее см.: Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

в Венгрии либерализация внутренней политики не означала отклонения от генеральной линии СССР и советского блока во внешнеполитическом плане. Кадар и его команда критически относились к румынской внешней политике, особенно к позиции Бухареста по вопросам экономической интеграции стран-членов СЭВ. Разногласия лидеров Венгрии и Румынии по общим вопросам мирового коммунистического движения и внешней политики советского блока (проблемы экономической кооперации, принципы функционирования ОВД, отношения с Китаем и т. д.) не могли, разумеется, не сказаться и на двусторонних венгеро-румынских отношениях.

После принятия с конца 1950-х гг. ряда мер по ограничению венгерского языка в общественной жизни и административной практике Трансильвании (закрытие в 1959 г. самостоятельного венгерского университета в Клуже, изменение границ ВАО в целях ослабления влияния венгерских функционеров) в общественном мнении Венгрии, включая не только интеллигенцию, но и партократию, резко усиливается недовольство политикой Бухареста. Оптимальная тактика Будапешта в этих условиях все чаще становилась предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП⁴². Некоторые его члены, например Иштван Сирмай, считали целесообразным открыто поднимать этот вопрос на переговорах с румынами. Иной позиции придерживался Кадар. Нарушение «ленинских принципов» национальной политики он считал не единственным, но одним из проявлений усиления националистических тенденций в политике восточных соседей и предлагал подходить к проблеме комплексно: не обостряя отношений с «румынскими товарищами» и проявляя терпение, надо помогать им под благотворным влиянием «братских партий» постепенно изживать национализм в интересах безболезненного встраивания Румынии в систему мирового социализма. В конце концов, по логике Кадара, румыны сами должны понять на своем опыте, что извращения в национальной политике только осложнят ситуацию у них в стране. Чрезмерный нажим на решение одной лишь проблемы положения венгерского меньшинства и проявление нетерпения могут только усугубить ситуацию: румыны будут напирать на то, что это их внутреннее дело, прямая и жесткая постановка вопроса подтолкнет их к еще большему национализму и изоляционизму и лишь ухудшит положение трансильванских венгров, испортив к тому же румыно-венгерские отношения. Кроме того, в данном вопросе едва ли удастся заручиться поддержкой других компартий. На это указывал опыт общения Кадара и его соратников с советскими дипломатами, неизменно призывавшими решать спорные вопросы в отношениях с Румынией путем товарищеских контактов между руководством двух стран. В Будапеште хорошо знали: в Москве не хотят, чтобы сохранявшиеся разногласия между союзниками по блоку, тем более по национально-территориальным вопросам, выплеснулись на поверхность, ибо это даст западной пропаганде повод

---

⁴² Подробнее см.: *Földes Gy. Magyarorszá, Románia és a nemzeti kérdés. 1956–1989.* Budapest, 2007. 63–67. old.

заговорить о трениях и отсутствии единства внутри советского блока. Но если такое вдруг случится и возникнет конфликт, советская сторона в лучшем случае займет равноудаленную позицию. Кадару и его соратникам было известно, что любые напоминания о венграх в Трансильвании советские дипломаты продолжали трактовать как пережиток венгерского национализма. Был памятен и уже упомянутый скандал 1956 г., когда статья Панди с довольно умеренной критикой румынской национальной политики вызвала со стороны официального Бухареста настоящий дипломатический демарш и в разрешение конфликта должен был вмешаться и советский МИД⁴³.

Между тем, учитывая настроения элитной венгерской интеллигенции, невелик был шанс избежать публичной критики румын, тем более в условиях начавшейся в Венгрии либерализации культурной политики. Начало ей положил живой классик венгерской литературы Дюла Ийеш, который на пресс-конференции во время поездки в Париж призвал собравшихся не напоминать ему об угнетении американских негров, пока в соседней Румынии венгры находятся в столь же угнетенном положении. Кадар, знавший, что любую публичную критику своей национальной политики румыны рассматривают как проявление венгерского ирредентизма, а бездействие при этом руководства ВСРП — как попустительство ирредентизму, реагировал с сильным раздражением, говорил на Политбюро о политической безответственности Ийеша и т. д.⁴⁴

Как бы то ни было, и в венгерском руководстве все громче звучал голос сторонников более решительной постановки вопроса о положении трансильванских венгров в расчете на поддержку мирового коммунистического движения. На заседаниях Политбюро говорилось о том, что нельзя приносить своих соплеменников в соседних странах в жертву единству мирового коммунистического движения, тем более что сами румыны своей национальной политикой в отношении трансильванских венгров подрывают это единство⁴⁵. При этом имели место дежурные ссылки на Ленина, и ортодоксальный Сирмаи возмущался лишением трансильванских венгров возможности читать многие произведения классиков марксизма-ленинизма на родном языке.

Шел 1964 год... Возникла дилемма: считать или нет своевременным ранее запланированный визит венгров на высшем уровне в Румынию. Кадар понимал, что его поездка в Бухарест при замалчивании в коммунике сути обсуждавшихся проблем может быть озвучена румынской пропагандой как выражение полной солидарности Будапешта с проводимой в Румынии национальной

⁴³ Как явствует из советских дипломатических документов, если в Москве и были склонны отклониться от равноудаленной позиции, то чаще не в пользу венгров. Так, даже систематические поездки венгерских дипломатов из Бухареста в Трансильванию подчас расценивались как «отрыжка» великомадярского шовинизма. Ситуация в этом плане стала меняться лишь с ухудшением в 1963–1964 гг. советско-румынских отношений.

⁴⁴ *Földes Gy. Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés.* 64. old.

⁴⁵ *Ibid.* 65–66. old.

политикой. Поскольку права трансильванских венгров реально находились под угрозой, такая трактовка будет негативно воспринята в Венгрии. Визит решено было на некоторое время отложить.

В июле 1964 г. состоялся трехдневный неофициальный визит в Будапешт румынской делегации во главе с Чаушеску, еще не лидером партии, но очень влиятельным членом ее руководства. В ходе переговоров с обеих сторон проявилась линия на сглаживание ситуации: Чаушеску сразу ушел от обсуждения проблем трансильванских венгров, Кадар лишь в общих словах указал на неприемлемость национализма и необходимость единства коммунистического движения. Однако в ходе переговоров некоторых острых вопросов все же избежать не удалось. Так, при обсуждении вопроса о книгообмене румыны отметили, что предлагаемая венгерская литература (прежде всего художественная) зачастую не склонна признавать существующие границы (по мнению румын, при этом совсем не важно время или эпоха создания литературных произведений). Особое недовольство румынской стороны вызвала публикации в Венгрии писем адмирала Хорти⁴⁶, воспринятых ими не как исторический источник, а как руководство к действию. Когда сторонам не удавалось обойти острых проблем, в зале переговоров возникала напряженность.

В мае 1965 г., уже после отставки Хрущёва и кончины Георгиу-Дежа Кадар при посещении с неофициальным визитом СССР в ходе неформального общения с Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным на охоте в Завидово откровенно говорил о большом интересе венгерского общественного мнения к положению венгров в Трансильвании, добавив при этом, что не от всех соотечественников можно ожидать последовательно марксистской оценки происходящего. Румынский национализм, продолжал он, становится фактором, сильно влияющим на общественное мнение, создающим немалые проблемы для достигнутого в Венгрии национального единства и питательную среду для усиления антикоммунистических настроений. Советские лидеры дали понять, что любая попытка поднять этот вопрос до уровня проблемы всего советского блока вызовет со стороны румын негативную реакцию и еще больше оттолкнет их именно в тот момент, когда после ухода Хрущёва предпринимаются шаги по сближению с ними⁴⁷. И позже, на других встречах, представители КПСС повторяли, что речь идет прежде всего о проблеме двусторонних отношений: пусть венгры договариваются непосредственно с румынами. Курировавший отношения с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, принимая периодически посланцев ВСРП, не советовал делать проблему венгерского национального меньшинства центральной в венгеро-румынских отношениях. В Москве внутриполитическое положение в Румынии не вызывало беспокойства, не нравился лишь особый внешнеполитический курс. Это контрастировало с Югославией, внутриполитическая ситуация в которой (включая межнациональные

⁴⁶ Horthy Miklos titkós iratai. Budapest, 1963.

⁴⁷ *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 75–76. old.

отношения) пользовалась как раз большим вниманием в силу неприятия югославской модели самоуправления.

В марте 1966 г. Чаушеску принял в Бухаресте Кадара уже в новом для себя качестве генерального секретаря партии, обозначив свои установки по разным пунктам. Было подчеркнуто негативное отношение к проектам создания межгосударственных плановых структур, не был дан ход венгерским идеям расширения дунайского сотрудничества, как ранее советским предложениям о совместном использовании ресурсов Нижнего Дуная. По откровенно высказанному мнению румынской стороны, отношения двух стран соответствовали «стандарту», принятому в странах «социалистического лагеря», так что не было оснований искать чего-то большего⁴⁸. Бухарест недвусмысленно препятствовал расширению культурного сотрудничества, опасаясь усиления будапештского влияния на трансильванских венгров. Неудовольствие венгерской стороны в связи с этим было настолько велико, что с весны 1966 г. в венгерской прессе стали все чаще писать о благоприятном положении с развитием культуры венгров Воеводины. Подтекст был очевиден: власти титовской Югославии, рассматривая своих венгров как мост для сближения двух стран, не ставят препон на пути их культурных связей с Будапештом. Контраст с ситуацией в Румынии внимательный читатель мог наблюдать, что называется, невооруженным глазом. Спустя несколько месяцев, в своем программном выступлении по случаю 45-летия создания румынской компартии Чаушеску впервые публично раскритиковал старую коминтерновскую традицию — говорить о румынском «империализме», характеризуя отношение титульной нации к своим национальным меньшинствам, и о многонациональном румынском государстве межвоенного периода. Это был явный знак формирования концепции румынского национального (при всем своем многоязычии) государства, которая со временем стала находить все более последовательное отражение и в официальных документах.

Восстановление Румынией дипломатических отношений с ФРГ в январе 1967 г. Кадар воспринял с нескрываемым раздражением. Понимая объективную необходимость внешнеполитического прорыва стран советского блока на западногерманском направлении, прежде всего в целях налаживания экономического сотрудничества, Кадар опасался, что торопливость румын, стремившихся сделать это быстрее других, может только помешать. «Самовольное» восстановление Румынией дипломатических отношений с ФРГ и последовавшая за ним череда других акций, подтвердивших особую позицию Бухареста (отказ румынской

⁴⁸ В Будапеште так не считали. Даже уровень развития двусторонних экономических, торговых связей не казался адекватным реальным возможностям, на что венгерские лидеры то и дело указывали советским дипломатам. Причем расширению экономического сотрудничества, по мнению венгерской стороны, препятствовала неурегулированность политических проблем в венгеро-румынских взаимоотношениях (*Baráth M. Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957–1964 // Múlt századi hétköznapok. Tanulmányok a Kádár-rendszer kialakulásának időszakáról.* Budapest, 2003. 83. old.).

компартии принять участие в апреле 1967 г. в конференции европейских компартий в Карловых Варах и особенно независимое поведение в отношении «шестидневной войны» на Ближнем Востоке в июне 1967 г.), все более четко обрисовывали новую реальность: Румыния последовательно отходит от советского лагеря. Понимание этого факта Будапештом способствовало оформлению нового подхода к двусторонним отношениям, поскольку попытки повлиять на позицию румын, ссылаясь на общеблоковые интересы, лишались смысла. В такой ситуации можно было, не слишком опасаясь испортить отношения и в большей мере считаясь с собственными интересами и общественным мнением, активно высказывать свою принципиальную позицию по спорным вопросам.

Через считанные недели после разгрома Израилем объединенных арабских армий Кадар выступил на съезде Венгерского союза коммунистической молодежи. До наступления бурного 1968 г. оставалось еще полгода, однако опытнейший политик, тонко чувствующий веяния времени, не мог, обращаясь к новому поколению, пройти мимо ультралевых вызовов дня. В свете увлечения немалой части молодежи не только идеями Че Гевары и других леворадикалов, но и антибюрократическим пафосом китайской культурной революции Кадар пытался направить энергию молодежного леваческого бунтарства в русло борьбы с империализмом и его действиями во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. Выступление венгерского лидера пронизывал отчетливый интернационалистский пафос. Не обошлось и без дежурной критики национализма и национальной ограниченности, и хотя Румыния при этом не упоминалась, антирумынская направленность этой риторики легко угадывалась.

Как бы то ни было, на националистические вызовы, исходящие от соседей, нельзя было дать надлежащего ответа, апеллируя единственно к догмам коммунистического интернационализма. Все в том же 1967 г. отчетливее, чем раньше, проявляется стремление венгерских партийных идеологов проработать развернутую программу ВСРП по национальному вопросу, которому раньше уделялось мало внимания. Это предполагало более четкое осознание места Венгрии в современном мире не просто как составной части одного из противостоящих друг другу блоков, но во всей совокупности исторически сложившихся уз и противоречий, уходящих подчас на многовековую глубину. В интересах дальнейшего укрепления общественной поддержки режима следовало усилить в идеологии акцент на национальные начала и ценности, привлекавшие тем большее внимание в обществе, чем большим угрозам и вызовам подвергались венгерские национальные меньшинства в соседних странах. Соответственно надо было корректировать и внешнеполитическую линию, активнее отстаивать не только венгерские государственные интересы, но и национальные ценности в диалоге с лидерами соседних государств. Близилось завершение срока действия венгерско-румынского договора о дружбе и сотрудничестве, заключенного в январе 1948 г. на 20 лет. Отказ венгерской стороны от его пролонгации стал бы непозволительной демонстрацией всему миру неспособности социалистических стран договориться, преодолев наслоения в отношениях между собой.

Вместе с тем Кадар хорошо понимал, что любое попустительство румынам на венгерском направлении их национальной политики будет крайне негативно воспринято общественным мнением в стране, да и внутри ВСРП. В Будапеште ломали голову над тем, в какой форме в преддверии продления договора выразить несогласие с проводимым Бухарестом курсом. В ходе работы двусторонней экспертной комиссии румынская сторона хотела прежде всего ослабить в букве будущего договора положения об общих интересах, проистекающих из принадлежности обеих стран к одному блоку, тормозились также и венгерские инициативы по оживлению культурного сотрудничества⁴⁹.

Как раз в декабре 1967 г. в Румынии была обнародована программа грядущих административно-территориальных реформ, которые должны были в перспективе привести и к ликвидации венгерской автономии, преобразуемой в ряд уездов. Хотя в румынской прессе много говорилось о сохранении местных культурно-языковых традиций, было очевидно, что эти реформы будут проводиться под знаком формирования многоязычной, но единой румынской нации на основе идеологии, провозглашавшей Румынию национальным государством. При этом рост уровня жизни, либерализация культурной политики, вызывавшая национальную гордость самостоятельная внешняя политика, реабилитация жертв репрессий 1950-х гг. создавали в румынском обществе атмосферу оптимистических ожиданий и обусловили достаточно широкую поддержку правившего режима снизу. Все это, наряду с успехами индустриализации, плодами которой пользовались и трансильванские венгры, не слишком благоприятствовало росту протестного потенциала венгерской диаспоры, недовольной планами ликвидации автономии. Обратная сторона медали — румынизация городов Трансильвании, истощение венгерской сельской культуры — не была способна принципиально повлиять на общий настрой румынского общества. Рассчитывать же на серьезную внешнюю поддержку, особенно внутри советского блока, даже в случае гипотетической активизации движения трансильванских венгров в защиту своих прав, не приходилось: их положение по традиции воспринималось как внутреннее румынское дело.

Весть о скорой ликвидации ВАО вызвала в Венгрии серьезный резонанс. Усиливается давление венгерской интеллигенции на свое правительство с требованием более жестко поставить перед румынскими властями вопрос о нарушении прав венгероязычного населения. Подобного рода высказывания звучали в марте 1968 г. на общем собрании Союза писателей, в том числе из уст очень влиятельных его членов. Растет внимание журналов и издательств к литературе и культуре венгерских национальных меньшинств в соседних странах. За этим стояло уже не скрываемое представление о том, что они являются

---

⁴⁹ В конце концов, было решено подписать новый договор, однако работу над его проектом затормозили августовские события 1968 г. в Чехословакии. В итоге после согласования спорных вопросов новый двусторонний венгерско-румынский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи был подписан 25 февраля 1972 г. в Бухаресте.

органической частью венгерской культуры. Ответной реакцией Румынии явилась критика подобного подхода с позиций формировавшейся концепции единой румынской нации, включающей и трансильванских венгров. Критика, впрочем, довольно вялая, что объяснялось как уверенностью команды Чаушеску в своих силах и в поддержке большей части собственных граждан, так и тем, что в условиях «Пражской весны» Бухарест не хотел излишне обострять отношения не только с Москвой, но и с Будапештом. Тем более что позиция Кадара была более умеренной, нежели других руководителей социалистических стран. Заметим, что на проводившихся с весны 1968 г. заседаниях лидеров компартий соцстран по чехословацкому вопросу Кадар, как правило, не позволял себе антирумынских выпадов (тем более грубых), и это несмотря на то, что ожидавшееся сближение Чехословакии на новой платформе с Румынией и Югославией не могло не вызвать в венгерском политическом сознании синдрома возрождения Малой Антанты, имевшей в межвоенный период антивенгерскую направленность. Более того, уже на дрезденском заседании в марте 1968 г. он говорил, что особая позиция румын не дает оснований отсекать их от обсуждения чехословацкого вопроса⁵⁰.

Что же касается представителей венгерской творческой интеллигенции, говоривших о единстве своей национальной культуры поверх государственных границ, то, в сравнении с первой половиной 1960-х гг., они могли в большей мере опереться на моральную поддержку партийных идеологических органов. Более того, в партийно-идеологических структурах ВСРП активизируется проработка этой тематики в концептуальных установочных документах в области культурной политики, в частности, касающихся расширения культурного обмена с венгерскими диаспорами в соседних странах. В Румынии, где к этому времени получает все большее распространение дефиниция «румыны венгерской национальности», которые если и могут поддерживать культурные связи с Будапештом, то только по официальным каналам, разного рода конкретные культурные инициативы, шедшие из Венгрии, неизменно блокировались.

В начале июня 1968 г. Кадар выступал в Союзе писателей. Лидера страны особенно интересовали настроения венгерской творческой интеллигенции в связи с внутривнутриполитическими процессами, происходившими в Чехословакии. Собравшиеся же литераторы задавали конкретные вопросы о действиях руководства ВСРП в интересах улучшения положения венгров в соседних странах. Кадар призвал не рубить с плеча и учитывать международное право, накладывающее ограничения для вмешательства во внутренние дела соседних государств. Форумы соцстран (заседания ПКК ОВД, сессии СЭВ) — тоже не то место, куда можно выносить на обсуждение такого рода вопрос. Кадар призвал писателей к терпению и ответственности, поскольку неосторожные

---

⁵⁰ Материалы встреч лидеров соцстран по чехословацкому вопросу см., например: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы / гл. ред. Н. Г. Томилина, С. Карнер, А. О. Чубарьян. М., 2010.

публичные высказывания могут лишь негативно отразиться на положении зарубежных соотечественников. Он сослался при этом на пример Чехословакии, где положение венгерского меньшинства в Словакии улучшилось, что только доказывало правильность ставки на спокойное обсуждение проблемы, избегая обострения⁵¹. Через несколько дней, 11 июня, на Политбюро ЦК ВСРП при обсуждении внешней политики Венгрии говорилось о том, что, избегая конфликта с Румынией, надо вместе с тем более откровенно констатировать в прессе неотъемлемую принадлежность культуры трансильванских венгров к венгерской культуре в целом⁵².

В это время на фоне роста общей напряженности вокруг Чехословакии еще существовали расхождения в позициях Венгрии и ряда стран-союзниц по чехословацкому вопросу. Поддержав экономическую составляющую чехословацких реформ, Кадар скорректировал свою линию в отношении всего происходящего у северных соседей только в конце июня, после публикации в чехословацкой прессе статьи к 10-летию казни Имре Надя, в которой он был назван «предтечей демократического социализма», а также программного документа внепартийной интеллигентской оппозиции «Две тысячи слов». Кадар пришел к выводу, что КПЧ теряет контроль над ходом событий. Однако и после этого он продолжал отдавать предпочтение политическому разрешению конфликта ЧССР с союзниками, что привело к резкой критике его, в частности, Вальтером Ульбрихтом на варшавском совещании компартий в середине июля. Встречаясь неоднократно с А. Дубчеком⁵³, Кадар пытался убедить его в необходимости далеко идущего компромисса с Москвой. Последняя такая встреча, притом многочасовая, состоялась 17 августа, за день до того, как в Москве было принято принципиальное решение о военном вторжении 21 августа. Посредническая миссия Венгрии в урегулировании конфликта между пражскими реформаторами и руководством большинства стран-членов ОВД потерпела полное фиаско. Лидеры СССР при активной поддержке ряда союзников задушили «Пражскую весну». Как известно, незадолго до вооруженной интервенции прежде умеренная венгерская позиция резко изменилась в сторону ее ужесточения.

Что же касается соседней Румынии, то ее административно-территориальные реформы, вызвавшие столь большой резонанс в Венгрии, не привлекли внимания в мире, будучи восприняты как сугубо внутреннее дело. Иначе были встречены решения апрельского пленума с осуждением политической практики эпохи сталинизма: на фоне «Пражской весны» и в контексте особой внешнеполитической линии Бухареста они действительно способствовали повышению международного престижа Чаушеску как новой, довольно яркой и самостоятельной политической фигуры. В середине мая 1968 г., в самый канун назревавших мощных студенческих волнений во Франции, Румынию удостоил своим

⁵¹ *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 106. old.

⁵² *Ibid.* 108. old.

⁵³ Подробнее о встречах двух лидеров см. очерк Б. Й. Желицки в настоящем издании.

визитом один из «супертяжеловесов» европейской политики 78-летний генерал де Голль, выразивший полную солидарность с ее независимым курсом. Французский лидер, выведший свою страну в 1966 г. из военной структуры НАТО с сохранением ее членства в политических органах евроатлантического блока, считал аналогичную модель отношений применимой и для Румынии в контексте ее отношений с ОВД и советским блоком в целом. Де Голль полагал, что реализация такой модели соответствовала бы государственным интересам Румынии (а опосредованно и французским), поскольку эта балканская страна воспринималась в Париже как один из традиционных оплотов французского культурного, а до некоторой степени и политического влияния на востоке Европы. Помимо прочего, сказывалась и языковая близость. Чаушеску же в приезде де Голя увидел наивернейший знак того, что ни недовольство официального Будапешта ликвидацией ВАО, ни тем более отношение трансильванской венгерской интеллигенции к внутренней политике Румынии не играют совершенно никакой роли в плане международной поддержки особого курса.

По мере роста напряженности в отношениях с союзниками румынское общество только консолидировалось. В этой атмосфере состоялась встреча Чаушеску в июле в Бухаресте с представителями венгероязычной интеллигенции Румынии. Приглашенные, в целом поддерживавшие самостоятельную внешнюю политику страны и осуждение репрессий 1950-х гг., вместе с тем поставили под сомнение целесообразность упразднения ВАО, требовали проведения экономических реформ по современным чехословацкому и венгерскому образцам. Был поднят вопрос о создании новых венгерских культурных институций в Румынии. Хотя Чаушеску был настолько уверен в своих силах, чтобы не идти на значительные уступки, сохраняла значимость и задача нейтрализации возможного формирования в столь непростой момент «пятой колонны» в лице трансильванских венгров при морально-психологической поддержке Будапешта. Отчасти вследствие июльской встречи были расширены возможности печатания книг и прессы на венгерском языке, созданы новые периодические издания, образовано издательство «Criterion» (с главной редакцией в Бухаресте, где его легче было контролировать, нежели в Клуже). 15 ноября 1968 г., уже после августовской интервенции в Чехословакию, образуется новый, довольно декоративный, с неясным кругом полномочий орган — Румынский совет трудящихся венгерской национальности. В его уставе венгероязычные граждане Румынии были названы неотъемлемой составной частью единой румынской нации⁵⁴.

Позиция Румынии, занятая 21 августа, стала испытанием на прочность внешнеполитических принципов, изложенных еще в вышеупомянутой апрельской декларации 1964 г.

Перед тем как ехать на последнюю встречу с Кадаром, призывавшим его к максимальному удовлетворению всех требований Москвы, Дубчек принимал

⁵⁴ Аналогичный орган в это время был создан и для немцев Трансильвании.

у себя в Праге Чаушеску и возглавляемую им представительную румынскую делегацию. 15 августа, менее чем за неделю до военной интервенции, румынский лидер отправился в чехословацкую столицу для продления существовавшего межгосударственного договора. Отправился вопреки настойчивым предостережениям своих спецслужб⁵⁵, всерьез опасавшихся, что вполне ожидаемая акция по насильственному пресечению «чехословацкого эксперимента» может превратить почти всю руководящую верхушку страны, не успевшую покинуть Прагу, в заложников дальнейших событий. В столице ЧССР Чаушеску выразил солидарность с реформаторским руководством страны и осудил давление союзников.

Об осуществлении масштабной военной акции в Чехословакии руководство Румынии узнало весьма странным, учитывая важность момента, образом: в 3 часа 21 августа курьер советского посольства привез пакет с информацией в здание ЦК. Реакция была молниеносной. Уже в 6:30 было созвано экстренное заседание Исполкома ЦК румынской компартии, за ним последовало более широкое совещание с участием членов ЦК, госсовета и правительства страны. В обнародованном от имени партии и правительства и опубликованном затем в прессе заявлении ввод войск в Чехословакию был назван «тяжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права»⁵⁶. Эта позиция была сразу доведена и до сведения советского посла А. В. Басова, приглашенного в здание ЦК. После полудня 21 августа (прошло не более 10 часов после того, как ввод армий ряда стран ОВД в Чехословакию стал реальностью) Чаушеску выступил с речью с балкона правительственного здания на многотысячном митинге в центре Бухареста. «Путь решения проблем, на который вступило руководство пяти стран, — заявил он, — это путь авантюры, и нет уверенности в том, что этого не может случиться с другими странами, прежде всего с Румынией»⁵⁷. Партийный лидер выразил от имени руководства страны готовность принять все надлежащие меры для вооруженного отпора внешней интервенции в случае, если таковая будет предпринята против Румынии. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти, достаточно сказать, что ряд интеллектуалов, никогда не скрывавших своих антикоммунистических убеждений, включая уроженца Бессарабии, впоследствии виднейшего диссидента Паула Гому, подали в этот день заявления о приеме в компартию (конфликт между властью и интеллигенцией при Чаушеску обострился, а потом и до предела обострился позже, уже в 1970–1980-е гг.).

⁵⁵ 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / ed. by L. Betea. Iași, 2009. P. 99.

⁵⁶ Scînteia. 1968. august 22.

⁵⁷ Цит. по: *Покивайлова Т.А.* В августе 68-го... Реакция румынского руководства на события в Чехословакии // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 299.

Поскольку вызванные на экстренное заседание руководители румынских спецслужб не исключали, что готовится нападение и на Румынию⁵⁸, уже 21 августа по линии Министерства обороны издаются приказы о приведении войск в повышенную боеготовность⁵⁹, вскоре начинаются формирование отрядов национальной гвардии и возведение усиленными темпами оборонительных сооружений на местах пересечения советско-румынской границы автомобильными и железными дорогами. Заявив о готовности к вооруженному отпору, руководство Румынии рассчитывало на явную незаинтересованность Москвы в возникновении военного конфликта между странами-союзницами по ОВД. Если в ходе интервенции в Чехословакии войска получили от имени президента страны Людвика Свободы и по линии Министерства обороны приказы не оказывать сопротивление многократно превосходящей военной силе, то в Румынии ситуация была иной. После выступления Чаушеску с призывом к народному сопротивлению избежать развития событий по более жесткому сценарию было едва ли возможно, учитывая и то, что ставленники Москвы, получившие образование в военных академиях СССР и сохранявшие связи с советским генералитетом, были в 1960-е гг. как «ненадежные» кадры полностью вытеснены из румынской военной элиты.

Пребывая первые дни в ожидании возможного советского вторжения, 24 августа Чаушеску отбыл в Югославию, где в городе Вршац вблизи румынской границы состоялась его встреча с маршалом Тито⁶⁰. Явно и публично не поддержав военную акцию ОВД в Чехословакии, югославский лидер вместе с тем призвал Чаушеску к сдержанности. Он заявил, что вовсе не собирается оказывать Румынии военную помощь в случае ее вооруженного конфликта с Москвой, поскольку это было бы равносильно вступлению Югославии в войну с СССР. Более того, Тито в порыве откровенности прямо сказал Чаушеску, что прикажет разоружить румынские войска, если они вдруг отступят на югославскую территорию. (Это выглядело уже плохо скрытой насмешкой мэтра над зарвавшимся учеником, если не легкой отрезвляющей пощечиной.)

Вместе с тем ни на один день не прекращались и контакты представителей румынского руководства с советскими дипломатами, чему встреча с Тито дала новый стимул. По возвращении из Югославии Чаушеску пригласил к себе утром 25 августа советского посла. В ходе беседы с румынской стороны было выражено недоумение в связи с сомнениями Москвы в способности опытных чехословацких коммунистов без внешнего военного вмешательства решить стоящие перед страной проблемы, равно как и в связи с недоверием к Румынии, никогда не порывавшей дружественных отношений с СССР и сохранявшей

⁵⁸ 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu. P. 96–103.

⁵⁹ Istoria Comunismului din România. Vol. II. Documente Nicolae Ceaușescu (1965–1971). Iași, 2012. P. 434–435.

⁶⁰ Полная запись беседы Тито и Чаушеску от 24 августа 1968 г. публикуется в разделе «Воспоминания. Документы» настоящей книги.

верность своим союзническим обязательствам⁶¹. Акция 21 августа была расценена как сильный удар по единству мирового коммунистического движения. Вместе с тем предпринятые командой Чаушеску меры по урегулированию отношений с Москвой и встречные шаги руководства КПСС, также не заинтересованного в чрезмерной эскалации, привели в течение нескольких недель к снижению напряженности в советско-румынских отношениях⁶². В конце ноября именно в Румынии прошло плановое заседание высшего командного состава войск ОВД, что само по себе свидетельствовало о возвращении отношений на прежний докризисный уровень.

Свою решительную позицию в условиях острого международного кризиса августа 1968 г. Чаушеску в полной мере использовал в целях сплочения румынского общества на основе поддержки проводимой внешнеполитической линии. Так, выступая 21 августа на упомянутом выше митинге, он подчеркнул, что обращается ко всему народу страны независимо от национальностей, упомянув в этом контексте и румынских венгров, разделяющих в это непростое время судьбу всех граждан своего отечества⁶³. Совершив в конце августа поездки по стране, члены высшего руководства могли убедиться в стабильности ситуации. Можно предполагать, что особую озабоченность вызывали настроения в Секейском крае, где происходила реорганизация ВАО в ряд уездов: для ознакомления с обстановкой в этом проблемном венгероязычном регионе туда приехал сам Чаушеску. В речи перед активом нового уездного центра Меркура-Чук он счел нужным упомянуть, что в результате проводимых в стране реформ «выдающиеся достижения социализма в Румынии» станут более доступными людям на их родном языке, и даже произнес на венгерском языке написанную спичрайтерами здравицу румынской компартии⁶⁴. Подобного рода популистские жесты, конечно же, были призваны способствовать укреплению его личной власти, в том числе и в трансильванской венгерской среде. Ряд видных представителей венгерской интеллигенции Трансильвании предпочли «правду» Бухареста, а не «послушание» Будапешта, действующего под диктовку Москвы, публично выступив в защиту политики Чаушеску на чехословацком направлении. Довольно широкая поддержка в румынском обществе независимой линии своего руководства создала максимально благоприятную атмосферу для осуществления административно-территориальной реформы, в ходе которой с ликвидацией ВАО больше других пострадали именно трансильванские венгры. Правда, донесения Секуритате и письма граждан в ЦК свидетельствуют о неоднозначном отношении в венгерской этнической среде Трансильвании к силовой акции 21 августа и особой позиции

⁶¹ Istoria Comunismului din România. P. 451–457.

⁶² Стыкалин А. С. Августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии и позиция Румынии // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 86–87.

⁶³ 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu. P. 137.

⁶⁴ Földes Gy. Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 111. old.

Румынии⁶⁵. С одной стороны, военное вторжение в суверенную страну, как и участие в нем Венгрии, зачастую не одобрялись, с другой стороны, существовали резонные опасения, что искусственное подогревание властями румынского национализма больше всего ударит именно по трансильванским венграм, как это уже неоднократно случалось в истории венгеро-румынских отношений. Как бы то ни было, административно-территориальная реформа прошла довольно гладко, редкие оппозиционные проявления в венгерской среде довольно легко блокировались.

Кадар, в отличие от Чаушеску, давший, как известно, после колебаний согласие на участие венгерской армии в вооруженной интервенции, не скрывал позднее своего глубокого разочарования тем, насколько плохо была подготовлена именно политическая составляющая акции, т.е. переход власти к новому правительству. Более того, в письме Брежневу от 14 сентября он откровенно признал, что венгерское общество в целом с непониманием отнеслось к силовому решению чехословацкой проблемы⁶⁶. Не менее откровенен он был спустя 20 лет в одном из поздних интервью: «В августе 1968 года все мы оказались в глубоком кризисе — в личном и политическом»⁶⁷.

Нисколько не желая, чтобы развитие событий в Чехословакии перешло грань, которую он считал неприемлемой (т.е. вышло из-под контроля партийного руководства), Кадар вместе с тем был озабочен судьбой начатых экономических реформ в собственной стране и надеялся, что осуществление его реформаторских планов придаст новые силы коммунистическому режиму. Резонно опасаясь, что расправа с чехословацкими реформаторами нанесет удар и по этим планам, он до самого конца отдавал предпочтение политическому разрешению конфликта. Однако события развивались иначе, и в момент развязки Кадар не решился открыто противопоставить свою страну союзникам по ОВД. Его вынужденный компромисс был свидетельством неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа кадаризма. Август 1968 г. не только продемонстрировал прочность ялтинско-потсдамской модели, но еще раз напомнил венграм об ограниченном суверенитете их государства. Попытка путем маневрирования перейти грань возможного не удалась.

Решать надо было тогда, в тех конкретных условиях, и другого выбора у нас не было, скажет Кадар в упомянутом интервью. Пример Румынии, бравировавшей своей независимой политикой, для венгерского руководства не подходил — ведь в Румынии не надо было спасать реформы. Однако выбор, сделанный

⁶⁵ Документы об этом опубл. в: 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu. О неоднозначности настроений не только среди трансильванских венгров, но и среди румын свидетельствуют также отчеты советских научных работников, выезжавших в 1968 г. в командировки в Румынию по линии АН СССР (Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 619).

⁶⁶ “Kedves, jó Kádár elvtárs!” Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989 / szerk. Huszár T. Budapest, 2002. 343–348. old.

⁶⁷ Янош Кадар о «Пражской весне» // Коммунист. 1990. № 7. С. 97.

Кадаром в августе 1968 г., не смог гарантировать необратимости начатых преобразований. Правда, и в поставгустовский период среди реформаторски настроенной части венгерской коммунистической элиты и в широких слоях общества сохранялись определенные надежды на их спасение. Но изменение политического климата в Москве не оставляло шансов на проведение реформ в достаточно полном объеме. К 1973–1974 гг. венгерская реформа была свернута, и не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие непрекращавшегося давления извне. Тем самым мечты о принципиальном демократическом обновлении коммунистического режима для подавляющего большинства венгров были похоронены уже окончательно.

Итак, 21 августа 1968 г., в условиях произошедшего временного раскола в мировом коммунистическом движении, Венгрия и Румыния оказались по разные стороны. Понятно, что интервенция в Чехословакию внесла новую напряженность в двусторонние венгеро-румынские отношения. Критика чехословацкого «ревизионизма» на страницах венгерской печати была гораздо слабее в сравнении с прессой СССР, ГДР и Польши. Вместе с тем 24–25 августа центральные венгерские газеты «*Népszabadság*» и «*Magyar Nemzet*» не удержались от выпадов в адрес соседней Румынии, указав, что, уклонившись от участия в интернациональной акции, дружественная страна, к сожалению, поставила себя на одну доску с НАТО и греческой хунтой. В дальнейшем в венгерской партийной пропаганде попытки некоторых социалистических стран уклониться от общей ответственности за судьбы социализма во всем мире рассматривались как проявления неприемлемого для коммунистической идеологии национализма. При этом зачастую вопрос ставился «в целом», без упоминания Румынии или Югославии.

Вместе с тем уже 24 августа на встрече с Тито Чаушеску упомянул о своем стремлении к установлению контактов с венгерским руководством. А с конца августа по инициативе румынской стороны предпринимаются попытки «наведения мостов» между Румынией и Венгрией. Кадар выжидал до подписания в конце августа так называемых московских протоколов, когда реформаторская команда Дубчека пошла на принципиальные уступки, по сути дав согласие на осуществление советского плана «нормализации» в Чехословакии. В начале сентября никаких препятствий для двусторонних встреч уже не было, и в Бухарест для прояснения румынской официальной позиции и дальнейших планов отправился член Политбюро ЦК ВСРП Дежё Немеш. Беседовавший с ним один из главных идеологов румынской компартии Леонте Рэуту все еще не скрывал опасений советского вторжения. Венгерский эмиссар, тяготевший к более догматическому крылу в руководстве своей партии, не без иронии его успокоил: если бы чехи контролировали ситуацию в своей стране хотя бы наполовину того, как это умеют делать румыны, ни о каком опасном развитии не могло быть и речи, и соответственно не было бы и внешнего вмешательства⁶⁸.

⁶⁸ *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 111. old.

Общее состояние не слишком доверительных венгеро-румынских отношений никак не позволяло официальному Будапешту предлагать свое посредничество в деле смягчения напряженности между СССР и некоторыми его союзниками по ОВД с Румынией. Что же касается румынской политической верхушки, то и Рэуту в беседе с Немешем, и другой член партийного руководства, Паул Никулеску-Мизил, посетивший Будапешт в октябре, выразили от имени своей партии готовность к улучшению двусторонних отношений. Излагая свою позицию, румынские функционеры категорично отвергали звучавшие в прессе некоторых соцстран (прежде всего ГДР) обвинения в том, что Румынии якобы угрожает реставрация капитализма. При этом подчеркивалось нежелание румынской стороны вести открытую дискуссию с союзниками. Представители ВСРП были еще менее заинтересованы в идеологической полемике по поводу уроков «Пражской весны», понимая свою уязвимость для критики с позиций жесткой коммунистической ортодоксии — ведь венгерские экономические реформы во многом перекликались с проектами Оты Шика и других пражских реформаторов. Тем более что с осени 1968 г. критика реформ все чаще велась под флагом борьбы с ревизионизмом. В Будапеште хорошо помнили неприятную ситуацию, возникшую на июльском совещании в Варшаве: когда Ульбрихт жестко критиковал Кадара и даже заявил о потенциальной угрозе социализму в Венгрии, то ни Брежнев, ни Гомулка не выступили в защиту венгров.

В ходе сентябрьско-октябрьских двусторонних встреч 1968 г. венгерские представители предусмотрительно не поднимали спорные проблемы, не связанные с чехословацким кризисом: сказала незаинтересованность Будапешта в расширении водораздела между Румынией и союзниками. Вместе с тем оставалась в силе прежняя установка руководства ВСРП на более открытое выражение своих принципиальных позиций в вопросах, по-прежнему будораживших венгерское общественное мнение, прежде всего в вопросе о единстве венгерской культуры поверх государственных границ. 6 октября 1968 г. в «*Népszabadság*» публикуется программная редакционная статья, в которой излагалась официальная позиция по отношению к национальным меньшинствам Венгрии. В статье подчеркивалось, что, хотя их численность не превышает 3–4% населения, им предоставлены полные права развития своих национальных языков и культур, поскольку это обогащает культурную жизнь страны в целом и отвечает «ленинской национальной политике». Соответственно, гражданам Венгрии нельзя оставаться равнодушными к положению венгров, живущих в других странах; культурные узы с зарубежными венграми необходимо сохранять и развивать. Впервые после установления в 1948 г. в стране коммунистической диктатуры было официально и прямо заявлено, что культура венгерской диаспоры в странах Дунайско-Карпатского региона является неотъемлемой составной частью венгерской культуры и Венгрия считает своим долгом заботиться о ней. По сути дела, в этой статье обрела очертания новая культурно-идеологическая платформа, сформировавшаяся под влиянием национальной интеллигенции, далеко не всегда приверженной коммунистическим идеалам.

В ноябре в Будапешт вновь приехал с рабочим визитом Никулеску-Мизил, в то время один из ближайших соратников Чаушеску⁶⁹. Поскольку острота в отношениях соседних государств к тому времени заметно уменьшилась, стороны не так старательно избегали обсуждения спорных проблем. Ситуация в Чехословакии и вокруг нее уже не была в центре внимания переговоров. Никулеску подробнее обычного говорил о положении в самой Румынии, назвав вопрос об административно-территориальной реформе уже решенным, а формы приобщения «венгероязычных румын» к культуре на родном языке и их представительство в общественно-политической жизни своей страны — внутренним делом румынского государства. Венгерская сторона призвала к расширению не только экономического, но и культурного сотрудничества двух стран, обязавшись при осуществлении культурных связей с венграми Румынии не предпринимать ничего в ущерб властной монополии румынской компартии. С румынской стороны часть конкретных предложений была принята, в том числе о регулярных встречах историков двух стран. Противодействие по понятным причинам вызвало предложение о расширении связей по линии союзов писателей в интересах развития венгероязычной литературы Трансильвании — такие связи легче всего могли выйти из-под контроля румынских идеологических структур и поставить часть творческой интеллигенции под доминирующее влияние Будапешта.

Несмотря на некоторые позитивные результаты ноябрьских встреч, в Будапеште не питали надежд на принципиальные подвижки в венгеро-румынских отношениях, учитывая неизменность общей линии румынской компартии, пользующейся широкой общественной поддержкой. «Нынешний курс румынского руководства основывается на конъюнктурном использовании разногласий в международном коммунистическом движении, и пока существуют эти разногласия, объективно сохранится основа для проведения “особого курса”». Нереально надеяться, что в ближайшее время произойдут какие-либо изменения в националистической политике РКП и СРР», — говорил венгерский дипломат в Бухаресте своему советскому коллеге в январе 1969 г.⁷⁰ А поскольку рассчитывать на изменения не приходилось, оставалась в силе и выработанная в 1968 г. венграми установка на откровенное выражение позиции по спорным вопросам. 16 февраля 1969 г. в центральной газете «*Magyar Nemzet*», особенно популярной среди венгерской интеллигенции, публикуется статья с обстоятельным критическим анализом некоторых тенденций в общественной жизни современной Румынии. В ней выражалось недоумение в связи с идеализацией в печати ряда крайне правых идейных течений в румынской духовной культуре межвоенного периода. Создание Румынского совета трудящихся венгерской национальности было оценено положительно, и вместе с тем отмечена непрозрачность его функций и круга полномочий. Во избежание ответных демаршей

⁶⁹ *Foldes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 115. old.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 36. Л. 11.

в венгерском МИД своевременно заверили румынского посла, что статья публикуется в дискуссионном порядке, не отражает официальной точки зрения, а лишь демонстрирует терпимость к многообразию мнений, бытующих в социалистическом обществе. Публикация такого рода статей могла осложнить отношения с соседями, однако близкие к власти круги были больше озабочены укреплением общественной поддержки режима изнутри. Демонстрация равнодушия к положению соотечественников за рубежом была важным шагом на этом пути.

Главное внимание в мировом коммунистическом движении в эти месяцы было приковано к новому витку обострения советско-китайских противоречий. Румынская компартия, по-прежнему пытавшаяся занимать равноудаленную позицию в споре двух коммунистических держав за влияние в мире, в отличие от КПК (а также влиятельного СКЮ) дала-таки согласие принять участие в запланированном на июнь 1969 г. большом московском совещании компартий. В марте в довольно нервной международной обстановке, на фоне советско-китайского вооруженного конфликта на острове Даманский, в Будапеште широко отмечалось 50-летие Венгерской советской республики 1919 г. Поскольку этот коммунистический эксперимент был пресечен военными усилиями прежде всего румынской армии, эти празднества не могли не диссонировать с отмеченным с немалой помпой всего за 3 месяца до этого юбилеем создания 1 декабря 1918 г. Великой Румынии вследствие соединения Трансильвании со Старым королевством. Как бы то ни было, СРР не склонна была отклонять приглашение венгров, а ее делегацию возглавил видный функционер венгерского происхождения Янош Фазекаш (после ухода в 1968 г. из Политбюро, а затем и кончины Александру Могиороша самый сильный в Бухаресте лоббист интересов трансильванских венгров). В кулуарах будапештских торжеств Фазекаш, в 1950-е гг. возглавлявший парторганизацию ВАО, доверительно жаловался венгерским друзьям на засилье румынского национализма в его родной стране. Это было воспринято в Будапеште как знак того, что следует активнее выступать в защиту трансильванских соплеменников. Весной 1969 г. в венгерской партийной элите обсуждаются идеи о возможном публичном заявлении в связи с нерешенностью проблемы венгерского национального меньшинства в Румынии, о начале работы историков над комплексным трудом по истории Трансильвании, отражающим именно венгерский взгляд на прошлое этого края (этот проект был реализован только в 1980-е гг., вызвав новый венгеро-румынский конфликт), и даже об апелляции к мировому общественному мнению через западную прессу⁷¹. Один из крупнейших писателей Венгрии Дюла Ййеш, в свое время вызвавший гнев Кадара своей парижской пресс-конференцией, о чем сказано выше, теперь уже с полного согласия властей публикует 6 июля в «*Népszabadság*» эссе, лейтмотивом которого явился призыв к политикам и деятелям культуры проявлять ответственность за судьбу венгров,

⁷¹ *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés. 111. old.

живущих за пределами государственных границ, знать их чаяния и надежды, защищать их интересы.

Незадолго до этого на большом московском совещании компартий в июне 1969 г. Чаушеску в своем выступлении сделал акцент на необходимости установить реальное равноправие социалистических стран, как больших, так и малых. Со стороны представителей ряда компартий звучала критика внешней политики Румынии, но отнюдь не ее внутренней составляющей. С точки зрения внутренних процессов Венгрия с ее экономическими реформами вызывала в Москве больше подозрений и недоуменных вопросов, чем Румыния⁷². И в окружении Кадара это хорошо понимали! На Западе же к венгерским реформам стали проявлять некоторый интерес, фактически только когда они начали сворачиваться. Таким образом, расчет венгров на лояльность Москве как условие проведения внутренних реформ оказался, как отмечалось выше, иллюзорным.

1969 г. прошел под знаком дальнейшего усиления венгеро-румынских расхождений по многим пунктам. Для Румынии с ее растущими международными амбициями (в августе в знак уважения к ее независимой политике Бухарест удостоил своим приездом президент США Р. Никсон, и это было первое после войны посещение американским президентом коммунистического государства) венгерское направление во внешней политике не было слишком значимым, а сама Венгрия воспринималась официальным Бухарестом как послушный вассал Кремля, не способный к проведению самостоятельного курса. Считаться с ее мнением при решении внутренних проблем не было совершенно никакого смысла, поскольку национальная политика Румынии не вызывала нареканий ни со стороны других партнеров по блоку, ни со стороны Запада. Хотя Никсон, выступая в Бухаресте, и назвал неожиданно Румынию многонациональным (!) государством, это оставили без внимания как вполне простительную для президента крупнейшей державы оговорку: деятель такого масштаба вовсе не обязан знать всех тонкостей ситуации в малой стране. Внимание Запада к внутривнутриполитическим проблемам Румынии возросло лишь в середине — второй половине 1970-х гг. после подписания ею в августе 1975 г. Хельсинкского соглашения (по которому Бухаресту пришлось взять на себя определенные обязательства по соблюдению прав своих граждан), но особенно с приходом к власти в США в 1977 г. президента Дж. Картера, при котором американская администрация на международной арене стала делать все больший акцент на правозащитной тематике.

Вскоре после визита Никсона и состоявшегося вслед за ним очередного, X съезда румынской компартии член Политбюро ЦК ВСРП Золтан Комочин с горечью говорил советскому дипломату о том, что события последних недель

---

⁷² Мусатов В.Л. Как «исправляли» венгерскую реформу... О встрече Л.И. Брежнева и Я. Кадара в Завидово в феврале 1972 года // Мусатов В.Л. Второе «освобождение» Восточной Европы. М., 2016. С. 99–172.

еще больше укрепили положение Чаушеску и что в охватившем страну националистическом угаре румыны наделают еще больше глупостей⁷³.

В 1970-е гг. Румыния продолжала усиленно воплощать концепцию единого национального государства, не только отказав своим венграм в праве на политическую автономию даже в самых узких рамках, но приписав их полностью к румынской политической нации и все шире распространяя термин «румыны венгерской национальности». При этом власти считали возможным отказаться от слишком радикальных решений национального вопроса в расчете на то, что индустриализация и урбанизация сделают свое дело: соотношение между венграми и румынами в трансильванских городах с каждым годом изменялось в пользу последних. Внимание западных наблюдателей не только к нарушениям гражданских прав в Румынии, но и — в более узком плане — к ущемлению культурно-языковых прав трансильванских венгров (сокращение числа школ на венгерском языке и т. д.) всерьез проявилось только в 1980-е гг., когда Чаушеску полностью растратил приобретенный в 1968 г. политический капитал и из коммунистического деятеля, вызывавшего уважение смелым противостоянием советскому диктату, превратился в глазах Запада в наиболее одиозного диктатора Европы.

---

⁷³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 29. Л. 25.

ПРАГА-68 В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

1968 год почти по всей Европе был отмечен бурными политическими событиями. Центральными стали «студенческая революция» в Париже¹ и «Пражская весна». Оба феномена явились апогеем «шестидесятничества» — общеевропейского общественно-политического, идеологического и культурного явления, направленного на «свержение отцов», на резкую демократизацию всех сфер жизни, на замену старых авторитарных систем и их идеологии. «Шестидесятничество» имело сильно выраженную региональную специфику, зависевшую от политического строя государств и ментальности нации. Отсюда проистекала значительная вариативность «шестидесятничества» от Парижа до Москвы, где Праге принадлежит особое место.

В широком контексте европейского «шестидесятничества» рассмотрение «Пражской весны» выдвигает ряд предварительных вопросов. Была ли она частью европейского процесса демократизации, «свержения основ», бунта «детей против отцов», выдвижения на первый план культуры андеграунда и протестной масс-культуры, была ли она «революцией толпы», «студенческой революцией» или же лишь попыткой умеренной трансформации существующей структуры власти? Какие цели и задачи ставила «Пражская весна» в плане трансформации социума и его идеологии? Соответствовали ли они европейскому (главным образом парижскому) тренду? Не была ли «Пражская весна», учитывая ее печальный конец, очередной «чешской исторической аномалией»?

Попытаемся хотя бы частично ответить на эти вопросы, рассмотрев лишь некоторые феномены «Пражской весны».

Процесс «чехословацкой оттепели», как известно, начался, как и в других странах социализма, после XX съезда КПСС в 1956 г. и носил весьма умеренный характер в политической сфере. Однако в сфере культуры процессы были гораздо радикальнее, о чем свидетельствовала концепция чехословацкого павильона на Всемирной выставке в Брюсселе ЭКСПО-58 и ее стилистическое осуществление. Это безусловно был «прорыв в Европу» с целью

---

¹ 1968 год во Франции // Скепсис. URL: http://sceptis.net/tags/id_175.html; *Доул К.* Красный май 1968 — месяц революции: URL: <https://socialist.news/read/long/may-1968/> (дата обращения: 20.05.2020).

продемонстрировать «человеческое лицо» новой Чехословакии. Родившийся «брюссельский стиль» стал внешним выражением свободы и демократии хотя бы в сфере культуры, включая бытовую².

В начале 1960-х гг. в чехословацком кинематографе формируется «новая волна». Ее эстетика складывается под определенным влиянием французской «новой волны», однако обладает значительной спецификой, выражающейся прежде всего в повышенной социальности и отстраненности (трансформация драматургических идей Б. Брехта в сочетании со специфическим чешским юмором), в отношении к «маленькому человеку» на основе традиций чешского гуманизма. Кинематографическая «новая волна» чрезвычайно ярко выразила актуальные потребности общества в демократизации, поэтому именно фильмы стали тем общественным явлением, вокруг которого происходили дебаты. Одним из таких фильмов, вызвавших гнев властей за скрытую, но очень ехидную критику режима, его идеологии и самих форм управления, стал фильм режиссера Яна Немеца «О празднике и гостях» («*O slavnosti a hostech*») (1966). Этот фильм, остро критиковавший в форме абсурдистского гротеска чехословацкий партийно-государственный истеблишмент, вызвал к себе интерес на Западе, что объясняется его общим интересом к процессам, проходившим в Чехословакии. Фильм был официально представлен на Каннский кинофестиваль 1968 г., что должно было продемонстрировать либерализм властей. Но, как мне представляется, именно события на этом Каннском фестивале показали всю разницу между «студенческой революцией» в Париже и «Пражской весной». Об этих событиях Немец рассказал в автобиографическом фильме 2016 г. «Волк с улицы Королевские Винограды» («*Vlk z ulice Královské Vinohrady*»). У чехов была надежда, что фильм на фестивале получит премию. Однако проведение фестиваля было сорвано после того, как молодой, но уже знаменитый режиссер французской «новой волны» Жан-Люк Годар на открытии фестиваля учинил публичный скандал и разрезал ножом экран, крича при этом, что киноискусство выродилось в форму культурного обслуживания буржуазии. В Чехословакии же потом фильм положили на полку. Возник парадокс: критика власти чешским кинорежиссером оказалась ненужной и невостребованной французскими левыми, которые сами бунтовали против власти. Может быть, сам характер бунтов был существенно различен?

Безусловно, одним из главных программных документов «Пражской весны — 68» стал текст «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим», написанный писателем Людвиком Вацуликом, уже тогда приобретшим известность. Современная «Академическая энциклопедия чешской истории» характеризует этот документ следующим образом: это самый значительный манифест «Пражской

---

² Мельников Г.П. Искусство и культурная ментальность чешского общества в конце 1950-х годов // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М., 2011. С. 645–660.

весны», инициированный рядом известных ученых. Его подписали несколько десятков известных деятелей науки, искусства и спорта, а также простые рабочие. Текст был опубликован 27 июня 1968 г. одновременно в газетах «*Literární listy*», «*Práce*», «*Mladá fronta*» и «*Zemědělské noviny*». «Манифест остро критиковал существующее централистское и бюрократическое руководство обществом функционерскими структурами и органами Коммунистической партии Чехословакии, он принципиально поддерживал проходящий процесс “демократизации”, к которому должны были присоединиться все части общества, он выражал опасения, что реформы прекратятся, и предупреждал перед опасностью вмешательства во внутреннее развитие Чехословакии зарубежных сил». Консерваторы и догматики в руководстве КПЧ сразу квалифицировали манифест как призыв к контрреволюции, а реформаторское крыло руководства КПЧ сочло его программой своих конкурентов. В целом же руководство КПЧ отвергло «Две тысячи слов» как программу, выходящую за рамки социализма. Большинство же общественности этот манифест поддержало. Руководство СССР прямо назвало манифест открытым выступлением контрреволюции, что послужило одним из аргументов к вводу войск стран Варшавского договора в Чехословакию для подавления «Пражской весны»³.

Проведем небольшой анализ текста «Две тысячи слов»⁴ с целью выявить его постулаты для последующего сравнения с требованиями западноевропейских левых в 1968 г.

Текст начинается с общегуманистического тезиса о заботе о «душевном здоровье» и характере народа, деформированных сначала Второй мировой войной, а затем социализмом. Собственно говоря, провозглашается верность национальным традициям и национально-культурной идентичности, на которые негативно повлияли два тоталитарных режима.

Надеждой нации является социализм в его чистом, теоретическом виде. Однако за реальное осуществление его идеалов «взялись не те люди», отсюда последовало «разочарование результатами». Одна из причин плохого воплощения в жизнь хороших и правильных идей заключается в бюрократизации компартии, которая из «идейного союза» превратилась в «орган власти», притягивающий «властолюбивых эгоистов, трусов и людей с грязной совестью».

«Порядки коммунистической партии явились причиной и моделью таких же порядков в государстве», т.е. происходит деградация всего партийно-государственного аппарата и стиля управления. Отметим, что при этом правящая партия и государство рассматриваются как самостоятельные субъекты общественно-государственной структуры, что можно считать наследием демократического мышления, сформировавшегося еще в межвоенной Чехословакии.

Необходима критика партийно-государственной власти со стороны общества, другими словами — формирование гражданского общества.

³ Akademická encyklopedie českých dějin. Svazek IV / ed. J. Pánek. Praha, 2015. S. 261–262.

⁴ Цитаты из «Двух тысяч слов» приводятся по: *Literární listy*. 27. červen 1968.

Акцентируются моральная деградация общества («личная и коллективная честь исчезли»), обесмысливание законов и принципа выборов, что стало угрозой «духовному здоровью и характеру народа». Ответственность за такое состояние ложится на всех нас, а особенно на коммунистов. «Это власть жесточайшей группы, распространяемая с помощью особого аппарата». Таким образом, в манифесте акцентировался прежде всего этический аспект власти компартии, приведшей страну и общество к моральной деградации.

Следующее обвинение состояло в узурпации власти компартией: «Аппарат решал, кто что может или не может делать, он управлял кооперативами вместо крестьян, фабриками — вместо рабочих и народными комитетами — вместо граждан». Правители «свой произвол выдавали за волю рабочих», что является настоящим обманом. «Страной правила особо воспитанная прослойка деятелей партийного и государственного аппарата», которые «фактически заняли место свергнутого класса и сами стали новыми господами». Отметим в скобках, что по сути это является отрицанием «диктатуры пролетариата» по советско-ленинской модели и призывом к восстановлению многопартийной демократии, а также критикой перерождения коммунистических функционеров, начавшейся еще в СССР в 1920-е гг. и частично вновь о себе заявившей в 1960-е.

В манифесте отмечается, что появилась надежда: в начале 1968 г. общество вступило «в возрожденческий процесс демократизации». При этом чрезвычайно важно, что «этот процесс начался в коммунистической партии», где нашлись для этого молодые здоровые силы. Поэтому нужна поддержка нового руководства и оказание на него влияния, направленного в сторону все большей демократизации общества.

Причиной современного кризиса называется ситуация в экономике. Подчеркнем, что в тексте манифеста эта причина появляется лишь в середине текста и явно уступает по значимости причинам моральным, как уже отмечалось.

Авторы манифеста намерены «очеловечить этот режим», а не свергать его. Путь трансформации общества они видят «только в дискуссии, для которой нужна свобода слова».

Сравним с Западом. Там свобода слова уже давно существовала, а в Чехословакии за нее только начинали бороться. На Западе в 1968 г. дискуссии носили только деконструктивный характер, чешские же демократы предлагают метод убеждения оппонентов и поиск компромиссов. Как мне представляется, этот аспект чешской демократической мысли восходит еще к политическим проектам Яна Амоса Коменского в XVII в., затем он был актуализирован Томашем Г. Масариком в плане реализации идеологии чешского гуманизма.

Авторы манифеста несколько дистанцируются от более радикально настроенных писателей и студентов: «Не стоит преувеличивать значение критики со стороны студенчества и писателей». Это своеобразный ответ на радикализм съезда Союза писателей и ряд протестных акций студенчества. Напомним, что в Париже и других центрах именно студенчество и леворадикальные писатели стали движущей силой и выразителями «студенческой революции».

Тезис манифеста о том, что нельзя «совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им», разделялся далеко не всеми чехословацкими оппозиционерами. Остается вопросом, был ли этот тезис тактической уловкой во избежание репрессий, или же это был лишь один из призывов к союзу с коммунистами-реформаторами.

С проходившими дискуссиями о югославской модели социализма и о конвергенции по Гэлбрейту⁵ тесно связан тезис об экономическом детерминизме социума: «Практическое качество будущей нашей демократии зависит от того, что будет происходить с предприятиями и на предприятиях. При всех наших дискуссиях нас держат в своих руках наши хозяйственники». Исходя из вышеупомянутых дискуссий появляется требование рабочего (пролетарского) социализма, при котором рабочие оказывали бы влияние на профсоюзы и дирекцию предприятий посредством своих делегатов.

Особо подчеркивается, что методы борьбы со старым режимом и его дискредитировавшими себя функционерами должны быть мягкими: не надо писать «грубые письма», надо «бойкотировать их двери», принимать публичные резолюции, устраивать мирные демонстрации протеста, даже дарить им подарки, если они добровольно уйдут на пенсию. Отметим, что это представляет разительный контраст с Западом, где в 1968 г. возобладали именно радикальные формы критики и протеста. Также здесь вполне уместно видеть проявление именно чешской ментальности, мягкой и ироничной, вновь проявившей себя во время появления советских танков на Вацлавской площади 21 августа 1968 г.

Манифест подчеркивает, что «нашей целью не является вызвать безвластие и состояние всеобщей неуверенности», что явно намекает на принципиальное отличие «Пражской весны» от того хаоса, в который на время, правда, очень краткое, было повержено западное общество в результате действий радикалов.

Манифест предлагает позитивную программу, чтобы оказать содействие в формировании гражданского общества через свободу слова — это создание новых прогрессивных газет, журналов, комитетов по защите свободы слова, созыв различного рода собраний.

Выражая опасение относительно «возможного вмешательства иностранных сил», т.е. советской военной интервенции, авторы манифеста занимают патриотическую позицию, правда, очень противоречивую. Они заявляют о готовности с оружием в руках защищать «свое правительство», но в то же время и о верности союзническим соглашениям. Интересно отметить, что речь шла о защите не Родины, а ее правительства; я предполагаю, что под термином «правительство» имелась в виду структура, готовая к осуществлению реформ и не

---

⁵ *Гэлбрейт Джон (1908–2006)* — американский ученый, один из видных экономистов-теоретиков XX в., автор теории конвергенции, обоснованной им в книгах «Экономические теории и цели общества», «Единое индустриальное общество». Подчеркивая, что структура развивалась во всех индустриальных странах независимо от типов собственности, в том числе и в СССР, Гэлбрейт защищал идею сближения и схождения двух мировых систем. (*Прим. редколлегии*).

связанная с КПЧ (последняя под советским давлением могла пойти на измену, что потом реально произошло). Но как можно с оружием в руках выступить против войск Варшавского договора, официально оставаясь в нем, совершенно абсурдно и непонятно.

В заключительных словах манифеста содержится очень важная идея о преемственности чешской демократической традиции с идеями социализма, которые надо воплощать в жизнь совсем не так, как это сделали коммунисты, их дискредитировавшие: «У нас есть общее дело, рабочее название которого — социализм; нужно дать ему форму, которая будет лучше отвечать нашей когда-то доброй славе и тому относительно хорошему мнению, которое мы имеем сами о себе». Здесь четко позиционируется чешская историческая традиция, историческое самосознание, национальная идентичность, самоуважение чешской и словацкой наций, чего не было и не могло быть по определению у западных левых в 1968 г.

Проведем сопоставление «Пражской весны» и событий в Европе в 1968 г. по некоторым основным пунктам.

Есть общая основа — борьба с отжившим старым, мешающим прогрессивному демократическому развитию.

Что предлагается взамен?

Чехословакия: свобода слова, истинная демократия, истинный социализм, элементы рабочего самоуправления и мелкий частный сектор в экономике (реформы Оты Шика).

Запад: отрицание социализма как части старого враждебного буржуазного социума, т. к. социализм в лице его партий стал формой «официальной оппозиции», поэтому дальнейшее прогрессивное развитие общества возможно только на началах анархизма, нигилизма и самоуправления (общинности) как выражения «истинной свободы». Средство достижения — бунт, общественные беспорядки, парализующие функционирование учреждений.

Чехословацкая оппозиция отрицала анархию как чисто разрушительную силу, противопоставляя ей народный демократизм, способный мирными легальными средствами оказывать давление на партийно-государственные власти.

Общим был тезис о моральной деградации старого общества, о его лживой морали, об узурпации власти группой истеблишмента, о необходимости прихода к власти молодых сил, свободных от старых политических стереотипов.

Запад: тотальная свобода, нигилизм, отрицание всех авторитетов.

Чехословакия: либерализация существующего режима, возвращение к «истинному наследию» признанных авторитетов, к национальной демократической традиции.

Чехословакия: создание небольшого и контролируемого частного сектора в экономике.

Запад: существующие частная собственность, концерны и корпорации должны быть демократизированы и социализированы. Таким образом западные левые шли к тому, от чего чехи хотели отойти.

Запад: сексуальная революция, самая значимая за всю историю Европы, т. к. открыто реабилитировала и утверждала ценность телесной любви и секса в его различных проявлениях.

Чехословакия: официальное допущение эротики в искусстве и частично в СМИ и кино.

Общим явлением можно считать «киноподготовку» 1968 г.: «новая волна» французского и чехословацкого кино. При совпадении многих элементов в чехословацкой «новой волне» намного рельефнее проявилась социальная, психологическая и формальная специфика, выражавшаяся в насыщении социальностью исходной французской формы, как это произошло в начале XX в. с чешским кубизмом, в особенности в творчестве Йозефа Чапека. Не «чистая экзистенция» *а-ля Жан-Поль Сартр*, а существование маленького человека во враждебном ему социуме, детерминированное не только бытием как таковым, но и конкретикой существования. Но общим оставался сартровский принцип «существование прежде сущности».

Если для французских левых бунт является экзистенциальной ценностью и перманентным состоянием, то для чешских оппозиционеров (причем различных направлений), напротив, эволюция представляется как путь органического совершенствования общества, что отсылает к идеям Масарика. Причем такому постепенному совершенствованию должен подвергнуться и коммунистический тоталитаризм, который со временем заменится на социально-демократическое устройство общества. Очень важно отметить, что чехословацкая модель «социализма с человеческим лицом» мыслится как синтез всех положительных качеств социалистической и западной либеральной систем. В идеале должен произойти переход к конвергенции (по Гэлбрейту). Чехия, это «сердце Европы», вновь, как при гуситах и Масарике, становится центром истинной демократии в исконном, древнегреческом значении этого слова. Тем самым чешский демократизм вновь становится выше и советской модели, и западного либерализма, что означало возрождение идеологии чешского гуманизма и демократизма, сформулированной еще Масариком в конце XIX в. и ставшей затем, после создания независимой Чехословакии в 1918 г., основной, базовой официальной идеологической доктриной государства. Это же «возвращение к чешскому идеалу», не удавшееся в 1968 г., будет фигурировать в идеологии начала «бархатной революции» в 1989 г.

Как известно, Запад на деле не поддержал «Пражскую весну — 68», а западные левые показали свое непонимание процессов, происходивших в чехословацком обществе. Ведущие компартии Запада осудили на словах советское вторжение, но активно не поддерживали стремление к «социализму с человеческим лицом», т. к. они сами в основе своей идеологии имели тоталитарно-советскую матрицу и стремление к власти или к активному участию в ней. Лишь Роже Гароди отмежевался и в знак протеста вышел из ЦК Коммунистической партии Франции. Его эстетическая теория «реализма без берегов» оказала значительное влияние на чешскую эстетику, литературу и искусство и привела

к «реабилитации» творчества Франца Кафки в чешском культурном сознании. В 1968 г. в замке Либлице, что в 40 км от Праги, прошла очередная посвященная Кафке конференция. (Первая состоялась в мае 1963 г. и стала отражением новых веяний в культурной жизни страны.) Умберто Эко, будущая европейская знаменитость, тогда весьма лево настроенный, посетив Прагу летом 1968 г., негативно оценил «Пражскую весну», обозвав ее «швейковиной». Для него это гротескная буза, высмеивание существующего режима без четкой позитивной альтернативы, подрыв стабильности того режима, который обеспечивал в целом нормальное существование государства и народа. Поэтому Эко с пониманием отнесся к советскому вторжению⁶.

Из приведенного материала можно сделать довольно простые выводы. «Пражская весна» хотела реализовать некоторые элементы западной системы, от которых решительно отмежевывались и которые хотели отправить на свалку истории западные (прежде всего французские) левые радикалы. «Пражская весна» апеллировала в первую очередь к чешским национальным демократическим ценностям. Протест на Западе принял формы нигилизма, бунта, ниспровержения устоев в стремлении к тотальной свободе, оборачивавшейся насилием. Общее стремление, свойственное всем «шестидесятникам», перейти от плохого старого к хорошему новому реализовывалось по разным моделям и с помощью разных тактик. Смогла бы реализоваться чехословацкая модель «социализма с человеческим лицом» как высшая форма истинной демократии, навсегда останется риторическим вопросом.

---

⁶ См.: Umberto Eco. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Umberto_Eco (дата обращения: 20.05.2020).

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОММУНИСТЫ И РЕАБИЛИТАЦИЯ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

Имя Александра Дубчека (1921–1992) неразрывно связано с модификацией социалистической идеи, получившей конкретное воплощение в Чехословакии в идеологеме «социализм с человеческим лицом»¹. Поэтому не случайно начиная с 1968 г. ее «архитектор» находился в поле зрения коммунистических партий в странах как социалистического содружества, так и Западной Европы. После краха Пражской весны как раз они, в частности лидеры Итальянской коммунистической партии (ИКП)², постоянно ставили вопрос о реабилитации Дубчека. В немалой степени потому, что идея «социализма с человеческим лицом» в той или иной степени коррелировала с идеями еврокоммунизма, которые в этот период продолжали разрабатываться итальянскими коммунистами³. В свою очередь, большинство компартий стран социалистического содружества, и в первую очередь КПСС, считали реабилитацию Дубчека⁴ не только невозможной в силу ее несовместимости с курсом «режима нормализации», но и принципиально недопустимой.

---

¹ Задорожнюк Э.Г. Модификация социалистической идеи. К 95-летию со дня рождения Александра Дубчека // Запад — Восток. Йошкар-Ола, 2017. С. 163–179.

² Следует напомнить, что в 1970-е гг. ИКП являлась одной из крупнейших коммунистических партий капиталистических стран, получая на парламентских выборах более трети голосов избирателей (в 1976 г. — 34,4%).

³ Подробнее см.: Улунян Ар. А., Бухармедова Л.М. Еврокоммунизм: между коммунистическим императивом и демократическим идеалом // Левые в Европе XX века. Люди и идеи. М., 2001; Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. Международные отношения. М., 2008; Зиновьев А., Ортис А.Ф., Кара-Мурза С. Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2015; Князева С.Е. «Памятная записка» Пальмиро Тольятти: первый манифест еврокоммунизма // Итальянская Республика в меняющемся мире. Доклады Института Европы. № 306. М., 2014. С. 82–95; Она же. Становление еврокоммунизма в Италии // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 58–75.

⁴ До апреля 1969 г. А. Дубчек формально занимал пост первого секретаря ЦК КПЧ и возглавлял Федеральное собрание Чехословакии, т.к. смещение реформаторского крыла КПЧ проводилось постепенно. На апрельском пленуме ЦК КПЧ (1969) отстранен от власти; в 1969–1970 гг. — посол в Турции. В 1970 г. Дубчек исключен из КПЧ, лишен статуса депутата; вплоть до выхода на пенсию в 1981 г. работал в системе словацкого лесного хозяйства.

В статье на основе архивного материала из фондов российских и чешского архивов, а также опубликованных документальных источников выводится алгоритм процесса реабилитации Дубчека. Впервые в отечественной и зарубежной историографии⁵ предложена периодизация данного процесса, проходившего при ведущем участии ИКП и растянувшегося на два с лишним десятилетия; в нем выделены три периода.

Первый — с 21 августа 1968 г. до октября 1974 г. — период латентной реабилитации, точкой отсчета которой следует считать заявленную позицию ИКП. Она одной из первых в международном коммунистическом движении поддержала идеи Пражской весны и выступила против ввода на территорию Чехословакии войск стран Организации Варшавского договора (ОВД). За это время в ИКП сменились два генеральных секретаря, но и Луиджи Лонго, и Энрико Берлингуэр, оказавшие влияние на формирование идеологии еврокоммунизма, последовательно выступали в поддержку идеи «социализма с человеческим лицом», а тем самым — косвенно — и за реабилитацию Дубчека.

Уже ранним утром 21 августа 1968 г. в переданном по радио первом коммюнике ИКП решение о вторжении войск пяти государств ОВД квалифицировалось как полнейшая неожиданность. Подчеркивая опасения, связанные с судьбой современного рабочего движения, итальянские коммунисты отметили свое «серьезное несогласие» с вторжением, назвали его «необоснованным» и выразили солидарность с проводившейся Коммунистической партией Чехословакии (КПЧ) «политикой обновления»⁶.

Спустя неделю, 28 августа 1968 г., Л. Лонго заявил о глубоком разочаровании происходившими событиями и еще раз выразил несогласие с военным вмешательством. Он категорически отрицал аргументы о неизбежности военного вторжения в суверенную страну и считал необходимым занять в отношении

⁵ Внимание исследователей концентрировалось преимущественно на общих проблемах, связанных с международной реакцией на события 1968 г. в Чехословакии. См., например: Орлик И. И. Запад и Прага в 1968 г. По документам архива Министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 3–20; Марьина В. В. Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // Славяноведение. 2008. № 3. С. 22–40; Мурашко Г. П., Джалилов Т. А. «Пражская весна» и позиция западноевропейский компартий // Вопросы истории. 2008. № 11–12; Орлик И. И. Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 183–203; Любин В. П. Итальянские «левые»: от Будапешта 1956 г. до Праги 1968 г. // Там же. С. 359–388 и др. Конкретная задача анализа процесса реабилитации А. Дубчека, а тем более его периодизация в перечисленных работах не ставилась; не рассматривалась данная проблема и в зарубежных исследованиях.

⁶ Заславский В. «Пражская весна»: сопротивление и капитуляция итальянских коммунистов // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 364; см. также: Michálek S. Invázia 1968 a platonické sympatie Západu voči Československu pod krídlami Washingtonu // Michálek S., Londák M. a kolektív. Dubček. Bratislava, 2018. S. 257.

событий в ЧССР «принципиальную позицию». «Первым принципом, — подчеркнул Лонго, — является нерушимое право любой коммунистической партии на автономию и суверенность. И, напротив, нельзя оправдывать политику вмешательства — более всего, вмешательства военного — в жизнь другой коммунистической партии или другой страны»⁷.

На проходивших по инициативе итальянских коммунистов в Москве 13–14 ноября 1968 г. переговорах делегаций КПСС и ИКП⁸ зафиксированы расхождения во мнениях двух сторон. Э. Берлингуэр констатировал, что когда речь заходит о разногласиях в международном коммунистическом движении и между двумя партиями, то, прежде всего, «имеется в виду вопрос о Чехословакии». «Наши позиции, — отметил он, — в этом отношении были изложены в документах нашей партии, они, видимо, всем хорошо известны, ввиду чего нет необходимости подробно излагать их. Но на отдельные моменты надо сослаться, чтобы внести здесь полную ясность»⁹. «Позиции нашей партии, — продолжал он, — есть плод ответственного анализа и размышления наших руководящих органов. Мы стремились самым внимательным образом учитывать всю информацию и все суждения, которые становились нам известными, в первую очередь все сведения, которые к нам поступали от СССР, как открытыми путями, так и в закрытом порядке. Мы должны откровенно сказать, что во всей этой информации мы не нашли элементов, которые вели бы к иному суждению, чем то, которое выражено в точке зрения нашей партии. Наша позиция остается прежней»¹⁰.

Берлингуэр признавал наличие антисоциалистических сил в ЧССР. Вместе с тем он настаивал на следующем: «В деятельности КПЧ по исправлению создавшегося положения были определенные слабости, проявлялась некоторая неуверенность руководства, но не создавалось впечатления, что требовалось вмешательство со стороны пяти социалистических государств. Мы не считаем, что ввод войск был нужен для преодоления этих слабостей и ошибок, этих, если угодно, опасностей. Отсюда проистекает наше несогласие с акцией пяти стран и наше убеждение в том, что и сейчас, в той мере, в какой речь идет об исправлении ошибок нового чехословацкого руководства, это вмешательство не дает положительных результатов. В соответствии с этим определяется и наша позиция в отношении того, как это положение может быть преодолено и улучшено»¹¹.

⁷ Цит. по: *Michálek S. Invázia 1968 a platonické sympatie Západu*. S. 258.

⁸ В переговорах участвовали: с советской стороны: А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Б. Н. Пономарев, А. С. Беляков; с итальянской: Э. Берлингуэр, П. Буфалини, К. Галлуцци, А. Коломби, А. Коссутта.

⁹ «Мы спасли социализм в этой стране». Из записи переговоров делегации КПСС с делегацией Итальянской компартии 13–14 ноября 1968 года (Публ. В. Денисова) // Источник. Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1994. № 5 (12). С. 78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

В очередной раз он подчеркнул, что «ИКП иначе оценивает положение в Чехословакии как до, так и после 21 августа, чем это делают КПСС и другие партии социалистических стран. Это вновь записано в проекте Тезисов¹². Мы также хотели бы подчеркнуть, что мы не хотим обострять разногласия, не хотим использовать их в пропагандистских целях, не стремимся к расколу между партиями. Реальность такова, что ваше мнение по этому вопросу иное. Мы просим, чтобы в качестве части реальности учитывалось и то, что наша точка зрения отличается от вашей»¹³.

«Итальянская компартия, — убеждал Берлингуэр собеседников, — никогда не колебалась в оказании своей поддержки тем действиям социалистических стран, которые, по ее мнению, соответствовали интересам дела международного коммунистического движения». В то же время он отметил, что ИКП не боится идти при необходимости против течения, как было в период событий в Венгрии. «На этот раз положение иное. Мы заняли другую позицию не потому, что побоялись идти против течения, а потому, что наша оценка положения — на основе имевшейся у нас информации — была и остается иной... Наши разногласия идут по двум пунктам: во-первых, была ли угроза контрреволюции, а если была, то какой метод был наилучшим для борьбы с ней. Если контрреволюция была мирной, то и надо было бороться с ней мирными средствами, тем более в стране, в которой коммунистическая партия стоит у власти», — утверждал он¹⁴.

Точку над «i» в этой встрече поставил секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, заявив, что ЦК КПСС с пониманием отнесся к январскому пленуму ЦК КПЧ. Однако, по его словам, процесс исправления прежних ошибок был использован антисоциалистическими силами. «Берлингуэр, — сказал он, — говорил тут, что вот в Венгрии было ясно, что дело шло о защите социализма, вмешательство войск объяснялось исключительными обстоятельствами, и это было всем понятно. Но в Чехословакии развитие событий накануне ввода войск переросло в крайне опасный процесс, который распространялся на все новые области. Руководители КПЧ много раз обещали исправить ход дела. В беседе с Пайетта говорили о том, что надо сделать все возможное и невозможное. Мы делали это. Имели место многочисленные встречи с Дубчеком и без Дубчека, в Польше, в Братиславе и других местах, чтобы только не доводить дело до ввода войск. Но дела шли таким образом, что все пять стран пришли к единодушному выводу о необходимости ввода войск в Чехословакию».

В заключение Кириленко подчеркнул, что при выполнении интернационального долга КПСС руководствовалась документами международного коммунистического движения, в частности, братиславским заявлением от 3 августа 1968 г., в котором «прямо говорится о необходимости оказания братской

¹² Имеется в виду проект Тезисов к XII съезду ИКП (8–15 февраля 1969 г.).

¹³ «Мы спасли социализм в этой стране»... С. 79.

¹⁴ Там же. С. 81.

помощи для защиты социалистического строя. Мы считали и считаем, что мы спасли социалистический строй в Чехословакии, преградили путь контрреволюции в этой стране и во всех социалистических странах Европы, укрепили безопасность в Европе»¹⁵.

Советские представители и позже не только не поддерживали позиции итальянцев, но и направили генсеку ИКП Лонго через советского посла в Риме специальное письмо. В нем подчеркивалось, что итальянские коммунисты в центр переговоров ставят только один вопрос — о событиях в Чехословакии. Они не только не разделяли оценку положения в Чехословакии до 21 августа, данную КПСС и другими партиями социалистических стран, но и заявляли, что «не согласны с подходом КПСС к проблемам нормализации обстановки в Чехословакии в настоящее время»¹⁶. Тем самым имплицитно предполагалась и легитимизация инициатив Дубчека во всем их объеме, что коренным образом противоречило линии КПСС в этом вопросе.

На XII съезде ИКП (8–15 февраля 1969 г.) Лонго в присутствии секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева¹⁷ подчеркнул, помимо прочего, что народы Чехословакии «снова подтвердили, что они приняли принципиальное решение в пользу социализма, а чехословацкие руководители продемонстрировали чувство ответственности. Их авторитет является вкладом народов Чехословакии, значимым для всех социалистических стран, для всех, кто верит в социализм и ведет за него борьбу. Поэтому в наших общих интересах не предпринимать ничего в Чехословакии и за ее пределами, что могло бы подорвать этот авторитет. Напротив, *общий интерес всех социалистических стран заключается в укреплении этого авторитета, чтобы чехословацкий народ и его коммунистическая партия могли в соответствии со своей волей и абсолютно суверенно развивать собственное социалистическое общество* (курсив мой. — Э.З.), которое столь глубоко и прочно укоренилось в национальной реальности и в душах людей и молодежи»¹⁸. Генеральный секретарь ИКП в своем докладе

¹⁵ «Мы спасли социализм в этой стране»... С. 86.

¹⁶ Улуян А.А. «Пражская весна» греческого коммунизма // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. С. 520.

¹⁷ В выступлении на съезде ИКП секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев представил позицию своего руководства, акцентировав внимание на том, что «пять социалистических государств пришли на помощь братской Чехословакии, социалистический строй которой поставили под угрозу внутренние антисоциалистические силы при поддержке извне реакционными империалистическими кругами. Сегодня, когда к этим силам приняты меры, КПСС видит свою роль в оказании всесторонней поддержки КПЧ и правительству страны, в реализации постьянварской политики, получившей развитие в постановлении ноябрьского пленума и других пленумов ЦК КПЧ, политики, направленной на упрочение социалистического строя, развитие экономики, повышение уровня жизни, развитие и совершенствование социалистической демократии в Чехословакии» (Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов. Т. 1. Начало 1970-х / ред. Ю. С. Новопашин. М., 2012. С. 465).

¹⁸ Анатомия конфликтов. С. 465–466.

на съезде не случайно продолжал, хотя и в несколько завуалированной форме, отстаивать право чехословацкого народа, в том числе и чехословацких коммунистов, на принятие решений «в соответствии со своей волей и абсолютно суверенно». А поскольку эта воля совпадала с курсом коммунистов-реформаторов, то тем самым предполагалась и полная апология идей Дубчека.

В этом же году Берлингуэр, участвовавший в Международной конференции коммунистических и рабочих партий в Москве, от имени делегации ИКП не поддержал итоговую резолюцию. При этом он прямо заявил Брежневу, что вторжение в Чехословакию войск ОВД (которое он назвал «трагедией в Праге») отражает важные расхождения в коммунистическом движении.

Следует особо подчеркнуть, что параллельно этим событиям зазвучал голос и самого Дубчека, уже 1 сентября 1969 г. выступившего с протестным письмом в адрес ЦК КПЧ¹⁹. Этому письму предшествовала развязанная в СМИ в августе 1969 г., в первую годовщину подавления Пражской весны, кампания против ее идеолога. Поток обращений не прекращался и в последующие годы²⁰. Из их перечня в первой половине 1970-х гг. Дубчек выделил, в частности, следующие свои письма: генеральному секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку (31 мая и 29 июня 1970 г.); органам Министерства внутренних дел Чехословакии (6 января 1973 г.); Генеральной прокуратуре Словакии (2 февраля 1974 г.)²¹.

Их характерная особенность вплоть до осени 1974 г. — концентрация внимания исключительно на фактах преследования лично его либо членов его семьи. Сам Дубчек так вспоминал об этом драматическом периоде своей жизни: «Начиная с осени 1970 г. и вплоть до 1989 г. я и моя супруга находились под неустанным полицейским надзором»²².

Второй период реабилитации длился с октября 1974 г. по декабрь 1987 г. и начинался с письма от 28 октября 1974 г., адресованного Дубчеком Федеральному собранию ЧССР и Словацкому национальному совету²³. Письмо состо-

¹⁹ Alexander Dubček: *Od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory. Výber 1963–1992*. Bratislava, 2002. S. 216.

²⁰ По утверждению чешских и словацких историков, часть протестных писем Дубчека (около 30) хранится в Словацком национальном архиве, еще одна часть — в Институте современной истории в Праге, остальные письма еще не обработаны или не найдены (Alexander Dubček: *Od totality k demokracii*. S. 227). В целом же чешским исследователем А. Бенчиком зарегистрировано около 100 различных проявлений активности Дубчека в 1969–1989 гг.: письма и статьи, адресованные партийно-государственным органам ЧССР и стран ОВД, итальянским и другими представителям, интервью корреспондентам зарубежных СМИ и т. д. (Benčík A. *Listopadový come back Alexandra Dubčeka // Úloha Alexandra Dubčeka v moderných dějinách Československa*. Praha, 2002. S. 70; см. также: *Caccamo F. Mezi exilem, domácí opozicí a mezinárodním veřejným míněním // Soudobé dějiny*. 2013. № 3. S. 360–361; *Laluha I., Žatkuliak J.* Ani počas normalizácie Dubček nemlčal // Michálek S., Londák M. a kolektív. *Dubček*. S. 339–344).

²¹ *Анатомия конфликтов*. С. 468.

²² *Dubček A. Nádej zomiera posledná. Z pamätí / Ed. J. Hochman*. Bratislava, 1993. S. 269.

²³ Сокращенную версию текста письма на русском языке см.: *Задорожник Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного

ит из двух частей. В первой из них речь шла о личных переживаниях автора в условиях постоянного преследования органами госбезопасности и других, по его словам, формах «несправедливости и придиорок», приводились многочисленные факты слежки. Во второй — аналитической — части отстаивалась постъянварская политика 1968 г. и проводился критический анализ «режима нормализации».

Содержание письма, по словам Дубчека, «определено в основном желанием показать, что *моя, и не только моя “вина” заключается в том, что я придерживаюсь иных взглядов на развитие нашей страны, чем те, которые выражены в “Уроках кризисного развития”²⁴; в том, что у меня другая, чем у нынешнего руководства партии, точка зрения на то, как следует преодолеть углубляющийся кризис в партии и обществе* (курсив в оригинале. — Э.З.)»²⁵.

Из протестных обращений Дубчека в качестве одного из рубежей процесса его реабилитации нами выбрано именно это письмо, поскольку в нем приводится не только перечень конкретных фактов преследования его и членов семьи. Здесь впервые дается анализ причин подобного положения в более широком контексте с апелляцией к концепту прав человека.

В письме Дубчек призывал извлечь «уроки на будущее» для КПЧ и чехословацкого общества в годы «нормализации». «Все это, — пишет Дубчек, — может иметь только один результат: *моральный и идеологический застой нашего общества и деградация человеческой личности* (курсив в оригинале. — Э.З.)». Заканчивается письмо словами: «Паутина опутала всю жизнь нашей страны. И те, кто ее плетут, нуждаются в поддержке и оправдании. Я не могу назвать это иначе, нежели теми словами, какие это явление заслуживает: *это злоупотребление властью и нарушение принципов социализма и принципов партии. Это нарушение прав человека* (курсив в оригинале. — Э.З.)»²⁶.

Тем самым Дубчек одним из первых еще до хельсинкской Декларации о мире и безопасности в Европе (1 августа 1975 г.) и за несколько лет до Хартии 77 пытался привлечь внимание западной демократической общественности к случаям нарушения этих прав в Чехословакии²⁷.

движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 341–358; см. также: Социалистическая оппозиция в Чехословакии. 1973–1975. Подборка документов / под ред. Я. Кавана, Я. Даниеля. Лондон, 1976. С. 93–139; *Benčík A. Utajovaná pravda o Alexandru Dubčekovi: drama muže, který předběhl svou dobu*. Praha, 2001. S. 75–89.

²⁴ В документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», принятом в декабре 1970 г., излагалась развернутая программа «режима нормализации».

²⁵ *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 357.

²⁶ Там же. С. 357–358.

²⁷ Alexander Dubček: *Od totality k demokracii*. S. 234; *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 152. Важно отметить, что сюжеты о правах человека в Чехословакии поднимались и ранее. Так, циркулировавший нелегально манифест «Десять пунктов», символически датированный 21 августа 1969 г.,

Письмо, распространившееся в Чехословакии в тысячах самиздатовских копий, повлияло на политическую атмосферу в ЧССР и оказало огромную моральную поддержку самым широким слоям населения.

Не осталось оно незамеченным и коммунистами в Западной Европе. В апреле 1975 г., в шестую годовщину прихода к власти Г. Гусака, тайными каналами письмо было переправлено на Запад, получив там широкую огласку. Именно это письмо впервые получило широкий международный резонанс после публикации в западной периодике выдержек из него. Наряду с итальянской прессой отрывки из письма, часто сопровождавшиеся фотографиями Дубчека и комментариями, публиковались в немецких («*Die Zeit*»), французских («*Le Monde*»), британских («*Guardian*»), шведских («*Dagens Nyheter*»), датских («*Information*») и других средствах массовой информации, а также китайским агентством «Новый Китай»²⁸. Выходивший в Риме печатный орган чехословацкой социалистической оппозиции журнал «*Listy*», издававшийся И. Пеликаном, также опубликовал на своих страницах в апреле 1975 г. обширные отрывки из этого письма и комментарии к нему.

Конечно же, к указанному документу обращалась и ИКП. Так, ее печатный орган газета «*L'Unita*» постоянно напоминала о неизменности позиции руководства партии относительно событий 1968 г. в ЧССР²⁹. Тем самым апелляции Дубчека к идеям «социализма с человеческим лицом» получили международный резонанс и не случайно привлекли внимание лидеров еврокоммунизма.

Как и следовало ожидать, в очередной раз ответ на свои обращения от адресатов Дубчек не получил. В марте 1975 г. он направил свои послания лидерам ГДР, ПНР и руководителям ИКП с настоятельной просьбой обсудить положение в ЧССР на Берлинской конференции европейских коммунистических и рабочих партий в июне 1976 г.

Так, в одном из этих писем, которое адресовалось Политбюро Социалистической единой партии Германии (март 1975 г.), Дубчек писал: «Обращаюсь к Вам, а при Вашем посредничестве и к остальным коммунистическим и социалистическим партиям, с призывом к сотрудничеству с остальными странами в поиске путей, которые могли бы привести к оказанию позитивной помощи КПЧ, в первую очередь в деле немедленного прекращения тенденций негативного развития в нашей стране, что, помимо прочего, столь ярко проявляется в преследовании коммунистов в массовом масштабе. Поверьте, необходимо

впервые — в рамках стран социалистического содружества в целом — обратил внимание на проблематику гражданских прав и выразил сомнение в соблюдении законов. Определенную гарантию решения этих проблем авторы манифеста видели в ратификации международного Соглашения о правах человека и гражданина, а также Договора об экономических, социальных и культурных правах (подробнее см.: *Задорожник Э. Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 72–75).

²⁸ *Benčík A.* Téma: Alexander Dubček: “Pražské jaro 68”, “Normalizace”, “Nežná revoluce 89”. Druhé doplněné vydání. Praha, 2012. S. 159.

²⁹ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 57. П. 169. Д. 12. Л. 68.

искать выход из нынешнего положения, а не предоставлять все воле случая и стихии»³⁰.

Автор послания сконцентрировал внимание на тех усилиях, которые «предпринимаются со стороны буржуазно-демократических государств против нарушения прав человека в Чили и против преследований чилийских патриотов, в том числе и коммунистов. В социалистическом же лагере и международном коммунистическом движении постоянно закрывают глаза на преследования сотен и тысяч коммунистов, чтобы не было разговоров, будто происходит вмешательство в автономные дела другой партии. Однако оно уже давно, с 1968 г., перестало быть делом только КПЧ и чехословацкого народа». Поэтому, по его мнению, «пришло время в ходе двусторонних и многосторонних переговоров и совещаний поставить преграду этому преследованию коммунистов и публично его разоблачать. Ибо воплощаемая система личной власти как метод руководства КПЧ несовместима с социалистической демократией»³¹. Тема защиты прав человека пронизывает это и другие обращения Дубчека.

«Истинную правду о Чехословакии надо видеть в том, что в результате позитивного выхода из нынешнего кризиса *были бы реабилитированы не только официальная политика послеправящего руководства партии, ЦК КПЧ, Национального собрания и правительства, но прежде всего оправданы чешский и словацкий народы*», — утверждал Дубчек (курсив мой. — Э.З.)³².

Жесткая реакция чехословацких властей не заставила себя ждать: на совместном заседании центральных комитетов Национального фронта ЧССР, ЧСР и ССР 16 апреля 1975 г. Гусак осудил подобного рода акции Дубчека, предложив ему выехать на Запад. При этом предполагалось, что за рубежом он будет забыт и его постигнет судьба других эмигрантов, по крайней мере, письма не получат столь масштабный резонанс.

Западные СМИ, в свою очередь, отреагировали на это выступление Гусака, охарактеризовав его как «весьма острое». Письмо Дубчека и другие акции пребывавших в опале лидеров Пражской весны послужили детонатором нового витка развернувшейся на Западе кампании по гальванизации ее идей.

Таким образом, первая половина 1970-х гг. — время обращения Дубчека к руководству не только КПЧ, но и других коммунистических партий. При этом на первые роли не случайно выходила ИКП. Следует учесть, что в этот период шли широкие идейные дискуссии, в ходе которых выяснилось, что Дубчека вдохновляли идеи Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти, а идея «социализма с человеческим лицом» не оставляла равнодушными новых лидеров ИКП³³.

³⁰ Анатомия конфликтов. С. 469.

³¹ Там же. С. 468.

³² Там же. С. 470.

³³ Спустя годы, в адресованном съезду ИКП письме (22 марта 1989 г.), Дубчек называл «одной из основ идей Пражской весны “философские труды” Грамши. 20 лет назад мы стремились внести свой скромный вклад в общее дело социалистического движения в Европе и обогатить тем самым теорию и социалистическую практику новыми знаниями.

Эта — можно сказать взаимозависимая — связь как раз и вызывала особую тревогу в СССР в период «застоя», совпавшего по времени с политикой «нормализации».

Все же в последующие десятилетия фигура Дубчека, ставшего в 1981 г. пенсионером, находилась, казалось бы, в тени: годы разрядки на фоне застоя (или застоя на фоне разрядки) мало способствовали дискуссиям о «перспективах социализма». Ситуация стала постепенно меняться с середины 1980-х гг., когда под давлением именно итальянских коммунистов фигура Дубчека вновь становится предметом переговоров первых лиц Советского Союза и Чехословакии.

С началом советской перестройки ИКП активизировала свои контакты с КПСС. Так, в 1986 г. состоялся официальный визит генерального секретаря ЦК ИКП Алессандро Натты в Москву. Важной его частью явилось стремление итальянской стороны убедить М. С. Горбачёва в необходимости переоценить события 1968 г., а следовательно, и деятельность Дубчека. Считалось, что Горбачёв сможет взять на себя посредническую миссию в вопросе реабилитации Дубчека, однако особого продвижения этот процесс тогда так и не получил.

Позиция Горбачёва в вопросе переоценки событий 1968 г. более четко выявилась в первой половине 1987 г., когда редакция газеты ИКП «*L'Unita*» обратилась к нему с просьбой об интервью. Горбачёв принял в Кремле члена руководства ИКП, главного редактора газеты Дж. Кьяромонте, заместителя главного редактора Р. Фоа, а также ее московского корреспондента Дж. Къезе для передачи ответов на поступившие ранее из редакции вопросы³⁴. В их перечне не мог не прозвучать и вопрос, связанный с событиями в Чехословакии: «Вы недавно были в Чехословакии и упомянули о событиях 1968 года. Можно ли узнать Ваше мнение по этому вопросу?» «Оценка событий 1968 года в Чехословакии, — ответил Горбачёв, — это дело прежде всего самих чехословацких товарищей. С тех пор руководство КПЧ во главе с товарищем Г. Гусаком проделало большую работу. Чехословакия продвинулась значительно вперед на многих направлениях. В этом я смог лично убедиться во время недавнего своего визита. Мы увидели, что чехословацкие товарищи, исходя из своих условий, также ищут пути совершенствования социализма. У них есть свои проблемы, и они их решают»³⁵. Как видим, Горбачёв дипломатично ушел от ответа на прямой вопрос итальянских журналистов.

1987 г. — десятилетие чехословацкой диссидентской структуры Хартии 77 с ее призывами в духе демократизации и гласности. Эти термины в интерпретации ряда хартистов воспринимались принципиально по-иному, чем в чехословацких партийных органах. В этот период Хартия 77 «прорывала густые фильтры “режима нормализации” и поддерживала чувствительность “живой ткани”

Аналогичные стремления мы наблюдали также и у итальянских коммунистов... Мы знаем, что процесс возрождения в ЧССР в 1968 г. явился также импульсом и для левых сил демократического движения на Западе» (Alexander Dubček: *Od totality k demokracii*. S. 290–291).

³⁴ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Т. 6. Февраль — май 1987. М., 2008. С. 598–599.

³⁵ Там же. С. 528.

чехословацкого общества»³⁶, поэтому некоторые сигналы от перестройки воспринимались ею положительно. Тем более что в ее рядах находились и экс-коммунисты. Но и верхушка КПЧ, учитывая эту реакцию чехословацкой оппозиции, не могла не реагировать на советскую перестройку. На этом общем фоне стали снова и снова звучать призывы к реабилитации Дубчека.

Во время своего визита в Чехословакию на встрече с членами Президиума и секретарями ЦК КПЧ 10 апреля 1987 г. советский лидер был более откровенным в своих рассуждениях и оценках. «Сейчас, — сказал он, — в ком[мунистическом] движении много обсуждают, какие следуют выводы из советской перестройки. Не бездействуют и ревизионисты. Ваши правые утверждают, будто Горбачёв делает то, что они в свое время хотели сделать. В действительности они вели дело к тому, чтобы и Варшавский договор порушить, и социализм в Чехословакии подорвать. Еврокоммунисты со своей стороны говорят, что, мол, перестройка — это повторение их концепций. Все это ерунда. Мы идем своим путем, обновляем социализм, *придаем ему новый облик* (курсив мой. — Э.З.), и прогрессивные силы уже выигрывают от перестройки»³⁷. Получалось, что право на обновление социализма и придание ему «нового облика» являлось прерогативой исключительно КПСС, а предпринимавшиеся ранее тем же Дубчеком попытки модификации социалистической идеи в парадигме «социализма с человеческим лицом» или еврокоммунистами — «ревизионизм» и «ерунда».

«КПЧ, — продолжал Горбачёв, — провела после кризиса большую работу, вывела страну из кризиса. Это заслуга руководства. Но почивать на лаврах нельзя, надо прибавлять. Тем более, что Чехословакия имеет все возможности. Конечно, есть в вашем обществе какие-то остатки 1968 года, но западная пропаганда зря их переоценивает. Тут пустили даже слух, будто Горбачёв отложил визит, поскольку не мог договориться с Гусаком относительно своей встречи с Дубчеком. Сколько пишут такого о Горбачёве! Но я привык не обращать на это внимания. У нас, коммунистов, есть что сказать миру, и нам нечего стесняться»³⁸.

Разделяя большинство высказанных идей и поддерживая пафос пожеланий, лидер КПЧ и президент ЧССР Гусак поблагодарил советского лидера за чрезвычайно интересную и ценную беседу и еще раз подчеркнул: чехословацкие коммунисты поддерживают политику XXVII съезда и январского пленума ЦК КПСС. Особо подчеркивалась необходимость наращивать идеологическое взаимодействие КПСС и КПЧ.

Беседу записали Г. Шахназаров и М. Кузнецов, затем документ был размножен в количестве 35 экземпляров. Конечно, он напоминает скорее установочную

³⁶ *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 219.

³⁷ *Горбачёв М.С.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 263.

³⁸ Там же. С. 265.

речь, чем равносторонний диалог. Но нельзя забывать, что получатель сигналов от этой речи не мог не уяснить: она настраивает на формирование перемен, причем перемен, одобряемых народом. А о том, что это «настраивание» не удалось, говорят приведенные мемуарные свидетельства; они в данном отношении — не только «добросовестное заблуждение» памяти. Тем более что как раз к этому времени Горбачёв относит формирование установки на самостоятельность стран социалистического содружества в принятии своих решений — самостоятельность, наличие которой не признавалось ни «нормализаторами», ни в какой-то мере их противниками.

«В чехословацком руководстве, — пишет в “Воспоминаниях” Горбачёв, — были прекрасно осведомлены о том, что деятели “Пражской весны” ищут понимания у горбачёвских перестройщиков. И поэтому всячески старались укрепить наш “боевой дух”. Присылая различные заявления в доказательство исторической правоты августовской акции, которая, мол, спасла социализм, отбросила империализм и тем самым предотвратила мировую войну. Парадокс состоял в том, что эти противоположные по знаку импульсы имели общую отправную точку — их авторы исходили из того, что судьба ЧССР должна решаться в Москве. Они никак не могли поверить, что мы действительно не намерены вмешиваться в дела других стран, следовать на практике принципу, провозглашавшемуся в документах соц[иалистического] содружества и ком[мунистического] движения, согласно которому каждая партия самостоятельна, несет ответственность перед своим народом»³⁹.

Приводимые ниже архивные свидетельства фиксируют другое: вмешательство в дела КПЧ все же происходило, и оно в немалой степени касалось в том числе и оценки фигуры Дубчека. Ведь Горбачёву приходилось лавировать между призывами в первую очередь ИКП его реабилитировать и требованиями тогдашнего руководства КПЧ категорически этого не допускать.

Третий период процесса реабилитации охватывает время с января 1988 г. и по декабрь 1989 г. Зондажи ИКП в этот период принимают особенно интенсивный характер. Ситуация в КПСС и КПЧ менялась, причем в данном смысле в большей степени в СССР — после провозглашения лозунга демократизации и гласности, а также критики политики перестройки за ее медленные темпы со стороны Б. Н. Ельцина в октябре 1987 г.

КПСС готовилась к своей XIX конференции в июне — июле 1988 г. Ясно, что там должны были быть поставлены точки над «i» в процессах самого различного характера. Фактор Чехословакии, не столь интенсивно осуществлявшейся шедшей из Москвы политические импульсы (после сильного «мороза» наступала новая «весна», которая пугала партийное руководство в Праге), был не столь значим, как за год до этого.

Правда, приближалось 20-летие ввода войск ОВД в страну, и проблема оценки Пражской весны не могла не актуализироваться, дублируя новые

³⁹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 355.

надежды, связанные с 1968 г. Стремительно менялся количественный состав и характер протестных движений, появилась целая сеть независимых инициатив, обладавших собственной информационной базой и внедрявших свои идеи, в частности, с помощью самиздатовских органов. Росло не только количество участников данных гражданских инициатив, но происходила и явная политизация их программ. В этих условиях и Дубчек активизировал свою политическую деятельность, выступая с новыми заявлениями, на что обращали внимание и представители ИКП.

В третьем периоде нами выделена конкретная дата начала процесса реабилитации — интервью Дубчека центральному органу ИКП газете «*L'Unita*» 10 января 1988 г. История его появления и содержание рассматривались в чешской и словацкой историографии⁴⁰. Однако архивные документы, включая и не публиковавшиеся ранее, проливают дополнительный свет на роль итальянских коммунистов в поиске новой мотивации для реабилитации Дубчека, которого наконец-то начали признавать как своеобразного предшественника советской перестройки.

Уже на следующий день, 11 января 1988 г., интервью Дубчека в ряду других вопросов явилось предметом обсуждения советского и чехословацкого лидеров в дни первого визита в Москву Милоша Якеша в качестве генерального секретаря ЦК КПЧ, сменившего в декабре 1987 г. на этом посту Гусака⁴¹.

В ходе именно этой беседы, стенограмма которой под грифом «секретно» хранится в Архиве Горбачёв-фонда, Горбачёв передал Якешу секретное послание Алессандро Натты, касавшееся вопросов реабилитации Дубчека. В изложении советского лидера это послание на встрече прозвучало так: «Ко мне обратился Генеральный секретарь ЦК Итальянской компартии Натта. Он просил, чтобы я в беседе с Вами довел до Вас точку зрения руководства ИКП относительно Дубчека и некоторых других вопросов. По мнению итальянских товарищей, сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы дать новую, позитивную оценку Дубчеку»⁴².

Транслируя далее мнение руководства ИКП, Горбачёв продолжал: «Они также считают, что чехословацкое руководство должно сказать: Дубчек совершил ошибку, за что и был осужден, но он не был врагом компартии и Советского Союза, оставался коммунистом. Это, по мнению итальянских товарищей, было бы в духе национального примирения в Чехословакии. Они предлагают также предоставить широкие права исключенным в прошлом коммунистам»⁴³.

⁴⁰ *Benčík A.* Тéma: Alexander Dubček; Alexander Dubček: Od totality k demokracii.

⁴¹ Полный текст беседы см.: Запись беседы М. С. Горбачёва с Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем. Москва, 11 января 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. Москва. Ф. 1. М. С. Горбачёв. 88jan11doc; небольшой ее фрагмент см.: *Benčík A.* Тéma: Alexander Dubček. S. 161–162.

⁴² *Горбачёв М. С.* Собрание сочинений. Том 9. Ноябрь 1987 — март 1988. М., 2009. С. 249.

⁴³ Там же. С. 249–250.

Реакция Якеша оказалась мгновенной и недвусмысленной: «У нас нет сейчас оснований делать другие оценки событиям и деятелям “Пражской весны”. Некоторые коммунисты из числа исключенных из партии не только восстановлены в ее рядах, но и работают на прежних постах. Но мы не возвращаем в партию тех, кто активно выступал против партии, против социализма. Таких людей мы не можем возвращать к участию в политической жизни. Они заявляют, будто 20 лет назад хотели сделать то, что сейчас происходит в Советском Союзе. Но это обман. Эти деятели общаются с чехословацким народом через буржуазные средства массовой информации. В последнее время активизировались “хартисты”. Я получил письмо, подписанное 40 бывшими активными руководителями “Пражской весны”. Они критикуют вывод КПЧ об уроках тех событий, требуют, чтобы мы признали их в качестве политической силы»⁴⁴.

Горбачёв поддержал Якеша, подчеркнув, в частности: «Согласен с Вами, что у нас нет оснований делать переоценку тех событий, в том числе и международной акции. Попытка некоторых активистов “Пражской весны” представить себя в качестве законных предшественников советской перестройки является ничем иным, как ударом по нашей перестройке. Мы осуществляем перестройку в рамках социализма и для укрепления социализма. А они вели дело к подрыву социализма в Чехословакии»⁴⁵.

В свою очередь, Якеш поделился своими планами в связи с «круглыми датами» 1988 г. «Мы, — подчеркнул он, — хотим открыто реагировать на выступление защитников “Пражской весны”. Дали хорошую статью о январском Пленуме ЦК КПЧ. Сказали, что было хорошо, а что плохо. Точно так же скажем мы и о майском Пленуме, о том периоде, когда появились “2000 слов”. Скажем о совещании в Братиславе. Скажем о том, почему нам нужна была международная помощь. Открыто скажем, что они хотели нанести удар по компартии, выступали за Советы без коммунистов, за выход Чехословакии из Варшавского Договора»⁴⁶. Горбачёв назвал подобного рода акции «полезными», особенно в случае подключения к ним «известных деятелей науки, культуры и рядовых рабочих».

«Мы, — изложил далее планы руководства КПЧ Якеш, — собираемся широко отметить 40-летие февральских событий [1948 г.], открывших путь к социализму. Празднование этой годовщины используем для того, чтобы показать, что события 1968 года носили антифевральский характер, что они происходили на основе разжигания антисоветизма и были нацелены на разрыв связей с Советским Союзом, являющимся гарантом строительства социализма

⁴⁴ Запись беседы М. С. Горбачёва с Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем. Москва, 11 января 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. 88jan11doc; Приведенный фрагмент беседы опубл. в: *Горбачёв М. С. Собрание сочинений*. Т. 9. Прим. 176. С. 570.

⁴⁵ *Горбачёв М. С. Собрание сочинений*. Т. 9. С. 250; см. также: *Benčík A. Téma: Alexander Dubček*. С. 161–162.

⁴⁶ Запись беседы М. С. Горбачёва с Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем. Москва, 11 января 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. 88jan11doc.

на чехословацкой земле». Планировалось, как он заметил, использовать и 50-летие мюнхенских событий, чтобы «порассуждать об исторических судьбах Чехословакии»⁴⁷. Подобное освещение указанных исторических событий вряд ли могло способствовать планам реабилитации Дубчека. Но ощущалось, что вопрос о ней будет ставиться вновь и вновь, особенно с учетом позиции ИКП.

На поверхность в ходе беседы всплыло и имя Дубчека, ведь он был современником событий и 1938, и 1948 гг., а также инициатором реформ года 1968-го. «Дубчек и Цисарж, — сетовал Якеш, — обратились ко мне с письмами. Дубчек защищает свою позицию, пишет, что он хотел только хорошего для Чехословакии. Он жалуется на то, что руководство не хочет иметь с ним дело, на то, что 20 лет за ним следит госбезопасность. И только после визита М. С. Горбачёва в Чехословакию эта слежка прекратилась. Он утверждает также, что действовал правильно, но интернациональная акция не дала ему возможности довести дело до конца. Раньше Дубчек не выходил со своими взглядами на зарубеж. Очевидно, он надеялся, что вы не поддержите наши оценки в связи с январским Пленумом. Но когда узнал, что “Правда” перепечатала наши материалы, понял, что ошибается. Видимо, поэтому он и решил попробовать использовать в своих целях “Униту”»⁴⁸.

В ответ прозвучали следующие заверения Горбачёва: «Как Вы помните, во время визита я специально говорил трудящимся вашей страны, что за 20 лет, минувших после 1968 года, Чехословакия проделала огромный путь своего развития, вышла в число наиболее развитых стран мира. У вас есть хорошая база, на которой можно разворачивать работу, крепить и развивать завоевания социализма»⁴⁹. Настрой на «укрепление и упрочение завоеваний социализма», причем в рамках существовавшей в Чехословакии модели, в очередной раз свидетельствовал о нежелании советского лидера пересматривать оценки чехословацких событий 1968 г., в том числе и переоценивать деятельность Дубчека. Не удивительно поэтому, что голос итальянских коммунистов в СССР был в то время во многом проигнорирован.

Вернемся к посланию Натты, с небольшими выдержками из которого Горбачёв ознакомил Якеша. Но где же сам оригинал этого секретного послания Натты, его полный текст? Ответ на этот вопрос ни в отечественной, ни в зарубежной (чешской и словацкой) историографии найти не удалось. Логично было бы предположить, что оригинал документа в качестве приложения к стенограмме беседы Горбачёва с Якешем либо же самостоятельно должен храниться в Архиве Горбачёв-фонда. Однако и там обнаружить его также не удалось. Наконец, исследовательские поиски автора статьи увенчались успехом: копия полного текста документа, причем на словацком языке, была найдена

---

⁴⁷ Запись беседы М. С. Горбачёва с Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем. Москва, 11 января 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. 88jan11doc.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Горбачёв М. С.* Собрание сочинений. Т. 9. С. 250.

в Национальном архиве в Праге; в настоящей статье он приводится — с нашими комментариями — впервые.

В обнаруженной копии оригинала письма утверждается, что член руководства ИКП, заведующий международным отделом ЦК партии Джорджо Наполитано по личному поручению Натты передал *секретное послание* лидера ИКП М. С. Горбачёву. Возможно, именно поэтому в московской стенограмме беседы Якеша и Горбачёва ни техническая сторона передачи данного послания, ни сам его текст полностью не приводятся.

В начале послания лидера итальянских коммунистов отмечается: «В Чехословакии недавно произошла смена генерального секретаря ЦК КПЧ. Руководство Итальянской коммунистической партии, разумеется, прекрасно понимает, что вопрос изменений в социалистических странах сам по себе достаточно деликатный и что “политику перестройки” и гласности нельзя экспортировать из Советского Союза. Тем не менее ведущих представителей КПСС, наверное, могло бы заинтересовать отношение руководства Итальянской коммунистической партии к ситуации в Чехословакии с учетом вышесказанного. Одновременно т[оварищ] А. Натта принимает во внимание и то, что в эти дни т. М. С. Горбачёв встретился в Москве с т[оварищем] Якешем»⁵⁰.

Конечно, можно говорить о внешней связи двух событий, но оказывается, что ИКП считала возможным и даже необходимым активизировать поиск новых аргументов в пользу реабилитации Дубчека именно с начала 1988 г. «Руководство Итальянской коммунистической партии, — говорится далее в документе, — придерживается того взгляда, что сейчас настал удобный момент для проведения определенных изменений в оценке деятельности Дубчека в период “пражской весны” (в документе — со строчной буквы. — Э.З.). Итальянские товарищи полностью осознают, что КПСС не изменила ни своей оценки ситуации в Чехословакии в августе 1968 года, ни проведенных Организацией Варшавского договора акций. Было бы наивно ожидать, что сейчас будут проведены какие-то существенные изменения в оценках событий того периода»⁵¹.

Итак, итальянцы в послании учитывали характер предстоявшей январской встречи советского и чехословацкого лидеров, от которой явных подвижек в вопросе о реабилитации Дубчека ожидать не приходилось. Но Итальянская компартия считала важным и необходимым повторять свою позицию с учетом новых факторов. Можно сказать, что, не считая реальной стратегией *переубеждения* лидеров КПСС и КПЧ, руководство ИКП выбрало тактику *убеждения* с опорой на (квази)юбилейную дату — 20-летие ввода войск ОВД в Чехословакию.

«Тем не менее, — отмечается далее в документе, — с целью воспрепятствовать эскалации возможной кампании в связи с 20-й годовщиной этих событий,

---

⁵⁰ Zpráva o průběhu a výsledcích pracovní návštěvy generálního tajemníka ÚV KSČ s. Miloše Jakeše v Sovětském Svazu 11–12 ledna 1988. Tajné // NA. Praha. Fond 02/1 (Předsednictvo ÚV KSČ). Sv. 59. A.j. 55. Číslo dokumentu 4117/2. 14–15 ledna 1988. Příloha III/d. L. 26.

⁵¹ Ibid.

которая нарастает и будет в течение всего 1988 года проходить в Европе, включая Италию, было бы уместно, если бы чешские друзья подумали о возможности выступления с заявлением, суть которого выглядела примерно следующим образом: Дубчек в свое время допустил очень серьезные ошибки и занял ошибочную позицию, что было осуждено Коммунистической партией Чехословакии. Несмотря на все это, Дубчек продолжал оставаться коммунистом, не был врагом Коммунистической партии Чехословакии, не был врагом Советского Союза, и его действия не носили умышленно направленного против социализма характера»⁵².

Безусловно, подобного рода предусмотрительность итальянцев имела под собой весьма веские основания. По мере приближения 20-й годовщины подавления Пражской весны резко интенсифицировали свою деятельность практически все составные силы чехословацкого антинормализационного движения, все более активно выступавшие со своими требованиями, в том числе и переоценки событий 1968 г.

В качестве примера можно привести, в частности, обращение одной из оппозиционных структур — Демократической инициативы по случаю 20-й годовщины вторжения в ЧССР войск пяти стран Варшавского договора. В документе шла речь о введении в Чехословакии после 21 августа 1968 г. «жесткого авторитарного режима», о «тяжелой политической летаргии», в которой находилось чехословацкое общество. К советским лидерам в связи с этим предъявлялось требование отказа от обоснованности августовского вторжения 1968 г., что «необходимо и неизбежно как для наших национальных интересов, так и для свободного развития народов Центральной и Восточной Европы». В ряду политических требований, помимо прочего, выдвигались: отмена своеобразной идеологической платформы «режима нормализации» — документа «Уроки кризисного развития в партии и обществе». На этом фоне выдвигались и требования: полной реабилитации Дубчека и его соратников; «отставка из политической жизни нашей республики Густава Гусака и Василя Биляка, которые более всего олицетворяют введенный после августовского (1968 г.) вторжения авторитарный режим, и приход новых политических деятелей, не отягощенных участием в подавлении свободного развития Чехословакии в 1968 г.»⁵³. Требование реабилитации Дубчека Демократическая инициатива повторила и в специальном документе от 15 сентября 1988 г.⁵⁴ Тем самым в 1988 г. и другие антинормализационные силы в стране стали выступать «за Дубчека», волей-неволей превращавшегося в одну из ключевых фигур противостояния «режиму нормализации».

Какой же выход из «возможной кампании» в связи с указанными датами можно было найти, по мнению руководства ИКП? Это линия на примирение

⁵² Zprava o průběhu a výsledcích pracovní návštěvy generálního tajemníka UV KSČ s. Miloše Jakeše v Sovětském Svazu 11–12 ledna 1988. L. 26–27.

⁵³ Čas Demokratické iniciativy. 1987–1990 (Sborník dokumentů). Praha, 1993. S. 60–61; *Задорожнюк Э. Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. С. 233.

⁵⁴ Čas Demokratické iniciativy. S. 64.

в Чехословакии через возвращение к политической жизни исключенных из КПЧ членов. Натта пишет: «Согласно мнению руководства Итальянской коммунистической партии, заявление в подобном духе стало бы знаменательным в реализации политики национального примирения в ЧССР. Ведь многие коммунисты после событий в 1968 г. были исключены из партии, и им было запрещено основное право каким-либо способом принимать участие в политической жизни своей страны. Судя по всему, руководство КПЧ сейчас размышляет о своей будущей политике. Нам хотелось бы надеяться, что оно рассматривает и внесение в нее новых [моментов]. Было бы целесообразно в таком случае подумать о том, чтобы упомянутым людям вернули определенные права, чтобы они снова включились в жизнь страны, а не навсегда отодвигать их за прошлые ошибки, хотя они и носили, возможно, весьма серьезный характер. Ведь все-таки с тех пор прошло уже 20 лет»⁵⁵.

О том, что прошло два десятилетия и ничего не следует забывать, заговорили в 1988 г., как и предполагали итальянские коммунисты, не только практически все участники чехословацкого антинормализационного движения, но и подерживавшие их силы в коммунистическом движении. Разговоры и действия в этом направлении можно было сдерживать убеждениями в изменении позиции со стороны КПЧ. Но, судя по документу, об этом ее лидерам должен был сказать как раз Горбачёв — таковой являлась суть рекомендации руководства ИКП.

«Такой шаг, — говорится далее в документе, — стал бы для всего мира важным знаком и даже доказательством добрых намерений нового руководства в области внутренней жизни Чехословакии, что, согласно мнению ИКП, лишь упрочило бы позиции т[оварища] Якеша. Т[оварищ] А. Натта просит М. С. Горбачёва передать эту его точку зрения, основанную на самых лучших побуждениях, новому представителю КПЧ»⁵⁶.

Эти «самые лучшие побуждения» лидера ИКП как бы предполагали: генсек ЦК КПСС должен не только согласиться с реабилитацией Дубчека, но и может побудить к этому «доброму намерению» и лидера КПЧ. Правда, надежды эти в январе 1988 г. были «заморожены» Кремлем, что подтвердилось и в апреле того же года в ходе встречи президента ЧССР Гусака и Горбачёва.

Два последних абзаца документа — информация об условиях его передачи в связи с упоминанием публикации интервью Дубчека в центральном печатном органе ИКП. В них констатируется: «Т[оварищ] Д. Наполитано сообщил, что в настоящее время руководство Итальянской коммунистической партии располагает письменным интервью, которое Дубчек передал редакции газеты “Унита”. По стечению обстоятельств, это интервью было получено в день смены на посту генерального секретаря КПЧ (т.е. в декабре 1987 г. — Э.З.)»⁵⁷.

⁵⁵ Zpráva o průběhu a výsledcích pracovní návštěvy generálního tajemníka ÚV KSČ s. Miloše Jakeše v Sovětském Svazu 11–12 ledna 1988. L. 27.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

Есть основание предполагать, что это не столько «совпадение обстоятельств», сколько общий поиск новых аргументов.

Таков был стиль эпохи утрачиваемых надежд и на коммунизм, и на «социализм с человеческим лицом». Все же концовка документа носила сугубо примирительный характер. «В этом интервью, — читаем в последнем абзаце, — Дубчек говорит для всего мира о событиях 1968 г. в Чехословакии. Надо сказать, что оно написано достаточно осторожно и сдержанно, не содержит нападок или обвинений в адрес нынешнего руководства КПЧ. Что касается КПСС и ее руководства, Дубчек выражает полную поддержку ее современного курса. К настоящему времени интервью было “доработано” в редакции газеты “Унита”, поскольку итальянские товарищи считали необходимым сократить его историческую часть»⁵⁸.

Регулярные зондажи итальянских коммунистов и секретное послание Натты Горбачёву (который, в свою очередь, передал его Якешу) усиливают звучание проблемы реабилитации Дубчека. Она снова возникает в ходе встречи Горбачёва и ушедшего в отставку с поста генерального секретаря ЦК КПЧ Гусака, который находился в Москве 11–14 апреля 1988 г. по приглашению Президиума Верховного Совета СССР уже в качестве президента страны и члена Президиума ЦК КПЧ.

На встрече 12 апреля (Горбачёв в ее ходе уважительно называл чехословацкого президента — Густав Никодимович) речь сначала зашла исключительно о делах перестройки и о решавшихся на тот момент в Чехословакии кадровых вопросах. Но именно Гусак неожиданно перешел к «итальянской» тематике, в контексте которой прозвучало и имя Дубчека. «Я, — сказал тогда Гусак, — читал интервью Натты по возвращении из Советского Союза, где он опять критиковал КПЧ»⁵⁹.

В ответе Горбачёв заверил: «Итальянские товарищи хотели, чтобы мы изменили свою позицию по событиям 1968 года, но *мы, конечно, отклонили это* (курсив мой. — Э.З.). В ходе переговоров у нас сложилось впечатление, что позиции Натты заметно изменились к лучшему, беседы с ним прошли хорошо. Однако он предупредил, что по возвращении в Италию ему придется лавировать. Так и случилось. После возвращения из Москвы он попал под атаку своего печатного органа “Унита”, его обвинили в том, что якобы ИКП опять попала в зависимость от КПСС»⁶⁰.

⁵⁸ Zprava o průběhu a výsledcích pracovní návštěvy generálního tajemníka UV KSČ s. Miloše Jakeše v Sovětském Svazu 11–12 ledna 1988. L. 28.

⁵⁹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачёва с членом Президиума ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком. Москва, 12 апреля 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. 88apr12doc.

⁶⁰ Горбачёв М.С. Собрание сочинений. Т. 10. Март — май 1988. М., 2009. С. 238. В чехословацкой версии стенограммы этот сюжет изложен следующим образом: «На вопрос т. Гусака о визите генерального секретаря ИКП Натты в Москву т. Горбачёв информировал, что ИКП хотела бы нормализовать отношения с КПЧ, но при условии, если КПЧ заявит, что ИКП была права в [оценке] основного известного вопроса. Даже Натта в этот раз

Гусак продолжал настаивать на своем: «Мы хотели бы *нормализовать* (курсив мой. — Э.З.) отношения с ИКП, но они публикуют интервью с А. Дубчеком, Р. Медведевым, И. Пеликаном, ждут от нас пересмотра оценки тогдашних событий»⁶¹. В ответ Горбачёв еще раз подтвердил неизменность своей позиции. «Мы, — подчеркнул он, — придерживаемся прежних оценок событий 1968 года. Путь, пройденный Чехословакией после кризиса, подтвердил правильность избранной политики»⁶².

На заседании Президиума ЦК КПЧ 22 апреля 1988 г. в Праге эта часть беседы была изложена чехословацкой стороной следующим образом: «Товарищ Гусак далее сказал, что Запад будет по всем каналам разжигать вопрос об интернациональной помощи в 1968 г. Товарищ Горбачёв при этом исходил

не поднимал этот вопрос в агрессивном тоне. О Дубчеке он вообще не упомянул. Его общая оценка ситуации в СССР была такой, что даже товарищи из социалистических стран нам не высказывали подобного рода комплименты. Переговоры проходили замечательно. Однако когда он вернулся в Италию, то некоторые свои позиции модифицировал, а советскому послу сообщил, что вынужден в сложившейся в Италии ситуации лавировать. Однако за последние два года его позиция изменилась к лучшему. Поэтому советское руководство полагает, что с Наттой нужно работать» (Záznam z přijetí člena presidia ÚV KSČ a prezidenta ČSSR s. Gustáva Husáka u generalního tajemníka ÚV KSSS s. Michaila Gorbačova 12 dubna 1988. Tajné // NA. Praha. F. 02/1 (Předsednictvo ÚV KSČ). Sv. 78. A.j. 67. Č.j. P4770. L. 24). Небольшой комментарий: документ демонстрирует попытки чехословацкой стороны завуалировать и подлакировать реальную ситуацию, в частности, отношение к Дубчеку руководства ИКП, которое как раз в этот период не только не прекращало, но, напротив, интенсифицировало свои попытки по реабилитации лидера Пражской весны.

⁶¹ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачёва с членом Президиума ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком. Москва, 12 апреля 1988 г. // Архив Горбачёв-Фонда. 88aprg12doc; 11 апреля 1988 г. прошли переговоры Г. Гусака с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громько. «Товарищ Гусак, — читаем в чешской версии стенограммы, — отметил попытки Запада использовать в своих целях трудности в реализации начавшейся перестройки в СССР и в других социалистических странах. С целью воспрепятствовать решительному наступлению партии и общества в деле реализации задач перестройки, в церковной сфере, в сфере прав человека предпринимаются провокационные акции, оказывается давление в вопросе легализации оппозиционных групп и др. С этой целью используются и официальные визиты с Запада, которые встречаются с диссидентами. Прикрываясь общими лозунгами о развитии демократии, западная пропаганда пытается злоупотреблять 20-й годовщиной интернациональной помощи. Товарищ Г. Гусак отметил, что мы не всегда в достаточной степени подготовлены к таким усиливающимся и скоординированным пропагандистским кампаниям. Необходимо последовательно координировать нашу работу в этом направлении. В заключение внутривластной части т. Г. Гусак подчеркнул прочность и единство руководства партии, а также его решимость продолжать развивать демократию в ЧССР, но таким образом, чтобы не происходил подрыв социалистического строя. В этом случае мы могли бы оказаться в ситуации начала 1968 г., когда КПЧ утратила лидирующую роль в обществе» (Záznam z jednání člena předsednictva ÚV KSČ a prezidenta ČSSR s. Gustáva Husáka s členem politického byra ÚV KSSS a předsedou Presidia Nejvyšší Rady SSSR s. Andrejem Gromyko. Tajné // NA. Praha. F. 02/1 (Předsednictvo ÚV KSČ). Sv. 78. A.j. 67. Č.j. P4770. L. 28).

⁶² Горбачёв М.С. Собрание сочинений. Т. 10. С. 238.

из аналогичной беседы с т. Якешем. Тогда т. Горбачёв сказал ему, что январь был необходимым и правильным. То, что с ним сделали позже, это другой вопрос. В этой связи он подчеркнул, что между КПЧ и КПСС в оценках 1968 года существует полное согласие, они жестко отстаивают нынешнюю оценку событий 1968 года. Жизнь подтвердила ее правильность»⁶³.

Похоже, выхода из этой своеобразной «квадратуры круга» на тот момент не видели ни советская, ни чехословацкая правящие элиты. Этим, в частности, объясняется амбивалентность позиции советского руководства, с одной стороны, провозгласившего курс на реформирование и обновление социализма в рамках курса на «перестройку», а с другой — жестко и упорно отрицавшего признание его схожести с идеологией «социализма с человеческим лицом», провозглашенной в ходе Пражской весны. И в этот раз прозвучавший из уст советского лидера вывод, естественно, шансов Дубчеку на какую-либо реабилитацию не давал. В ходе переговоров его имя больше не фигурировало, и, следовательно, вынесенный Горбачёвым вердикт вполне устраивал чехословацкого президента.

Подтвердили данный, ставший уже стандартным, вердикт и итоги официальных переговоров Горбачёва с Якешем 18 апреля 1989 г. Возвращаясь в их ходе к невралгической точке чехословацкой истории — событиям 1968 г., Якеш в этот раз стал апеллировать к общественным настроениям в стране, разумеется, в собственной интерпретации. В связи с этим он заметил: «О людях 1968 года. С массой мы работать начали. Сейчас исключенные из партии создали клуб “Возрождение”⁶⁴, просят признать его. Мы на это не пошли и, вероятно, не пойдем. *Народ не хочет повторения 1968 года* (курсив мой. — Э.З.)»⁶⁵. «Мы подчеркиваем, — продолжал он, — что политика, выработанная в январе 1968 года, была правильной, но партия потеряла контроль над ее реализацией. Виновато руководство Дубчека. Ведь вначале именно ЦК выступал с революционными переменами, поставил вопрос об освобождении Новотного. Народ этого не требовал. Он привык, что все делается ЦК и правительством. Пусть они, мол, и решают, а мы и так неплохо живем... (отточие в оригинале. — Э.З.). Такая же обстановка была в 1968 году. Тогда тоже нужна была перестройка, но мы ее проиграли»⁶⁶.

⁶³ Usnesení 67. schůze předsednictva ÚV KSČ zed ne 22 dubna 1988. K bodu 2. Informace o průběhu a výsledcích oficiální přátelské návštěvy člena předsednictva ÚV KSČ a prezidenta ČSSR s. G. Husáka v SSSR (s. B. Chňoupek). Tajné // NA. Praha. F. 02/1 (Předsednictvo ÚV KSČ). Sv. 69. A.j. 67. Č.j. P4770. L. 25.

⁶⁴ Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение» (КСП «Возрождение») организационно оформился в январе 1989 г. и являлся одной из немногих структур, выступавших за демократическое обновление социализма в Чехословакии.

⁶⁵ Запись основного содержания беседы Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва с Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем 18 апреля 1989 года // Архив Горбачёв-Фонда. 89arg18bdoc.

⁶⁶ Там же.

Свои опасения, связанные со становившимися уже неизбежными кардинальными преобразованиями, устремления к которым антинормализационных структур даже в Чехословакии в тот период видны были уже невооруженным глазом, чехословацкий лидер выразил так: «Некоторые люди перестройку отождествляют с анархией, как было в 1968 году. Мы видим в этом процессе усиление социализма, а они только демократию, причем в буржуазном, масариковском понимании».

Не осталась проигнорированной в ходе этих переговоров и «итальянская тематика». «Вот мы, — сказал Якеш, — согласны с идеей европейских левых сил, но не можем согласиться с тем, что итальянцы связывают ее с реабилитацией Дубчека (курсив мой. — Э.З.). Не можем и оценивать только в негативном плане революционный период до 1968 года. Да и после 1968 года не было одного лишь застоя. По-настоящему застою возник в последние семь лет. Причем во многом это связано с плохой конъюнктурой в мире. На Западе утверждают, что якобы руководство в ЧССР посадил после 1968 года Брежнев. Но ведь после августа оставался на своем месте Дубчек. А Гусака избрал сам Центральный комитет, когда увидел, что дела идут не туда»⁶⁷. Фактическая сторона событий была именно такой, но они затем пошли, действительно, «не туда»: стрелка компаса на «социализм с человеческим лицом» не повернулась; на нее оказала влияние броня танков. Этого даже Якеш не мог не знать.

Все же в ходе этой встречи он впервые прямо обратился к Горбачёву: «Я знаю, на Вас давят, чтобы Вы посоветовали нам изменить оценку событий 1968 г.»⁶⁸. В ответе Горбачёва, как представляется, проявились некоторые не замечавшиеся за ним ранее уклончиво-оправдательные нотки: «Вы знаете нашу позицию. Я все время повторяю, что был январь с правильной постановкой вопросов, но летом шло к контрреволюции. Когда я был у вас с визитом, кое-кто, может быть, ждал от меня других заявлений, но ничего такого не услышал»⁶⁹. В ходе беседы он достаточно тактично попытался уйти от однозначной оценки событий 1968 г. «Мы с тобой, — напомнил он Якешу, — когда-то начинали говорить на тему о том, что “Уроки кризисного развития” в основном сохраняют свое значение, хотя детали их устарели, несут отпечаток своего времени. Помню, говорили тогда, что на первом этапе события носили нормальный, конструктивный характер. Речь шла об исправлении ошибок и намерении обновить социализм. А вот потом дело пошло к контрреволюции. Словом, *надо, видно, четко дифференцировать разные этапы события* (курсив мой. — Э.З.)»⁷⁰. Пожалуй, впервые в становившейся уже, казалось бы, своеобразной мантрой оценке советским лидером Пражской весны наметились определенные подвиги.

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Апрель — июнь 1989 г. М., 2010. Т. 14. С. 105.

В завершение переговоров советский лидер обратился к своему коллеге в философской манере: «У нас с вами общий ориентир — социализм и демократия, самое плотное их соединение в интересах людей. Поэтому надо двигать сегодняшний процесс, а *уроки прошлого, в том числе 1968 года, рассматривать в историческом контексте* (курсив мой. — Э.З.)»⁷¹. Какой смысл вкладывал инициатор советской перестройки в эти слова, можно ли было уловить в них дух нового времени? Содержали ли они попытку обратить внимание чехословацкого лидера на неотвратимость принципиально новых взглядов и новых подходов в оценке Пражской весны? Ответы на эти и другие вопросы остались «за кадром», но апрель 1989 г. — то время, когда разговоры о реабилитации Дубчека проходили на фоне начинавших приобретать взрывной характер событий в ряде соседних с ЧССР странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В хранящемся в Национальном архиве в Праге документе «Сообщение о рабочей встрече Генерального секретаря ЦК КПЧ т. М. Якеша с Генеральным секретарем ЦК КПСС т. М. С. Горбачёвым в Москве 18 апреля 1989 г.», с которым чехословацкий лидер выступил на заседании Президиума ЦК КПЧ 20 апреля, акценты в оценке советской стороной событий 1968 г. выглядят несколько завуалированными, если не смещенными. «Что касается 1968 г., — отметил Якеш, — [Горбачёв] выразил согласие с нашим подходом, оценивая значение январского пленума и некоторые другие шаги... [Он] поддержал наш подход: не переоценивать события 1968 г., больше работать с бывшими членами партии»⁷². Тем самым в интерпретации этой части московской рабочей встречи просматривается желание чехословацкого лидера сфокусировать внимание своего окружения как раз на неизменности позиции советской стороны, которая, по его словам, события 1968 г. «не переоценивала» в целом.

Между тем с лета 1988 г. и Пражскую весну, и август 1968 г., и самого Александра Дубчека, действительно, начал переоценивать и реабилитировать уже сам набиравший бурные темпы ход событий. Знаковым в этом процессе явилось посещение Дубчеком осенью 1988 г. Италии, где ему (а также Нельсону Манделе — заочно) 13 ноября был вручен диплом почетного доктора Болонского университета по случаю 900-летия этого старейшего в Европе высшего учебного заведения. Тогда же в Риме его принял папа Иоанн Павел II⁷³.

Не прерывались контакты Дубчека с Италией и в последующий период. Так, газета «*L'Unita*» поместила 3 сентября 1989 г. его статью, приуроченную к 21-й годовщине военного вторжения в Чехословакию. «Программа антисоциализма с крайних позиций, — пишет ее автор, — является программой

⁷¹ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Апрель — июнь 1989 г., М., 2010. Т. 14. С. 106.

⁷² Zpráva o pracovním setkání generálního tajemníka ÚV KSČ s. M. Jakeše s generálním tajemníkem ÚV KSSS s. M. S. Gorbačovem v Moskvě 18 dubna 1989. Předkládá s. M. Jakeš 20 dubna 1989. Příloha III // NA. Praha. F. 02/1 (Předsednictvo ÚV KSČ). Sv. 109. A.j. 113. Č.j. 7542/24. L. 7, 9.

⁷³ О поездке Дубчека в Италию подробнее см.: Antonetti L. Alexander Dubček v Itálii. Symbol «Pražského jara» po dvaceti letech // Soudobé dějiny. 2008. № 3–4. S. 670–684.

конфронтационной и в силу этого не имеющей успеха, она противоречит интересам граждан. Сосуществование различных систем в реформаторском движении может и должно вести к сближению наций, государств и — если хотите — систем. Это может произойти, если на двух полюсах будут руководствоваться тем, что нации, государства, народы этой планеты сближает, а не тем, что даже сегодня продолжает их разъединять. Давайте же все вместе работать на благо человечества, на благо нашей общей, все еще остающейся единственной, планеты под названием Земля»⁷⁴.

Выступление Дубчека на церемонии вручении диплома, а также его последующие выступления в итальянской прессе широко освещались в итальянских СМИ, где он представлялся уже не как жертва прошлого, а как борец за новые идеи и как провозвестник будущего.

В ходе «бархатной» революции Дубчек воспринимался как равноценная Вацлаву Гавелу фигура и даже как один из претендентов на пост президента⁷⁵. Все же, как показали дальнейшие события, о «социализме с человеческим лицом» в той же газете «*L'Unita*» говорилось уже гораздо меньше, чем в 1969 г. и даже в 1979 г.

Финальной датой процесса реабилитации Дубчека следует считать его избрание на пост председателя Федерального собрания ЧССР 28 декабря 1989 г., имевшее сложнейшую предысторию и сопровождавшееся интригами, провокациями и инсинуациями⁷⁶.

Итак, процесс реабилитации Александра Дубчека растянулся на два десятилетия. В период «нормализации» он проходил практически параллельно реформированию политических структур коммунистической ориентации, по крайней мере, в Италии. Поэтому Дубчек вольно или невольно не только стал провозвестником идеи «социализма с человеческим лицом», но и оказал определенное влияние на оформление идеологической платформы ИКП, продемонстрировав духовную преемственность между наследием Пражской весны и идеологией дистанцировавшегося от советской модели еврокоммунизма. Его наследие нельзя было игнорировать в принципе, и это стало осознаться — хотя

⁷⁴ Alexander Dubček: *Od totality k demokracii*. S. 309.

⁷⁵ Рейтинг кандидатов на пост главы государства отражают результаты проведенного пражскими студентами 7 декабря 1989 г. импровизированного опроса общественного мнения. На предложенный респондентам вопрос: «Кто, по вашему мнению, мог бы стать президентом республики?»: 80 % ответили — не знаю; 10 % — Дубчек, 7 % — Комарек, 1,3 % — Адамек, 1 % — Гавел, 1 % — Цисарж (*Suk J.* *Občanské forum. Dokumenty. Listopad — prosinec 1989*. Brno, 1998. Díl 2. S. 122).

⁷⁶ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории: в 2 кн. / ред.: В. В. Марьяна, Э. Г. Задорожнюк, Е. П. Серапионова. М., 2005. Кн. 2. С. 318–325; *Suk J.* *K prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1898: dokumenty a svědectví // Soudobé dějiny*. 1999. Č. 2–3. S. 346–369; *Keane J.* *Václav Havel. Politická tragédie v šesti dějstvích*. Praha, 1999; *Rychlík J.* *Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992*. Bratislava, 2002; и др.

и с опозданием — даже руководством КПСС с конца второго и особенно в третьем периодах.

Тем самым фигуру Дубчека, по крайней мере если говорить об эволюции ИКП, можно считать символичной между двумя вехами этого процесса: провозглашением «социализма с человеческим лицом» и формированием идеологии еврокоммунизма в Итальянской коммунистической партии. Рассмотренные в статье сюжеты проливают дополнительный свет на эти крайне сложные процессы и особенно на роль в реабилитации Александра Дубчека итальянских коммунистов.

Валерий Леонидович Мусатов

РАЗМЫШЛЯЯ О «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЕ»...

Многое в мире изменилось за 50 лет, прошедших со времени кризисных событий 1968 г. в Чехословакии. Однако они по-прежнему привлекают внимание политиков, научной общественности, историков, политологов. По-прежнему в ходу полярные оценки — было ли вступление войск Варшавского договора в августе 1968 г. агрессией против суверенной страны, решившей создать «социализм с человеческим лицом», или это был неприятный, но необходимый геополитический шаг? В чем преимущества молниеносной военной операции и недостатки медленной, переговорной политико-идеологической работы? Феномен «Пражской весны» и военная интервенция пяти тогдашних социалистических стран против своего союзника — Чехословакии по-прежнему рождают массу вопросов.

Почему сохраняется такой интерес? Во-первых, как и ранее, общественность волнует драматизм ситуации: коммунисты с помощью военной силы нанесли удар по своим идеологическим соратникам и партнерам по военно-политическому блоку. Во-вторых, некоторые зарубежные коллеги все еще ждут сенсационных открытий в российских архивах, хотя основные, когда-то находившиеся на особом хранении документы давно известны. Сегодня исследователи располагают ключевыми решениями Политбюро ЦК КПСС по чехословацкому вопросу, им знакомы оценки обстановки, дававшиеся советскими государственными органами, доступны многие аналитические справки и донесения дипломатов. Конечно, если учитывать огромное количество документальных материалов по теме, то, вероятно, не все документы пока введены в научный оборот. Выскажу предположение, что все (надо еще разобраться, что значит «все»?) никогда и не будут доступны, однако в целом вряд ли архивные находки смогут в корне изменить уже имеющиеся представления об основных эпизодах «Пражской весны». В-третьих, пока остается без ответа вопрос, был ли в 1968 г. процесс обновления общественных отношений в мире социализма, конкретно в Чехословакии, полностью самостоятельным, или существовал некий сценарий типа «цветной революции», которому следовали внешние силы и их сторонники в стране?

Безусловно, интерес к августовским событиям 1968 г. подогревает и современная геостратегическая ситуация — вступление стран бывшего

«социалистического лагеря» в НАТО и ЕС, восстановление имиджа России как великой державы и ее самостоятельная политика на международной арене. При этом, обращаясь к событиям полувековой давности, не хотелось бы брать на себя лишнего. Российская Федерация — это не Советский Союз, и Россия не может отвечать за все, что делалось в советское время. КПСС была распущена в 1991 г., и сегодняшняя КПрФ — обычная парламентская партия.

В-четвертых, если говорить о планах реформаторов, то здесь исследовательское поле поистине огромное. Однако надо иметь в виду, прежде всего, *потенциал* замыслов, учитывать, что практически ничего значительного не было сделано еще и по той причине, что новая политическая и экономическая системы не могли возникнуть в исторически короткие сроки.

Наконец, в-пятых, значение августовских событий в большой степени снижено мирными «бархатными» революциями 1989–1990 гг. и особенно объединением Германии. (В связи с этим вряд ли случайно название статьи, например, в еженедельнике «Культура» (17–30 августа 2018 г.) — «И вся эта “весна” ни к чему?».) Последовал распад Советского Союза. Можно, конечно, говорить о том, что «Пражская весна» дала толчок последующим кардинальным переменам в восточной части Европы, но все-таки это разные вещи — чехословацкие события 1967–1968 гг. и обвал всего социалистического содружества в 1989–1991 гг. «Перестройка» Горбачёва по своей разрушительной силе остается на первом месте.

Оценивая истоки реформаторских настроений в Чехословакии, обращусь к своей книге, изданной в 1996 г.: «В основе своей “Пражская весна” являлась общественным движением широких масс чехов и словаков, членов КПЧ и беспартийных. Этот процесс вызрел в недрах социалистического строя, пораженного тяжелыми недугами, терявшего динамику и свои преимущества, не сумевшего преодолеть последствия сталинизма. Фактически движение обновления и реформ было инициировано внутри компартии Чехословакии деятелями и группами номенклатурной элиты и просоциалистически и либерально настроенными представителями интеллигенции. Наиболее дальновидные деятели партократии, если пользоваться нынешними штампами, видели кризис системы власти и управления обществом и искали выход на основе достижений послевоенной общественной мысли. В целом в их понимании шла речь об “улучшении” социализма, о его обновлении»¹. Несмотря на временную дистанцию, эта оценка представляется актуальной и сегодня. Добавлю лишь, что ведущие чехословацкие реформаторы симпатизировали идеям европейской левой социал-демократии.

В то же время по мере «расширения демократизации», особенно после смены прежнего руководства ЧССР², в стране множились политические груп-

¹ Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 116.

² В Москве отставка Антонина Новотного была ожидаема, но своего кандидата на высший партийный пост не было. К Александру Дубечку советские руководители продолжали присматриваться, считая его центристом.

пировки, выступавшие как общественные движения, клубы или ассоциации, подвергавшие радикальной критике или полностью отрицавшие достижения социализма и открыто требовавшие оттеснения компартии от власти, возврата на капиталистический путь развития.

Атмосфера в стране динамично менялась, влияние КПЧ ослабевало. Инициатива постепенно переходила в руки новых политических сил, которые не торопились объявлять себя партиями, но оказывали постоянное давление на партийно-государственное руководство через чехословацкие СМИ и в целом вне рамок официальных структур, в частности, через западные информационные каналы.

Президент Вацлав Гавел в этой связи впоследствии отмечал, что поведение коммунистических верхов в тот момент было двояким — «они симпатизировали этому общественному подъему и одновременно боялись его, опирались на него и одновременно хотели его затормозить. Им хотелось открыть окна, но они боялись свежего воздуха, им хотелось реформ, но лишь в границах своих ограниченных представлений, чего народ в своей эйфории великодушно не замечал, а на это надо было обратить внимание. Так что они, скорее, просто семенили вслед за событиями, а не направляли их. Само по себе это не имело значения, общество могло обойтись и без их помощи. Опасность была в том, что руководство, не имея четкого представления о том, что происходит, не представляло себе, как это защитить». По мнению Гавела (об этом говорил и известный реформатор, секретарь ЦК КПЧ Зденек Млынарж), руководители постоянно уговаривали себя, что им как-то удастся объяснить ситуацию советскому руководству, что они что-то наобещают Москве и тем самым ее успокоят³.

Руководство КПЧ допустило немало ошибок. Сам Дубчек явно переоценил свою популярность и свои возможности сохранения власти. В Праге не смогли понять (или не захотели признать свое заблуждение), что в рамках жесткой союзнической системы, каким был Варшавский договор, трансформации марксизма-ленинизма в политической практике могут быть допущены только в пределах опыта, познанного и одобренного в «центре» — в Советском Союзе. Об этом, в частности, свидетельствовала имевшаяся начиная с первых послевоенных лет практика существования советской сферы влияния: дискуссия Сталин — Тито, переросшая в конфликт двух партий и государств и охватившая все коммунистическое движение; спор Сталина и затем Хрущёва с Мао Цзедунем, приведший к обострению советско-китайских отношений и имевший колоссальные негативные последствия для всего мира социализма. Эти крупные столкновения обрастали множеством других (правительственная программа Имре Надя в Венгрии или попытки реформ в ГДР).

Развитие событий в Чехословакии (с января по май 1968 г.) все более беспокоило руководство Советского Союза и его союзников — Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. «Друзья» боялись повторения венгерской революции 1956 г.

³ Гавел В. Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой / пер. с чеш. М., 1991. С. 100.

Дело было не в отходе от «канонического социализма». Намечалось дистанцирование еще одной страны от Варшавского договора, от Москвы. Албания отошла раньше. Румыния, которую с марта 1968 г. перестали приглашать на встречи лидеров «пятерки», продолжала лавировать, то делая акцент на западные страны, особенно Францию и США, то демонстративно укрепляя связи с Китаем. Во Вьетнаме бушевала настоящая война, в которую все сильнее втягивались американцы.

В этой обстановке Л. И. Брежнев как генеральный секретарь ЦК КПСС, несший персональную ответственность за отношения с социалистическими странами, в том числе с ЧССР, пытался за счет активизации политических средств, в частности личной дипломатии, повлиять на Дубчека и его товарищей. Хотя Брежнев уже заявил о себе как весьма опытный деятель, авторитетный лидер Советского Союза, многого он не добился. Обещания Дубчека были довольно скудными и расплывчатыми, и при этом отсутствовали гарантии их выполнения.

Продолжались закрытые встречи союзников по советскому блоку. Они проходили в духе так называемой доктрины Брежнева, предполагавшей коллективную ответственность за судьбу социализма. Изучался опыт подавления венгерского восстания 1956 г. «Братья» делились информацией, убеждали друг друга, давали советы «советским товарищам». Москва на этот раз не отпускала «союзные страны», ей не хотелось действовать в одиночку. Вспомнился советско-югославский конфликт и возникшая по его ходу идея опоры на «здоровые», т. е. просоветские силы, хотя применительно к Чехословакии высказывались сомнения в их готовности к решительным действиям. Например, А. Н. Косыгин после поездки в Чехословакию не верил в способность властей предрежущих повернуть дело «в нужном направлении».

КПСС активизировала все каналы влияния, вплоть до местных партсвязей. Увеличивала обороты партийная пропагандистская машина. Идеологической работой на чехословацком направлении, в том числе деятельностью специально созданной пресс-группы, включая издание газеты на чешском языке и запуск «серой» радиостанции, вещавшей на Чехословакию с территории ГДР, руководил А. Н. Яковлев, первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, награжденный после августовских событий 1968 г. орденом Октябрьской революции

Однако критики модели «социализма с человеческим лицом», политического плюрализма и намечавшегося поворота во внешней политике ЧССР было уже недостаточно. Организацией идеологических конференций, «радиоголосами» и листовками нельзя было исправить положение. В июле чехословацкие руководители сделали для себя вывод, что больше не будут участвовать в коллективных обсуждениях ситуации в их собственной стране. Они не поехали в Варшаву, куда их приглашали, но заявили о готовности к двусторонним встречам. В Праге все больше и больше ориентировались на предстоящий съезд КПЧ. А вот этого как раз опасались в Москве: вполне реальной представлялась смена власти в Чехословакии мирным путем.

Позиции сторон расходились весьма существенно. В Москве считали, что КПЧ сдает позиции и в стране разворачивается контрреволюция. Понятно, что в Праге не соглашались с подобной констатацией и заявляли, что КПЧ контролирует обстановку и что все проблемы можно решить политическими мерами.

Взвесив ситуацию, Политбюро ЦК КПСС высказалось за продолжение переговоров, уделяя особое внимание поддержке «здоровых сил». Был одобрен план усиления работы с руководителями КПЧ, особенно с президентом ЧССР Людвиком Свободой, а также нейтрализации «происков» Запада.

Одновременно шла подготовка военных мер. Министр иностранных дел А. А. Громыко утверждал на заседаниях Политбюро, что международная обстановка является благоприятной для подобных действий Советского Союза: «большой войны» не будет.

Была поддержана линия на тесный контакт с союзниками по восточному блоку и на усиление разъяснительной работы в международном коммунистическом движении, тем более что на 1969 г. намечалось проведение в Москве всемирного совещания компартий.

По мере обострения обстановки все чаще звучали предложения членов Политбюро и ЦК КПСС (гражданских и военных) остановить военным путем сползание Чехословакии на Запад. Все они давили на «тройку» — Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгина, Н. В. Подгорного. Из руководителей соцстран наиболее активными сторонниками активных действий были Владислав Гомулка, Вальтер Ульбрихт, Тодор Живков.

Кризисы социализма (весна 1953 г. — Берлин, ГДР; лето 1956 г. — Познань, Польша; осень 1956 г. — Венгрия), как известно, разрешались с использованием советских вооруженных сил. В июне 1962 г. военную силу применили и в СССР, расстреляв в Новочеркасске демонстрацию рабочих, выступивших с экономическими требованиями. Прецеденты силового варианта, таким образом, имелись.

На чехословацком направлении речь фактически шла о соотношении геополитических интересов Советского Союза и социалистического содружества и курса на политические и экономические реформы, на усиление самостоятельности социалистических стран. Что перевесит? Ситуация в Чехословакии, в понимании Москвы, осложнялась явным стремлением Праги к независимости, к ослаблению советского диктата, к проведению более суверенной внешней политики, вплоть до выхода в перспективе Чехословакии из ОВД. Конечно, Дубчек и премьер-министр Одржих Черник в беседах с советскими руководителями отрицали опасения советской стороны.

Однако анализ информации, стекавшей в высшее руководство КПСС, подводил к, казалось, бесспорному выводу: угроза интересам безопасности Советского Союза и социалистического содружества неумолимо нарастает. Это много позднее, в декабре 1989 г., на встречах М. С. Горбачёва и новых руководителей тогдашних европейских соцстран в Москве было заявлено, что оценки и выводы того периода были неверными. А в 1968 г. все виделось иначе...

Таким образом, партийно-идеологическая проблема в Чехословакии («социализм с человеческим лицом») переросла в военно-стратегическую, ее геополитический смысл затмил все остальное. Суперидея военно-политических планов была простой — не допустить нарушения межблокового равновесия, для чего ввести в Чехословакию советские войска, перекрыть западные границы, занять стратегически важные пункты страны и добиваться перемен в политическом курсе.

Советское руководство после 1956 г. полагало, что уроки подавления восстания в Венгрии влияют отрезвляюще на все соцстраны, но оказалось, что в действительности не все было так просто. Руководство КПЧ вело себя предельно осторожно во внешнеполитическом плане, даже на сближение с Румынией и Югославией пошло лишь в середине августа, чтобы выйти из внешнеполитической изоляции в социалистическом лагере. Политбюро ЦК КПСС стремилось ограничить возможные потери и разрушения, действовать аккуратно, иначе, нежели в Венгрии в 1956 г. Надо было прежде всего нейтрализовать чехословацкую армию, насчитывавшую в то время около 200 тыс. человек.

Посол С. В. Червоненко обсудил этот вопрос с Л. Свободой, передал ему письмо от руководителей пяти соцстран. Президенту позвонил и Брежнев. Как докладывал посол, Свобода не поддержал ввод войск ОВД, но сказал, что не допустит кровопролития и что армия не будет выступать против союзников. По некоторым данным, министр обороны Советского Союза маршал А. А. Гречко имел контакты про этому вопросу с министром обороны ЧССР генералом Мартином Дзуром. Чехословацкие войска остались в казармах, их доступ к оружию и технике был заблокирован.

Рассматривая подготовку военных мер (их еще называли «крайними мерами»), надо учитывать большую обеспокоенность советского командования состоянием западной границы ЧССР. Неоднократно отмечалось, что, являясь «воротами» в соцсодружество, она слабо прикрыта войсками Чехословацкой народной армии. Обещание чехов разместить на территории страны советское тактическое атомное оружие не выполнялось, хотя в документах НАТО признавалась необходимость использования атомного оружия в Европе.

Брежнев, прошедший Великую Отечественную войну, довольно долго колебался, оттягивал до июля 1968 г. окончательное решение о вводе войск ОВД в Чехословакию, хотя как верховный главнокомандующий еще в апреле дал указание руководству Министерства обороны СССР готовить военный вариант и вернуться к нему в мае.

Последними попытками договориться были двусторонние переговоры в Чиерне-над-Тисой (29 июля — 1 августа) и затем встреча 3 августа в Братиславе. Сближения позиций не наблюдалось, что укрепило опасения союзников. На закрытой встрече в Москве 18 августа Янош Кадар заявил: «Нам остается принять необходимые решения».

К тому времени напряженная работа по военной линии шла полным ходом. Подготовкой операции ведал главком Объединенных вооруженных сил ОВД

маршал И. И. Якубовский, но затем, уже в августе, в Москве было решено назначить командующим операцией «Дунай» генерала армии И. Г. Павловского.

Советская сторона использовала в интересах подготовки ввода союзных войск командно-штабные учения войск ОВД на территории ЧССР (частично ГДР и ПНР), на проведение которых в июне было получено согласие всех стран-участниц, в том числе чехословацкого руководства. Общая численность задействованных в учениях войск составила 40 тыс. военнослужащих. Командиры и штабы советских частей и соединений (14 тыс.) получили возможность ознакомиться на месте с районами, где им предстояло позднее действовать. Вряд ли чехословацкие руководители осознали тогда, что на их глазах прошла репетиция военного вторжения.

После окончания учений советские воинские части в течение некоторого времени оставались на чехословацкой территории, что являлось одной из форм давления на хозяев.

Военные историки едины в оценке августовской акции: гигантская по масштабам операция, в которой участвовали до 500 тыс. солдат и офицеров, прошла без срывов, все задачи, поставленные перед советскими, польскими, венгерскими и болгарскими войсками, были выполнены. Что касается Национальной народной армии ГДР, то для координации и подготовки ввода войск ГДР в Чехословакию прибыли 20 немецких офицеров. Один из них находился в советской военной комендатуре в городе Йиглава⁴. Однако поскольку было решено не напоминать чешскому населению о разделе и оккупации страны войсками вермахта в 1938–1939 гг., две немецкие дивизии, выделенные для участия в операции по вводу войск, оставались на границе, несли в основном караульную службу⁵.

На Западе хотя и считали, что вторжение неминуемо, его осуществление, а именно точность и скрытый характер действий советских войск, произвело ошеломляющий эффект.

Каков итог? Критики действий СССР и его союзников указывают, что не надо было развешивать по улицам крупных чехословацких городов

---

⁴ Вопрос о нахождении ННА ГДР на территории Чехословакии остается не до конца проясненным. Историк Т. А. Джалилов, глубокий знаток архивных документов, утверждает: «Рассекреченные и введенные в научный оборот сводки Министерства обороны СССР о положении в Чехословакии, ежедневно направлявшиеся в ЦК КПСС с 21 августа 1968 г., не оставляют сомнения: восточногерманская армия находилась на территории Чехословакии. Точная численность, места дислокации, распределение зон ответственности, боевые задачи — это уравнение со многими неизвестными не только по отношению к армии ГДР, но и ко всем задействованным силам в операции «Дунай» («Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения «Пражской весны» и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 91). Иная точка зрения представлена в воспоминаниях личного переводчика Гомулки Б. Рыхловского в настоящей книге. (*Прим. редколлегии*).

⁵ Тулин В. Правда о событиях в Чехословакии 1968 года. URL: nstarikov.ru/pravda-о-sobytyiah-vchecoslovakii-1968-goda-94099 (дата обращения: 19.02.2020).

«танковые ожерелья», что следовало уделить больше внимания пропагандистской работе среди населения. Справедливость такого рода замечаний особенно очевидна с временной дистанции. Однако полвека назад многое виделось иначе, нежели в наши дни. Брежнев, в частности, был убежден, что действия Советского Союза «спасли социализм» в Чехословакии. Выступая на пленуме ЦК КПСС в декабре 1969 г., он подчеркнул, что пришлось пойти на материальные затраты, корректировку планов, но «...уклониться от такого рода расходов мы не могли, — и не только потому, что это значило бы уклониться от выполнения своего революционного интернационального долга. Всё это также дела, непосредственно затрагивающие государственные интересы нашей страны, национальные интересы советского народа»⁶.

Дальнейшее пребывание советских войск в ЧССР закреплялось отдельным соглашением. Была определена и численность контингента — 130 тыс. военнослужащих. Остальные участвовавшие в интервенции войска были выведены из страны в октябре — ноябре 1968 г.

Военный фактор был использован советским руководством еще раз весной 1969 г. при отстранении Дубчека от власти. Дальше началась кампания по перетряхиванию партийно-государственных кадров. В ходе «нормализации» из КПЧ были исключены или «вычеркнуты» многие тысячи ее активных членов, что лишней раз свидетельствовало о популярности идей «Пражской весны».

Некоторые отечественные авторы считали, что волны политических выступлений в Западной Европе, майские выступления студентов в Париже, кризисные события в Чехословакии напугали США, которые фактически подталкивали Советский Союз к подавлению инакомыслия в соцсодружестве, тем более что вопрос о том, какой строить социализм, относился к внутренней компетенции социалистических стран⁷. Как докладывал посол СССР в США А. Ф. Добрынин, президент Джонсон поначалу спокойно отреагировал на ввод войск. Позже американцы раскрутили эту тему в антисоветском ключе, отменили запланированные контакты на высшем уровне, но особого осложнения международной обстановки не произошло (Кубинский кризис не повторился). Более того, есть мнение, что итог чехословацких событий способствовал заключению соглашений в Хельсинки в 1975 г.

50-летие «Пражской весны» — повод посмотреть на нынешнюю международную ситуацию через призму событий того времени. Главная ее особенность заключается в том, что американцы при президенте Д. Трампе исходят из своей исключительности, с легкостью отбрасывают международные соглашения, если они в чем-то не устраивают правительство США, уважают только силу,

⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 36–60.

⁷ См., например: *Дашичев В. И.* «Пражская весна» — новое прочтение социалистической реформации // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 188–197; *Орлик И. И.* Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сб. статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 189–190.

при этом выкручивают руки своим союзникам. Второй супердержавы после развала Советского Союза в международных отношениях пока нет. Формирование многополюсного мира идет крайне медленно и противоречиво. Пример с финансовыми, торгово-экономическими санкциями США говорит сам за себя. Очевидно, России вместе с Китаем и другими странами придется пережить нынешнюю турбулентность международной жизни, активизируя поиск более стабильной конструкции безопасности.

Юлия Александровна Щербакова

ЧЕХИ И РОССИЯНЕ О СОБЫТИЯХ 50-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

При подготовке данной статьи были использованы данные исследований, проведенных Агентством по изучению рынка по заказу организации «*Post Bellum*» весной 2018 г. и Центром по изучению общественного мнения Социологического института Чешской академии наук. Соответствующие материалы были размещены в Сети под названиями «Как мы знаем наши “восьмерочные юбилеи”»¹ и «Граждане о личностях, периодах и событиях чехословацкой истории с момента образования ЧСР по настоящее время»².

В 2018 г. Чешская Республика отметила юбилеи нескольких событий, повлиявших на ее историческое развитие в XX в.: 100-летие возникновения независимого чехословацкого государства, 50-летие «Пражской весны» 1968 г., 70-летие февральского переворота 1948 г., 80-летие со дня подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. Осознание их важности населением, как следует из проведенных чешскими социологами исследований, нельзя назвать всеобщим. Изучение результатов опроса граждан в возрасте от 18 до 65 лет, разделенных на группы по полу, возрасту, численности населения в местах проживания и округах, свидетельствовало, что меньше всех осведомлена об исторических событиях чешская молодежь.

Наиболее позитивно респонденты оценили «бархатную революцию» 1989 г. и период Первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.). Негативно чехи воспринимают коммунистический переворот в феврале 1948 г. (его осудили 65% респондентов), Мюнхенское соглашение 1938 г., период протектората, вторжение войск стран Варшавского договора на территорию Чехословакии в августе 1968 г.

Прочнее всего в памяти чехов закрепились события столетней давности и августа 1968 г. Так, 79% респондентов на вопрос «Знаете ли вы, что произошло в 1918 году?» ответили, что тогда возникла независимая Чехословакия

---

¹ Jak známe naše «osmičková výročí?» // *Post Bellum*. 25.07.2018. URL: <https://www.postbellum.cz/2018/07/jak-zname-nase-osmicikova-vyroci> (дата обращения: 22.05.2020).

² *Občané o osobnostech, obdobích a událostech česko-slovenské historie od vzniku ČSR po současnost – březen 2018* // Centrum pro výzkum veřejného mínění, Sociologický ústav AV ČR. 09.05.2018. URL: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c2/a4607/f9/pd180509.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

или что закончилась Первая мировая война. 76% опрошенных связали август 1968 г. с вооруженным вторжением в Чехословакию и осудили его³.

Гораздо слабее в исторической памяти чехов закрепились такие события 1938 г., как мобилизация Чехословацкой армии, Мюнхенское соглашение или захват Судетских земель. О них знают лишь 54% респондентов⁴.

Результаты исследования выявили слабые знания отечественной истории чешской молодежью. Только 42% опрошенных смогли вспомнить о событиях 1938 г. «Пражская весна» и вторжение войск Варшавского договора в 1968 г. ни о чем не говорят примерно половине (46%) самых молодых респондентов. 45% людей не осведомлены о происхождении термина «Пражская весна»: 9% респондентов сочли это событие музыкальным фестивалем, 6% указали, что это был ввод войск, который последовал за «Пражской весной», 39% связали «Пражскую весну» с либерализацией социально-политических отношений⁵.

Сравнение результатов двух последних по времени опросов общественного мнения, проведенных упомянутыми выше чешским Агентством по изучению рынка и Центром по изучению общественного мнения Социологического института ЧАН, показало, что события августа 1968 г. вызывают у граждан сильные эмоции. По данным Центра, те, кто знал о событиях 1968 г., относились к вторжению войск Варшавского договора более негативно, чем к периоду протектората⁶.

Столь «горячее» отношение чехов к событиям августа 1968 г. вызвано, по всей видимости, тем, что в результате военной интервенции были похоронены мечты и надежды на возможность либеральной трансформации социализма, положен конец его идеалистическому восприятию.

В анкеты-опросники Центра были включены 19 вопросов, касавшихся важнейших событий чехословацкой истории XX ст.: «бархатная революция», период Первой Чехословацкой Республики, Хартия-77, февраль 1948 г. и др.⁷ «Пражская весна» заняла седьмое место среди позитивно оцениваемых событий (47% опрошенных), уступив, в частности, положительной оценке вступления страны в НАТО (52%)⁸.

Также на седьмом месте среди выдающихся национальных деятелей с 47% положительных оценок оказался символ «Пражской весны» Александр Дубчек (14% оценили его негативно, а 23% — нейтрально). Перед Дубчеком в рейтинге выдающихся соотечественников значатся: первый президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик; студент Карлова университета Ян Палах, совершивший 16 января 1969 г. акт самосожжения в центре Праги в знак протеста против пребывания частей Советской армии в стране; чехословацкий

³ Jak známe naše «osmičková výročí?»...

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Občané o osobnostech...

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

дипломатический и государственный деятель, министр иностранных дел в 1940–1948 гг. Ян Масарик; чешский писатель, диссидент, антикоммунист, последний президент Чехословакии и первый президент Чехии Вацлав Гавел; видный деятель словацкого национального движения в эмиграции, один из руководителей антисоветской интервенции в Сибири, ученый, политик, военный Милан Растислав Штефаник; государственный и политический деятель, один из руководителей движения за независимость Чехословакии, второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш⁹.

Исследования Центра свидетельствуют, что более половины опрошенных, по их словам, точно знают, что происходило во время «Пражской весны». Одно из бытующих утверждений, согласно которому «в ходе “Пражской весны” речь шла не о действительно демократических преобразованиях, а лишь о борьбе двух фракций внутри КПЧ», вызвало у чешской общественности противоречивое отношение (заметим, что то же самое наблюдалось и в 2008 г., когда в связи с 40-летием «Пражской весны» Центр провел опрос «Граждане о “Пражской весне” и августе 1968 г.»¹⁰). По данным 2018 г., 36% респондентов выразили согласие с этой оценкой, однако большинство (30%) выбрали вариант «скорее согласны» и только 6% — «полностью согласны». Не согласились с данным утверждением 24% опрошенных, а большая часть респондентов (40%) не знала ответа на данный вопрос¹¹.

Показательно, что, как и десять лет назад, чешская общественность оказалась склонной согласиться и с утверждением, что «“Пражская весна” была попыткой установления демократии в социалистической Чехословакии». Как показывают результаты опроса, 63% респондентов также согласились с тем, что «“Пражская весна” была попыткой обновления демократии в социалистической Чехословакии», 16% «определенно согласились» и еще 47% «скорее согласны». Только 15% респондентов выразили свое несогласие, 22% не знали ответа. Доля несогласных увеличивалась с возрастом респондентов и достигла своего максимума у возрастной категории старше 60 лет. Более определенно выражали свое согласие те, кто относил себя к правоориентированным¹². Вместе с тем уменьшилось число граждан, оценивающих «Пражскую весну» как попытку обновления демократии: в 2008 г. так считали 3/4 опрошенных, а в 2018 г. — 3/5¹³.

Кроме того, согласие с данным утверждением выражали в 2018 г. те, кто положительно оценивал «Пражскую весну», «бархатную революцию», Хартию-77 и соглашался с тем, что «Коммунистическая партия имела в феврал

⁹ Občane o osobnostech...

¹⁰ Občané o Pražském jaru a srpnu 1968 // Centrum pro výzkum veřejného mínění, Sociologický ústav AV ČR. 20.08.2008. URL: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c2/a795/f9/100818s_po80820.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

¹¹ Občané o osobnostech...

¹² Ibid.

¹³ Občané o Pražském jaru...

1948 г. поддержку значительной части населения, которая после экономического кризиса, Мюнхенского соглашения и немецкой оккупации считала, что коммунисты создадут лучшее и более справедливое общество»¹⁴.

С утверждением о том, что «коммунисты-реформаторы во главе с Александром Дубчеком были политически наивными», согласилась, как и 10 годами раньше, почти половина (47%) респондентов, 9% «определенно согласилась» и 37% «скорее согласны»¹⁵. Выявилась также прямая зависимость роста числа согласных от уровня образования.

Противоположное мнение в 2018 г. выразили 22% респондентов, в том числе 5% «определенно», и 17% заявили, что «скорее согласны». Обращает на себя внимание значительная доля респондентов (32%), не знавших ответа на данный вопрос¹⁶.

Оценивая место «Пражской весны» как исторического события в общественном сознании современных чехов, важно отметить следующее. Во-первых, интерес к нему в обществе не падает, а, наоборот, демонстрирует тенденцию к росту. Обратимся к статистике: если в 2008 г. примерно половина опрошенных считала себя достаточно информированными о том, что происходило в 1968 г.¹⁷, то в 2018 г. — уже 76%¹⁸. Во-вторых, внимание общества с реформ «Пражской весны» переключается на события августа 1968 г., а проблематика самой «Пражской весны» зачастую сводится лишь к военному вторжению.

В заключение остановимся на некоторых аспектах и эволюции отношения россиян к вводу вооруженных сил стран Варшавского договора на территорию Чехословакии. В работах российских экспертов отмечается, что эволюция совпала с поворотами российской истории Новейшего времени. Сразу же после августа 1968 г. большинство россиян поддержали ввод войск, но в период перестройки поменяли свои взгляды и осудили силовой вариант. В последнее время, однако, проявляется склонность вернуться к первоначальным стереотипам¹⁹.

Растет число россиян, декларирующих знание о «Пражской весне». В 2008 г. о ней не знали 55% опрошенных, в 2013 г. — 50%, в 2018 г. — 46%. Эта динамика сопровождается ростом числа тех, кто оправдывает ввод войск. В 2008 г. 12% респондентов назвали вторжение ответом на «подрывную акцию западных стран», в 2013 г. — 16%, в 2018 г. — 21%²⁰.

¹⁴ Občané o osobnostech...

¹⁵ Občané o Pražském jaru...

¹⁶ Občané o osobnostech...

¹⁷ Občané o Pražském jaru...

¹⁸ Občané o osobnostech...

¹⁹ Макаркин А. Как менялось отношение россиян к «Пражской весне» // Ежедневная деловая газета РБК. 21.08.2018. № 140. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/08/22/5b7a64db9a7947cb67bd3681> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁰ Ввод войск в Чехословакию // Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр). 21.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/21/vvod-vojsk-v-chechoslovaikiyu/> (дата обращения: 22.05.2020).

В целом в ответах россиян все отчетливее проявляется тенденция к снятию вины с СССР за случившееся. Современная Россия, по их мнению, также не несет моральной ответственности за события августа 1968 г. Оформившись до присоединения Крыма и конфликта с Западом, эта позиция усиливается: в 2008 г. так считали 28 % опрошенных, в 2013 г. — 60 %²¹.

Вскоре после «бархатной революции» (ноябрь 1989 г.), изменившей политическую систему Чехословакии, в Москве 4 декабря состоялась встреча руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза. На ней предпринятый в 1968 г. ввод войск стран Варшавского договора в ЧССР был осужден как вмешательство во внутренние дела суверенной Чехословакии. «Прервав процесс демократического обновления в ЧССР, — говорилось в совместном заявлении, — эти неправомерные действия имели долговременные отрицательные последствия. История подтвердила, насколько важно даже в самой сложной обстановке использовать политические средства решения любых проблем, строго соблюдать принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела в отношениях между государствами, что отвечает положениям Варшавского договора»²².

В августе 1993 г. был подписан Договор о дружеских отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой. В данном документе четко сказано о стремлении сторон «покончить с тоталитарным прошлым, связанным с недопустимым использованием силы против Чехословакии в 1968 году и дальнейшим необоснованным пребыванием советских войск на чехословацкой территории»²³.

Казалось бы, что подобные инициативы должны были способствовать окончательному преодолению отчужденности между нашими народами, возникшей в результате событий 1968 г. Однако в последнее время мы сталкиваемся с попытками отступления от оформившейся четкой позиции. В июне 2016 г. депутаты Государственной думы от КПРФ предложили придать статус ветеранов боевых действий участникам ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. (операции «Дунай»)²⁴. Вот как прокомментировало этот законопроект интернет-издание «Медуза»:

²¹ Ввод войск в Чехословакию...

²² Заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза // Правда. 1989. 05 XII. № 339. С. 2.

²³ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой. 26.08.1993. Прага // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901898022> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁴ Законопроект № 1091640-6 «О внесении изменения в Федеральный закон “О ветеранах”» (о распространении статуса ветерана боевых действий на военнослужащих Вооруженных Сил СССР, направлявшихся в Чехословакию с 21 августа по ноябрь 1968 года в составе войск государств — участников Организации Варшавского договора). 06.06.2016. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1091640-6&02> (дата обращения: 22.05.2020).

Согласно пояснительной записке, под действие законопроекта попадали граждане старше 67 лет, нуждавшиеся в «моральной, а часть из них и в дополнительной материальной и социальной поддержке государства».

По мнению авторов законопроекта, основной задачей советских войск в Чехословакии в 1968 г. было «подавление антигосударственного переворота», который готовила оппозиция, «опираясь на поддержку западных стран».

Так, осенью 1968 г. ФРГ и НАТО планировали под прикрытием военных учений «занять территории, отторгнутые Германией в 1938 г.», говорится в записке. Впоследствии это должно было привести к выходу Чехословакии из ОВД, возглавляемой СССР. Среди сторонников смены политического курса в Чехословакии были «бывшие нацисты, эсэсовцы, представители реакционного духовенства».

В записке поясняется, что «в нынешней сложной тревожной международной обстановке, сложившейся вокруг России, особенно важно поддержать патриотизм российских солдат и офицеров, защищающих территориальную целостность нашей страны, в том числе и за рубежами нашей Родины, как защищали в 1968 г. в Чехословакии».

Правительство РФ дало на законопроект отрицательный отзыв. Там отмечается, что участники ввода войск в Чехословакию не принимали участия в боевых действиях, поэтому не могут быть признаны ветеранами²⁵.

В дальнейшем этот законопроект был отклонен:

Член Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Владимир Мельник отметил, что законопроект не может быть принят нижней палатой, потому что органами госвласти СССР решение о ведении боевых действий не принималось.

«Боевые действия не велись, таким образом, присвоение данной категории граждан статуса ветеранов боевых действий не соответствует концепции Федерального закона “О ветеранах”. Кроме того, в документе также не указаны источники финансирования этой инициативы», – сказал Мельник²⁶.

Президент Чехии Милош Земан счел указанный законопроект оскорбительным для его страны²⁷. Он пригласил в Пражский Град посла России в Чехии А. В. Змеевского, чтобы выслушать объяснения по поводу законодательной инициативы фракции КППРФ в Госдуме. Охарактеризовав законопроект

²⁵ Депутаты предложили признать участников ввода войск в Чехословакию ветеранами боевых действий // Медуза. 06.06.2016. URL: <https://meduza.io/news/2016/06/06/deputaty-predlozhili-priznat-uchastnikov-vvoda-voysk-v-chehoslovakiyu-veteranami-boevyh-deystviy> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁶ Волкова О. Участникам операции в Чехословакии не присвоят статус ветеранов боевых действий // Парламентская газета. 17.01.2018. URL: <https://www.pnp.ru/politics/uchastnikam-operacii-v-chechoslovakii-ne-prisvoyat-status-veteranov-boevykh-deystviy.html> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁷ Vaněk L. Prezident Zeman odsuzuje návrh na uznání okupantů z roku 1968 za veterány // Frekvence 1. 05.06.2019. URL: <https://www.frekvence1.cz/clanky/zpravy/prezident-zeman-odsuzuje-navrh-na-uznani-okupantu-z-roku-1968-za-veterany.shtml> (дата обращения: 22.05.2020).

как детище «двух сумасшедших депутатов российской Думы»²⁸, Земан подчеркнул: «Оккупация [Чехословакии войсками Варшавского договора] в 1968 году была международным преступлением, а те, кто его совершил, не должны иметь статус ветеранов войны»²⁹.

В связи с инициативой КПРФ в Госдуме со специальным заявлением выступил МИД Чехии. Беспокойство внешнеполитического ведомства вызвала формулировка, согласно которой статус ветеранов боевых действий должен быть предоставлен бывшим военнослужащим Вооруженных сил СССР за «выполнение задач по подавлению попытки государственного переворота и обеспечению стабильности в ЧССР в период проведения крупной военно-стратегической операции войск государств — членов Варшавского договора с 21 августа по ноябрь 1968 г.». В заявлении МИД ЧР содержится ссылка на процитированный выше двусторонний Договор о дружеских отношениях и сотрудничестве.

Во время официального визита президента Земана в Россию 22 ноября 2017 г. на официальном сайте телеканала «Звезда» была опубликована статья журналиста Л. Масловского³⁰, вызвавшая в чешских верхах сильный резонанс. Автор утверждал, что операция «Дунай» не позволила Западу совершить в Чехии государственный переворот, а кризис в Чехословакии возник после прихода к власти в СССР Н. С. Хрущёва, чей доклад «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС «состоялся благодаря грандиозной победе западных спецслужб и их пятой колонны внутри СССР». Под видом строительства «социализма с человеческим лицом», писал Масловский, «началось разрушение чехословацкого социалистического государства»; все происходящее, как «хорошо понимали» руководители стран Варшавского договора, было «продвижением НАТО на Восток». «Чехи должны быть благодарны Советской армии за то, что Судеты остались в составе ЧССР, их государство существует в современных границах, а нация избежала огромного количества человеческих жертв, которые всегда бывают при государственном перевороте»³¹.

Президент Чехии поднял вопрос о статье на встрече с премьер-министром Д. А. Медведевым 22 ноября. Земан отметил, что статья была опубликована «именно во время его визита», и попросил российского премьера «публично сказать», что правительство РФ не разделяет точку зрения, изложенную в статье. Медведев заверил президента, что текст «не отражает официальной позиции»

---

²⁸ Земан заявил, что законопроект КПРФ о событиях 1968 года является оскорбительным для Чехии // ТАСС. 10.06.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raportazhama/6531991> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁹ *Vaněk L.* Prezident Zeman odsuzuje návrh na uznání okupantů z roku 1968 za veterány...

³⁰ *Давыдов В.* «Звезда» написала, что чехи должны быть благодарны за ввод войск в 1968-м. Медведеву пришлось объясняться перед президентом Чехии, статью удалили // Медуза. 22.11.2017. URL: meduza.io/feature/2017/11/22/zvezda-napisala-chto-chehi-dolzhy-byt-blagodarny-sssr-za-vvod-voysk-v-1968-m-medvedevu-prishlos-ob-yasnyatsya-pered-prezidentom-chehii-statyu-udalili (дата обращения: 22.05.2020).

³¹ Цит. по: Там же.

России, которая была сформулирована в договоре 1993 г. Глава правительства заявил, что российские власти «провозгласили и стараются в максимальной степени следовать принципу невмешательства в деятельность СМИ»³².

Публикация возмутила не только президента Земана. С ее критикой выступили министр иностранных дел Любомир Заоралек и министр обороны Мартин Стропницкий. Как сообщило «*Radio Praha*», статья вызвала гневный отклик и у простых пользователей Интернета³³. Уже на следующий день публикация Масловского была снята с сайта «Звезды».

В российском общественном мнении в последнее время наблюдается тенденция к пересмотру прежних оценок событий 1968 г. в Чехословакии. В 2013 г. Левада-центр провел опрос общественного мнения³⁴, предложив респондентам ответить на вопрос: «Как вы считаете, что тогда произошло в Чехословакии?» Среди тех, кто хоть что-то слышал о событиях 1968 г., 27 % сочли, что это была «попытка антисоветских и ревизионистских сил в руководстве ЧССР произвести переворот и оторвать страну от социалистического лагеря». Эти цифры почти вдвое перекрыли статистику 2008 г.: тогда аналогичный ответ дали 15 % опрошенных. Одновременно также почти вдвое (14 % — в 2008 г. и 8 % — в 2013 г.) уменьшилось число тех, кто расценил события как «попытку демократического обновления социализма». На 10 % возросло число тех, кто расценил вторжение в Чехословакию как «акцию подавления народного движения против социализма и устрашения возможной оппозиции в других соцстранах» (в 2008 г. — 21 %, в 2013 г. — 31 %).

Приводимые в статье данные дают представление об одном из аспектов состояния культурной памяти современных чешского и российского обществ. «Пражская весна» 1968 г. и последовавшие за ней события (ввод войск стран ОВД на территорию Чехословакии, политика «нормализации» в ЧССР) вовлекли в историю значительную часть чешского и в меньшей степени российского (советского) общества. Массовые представления об этом историческом событии являются частью коллективной памяти — важного ресурса для формирования современной политики, в том числе и в сфере российско-чешских отношений.

---

³² Медведеву пришлось отвечать за телеканал «Звезда» // Яндекс.Дзен. 23.11.2017. URL: zen.yandex.ru/media/id/593914f3d7d0a62756e9d78a/medvedevu-prishlos-otvechat-za-telekanal-zvezda-5a16dd228139ba9e8957c40a (дата обращения: 22.05.2020).

³³ *Velinger J.* Politicians slam zvezda article suggesting Czechs should be grateful for soviet led invasion of 1968 // Czech Radio. 11.22.2017. URL: <https://www.radio.cz/en/section/news/politicians-slam-zvezda-article-suggesting-czechs-should-be-grateful-for-soviet-led-invasion-of-1968> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁴ Память о пражской весне // Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр). 16.05.2013. URL: <https://www.levada.ru/2013/05/16/pamyat-o-prazhskoj-vesne/> (дата обращения: 22.05.2020).

ВОСПРИЯТИЕ СОБЫТИЙ АВГУСТА 1968 г. в ЧЕХИИ, СЛОВАКИИ И РОССИИ. К 50-ЛЕТИЮ ОПЕРАЦИИ «ДУНАЙ»

В 2018 г. отмечалось 50-летие событий, называемых «русским вторжением в Чехословакию». А еще «оккупацией», «подавлением “Пражской весны”», «преступлением коммунизма» и т.п. Так это широко трактуется сегодня, но до начала 1990-х гг. «Пражская весна» рассматривалась как «попытка антикоммунистических сил в Чехословакии повернуть развитие страны вспять», «мелкобуржуазный бунт», «процесс идейного разложения»¹. Конец этому был положен в августе 1968 г., когда 26 вооруженных дивизий, из которых 18 — советских, численностью до полумиллиона человек, а также 5 тыс. танков, бронетранспортеров и авиации «восстановили порядок». Путем введения в страну вооруженных сил пяти государств — членов Варшавского договора была оказана так называемая интернациональная помощь «здоровым силам» чехословацкого общества, что на тот момент провозглашалось правильным и единственно возможным.

Все больше проходит лет с тех памятных событий, но «Пражская весна» остается «знаковым событием второй половины XX века»², и ее значимостью объясняется устойчивый интерес историков и других специалистов, прежде всего в самой Чехии и Словакии, к проблемам развития государства в 1960-е гг. и к последовавшим за вторжением процессам. 1968 г. стал неким символом, служащим до сих пор предметом дискуссий. Что же именно он символизирует: моральное падение представителей так называемых здоровых сил в руководстве КПЧ, «пригласивших» в свою страну иностранные войска, военную интервенцию и попрание национального суверенитета, преступления коммунизма, шанс на построение «лучшего социализма», «русскую угрозу» или звено в цепочке «чешской судьбы», о чем к 40-летию событий подробно писал, в частности, филолог-богемист А. Бобраков-Тимошкин³. К 2008 г. и в последующие годы появилось немало публикаций, где, казалось бы, предпринималась попытка подвести некую черту и закрыть тему оккупации. В 2009 г. вышла объемная книга с фотографиями Йозефа Коуделки «Вторжение. Прага 1968» с предисловием

¹ *Грзал Л., Нетоплик Я.* Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 190.

² *Мурашко Г.П.* Человек «Пражской весны» // Мурашко Г.П. Избранное. М., 2011. С. 477.

³ *Бобраков-Тимошкин А.* Символ «чешской судьбы»: 1968 год в контексте «споров о смысле чешской истории» // Неприкосновенный запас. М., 2008. № 4.

И. Гоппе, Я. Цугры и И. Сука, где рассматривается вопрос, «почему в августе приехали танки». Коуделка (род. в 1938 г.) — живая легенда чешской фотографии, опубликовал лишь по прошествии 40 лет 250 кадров о событиях 1968-го, в книге также представлены газетные хроники, пропагандистские тексты и свидетельства историков того времени, отобранные самим автором. Эти фотографии не нуждаются в комментариях: горечь, недоумение на лицах чехов, не ожидавших вновь увидеть советских солдат, которые в 1945 г. освободили Прагу от фашистов — ведь их тогда встречали с цветами и слезами радости. На этот раз никаких цветов не было. Были слезы от отчаяния и боли. Карел Крыл (1944–1994), популярный чешский бард и поэт, в своей самой известной песне протеста «Братишка, закрывай калитку», которую он написал непосредственно 22 августа 1968 г., произнес слова, оказавшиеся пророческими: «Эта ночь не будет короткой»... В сентябре 1969 г., находясь на фестивале песни в немецком Вальдеке, где он узнал о закрытии границы, Крыл решил остаться в Германии: «Мне было ясно, что с моим “Братишкой” мне уже в Чехословакии не спеть...»⁴ В песне «Вот вы и здесь, братья», вышедшей впервые на диске «Рак» (Rakovina) в ноябре 1969 г., уже находясь в эмиграции, Крыл передал эту боль чешского народа, наверное, выразительнее всех. Но дал и надежду на то, что когда-нибудь ситуация изменится, не предполагая, конечно, что произойдет это только через 20 лет.

*«Вот вы и здесь, братья, кровь Каина,
посланцы ночи, вонзающей нож в спину.
Вот вы и здесь, братья, внуки Сталина,
Но не так, как вчера, сегодня уже без сирени.
Спасибо же вам за железных голубей мира.
Спасибо и за поцелуи с привкусом горького миндаля.
В краю любимом вы убили веру.
А на дороге красные стрелки, как памятник навшим.
Вам благодарность и жаркие объятия
За провокации и стрельбу по детям.
И пусть наши дома станут вашими.
Я знаю, плевать на памятники — это ошибка.
У нас остается только надежда — мы всегда были и будем».*
(Перевод наш. — И.Г.)

Дальше в тексте этой песни слова на русском языке:

*Большое вам спасибо, братья захватчики.
Спасибо большое. Никогда не забудем.
Никогда не забудем⁵.*

⁴ Kryl K., Jiskrová J. Krylogie: Půlkacíř. 1.soubor. vyd. Praha, 2000. S. 403.

⁵ Kryl K. Ostrov pokladů. Vyd.1. Praha, 2005. S. 34–35.

В последних строках содержится очень важное послание — и для современников Крыла, и для потомков: «Никогда не забудем». Если говорить об отношении чехов и словаков к России, то период до 1968 г. и после него навсегда разделит трагический рубеж, пока об этом помнят люди, родившиеся в 1950 г. и раньше. А также их дети и внуки, которые, хотя и не были живыми свидетелями, несут уже на генетическом уровне воспоминания о национальном унижении. Подвести черту не удалось ни к сороковой годовщине событий, ни к пятидесятой. После танков наступил период так называемой нормализации, характеризовавшейся «присутствием советских войск на территории ЧССР, жесткой идеологической и культурной цензурой, доминированием КПЧ, преследованием оппозиции», и чьей сутью являлся «возврат к советской модели социализма»⁶. Упомянув 1968 г., мы имеем в виду не только вторжение в августе этого рокового года, но и время после него, когда чехи и словаки жили в несвободе, во лжи и страхе. Свобода придет только с «бархатной революцией» в 1989 г.

Симптоматично название опубликованной в 2005 г. статьи чешской журналистки Й. Гроговой — «Русские глазами чехов: август 1968 все еще болит»⁷. По данным чешского Центра исследования общественного мнения (Centrum pro výzkum veřejného mínění, Praha) за май 2018 г., 76% опрошенных чехов признали самым негативным событием за последнее 100-летие ввод войск Варшавского договора в августе 1968 г. Три четверти респондентов самым позитивным событием считают «бархатную революцию» (ноябрь 1989 г.)⁸. Чем больше проходит лет, тем внимательнее всматриваются историки, филологи, журналисты в августовские дни 1968 г. Открываются новые факты. Так, чешские историки Прокоп Томек и Иво Пейчох в результате кропотливой работы установили точное число жертв при оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора. Это главная тема их книги «Оккупация 1968 и ее жертвы», вышедшей в 2017 г.⁹ Всего они насчитали 137 человек, как со стороны оккупационной армии, так и со стороны гражданского населения. Но важна не только эта трагическая статистика — важно осознание того, что произошло с народом за 20 лет «нормализации». Любые рассуждения о чешской и словацкой истории, о национальном характере так или иначе затрагивают поведение,

---

⁶ *Задорожник Э.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 8, 130.

⁷ *Grohová J.* Rusové očima Čechů: srpen 1968 pořád bolí // iDnes.cz. 19.08.2005. URL: https://zpravy.idnes.cz/rusove-ocima-cechu-srpen-1968-porad-boli-dxz-/domaci.aspx?c=A050818_202005_domaci_miz (дата обращения: 22.05.2020).

⁸ *Češi si váží sametové revoluce a první republiky, odsuzují srpnovou invazi, ukázal průzkum* // Česká televize. 09.05.2018. URL: <http://www.ceskatelevize.cz/ct24/domaci/2474305-cesi-si-vazi-sametove-revoluce-a-prvni-republiky-odsuzuji-srpnovou-invazi-ukazal> (дата обращения: 22.05.2020).

⁹ *Tomek P., Pejčoch I.* Okupace 1968 a její oběti. Praha, 2017.

настроение, реакцию чехов и словаков на события пятидесятилетней давности. Как полагает словацкий прозаик и публицист Мартин Шимечка (род. в 1957 г.), сын известного диссидента, философа Милана Шимечки, благодаря представителям поколения, которые «Пражскую весну» и август 1968 г. считали знаковым событием в жизни и последующее двадцатилетие воспринимали как чрезвычайное положение, а не как восстановление status quo, удалось использовать исторический шанс после ноября 1989 г. и избавить страну от советских солдат. «Это было совсем не так просто, как может показаться сегодня, и поэтому люди, которые способствовали выводу советских войск, заслуживают огромной благодарности. Они создали условия для сегодняшнего молодого поколения, дали ему невероятный шанс: не пострадав от травмы, в будущем вести общество к уважению и свободе»¹⁰. Но тем не менее остались незалеченными раны. Известный чешский политолог и писатель Иржи Пеге (род. в 1955 г.) считает чешский народ морально покалеченным: «...Многие патологические явления в современном поведении чешского общества, такие, как неуважение к закону, политика, понимаемая как перманентное военное противостояние, или же неспособность правдиво воспринять прошлое, связаны не только с недостатком демократического опыта, что характерно для всех молодых демократий, но также с травмированным состоянием национального мышления». Пеге вторит и писательница, историк литературы Радка Денемаркова (род. в 1968 г.): «Чешское общество больное. И не желает лечиться. Мы живем в сфальсифицированной истории XX века и первого десятилетия века XXI. Мы не будем свободны, пока не размотаем спутанный клубок. Мы живем в трагической стране, где люди хотят забыть о прошлом. Кто жил при социализме, при оккупационном режиме как вассал России, как будто и не способен жить в ином мире»¹¹. Денемаркова сетует по поводу того, что травма чешского народа связана не только с беспрецедентным национальным унижением, но и последующими годами приспособленчества, доносительства, разрушением традиционного уклада жизни.

Анализ полувекового развития страны предпринимают не только историки, публицисты, но есть и попытки художественного его осмысления. К 40-й годовщине августовских событий вышла книга Йозефа Банаша (род. в 1948 г.), одного из самых популярных писателей современной Словакии, под названием «Зона энтузиазма. Политический триллер»¹². Книга была издана более чем в десяти странах мира, а к 50-летию оккупации вышла и в переводе на русский язык, правда, с подзаголовком «Драматическая история дружбы и любви (1968–2008)». Сюжет основан на реальных событиях, и в романе содержится

¹⁰ Шимечка М.М. Оккупация Чехословакии: два исторических дня // ИноСМИ. 12.06.2011. URL: <https://inosmi.ru/europe/20110615/170738246.html> (дата обращения: 22.05.2020).

¹¹ Hahnová E. Češi o Češích. Электронный ресурс Н70 Nakladatelství Host. 20.04.2018. URL: <http://www.h7o.cz/cesi-o-cesich/> (дата обращения: 22.05.2020).

¹² Banáš J. Zóna nadšenia, politický triler. Bratislava, 2008.

много документально-публицистических вставок, призванных напомнить старшему поколению или же представить молодым историю недавнего прошлого нескольких европейских стран. Действие разворачивается в Чехии, Словакии, СССР, России, Украине, ГДР, в объединенной Германии. Наряду с вымышленными персонажами в книге действуют также Брежнев, Андропов, Ельцин, Горбачёв, Дубчек, Гусак, Хонеккер, Брандт. Брежнев убежден, что «в Чехословакии под угрозой находятся основы социализма» и там «мы обязаны быть»¹³. Андропов же считает, что «вторжение не только излишне, но и нанесет вред репутации Советского Союза»¹⁴, но рисковать положением не хочет и свою нерешительность топит в стакане водки. Мы встретим у Банаша и Аксёнова с Евтушенко и вновь переживем драматическую отправку знаменитого письма Евтушенко Брежневу¹⁵. Здесь прозвучат и строки известного стихотворения поэта, которые будут повторять герои книги:

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.
Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.
Боже мой, как это гнусно!
Боже — какое паденье!
Танки по Яну Гусу,
Пушкину и Петефи...*¹⁶

В своих воспоминаниях «Волчий паспорт» (1998) и в интервью «Радио Прага» в 2017 г., незадолго до смерти, Евтушенко скажет: «...Одним из самых страшных дней в моей жизни был день, когда наши танки вошли в Прагу. Они как будто шли по моему позвоночнику, дробя его гусеницами. Солженицын в этот день, наверно, торжествовал, потому что это было подтверждением его аввакумовского антикоммунизма, а для меня это было крушением всей моей революционной романтики, надежд на социализм с человеческим лицом. Советская власть сама уничтожила все мои иллюзии по отношению к ней. Жизнь мне казалась конченной, бессмысленной, а я сам себе — навеки опозоренным»¹⁷.

¹³ Банаш Й. Зона энтузиазма. М., 2016. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Айзпурут К., Сташевская Е. Евтушенко. Спасти право на слово // Радио Прага. 03.04.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/bogema/evtushenko-spasti-pravo-na-slovo> (дата обращения: 22.05.2020).

Банаш отдает должное отдельным гражданам СССР, выразившим протест против вторжения. А вот в Словакии героев не нашлось. Главный персонаж Банаша наблюдает в августовские дни, как словаки пытаются протестовать: «Чем больше было выпито, тем решительнее были их речи. Он подумал, что в такую минуту они были бы способны совершить мировую революцию. Геройство под воздействием алкоголя — явление в Словакии весьма распространенное»¹⁸. Уже спустя годы его герой, ставший послом Словацкой Республики в НАТО, переориентировался в нужную сторону. «Он краем глаза следил за тем, как голосовал посол США, а затем голосовал так же, как и тот. Иногда он улыбался. Он вспомнил, как во времена своего пребывания в ГДР, сидя на совещаниях и краешком глаза наблюдая за советским коллегой, он голосовал так же, как и тот. И тогда, и сейчас — он всегда голосовал “правильно”. Большинство послов делало то же самое... Он как бы создал для себя свою собственную нишу, в которой укрылся и из которой выходил на свет только тогда, когда надо было кому-нибудь похлопать или самому сорвать аплодисменты»¹⁹. В этой книге можно увидеть, как поколение словаков, пережив всю боль и обиду, ощущение, что их растоптали, страх перед будущим, в течение 20 лет пыталось излечить эту травму, научилось приспособляться. И сегодня, в новых условиях демократии, они ищут свое место в Европе, стараясь определить отношение к России, и уже не винят во всем только советское руководство, военных, весь Советский Союз, но критически воспринимают и свое место в истории, и мотивы собственного поведения. Как заметил в свое время К. Крыл, «коммунисты перестали господствовать, но появятся другие партии. Будут делаться другие глупости и наверняка немало других безобразий. Человеческая глупость, подлость и злоба неистребимы. Против них всегда надо будет бороться»²⁰.

Хотя «нормализация», коммунизм в целом оставили после себя ментальное и политическое наследие, надежда на оздоровление нации есть, и есть молодое поколение чехов и словаков, не отягощенных оккупацией как ключевым жизненным опытом, что является тяжелой травмой для их родителей.

А что же в России? За книгой Коуделки 2009 г. последовала публикация «Вторжение 1968: Взгляд из России» (на чешском издана в 2011 г. и на русском в 2016 г.). В ней показано, что и для российского общества 1968 г. сыграл огромную роль, похоронив надежды советской интеллигенции на обновление. В предисловии к изданию на русском языке говорилось, что эта книга — «одно из нечастых литературных и документальных противоядий. Она прежде всего о тех, кто не плыл по течению тогда, когда делать это было намного сложнее, чем сегодня»²¹. Петр Коларж, в 2010–2012 гг. посол Чеш-

¹⁸ Банаш Й. Зона энтузиазма. М., 2016. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 457.

²⁰ Крыл К. Rozhovory. Praha, 2006. S. 248.

²¹ Вторжение: Взгляд из России, август 1968 / под ред. Й. Паздерки. Прага, 2016. С. 6.

ской Республики в России, выступая на презентации книги на чешском языке, назвал ее водоразделом, дающим, наконец, слово не только чехам, но и русским, чьи души были травмированы не меньше чешских, и заметил, что всегда надо помнить о том, что есть интересы государственные, а есть интересы народа. И действительно, прежде считалось, что 1968 г. явился ударом только по чехам и словакам и что русский народ как одобрял «интернациональную помощь», так и продолжает одобрять. В советской стране в 1968 г. лишь семь человек вышли на Красную площадь и выразили протест против вооруженной интервенции. Был Евтушенко, были единицы, тайно протестующие.

23 мая 2015 г. на телеканале «Россия 1» был показан фильм «Варшавский договор. Рассекреченные страницы» (производство ВГТРК), в котором утверждалось, что целью ввода войск в Чехословакию было предотвращение военного переворота, который поддерживался Западом. Министр иностранных дел Чехии на тот момент Любомир Заоралек вызвал посла России в Праге С. Б. Киселёва для объяснений по поводу фильма. Как отметила пресс-секретарь МИД Чехии Михаэла Лагнонова, по мнению министра, этот фильм «вводит в заблуждение». А Словакия выразила официальный протест в связи с показом документальной ленты. В фильме, как говорилось в заявлении властей Словакии, вторжение советских войск представлено как дружественный шаг с целью защиты страны от потенциальной угрозы. В МИД Словакии подчеркнули, что настаивают на «уважении правды», особенно в контексте «большой трагедии для Чехословакии и ее граждан», и напомнили, что Россия в прошлом принесла официальные извинения за вторжение и последовавшую оккупацию Чехословакии.

И до этого появлялись публикации о чехословацких событиях, но выходили разрозненно, в отдельных изданиях, имели характер дискуссионных статей. Тот же факт, что на российском государственном телеканале в прайм-тайм был показан фильм, который фальсифицирует, переосмысливает и подвергает ревизии события прошлого, несмотря на то, что их свидетели еще живы, заслуживает особого внимания и принципиальной оценки. Нельзя не упомянуть и о скандальной статье, опубликованной на сайте телеканала «Звезда» как раз во время визита президента Чешской Республики Милоша Земана в Россию в ноябре 2017 г. Автор не просто оправдывал ввод войск в Чехословакию, но и преподносил вторжение как благо для Чехословакии, которой якобы подарили спокойную жизнь. Возмущение чешской стороны была так велико, что даже поставило под вопрос дальнейшее пребывание Земана в Москве. Сам чешский президент так прокомментировал статью: «Вчера на телеканале “Звезда” опубликована статья какого-то ненормального журналиста с промытыми мозгами, утверждающего, что в 68-м советская армия помогла Чехословакии оккупацией. Это оскорбление нашего народа, я вообще не хотел говорить на эту тему, чтобы не мутить воду. Но эта статья появилась в день нашего визита, и я считаю ее умышленной

провокацией»²². Президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин попытался сгладить скандал, заявив, что на самом деле мы благодарны чехам за 1968 г., за «Пражскую весну», т. к. именно тогда дрожжи демократии были занесены в Россию. Конечно, вызревали они почти 20 лет, но это произошло, подчеркнул он.

Да, в России можно обсуждать вопрос об интервенции более или менее спокойно. Можно строить предположения, что бы было, если бы не была применена военная сила, если бы не оказывали давление на Дубчека и дали бы возможность чехам построить «социализм с человеческим лицом». Но для чехов и словаков не существует никаких абстрактных рассуждений: для них однозначно события 1968 г. — одна из самых травматичных точек их истории и непреходящая боль.

Почему заговорили о переоценке событий? Может быть, по прошествии стольких лет они постепенно стираются в памяти, и хочется поскорее забыть одну из самых трагических страниц истории отношений двух стран, всей европейской истории? К 50-летию событий было приурочено много различных мероприятий, где в очередной раз попытались проанализировать, что же произошло в 1968-м и как к этому относиться сегодня. Так, в частности, в Москве 30 мая — 1 июня 2018 г. прошла международная конференция с симптоматичным названием «Уроки 1968» с участием одной из ключевых фигур «бархатной революции» Петра Питгарта (в прошлом премьер-министра ЧСФР, депутата парламента, писателя, философа, автора запрещенной в свое время книги «Шестьдесят восьмой», ставшей своеобразным учебником жизни для целого поколения), Александра Даниэля, Людмилы Улицкой, Владимира Лукина, Адама Михника и многих других политиков, ученых, очевидцев, которые вновь вспомнили об операции «Дунай», ее последствиях и о том, какие мифы появились с течением времени и можно ли об этих событиях забыть.

В книге российского журналиста, писателя и путешественника Леонида Шинкарёва (род. в 1930 г., удостоен в 2006 г. почетного звания «Легенда российской журналистики») «Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году», вышедшей в 2008 г., приводится разговор с человеком, работавшим когда-то в Праге, который говорит: «Я всегда осуждал ввод войск в Чехословакию, до сих пор считаю это ошибкой. Но теперь, после того, как чехи, пусть символически, но участвовали в акции США против Югославии, когда послали своих солдат в Ирак, а теперь хотят строить американскую станцию слежения, они должны пересмотреть взгляд на события 1968 года. Разве у нас тогда не было права на защиту своих стратегических интересов? Или американцам можно, а нам нельзя? Я даже рад, что чехи так себя повели. Они сняли камень с моей души. У меня больше нет перед ними

---

²² Крылов А. «Гнусная провокация прямо в день начала моего визита» // Газета «Взгляд». 22.11.2017. URL: <https://vz.ru/politics/2017/11/22/896424.html> (дата обращения: 22.05.2020).

чувства вины за 1968 год. Хватит! Мы больше никому ничего не должны. Нельзя великой России идти вперед с головой, повернутой назад...»²³ И эта позиция, надо сказать, близка весьма многим. Хватит каяться, хватит анализировать. Мы все равно больше и сильнее. Такая уж судьба.

Наверное, каяться уже не надо, считает Шинкарёв, все слова сказаны. А лучше учиться слышать других — пусть это маленькие, слабые народы, и территория у них небольшая. Но надо считаться с ними, договариваться, уважать — моральные нормы никто не отменял. И, конечно, помнить, смотреть время от времени на фотографии Коуделки, читать воспоминания участников событий 1968 г., стихи Евтушенко и Крыла.

---

²³ Шинкарёв Л. Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008. С. 417.

1968 г. и художественная жизнь ЧЕХОСЛОВАКИИ

События «Пражской весны» затронули не только политическую, но и социально-культурную жизнь Чехословацкой Республики. В первую очередь это проявилось в падении «железного занавеса», отделяющего чехословацкую художественную сферу от европейского и мирового художественного сообщества. Уже с середины 1960-х гг. в чехословацком искусстве начинает проследиваться влияние актуальных мировых художественных тенденций.

Поворотным моментом, давшим старт реформам на государственном уровне, стала смена партийного руководства в январе 1968 г. Через месяц после вступления Александра Дубчека в должность первого секретаря КПЧ началась реализация программы преобразований под лозунгом «социализма с человеческим лицом». Задачи, которые ставила партия, были сформулированы 5 апреля 1968 г. в Программе действий. Документ провозглашал политику «единства и доверия», свободу слова и упразднение цензуры в средствах массовой информации, искусстве, литературе.

Роль двигателя активной творческой жизни в стране отводилась новому общественному классу — социалистической интеллигенции. Лишенная негативных черт интеллигенции капиталистического общества, она сохраняла тесную связь с пролетариатом, не умаляла заслуг рабочего класса и выступала защитницей представителей интеллектуальных кругов, заявляя, что «[их] тяжелый душевный творческий труд... на благо социалистического общества должен быть по заслугам вознагражден». Характерно, что в Программе действий признавалась необходимость активной связи чехословацкого искусства с мировым, включая и капиталистическое. Национальное искусство, по мнению руководства компартии, в 1950-е гг. находилось в изоляции, что пагубно сказалось на его развитии и отдалило от мирового сообщества. Это, помимо прочего, мешало искусству выполнять свою пропагандистскую функцию и тем самым отсрочивало победу пролетарской революции во всем мире. Чехословацкое общество в целом с энтузиазмом встретило перемены, но, справедливости ради, заметим, что имелись и недовольные, хотя таковых было меньшинство.

Критика нового курса извне не заставила себя долго ждать. Начиная с марта 1968 г. практически на каждой встрече представителей стран социалистического блока звучало осуждение происшедших в Чехословакии событий,

причем критика все более ужесточалась. Свобода слова была названа основной причиной роста рядов противников режима, а отсутствие действенного контроля государства за жизнью граждан — небезопасной практикой, ведущей к ухудшению политической и социальной ситуации в стране. Эскалация обвинений привела к хорошо известным событиям: в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. войска стран Варшавского договора, которые были сосредоточены на приграничных территориях еще с июня, перешли границы независимого государства Чехословакии. Люди, выйдя на следующее утро из дома, увидели на улицах военную технику и вооруженных солдат.

Военнослужащие были готовы по приказу начать боевые действия против восстания, якобы спровоцированного и руководимого капиталистическими силами Запада. На улицах, однако, они встретили сотни и тысячи мужественных граждан, стремившихся в первые дни после ввода войск миролюбиво объяснить солдатам чужих армий, что вторглись они на территорию суверенного государства без каких-либо видимых на то причин и никакой контрреволюции нет и не было. Военные подразделения стран Варшавского договора, принимавшие участие в учениях в июне, состояли, как правило, из молодых людей, слабо ориентированных в ситуации; многие попросту не понимали, почему их так долго не возвращают домой после учений. Поэтому хаос и растерянность наблюдались, особенно поначалу, не только в чехословацком обществе, для которого такое вторжение спустя 20 лет после окончания войны казалось невозможным, но и среди солдат.

Общественный резонанс вторжения усиливал тот факт, что партийное руководство, пользовавшееся доверием и поддержкой основной массы населения, хотя и призвало не давать отпор оккупантам по причине их явного преимущества перед безоружными гражданами, однозначно оценило данный акт как агрессию против независимого государства. Эта оценка шла вразрез с позицией Кремля, представлявшего ввод войск как миролюбивую акцию, «помощь» братских народов. Отпор чехословацких граждан был безоружен, но методичен, организован и неизбежен.

Реакция художественных кругов не заставила себя долго ждать. Первые произведения искусства были созданы уже в сентябре как ответ на события августа 1968 г. и сразу появились на выставках. Для них характерно разнообразие сюжетов (беспорядок, тревога, депрессия, горе) и форм их изображения. Оказали также свое влияние очевидное последующее ухудшение ситуации в сфере культуры, равно как и ограничение творческих проявлений, мешающих, как считали власти, начинавшейся политике «нормализации». В связи с этим лишь в редких случаях мы можем с уверенностью говорить о том, что то или иное произведение непосредственно отражает события августа 1968 г. Безусловно, мы не имеем права упрекать художников в нежелании открыто критиковать коммунистическую партию. Иностранные войска все еще находились на территории Чехословакии, атмосфера страха в стране по-прежнему сохранялась.

В ходе «нормализации» власть не могла руководствоваться только запретами: следовало успокоить население, постараться свести к минимуму проявления возмущения и сопротивления граждан. Произведения искусств, выставленные в 1970 г. в павильоне Манес и в Галерее молодых на выставке «Искусство молодых — 70», пусть и не напрямую были связаны по своему содержанию с оккупацией, но отражали характерное для всего общества чувство тревоги¹.

Руководство КПЧ предпочитало последовательно, но постепенно ограничивать гражданские свободы. Именно поэтому самый суровый период так называемой нормализации настал уже после 1970 г.

В наибольшей степени этот плавный переход от «Пражской весны» к социалистической диктатуре в культуре и искусстве заметен в архитектуре и монументальной скульптуре, т. к. продолжалась реализация масштабных государственных заказов, одобренных еще до августа 1968 г. и предполагавших решение творческих задач с позиций социалистического реализма. Не была, например, отменена ранее утвержденная программа выставок. В 1969 г. была открыта выставка американского изобразительного искусства после 1945 г. «Исчезновение и возрождение образа» (*The Disappearance and Reappearance of the Image*), некоторые американские художники даже посетили Прагу.

Прямой реакцией на оккупацию стали картины «Дань Палаху» Иржи Коларжа и «Оккупация» Яна Зрзавого; во второй половине 1968 г. и в 1969 г. абсурдность оккупации, шок и разочарование населения художники отражали в абстрактной или символической формах.

Новая генерация художников, показавших свои работы на выставке «Искусство молодых — 70», как уже было сказано, обращалась в основном к символическим изображениям и аллегориям, а вот старшее поколение, к которому как раз и относились Ян Зрзавый и Иржи Коларж, часто самовыражалось однозначно и твердо. Например, Зрзавый в довольно примитивной форме, напоминающей детский рисунок, изобразил «лицо» оккупации. Среди произведений Коларжа стоит отметить «Еженедельник 1968», над которым художник работал весь год: в августе 1968 г. он выпускался почти каждый день. Работы Коларжа в «Еженедельнике» представляют собой экспериментальный синтез литературы и изобразительного искусства. Коларж дополняет коллажи, созданные из газетных вырезок, плакатов и брошюр, своими стихами. Основную задачу он видел в изображении смелого национального сопротивления. Уже начиная с конца июля в его коллажах прослеживается нарастающая трагичность, достигающая своего пика в августе и сентябре. В последующем Коларж возвращается к данной теме неоднократно, а в январе 1969 г., после смерти Яна Палаха, посвящает ему ряд коллажей. Художник прибегает к сопоставлениям с библейскими сюжетами: трагедия, разыгранная на Вацлавской площади, сравнима с изображением распятого Христа на готических алтарях. Издание «Еженедельник 1968» фактически не было доступно общественности, оставаясь

¹ Výtvarné umění. 1970. Č. 4. S. 189–193.

частным, поэтому Коларжа невозможно было обвинить в пропаганде антисоветских идей в обществе.

Среди символов оккупации в искусстве 1960-х гг. особенно выделяется символ рук. В 1969 г. скульптор Ева Кментова использовала в работе слепок своих, застывших в молитве, рук с пулевыми ранениями. Явившись прямой реакцией на оккупацию, произведение «Руки», выполненное из гипса и картона, стало символом трагического августа 1968 г., символом вторжения на мирную землю.

Павел Нешлеха представил картину «Израненная рука». На ней изображены швы как выражение надежды художника на то, что рана, нанесенная чехословацкому обществу, может зажить.

Символика пронизывает также произведения, изображающие мишень или человеческое тело со следами пулевых отверстий. Мишень, с одной стороны, становится символом преданной Чехословакии, а с другой — символом человеческой жертвы.

Наиболее значительным здесь видится произведение Евы Кментовой «Мужчина-мишень» (1968): пулевые ранения сосредоточены в области сердца.

Над изображением человека-механизма в 1960-е гг. работал Карел Непраш: выполненные из металла скульптуры символизируют оружие и первую неделю оккупации, когда Прага превратилась в поле сражения. На рубеже 1960–1970-х гг. Непраш создает несколько скульптурных композиций, изображающих ряд фигур, словно поспешно уходящих куда-то. Наиболее известный скульптурный комплекс данного цикла создан в 1969 г. в Остраве под названием «Семья, готовая к отъезду»². Фигуры олицетворяют процесс эмиграции как проявление несогласия чехословацкого общества с политикой «нормализации».

Для пражского и в целом чешского изобразительного искусства главным символом трагического самопожертвования стал Ян Палах. Некоторые художники реагировали на самоотверженность Палаха чистыми минималистическими формами, как, например, Вацлав Боштик в своей работе «Синий (Яну Палаху)» (1969). Особенно хотелось бы отметить скульптора Ольбрама Зоубека, который 19 января снял посмертную маску Палаха³. Позже, в августе 1969 г., к Зоубеку обратилась мать погибшего юноши с просьбой сделать для ее сына надгробный памятник⁴. Появилась даже идея проведения международного конкурса на проект памятника, которая в то время не могла быть реализована⁵. Будучи родственником Палаха, Зоубек работал над данным заказом почти без перерыва, и уже в июле 1970 г. надгробная плита была установлена

² Mach J. Karel Nepraš: iron story. Praha, 1999. S. 33.

³ Český sochař Olbram Zoubek o sobě a o době / ed. O. Zoubek, J. Klusáková. Praha, 1990. S. 30.

⁴ Protokol z výslechu Olbrama Zoubka příslušníky StB // Sozanský J. 1969 – rok zlomu. Praha, 2015.

⁵ Ibid. S. 193.

на Ольшанском кладбище⁶. Могила Палаха сразу стала местом паломничества, и уже в ноябре того же года надгробный памятник был демонтирован и уничтожен по приказу партийного руководства⁷. В 2007 г. Зоубек передал посмертную маску Палаха скульптору Иржи Созанскому и разрешил ему использовать маску в своем творчестве⁸. И. Соланский сделал это в цикле работ «Вознесение». В центре произведения — отпечатки тела Палаха и его посмертная маска. Как утверждает сам Созанский, обдумывая концепцию произведения, он обратился к христианской реликвии — туринской плащанице⁹.

Изучение влияния событий 1968 г. на чехословацкое изобразительное искусство и поныне остается актуальным и важным. Свидетельством этого являются выставочные проекты и художественные акции. Так, например, на выставке «Анатомия прыжка в пустоту. 1968 год и искусство в Чехословакии» было представлено публике более 140 произведений.

«Пражская весна» и последовавшие за ней события, пожалуй, более выразительно проявились в изобразительном искусстве, чем в документальной фотографии и кино. Произведения искусства являются особым эмоциональным отражением этого непростого периода чехословацкой истории.

Художники, скульпторы, литераторы и другие представители чехословацкой интеллигенции формулировали новые идеи, пытались найти новые выразительные средства, отражавшие свободу мышления, вновь начали налаживать утраченные контакты с мировым художественным сообществом. Так, в 1967 г. на съезде чехословацких писателей много говорили не только о свободе слова, отмене цензуры, но и о невозможности попрания гражданских прав и свобод.

Насильственное окончание «Пражской весны» и дальнейший путь к «нормализации» подтолкнули чехословацких творцов к желанию запечатлеть жестокую реальность.

Условно художественные произведения конца 1960-х гг., возникшие под влиянием драматических событий 1968 г., можно разделить на несколько групп с определенными символами и сюжетами. Изобразительное искусство, однако, в отличие от кино и художественной литературы указанного периода, менее изучено, что открывает широкие перспективы для заинтересованных и инициативных исследователей.

---

⁶ Český sochař Olbram Zoubek o sobě a o době. S. 36.

⁷ Ibid. S. 38.

⁸ *Sozanský J.* 1969 — rok zlomu. S. 163.

⁹ Ibid. S. 105.

II. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В БОРЬБЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

В последнее десятилетие пребывания Владислава Гомулки на посту лидера партии и государства я был его личным переводчиком. В мои жизненные планы это не входило: свое будущее я связывал с научной карьерой. Судьба распорядилась по-другому.

В 1959 г., после защиты кандидатской диссертации в Ленинградском университете¹, я начал работать в Варшавском университете и одновременно был адъюнктом² в Институте географии [Польской академии наук]. Зарплаты в учебном заведении, как это у нас всегда, наверно, бывает, были скромными, поэтому пришлось искать дополнительные источники содержания семьи. Помог работавший в Иностранном отделе ЦК ПОРП друг, который занимался редактированием предназначенного для заграницы Информационного бюллетеня ЦК партии. Моя работа заключалась в переводе текстов на русский язык. Вскоре руководство отдела стало поручать мне сопровождение заграничных гостей, проводивших в Польше отпуск, и официальных делегаций. Я показывал им Польшу и сам узнавал ее лучше, знакомился с людьми — и с самими гостями, и с теми, с кем им приходилось встречаться. В качестве сопровождающего я бывал на встречах некоторых делегаций с представителями высшего руководства ПОРП, чаще всего с Зеноном Клишко³, который курировал вопросы международных связей. Как-то раз, несомненно, по инициативе Клишко, я оказался на приеме у Владислава Гомулки. По-видимому, то, как я вел себя на этой встрече и как переводил, понравилось «Веславу»⁴, поскольку все чаще мне ста-

---

¹ В 1954 г. Б. Рыхловский был направлен в аспирантуру географического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, где обучался под руководством известного советского экономико-географа проф. В. М. Четыркина (1892–1958). В 1959 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономическое районирование ПНР». В 1967 г. в Варшаве была опубликована монография Рыхловского «Экономическое районирование» (*Rychłowski B. Regionalizacja economiczna (Zagadnienia podstawowe)*) (см.: Саушкин Ю. Г. Географическое мышление. Смоленск, 2011. С. 152–153).

² В советской образовательной традиции соответствовал должности ассистента.

³ Клишко Зенон (1908–1989) — партийный деятель, ближайший сподвижник В. Гомулки, идеолог ПОРП, в 1959–1970 гг. — член Политбюро и секретарь ЦК ПОРП.

⁴ Партийный псевдоним В. Гомулки.

ли поручать переводить его беседы с гостями самого высокого ранга. Гомулка нелегко допускал к себе новых лиц, поэтому сначала мое появление было воспринято его окружением с некоторым удивлением. Со временем я стал постоянным переводчиком «Веслава», присутствовал почти на всех его встречах с Леонидом Брежневым, в Польше и СССР, и с другими руководителями Советского Союза, а также на многосторонних совещаниях Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора (ПКК ОВД), на сессиях Совета экономической взаимопомощи и встречах с говорившими по-русски деятелями. Гомулка также открыл мне дорогу к дипломатической службе. Благодаря этому я на протяжении многих лет соприкасался с вопросами исторического масштаба, что обогатило мои знания, но также и направило мою жизнь по такому пути, о котором раньше я и не помышлял.

Приступая к изложению наиболее важных известных мне фактов о деятельности Гомулки, я осознаю, что обращаясь к событиям, все глубже уходящим в прошлое, память затмевается более поздними воспоминаниями. Свой отпечаток накладывают и личная переоценка происходившего, и свидетельства других очевидцев, и даже мнения разного рода мистификаторов. Для того чтобы избежать искажения событий ненужными наслоениями, я постараюсь писать лишь о том, чему сам был свидетелем, в чем принимал непосредственное участие и что оставило отчетливый след в моей памяти. Конечно, при этом невозможно ограничиться только жесткими рамками того времени.

* * *

Яснее всего в моей памяти сохранилось все, что было связано с так называемой немецкой проблемой. В этом нет ничего удивительного, поскольку, наряду с польско-советскими экономическими отношениями, она всегда занимала главное место в контактах Гомулки с руководителями Советского Союза — с момента, когда я начал участвовать в этих беседах, и вплоть до лишения его руководящих постов.

Если в первые годы Народной Польши Гомулка уделял максимум внимания достижению оптимального в тех условиях размера территории нашего государства и его быстрой интеграции в новых границах, то во время второго срока его нахождения у власти⁵ государственная внешняя политика была направлена на завоевание международного признания нерушимости и неизменности наших западных границ. Такой подход был продиктован прагматичным и ориентированным на перспективу геополитическим мышлением Гомулки, его инстинктивными опасениями возможного объединения Германии (отдельные признаки стремления к этому он с удивительной проницательностью улавливал не только в ФРГ, но и в руководящих кругах ГДР) и восстановлением ее великодержавной позиции, а также отсутствием уверенности в неизменности советской политики в немецком вопросе, что вызывало у него беспокойство по поводу прочности советских гарантий нерушимости польских западных границ.

---

⁵ Речь идет о периоде с октября 1956 по декабрь 1970 г.

Постоянно стремясь к позитивному развитию польско-советских отношений, Гомулка одновременно выступал против не прекращавшихся проявлений польско-немецкой враждебности. Он считал, что иная стратегия могла бы побудить немцев обойти Польшу в борьбе за усиление своих международных позиций и найти оптимальные возможности реализовать восточную политику в рамках двухсторонних отношений с СССР. Не исключая такого варианта развития ситуации в Европе, Гомулка стремился защитить польские интересы путем создания системы внешних гарантий неизменности польских западных границ. При этом он учитывал позиции как великих держав, так и обоих немецких государств — не только непосредственно граничившей с нами Германской Демократической Республики, которая признала эти границы в 1950 г., но и Федеративной Республики Германии, упорно ставившей под сомнение их окончательный характер. Гомулка считал, что признание неизменности и нерушимости границы, установленной в Потсдаме, является основным условием польско-немецкого примирения, а абсолютная поддержка со стороны СССР в этом вопросе — краеугольным камнем стабильности добрососедских польско-советских отношений. Реализацию этих двух целей он считал главным признаком эффективности нашей политики.

Между тем в начале 60-х гг. прошлого века, на закате пребывания у власти Никиты Хрущёва, в политике СССР появились неблагоприятные для Польши симптомы. В беседах Гомулки с Хрущёвым я не участвовал, но, присутствуя на встречах другого уровня, мог с легкостью заметить, что, по крайней мере, с начала 1963 г. как в немецком вопросе, так и по некоторым другим международным проблемам стали проявляться расхождения в оценках, а часто и действиях. На официальных встречах и в телефонных разговорах с Хрущёвым Гомулка не раз предпринимал усилия, чтобы изменить первоначальные установки советской стороны, благодаря чему в них удавалось вносить определенные коррективы. Так, советским руководителям пришлось отказаться от намерения включить Монгольскую Народную Республику в ОВД. Не желая выносить противоречия на широкий форум, Гомулка направил Хрущёву письмо, детально аргументируя в нем свои соображения. Хрущёв, однако, не понял благонамеренного жеста польского лидера (в то время такая форма дискуссии не была принята между социалистическими государствами) и воспринял письмо как направленный лично против себя официальный документ.

Гомулка изменил свою установку на ограниченную критику, получив информацию о том, что в беседах с немцами зять Хрущёва — Алексей Аджубей⁶ намекал на возможность поставить под вопрос территориальную целостность

---

⁶ *Аджубей Алексей Иванович* (1924–1993) — советский журналист, главный редактор газет «Комсомольская правда» (1957–1959) и «Известия» (1959–1964). Депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС с 1961 г. Практически возглавлял пресс-службу Н.С. Хрущёва, участвовал в написании речей и докладов советского руководителя, сопровождал его в поездках, выполнял отдельные поручения международного характера. В октябре 1964 г. в связи с отставкой Хрущёва выведен из состава ЦК.

Польши⁷. Тогда Гомулка обвинил Хрущёва в вероломстве и попытке возобновить старые, уходящие корнями в Рапалло⁸ принципы советско-немецкого сотрудничества. Подобные разногласия и конфликты обостряли взаимоотношения двух лидеров и повлияли на подход Хрущёва к экономическому сотрудничеству с Польшей, что привело к ухудшению некоторых условий, на основе которых советская сторона стремилась его развивать.

В мае 1964 г. я был назначен сопровождающим делегации КПСС во главе с Леонидом Брежневым, тогда председателем Президиума Верховного Совета СССР, которая должна была принять участие в созывавшемся 15–30 июня IV съезде ПОРП. Тот факт, что делегацию возглавил Брежнев, а не Хрущёв, мы оценивали как выражение неприязни к Гомулке за его критику позиции советского лидера по международным вопросам. Когда за несколько дней до открытия съезда пришла информация о замене Брежнева Николаем Подгорным, одним из секретарей ЦК КПСС, мы пришли к выводу, что борьба за место Хрущёва, который своим своевластием активизировал выступавшие против него силы, входит в решающую фазу (это и побудило Брежнева остаться в Москве). Этот прогноз хотя и оказался несколько преждевременным (Хрущёв даже приехал в Варшаву на празднование 20-летия ПНР), но в целом был правильным: 17 октября было опубликовано сообщение о снятии Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС и избрании вместо него Брежнева. Некоторые советские функционеры, позднее побывавшие в Польше, подчеркивали, что свержению Хрущёва способствовали ошибки, за которые упрекал его Гомулка, однако документально это не подтверждено. В любом случае приход к власти Брежнева открыл новый этап в польско-советских отношениях. С самого начала наше руководство старалось способствовать тому, чтобы позиция нового первого секретаря ЦК КПСС и в двусторонних отношениях, и в международной политике была выгодна Польше. Учитывая большой авторитет Гомулки как в советском обществе, так и в международном коммунистическом и рабочем движении, советское руководство, особенно сам Брежнев, с пониманием относилось к этому. Так, собственно, Брежнев сам предложил провести уже 24 октября в Беловежской Пуще (в Белоруссии, вблизи польской границы) встречу лидеров Польши и СССР. На встрече советская сторона проинформировала польскую сторону о причинах отстранения Хрущёва. Были также обсуждены вопросы, связанные с имевшимися упущениями в польско-советских экономических отношениях. Поскольку, оценивая деятельность своего предшественника, Брежнев обошел проблемы международной политики, Гомулка представил

---

⁷ Летом 1964 г. А. Аджубей посетил Бонн, где во время встреч с немецкими коллегами он «внушал» своим собеседникам «возможность советско-германского соглашения на основе нейтралитета и объединения Германии» (*Albert A. Najnowsza historia Polski. 1918–1980. London, 1989. S. 823*).

⁸ Имеется в виду заключенный 16 апреля 1922 г. в Рапалло договор между РСФСР и Веймарской республикой на основах равноправного взаимовыгодного сотрудничества и отказа сторон от взаимных претензий.

критический анализ деятельности Хрущёва в этой сфере в конце его пребывания у власти. Гомулка указал, что в случаях, когда дело касалось жизненных интересов Польши, советская сторона не считала нужным консультироваться с поляками. В качестве иллюстрации он привел концепцию сближения ФРГ с Советским Союзом и все связанные с ней попытки, основанные на примере немецко-советского договора в Рапалло. Упомянул также легкомысленное, по его мнению, отношение Хрущёва к возможности создания западными государствами многосторонних ядерных сил НАТО, что могло бы открыть ФРГ доступ к ядерному оружию. Большое внимание Гомулка уделил разногласиям, касавшимся отношений с Коммунистической партией Китая и Китайской Народной Республикой, а также необходимости восстановления единства всего «социалистического лагеря». Гомулка всегда считал, что причиной советско-китайского конфликта было нежелание советских лидеров относиться к китайским коммунистам как к равноправным партнерам, а не какие-то существенные доктринальные различия.

Встреча в Беловежской Пуще внесла значительные изменения в польско-советские отношения, особенно торгово-экономические. В результате оздоровления общей политической атмосферы, формировавшейся в ходе встреч, официальных визитов, при обмене корреспонденцией, появилась возможность решать конкретные проблемы сотрудничества в духе уважения интересов сторон и на основе взаимной выгоды. Правда, время от времени установившуюся хорошую «погоду» во взаимоотношениях портили отдельные высказывания некоторых ведущих советских политиков (к ним не относился Алексей Косыгин): они позволяли себе хотя и шуточные по форме, но доктринерские по содержанию колкости о якобы имевшемся «отставании» Польши в строительстве развитого социалистического общества. В целом они касались трех сфер нашей общественной жизни: большой роли католической церкви, низкого уровня обобществления в сельском хозяйстве и отсутствия единого молодежного движения. Гомулка решительно и в острой форме пресекал такие банальные «шутки». Он видел сокрытую в них наглость людей, не желавших признать, что их собственные решения в этих областях являются источником глубоких общественно-экономических деформаций. Гомулка на язвительность отвечал язвительностью, что, как правило, пресекало эту часть дискуссии.

Уместно обратить внимание на то, что Гомулка старался вести переговоры с советскими лидерами таким образом, чтобы не позволять им вступать в наши внутренние дела. Он не рассуждал на тему существующих между нашими странами сходств и различий в организации общественного строя, а всегда старался направить разговор на конкретные вопросы сотрудничества и способы их решения. Гомулка также не просил совета, каким образом решать внутренние проблемы Польши или как выстраивать наши отношения с внешним миром. Он, однако, спрашивал совета (и сам с готовностью давал его) в вопросах, касавшихся непосредственно партнера, взаимного сотрудничества, общих интересов. Такой подход отличал Гомулку от лидеров других социалистических

стран, которые даже в маловажных делах стремились получить одобрение советской стороны.

Хорошая погода не бывает постоянной ни в природе, ни в политике. Симптомы ее ухудшения появились, когда в ФРГ было сформировано правительство так называемой большой коалиции, руководимое Куртом Кизингером⁹. В первом выступлении в бундестаге по проблемам текущей политики он предложил европейским социалистическим странам заключить соглашения в ФРГ об отказе от применения силы и установлении дипломатических отношений (однако без признания существующих границ). Кизингер высказался также за развитие человеческих, экономических и духовных контактов «с соотечественниками, живущими в другой части Германии» — ГДР. На эти предложения позитивно отреагировали все страны за исключением Польши. В конце 1966 г., во время встречи в Варшаве с курировавшими международные проблемы секретарями ЦК КПСС Юрием Андроповым и Борисом Пономарёвым, Гомулка говорил о необходимости созвать конференцию министров иностранных дел стран-участниц ОВД с целью выработки общей позиции касательно политики нового правительства ФРГ. Но еще до созыва конференции, в январе 1967 г., состоялась неофициальная встреча лидеров Польши и СССР в Ланьске на Мазурах, где помимо бесед Брежнев и Подгорный предавались своему любимому развлечению — ночной охоте на крупного зверя.

Из всех встреч, в которых я участвовал, встреча в Ланьске сохранилась в моей памяти как одна из наиболее интересных и важных. Первым говорил Брежнев, представив достаточно обширно, но при этом в привычных выражениях, информацию о текущей деятельности советского руководства. Польские участники беседы оживились только тогда, когда он перешел к немецким вопросам. Брежнев позитивно оценил идею встречи министров иностранных дел, однако не придавал значения ее срочности. Одновременно он информировал, что руководство КПСС, согласовав свою позицию с Вальтером Ульбрихтом, подготовило письмо братским партиям с изложением состояния немецкой проблемы. При этом советский лидер выразил сомнение, может ли Советский Союз, который сам поддерживает дипломатические отношения с Федеративной Республикой Германия¹⁰, отказывать в праве их установления другим социалистическим странам. Брежнев добавил, что в письме подчеркивается необходимость консультаций других социалистических стран по немецким вопросам с Германской Демократической Республикой, лучше ориентирующейся и прямо заинтересованной стороной.

⁹ Правительство «большой коалиции» действовало с декабря 1966 по октябрь 1969 г.

¹⁰ В соответствии с Доктриной Хальштейна, определявшей внешнюю политику ФРГ в 1955–1970 гг. и направленной на изоляцию ГДР на международной арене, поддержание той или иной страной дипломатических отношений с Восточной Германией исключало установление дипотношений между нею и ФРГ. Исключение было сделано для СССР в соответствии с договоренностью, достигнутой во время посещения федеральным канцлером К. Аденауэром Москвы в сентябре 1955 г.

Гомулка был крайне удивлен и попросил дать ему текст этого письма. После его прочтения советские представители попытались перевести разговор на другую тему (в частности, Косыгин проинформировал о переговорах с генералом де Голлем)¹¹. Однако «Веслав» не позволил свернуть немецкую проблему. Видя колебания советских лидеров, он поставил вопрос остро и принципиально: подчеркнул, что считает немецкую проблему наиболее важной для Европы и стран-участниц Варшавского договора; подверг критике позиции Румынии, Венгрии и Чехословакии, считая, что их стремление как можно быстрее установить дипломатические отношения с ФРГ может привести к расколу Варшавского договора. Он не критиковал напрямую советских лидеров, но давал им ясно понять, что они действуют против собственных интересов. Для них это был болезненный упрек. Гомулка категорически подчеркнул, что даже если все социалистические государства установят дипломатические отношения с ФРГ, то Польша этого не сделает без выполнения трех базовых условий, четко сформулированных Варшавой: признание Западной Германией существующих границ; признание суверенитета ГДР; отказ ФРГ от ядерного оружия.

Соглашаясь с необходимостью поддерживать стабильность ГДР (открыто шантажируя, вспоминая в этом контексте фамилии Берии и Хрущёва)¹², Гомулка вместе с тем возразил против согласования любых действий по немецким делам с руководством ГДР. Утверждая, что Варшавский договор начинает расшатываться, он выразил беспокойство в связи с отсутствием у советского руководства реакции на его предложение созвать совещание министров иностранных дел для выработки общей политики по отношению к ФРГ. Это был сильный шаг, и Брежнев воспринял упрек правильно, заявив, что разделяет беспокойство «Веслава» по поводу возникшей ситуации. Он фактически объявил об отзыве предложений, раскритикованных Гомулкой, а также о незамедлительной передаче министру Андрею Громыко распоряжения безотлагательно созвать совещание министров иностранных дел. После этих заявлений Брежнева напряжение спало, и участники перешли к спокойному обсуждению других тем.

Вскоре, в начале февраля 1967 г., в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел стран-участниц Варшавского договора, на чем настаивал Гомулка¹³. По просьбе министра иностранных дел Адама Рапацкого

¹¹ Де Голль находился в СССР с визитом в июне — июле 1966 г.

¹² По всей вероятности, Гомулка вспоминал суждения Л. П. Берии о необходимости для СССР «единой Германии» и готовности «расстаться» с ГДР во имя создания объединенной и нейтральной Германии еще до признания Бонном послевоенных польских западных и северо-восточных границ (*Берия Л. Секретный дневник. 1945–1953. «С атомной бомбой мы живем!»*. М., 2011. С. 63–64; *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 316*). Упоминая Н. С. Хрущёва, Гомулка имел в виду поездку в Бонн главного редактора газеты «Известия» А. И. Аджубея летом 1964 г. и его высказывания по немецкому вопросу во время встреч с немецкими коллегами (см. прим. 7).

¹³ Совещание 8–10 февраля 1967 г. сформулировало в качестве основного условия нормализации отношений стран-участниц ОВД и ФРГ установление контактов Бонна с ГДР

я участвовал в нем как переводчик. Во время совещания Гомулка принял министра Громько и сопровождавших его лиц. Это была исключительная встреча, на которой «Веслав» после короткого вступления, произнесенного по-польски, сразу перешел на русский язык (чего он педантично избегал в официальных встречах) и в пространном рассуждении, с большой ораторской страстью, представил свой взгляд на решение немецкой проблемы. Уже после отстранения Гомулки от политической деятельности один из влиятельных советских участников этой встречи — помощник Брежнева [Анатолий] Блатов утверждал, что без предложенной тогда Гомулкой программы европейские социалистические страны не были бы в состоянии достичь в отношениях с ФРГ всего того, что стало их общим большим успехом.

Заручившись поддержкой советского руководства в немецком вопросе, Гомулка продолжил наступательные действия. За короткое время, реализуя свою идею «железного треугольника»¹⁴, он инициировал подписание новых договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией и ГДР, а также с Болгарией. В конце апреля, на конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах, Гомулка сформулировал широкую программу коллективной безопасности в Европе. Ее ключевым пунктом было неприятие западногерманских планов нормализации отношений ФРГ с социалистическими странами. В качестве антитезы предложению Бонна об обмене двусторонними декларациями о неприменении силы при урегулировании «спорных вопросов» Гомулка выдвинул собственную концепцию «заключения между всеми государствами Европы, а значит с участием ГДР, договора об отказе от использования силы или угрозы ее применения, а также от вмешательства во внутренние дела», который содержал бы «конкретные обязательства в области безопасности и нерушимости границ всех европейских государств». По инициативе Гомулки в Карловых Варах были сформулированы основные принципы европейской безопасности и главные требования к ФРГ, от выполнения которых зависела нормализация отношений с этим государством. От ФРГ требовалось признать: 1) нерушимость всех границ в Европе, а особенно границы по Одре и Нысе Лужицкой, а также границы между двумя немецкими государствами; 2) суверенный характер Германской Демократической Республики; 3) особый статус Западного Берлина (город не является составной частью ни ФРГ, ни ГДР); 4) Мюнхенское соглашение 1938 г. ничтожным с момента его заключения. Существенное значение придавалось воспрепятствованию доступа ФРГ к ядерному оружию в какой-либо форме, в том числе в так называемой европейской, атлантической или многосторонней. Тогда казалось, что Польша получила постоянную

на основе признания Восточной Германии как немецкого социалистического государства если не в международно-правовом, то хотя бы в формальном плане.

¹⁴ Возможно, Гомулка заимствовал это определение из политологических исследований начала 1960-г гг., в которых «железный треугольник» означал модель стабильного структурного образования на основе взаимодействия интересов групп и государства.

и широкую поддержку своей концепции, особенно в вопросе о стратегии нормализации отношений с ФРГ.

Гомулка не ограничивал своей активности на международный арене вышеупомянутыми вопросами. О широких горизонтах его геополитического мышления свидетельствуют предложенные и развиваемые им три большие дипломатические инициативы: план создания безъядерной зоны в Центральной Европе, известный как «план Рапацкого»; план замораживания ядерного и термоядерного вооружения в этом регионе («план Гомулки»); выдвинутая на XX сессии Генеральной ассамблеи ООН (1965 г.) инициатива созыва конференции по безопасности в Европе при участии Советского Союза и США. Все эти предложения давали возможность руководящим кругам Запада понять специфику польских национальных интересов, создавали политическое пространство для усиления контактов со многими западноевропейскими странами, а также укрепляли авторитет Польши и ее лидеров на международной арене. Благодаря им имя Гомулки оказалось в списке первых создателей новой Европы. Европы еще разделенной, но постепенно освобождавшейся от конфронтации холодной войны, искавшей основания для построения системы всеобщей безопасности и мирного сотрудничества.

Изначальное отсутствие энтузиазма по отношению к этим концепциям со стороны руководителей Советского Союза, особенно в плане усиления роли США в решении европейских вопросов, преодолевалось с большим трудом. Для Гомулки же политическое и военное присутствие Соединенных Штатов в Европе имело стратегическое значение, поскольку он воспринимал его как фактор, препятствовавший потенциальному немецко-советскому сговору за счет интересов Польши. Похожими соображениями Гомулка руководствовался и когда добивался удержания КНР внутри так называемого социалистического лагеря. По его мнению, китайское присутствие должно было сдерживать возрождение советских гегемонистских тенденций по отношению к более слабым государствам содружества.

1968 г. стал для Гомулки новым, поворотным моментом, в том числе и в польско-советских отношениях. Позднее это время назовут «чехословацким кризисом». В первых числах января в Чехословакии произошла смена лидера: на посту первого секретаря ЦК КПЧ Антонина Новотного сменил Александр Дубчек. На неофициальной встрече руководства Польши и Советского Союза в Ланьске в 12–14 января 1968 г. Брежнев выразил удовлетворение избранием Дубчека и благоприятной перспективой формирования нового руководства Чехословакии. Гомулка на это никак не отреагировал, сосредоточившись на вопросах экономических отношений. Лишь в конце переговоров он процитировал статью из газеты «*Rudé právo*», где говорилось о необходимости переоценки «старых понятий о социализме». Кто-то из участников беседы заметил, что подобные симптомы вызывают беспокойство, но Брежнев заявил в ответ, что не стоит делать поспешных выводов: «ведь Саша — наш друг».

Перемены в руководстве КПЧ интересовали Гомулку, прежде всего, в плане перспективы формирования Чехословакией своей политики по немецкому вопросу. Поэтому он принял приглашение Дубчека встретиться 8 февраля в Моравской Остраве, а в конце февраля участвовал в праздновании 20-летней годовщины февральских событий 1948 г. в Праге. Ситуация в Чехословакии развивалась лавинообразно, и потому оценки «Веслава» эволюционировали. Если от первой встречи, во время которой он старался ознакомить партнера с собственными концепциями, Гомулка вынес позитивное впечатление, то со временем его отношение радикально изменилось. Он стал видеть в Дубчеке колеблющегося и трусливого человека, поддающегося манипуляции со стороны как советских, так и чехословацких политических авантюристов, и перестал воспринимать его всерьез.

Несомненно, важным этапом этой эволюции было заседание ПКК ОВД в Софии 6–7 марта, на котором Дубчек так запутался в оценках, касавшихся ситуации в собственной стране, что вызвал не только чувство жалости и насмешливые комментарии у участников из других стран, но и сильное беспокойство среди членов собственной делегации. От его выступления в моей памяти сохранилось лишь то, что почти каждую фразу он начинал словами (говорил Дубчек по-русски): «Я хотел сказать, так сказать, что...», после чего следовало несколько взаимоисключающих утверждений. Чувствовалась какая-то обреченность, мешавшая понять смысл всего высказывания. Вероятно, Дубчек таким образом хотел избежать однозначных формулировок, которые вносились бы в официальные протоколы. В результате пленарное заседание неоднократно прерывалось, и руководители делегаций собирались на закрытые встречи. Работа над документами совещания, учитывая трудности в выработке общей позиции, продвигалась медленно и мучительно.

Из Софии мы возвращались в раннее послеобеденное время 8 марта 1968 г. Мы не знали, что в те часы во дворе Варшавского университета возле улицы Краковское предместье происходили события, изменившие политическую обстановку в стране. Еще у трапа самолета я заметил необычное. Такого прежде не бывало, когда Гомулка возвращался из-за границы: первым человеком, приветствовавшим его у самолета, был Мечислав Мочар, министр внутренних дел¹⁵, который начал что-то докладывать Гомулке. Спустя минуту тот махнул нам рукой и, не поздоровавшись с другими встречавшими его лицами, направился вместе с Мочаром к машине, на которой они уехали с аэродрома. Я отправился домой, чтобы отоспаться после пребывания в Софии. И только вечером, прослушав по телевизору последние известия, я понял причину необычной встречи на аэродроме.

---

¹⁵ *Мочар Мечислав* (1913–1986) — политический и государственный деятель, генерал дивизии; министр внутренних дел (1964–1968); секретарь ЦК ПОРП (1968–1971); член Политбюро ЦК ПОРП (1970–1971, 1980–1981), курировавший силовые структуры. Ортодоксальный сталинист, выразитель националистических и антисемитских взглядов.

На следующий день утром я поехал в университет, где сразу же почувствовал большой эмоциональный подъем среди студентов и преподавателей. Моя лекция перетекла в интересную дискуссию со студентами. Позднее мне пришлось дискутировать с преподавателями и сотрудниками, а также в университетском комитете ПОРП, членом которого я был. Это позволило мне сориентироваться в событиях предыдущего дня. Описание произошедшего и оценки разнились, однако всех удивила неожиданно грубая реакция сил правопорядка. Вечером я участвовал в созванном деканом факультета биологии и наук о Земле собрании научных сотрудников. Организаторы старались превратить его в своеобразное вече, на котором развернулись атаки на Гомулку и на его методы руководства. В этом помогли им некоторые из ассистентов, которые время от времени появлялись в зале заседаний и информировали о новых случаях издевательств над студентами (обычно студентками) в разных местах города. Это подогревало атмосферу встречи, но не способствовало конструктивному обсуждению проблем, о которых в первой половине дня я, по существу, и дискутировал со студентами и коллегами. Студенческие волнения продолжались, и всю вину за них собравшиеся возлагали на Гомулку, не пытаясь выяснить причины этих событий, их подлинный смысл и политическое лицо участников. Я попробовал было начать осмысленный разговор, но даже профессора, являвшиеся креатурой партии (некоторые из них занимали высокие партийные должности), были против этого. На некоторых факультетах атмосфера подобных собраний была другой, однако я говорю лишь о том, что чувствовал и наблюдал сам.

В тот же день, после обеда, понимая необходимость принять участие в обработке материалов софийского заседания, я был в здании ЦК ПОРП. Там я встретил Зенона Клишко и Станислава Трещиньского¹⁶, которые стали расспрашивать меня об обстановке в университете. Сами они были дезориентированы, а Клишко, прежде чем выслушать мой рассказ, констатировал, что руководству партии поступает недобросовестная информация от МВД и Варшавского комитета ПОРП. Он попросил меня оставаться с ним на связи и сообщать обо всех тревожных случаях. В течение нескольких дней я так и делал: передавал ему свои наблюдения и соображения.

Кажется, 11 марта я случайно стал участником начинавшихся недалеко от памятника Копернику столкновений, где отряд ЗОМО¹⁷ дубинками разго-

¹⁶ *Трещиньский Станислав* (1924–2002) — начальник канцелярии Секретариата ЦК ПОРП в 1967–1970 гг.; заместитель министра иностранных дел ПНР (с марта 1971 г.); член ЦК ПОРП (с декабря 1971 г.). В мае 1972 г. избран председателем 27-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

¹⁷ *ЗОМО* (аббревиатура от *Zmotoryzowane Odwoły Milicji Obywatelskiej* (Моторизованная поддержка гражданской милиции)) — польская силовая структура, созданная в декабре 1956 г. как следствие Познаньских событий, разыгравшихся в июне. Формально предназначалась для обезвреживания особо опасных преступников, борьбы со стихийными бедствиями и катастрофами, обеспечения безопасности граждан при проведении массовых

нял демонстрацию молодежи. Вместе с бежавшей толпой я оказался зажатым внутри улицы Новый Свят (боковые улицы были заблокированы милицией), поскольку демонстрантов, вероятно, сознательно оттесняли в сторону «Белого дома». В Аллеях Иерусалимских к не прекращавшим своей активности участникам предыдущей стычки присоединились группки молодежи, прибывавшие со стороны моста Понятовского. Держались они более агрессивно, пугая прохожих. У входа в здание ЦК я наткнулся на Франтишка Шляхчица, командовавшего офицерами милиции. Те, в свою очередь, руководили рядовыми милиционерами, использовавшими против демонстрантов дымовые гранаты. Демонстрантам удавалось ловить гранаты, которые они бросали обратно, в сторону милиции. Заметив, что тут же стояли бездействующие машины с водометами, я сказал Шляхчицу, что эффективнее было бы использовать их, на что он иронично возразил: «А пусть себе порезвятся, нам такой опыт может пригодиться в будущем. Кроме того, пусть немного попугают стариков, сидящих в этом здании...» Тогда я воспринял эти слова как шутку.

19 марта я был участником проходившей в Зале конгрессов Дворца культуры и науки встречи руководства ПОРП с варшавским партийным активом. По замыслу Гомулки, она должна была способствовать снятию напряжения, вызванного студенческими беспорядками, и противодействовать небезопасной для страны дезинтеграции общества, которая стала ясно вырисовываться. В действительности же встреча превратилась в открытый вызов, брошенный Гомулке широкими кругами высшей и столичной партийно-государственной номенклатуры (поскольку именно таковым, за исключением специально отобранных рядовых клакеров, был состав участников встречи). Этой цели служили заранее сформулированные предложения способов решения возникших проблем и демонстративные проявления личных симпатий собравшихся.

Я сидел в одном из первых рядов Зала конгрессов, между двумя заместителями заведующего Иностранным отделом ЦК ПОРП. Это не были эпигоны, представлявшие старый, берутовский¹⁸, аппарат, но обязанные своей политической карьерой Гомулке функционеры возникших после Октября¹⁹ молодежных организаций. И вот теперь эти деятели, реагируя на сигналы, поступавшие из амфитеатра, где сидел партийный актив района Воля, вскакивали со своих

мероприятий. Но реально использовалась в основном в борьбе против политической оппозиции, при разгоне демонстраций и подавлении иных акций протеста.

¹⁸ *Берут Болеслав* (1892–1956) — государственный и партийный деятель; президент ПНР (1947–1952); премьер-министр (1952–1954), первый секретарь ЦК ПОРП (1954–1956). При нем в Польше начинает складываться национальная тоталитарная модель управления.

¹⁹ Речь идет об октябре 1956 г., на который пришелся пик социально-экономического кризиса в Польше. Кризис сопровождался острым противостоянием в руководстве ПОРП, резким подъемом общественной активности, советско-польским противоборством, едва не приведшим к вооруженной интервенции СССР. Разрешился сменой партийно-государственного руководства: на пост первого секретаря ЦК ПОРП пришел В. Гомулка. В стране начался процесс десталинизации и некоторой либерализации режима.

мест и скандировали вместе с залом фамилию Герека²⁰. Когда Гомулка в недоумении отрывал взгляд от текста речи и пробовал разглядеть, откуда идут эти возгласы, зал реагировал трусливо и, как бы попятившись, начинал скандировать: «Веслав — Герек». Однако едва Гомулка отводил взгляд, собравшиеся возвращались к первому варианту.

Мои соседи не реагировали на звучавшие в их адрес язвительные замечания. Их поведение было, впрочем, спонтанным. Они публично демонстрировали вступление поколения «молодых волков» — выходцев из молодежных политических организаций — в движение, руководимое до того времени нечетко проявлявшими свое лицо группами антигомулковской оппозиции. Тогда я понял, в чем дело: так называемый партийный актив проводил выбор дофина, при том что Мочар отнюдь не являлся кандидатом в таковые, в чем с определенного времени старались убедить непосвященных в политические интриги людей. Я вспомнил слова Шляхчица о пользе опыта усмирения уличных демонстраций. Часто посещая с заграничными делегациями Силезию, я давно знал, что, вопреки мнению столичной публики, воспринимавшей Шляхчица как человека Мочара, он являлся верным и самым важным союзником Герека в Варшаве.

Усмирение студенческих демонстраций не внесло успокоения в политическую атмосферу в стране. В обстановке растущего хаоса сцену общественной жизни начали массово заполнять политические троглодиты. Обычно скрывававшие свои взгляды и старательно приспособившиеся к конкретным условиям, они вдруг показали свое истинное лицо и начали активно реализовывать собственные эгоистические интересы. Больше всего их было в быстро разросшихся кругах интеллигенции. Свой шанс они увидели в распространении антисемитских настроений, инспирированных, активно поддерживаемых и оформленных разнообразными центрами политического влияния. Ни один уважающий себя и свою профессию историк не свяжет имя Гомулки и наиболее близких ему лиц в партийном руководстве с каким-либо из таких центров, однако все же имеются мистификаторы, которые до настоящего времени пытаются приписать ему именно такую роль. В моем университетском окружении, сосредоточенном вокруг комитета ПОРП, противившегося антигомулковским настроениям в партии, любые проявления антисемитизма решительно отвергались. Его выразителей мы называли «апрельскими революционерами»²¹, причем численность их быстро росла. Они пытались получить различные привилегии, часто за счет еще недавно восхваляемого ими начальства или коллег. Эту

²⁰ *Герек Эдвард* (1913–2001) — политический деятель, руководитель Катовицкого воеводского комитета ПОРП (1957–1970), первый секретарь ЦК ПОРП (1970–1980).

²¹ Возможно, это определение было связано с массовыми исключениями из ПОРП, увольнениями с руководящих постов и кадровыми перестановками в связи с мартовскими событиями и политическим контекстом войны на Ближнем Востоке. Создавшуюся в польском обществе атмосферу многие граждане определяли как дискриминацию по национальному признаку. Размах этой кампании, возможно, воспринимавшейся как революционные потрясения, пришелся на апрель — май 1968 г.

грязную, разливавшуюся по стране волну не сразу удалось взять под контроль. Возможно, также потому, что к причинам, вызвавшим массовый исход евреев из Польши²², следует присовокупить действия различных внешних сил. Для них в реалиях продолжавшейся холодной войны события в Польше были исключительно благоприятными для использования в собственных интересах. Жаль, что этот сюжет марта 1968 г. не вызывает большого интереса у наших университетских историков.

Вообще, сегодняшние оценки событий марта 1968 г. как одного из переломных этапов якобы постоянного противостояния польской интеллигенции (особенно ее молодежной части) так называемой народной власти, переросшего в общенациональную борьбу с коммунизмом, не соответствуют действительности. Протест либерально-демократической интеллигенции, на мой взгляд, был тогда слабым, непоследовательным и имел скорее кабинетный, а не выраженный политический характер. Студенческую же молодежь, которая выступала с ясными, но не очень популярными в обществе лозунгами, быстро усмирили. Уличные протесты приобретали больший размах только в тех случаях, когда к студентам присоединялись группы плебейской молодежи, выдвигавшие, однако, иные и даже противоположные студенческим лозунги. По-видимому, и инициировали выступления этих разных молодежных сообществ разные силы. Более того, среди интеллигенции возникло тогда относительно многочисленное, явно антидемократическое и ксенофобское движение. Все указанные течения не были изолированными друг от друга, а отражали вынесенные на публику внутрипартийные политические игры, которые вели готовившиеся к борьбе за лидерство в ПОРП разные группы. Характерной чертой этого, прежде глубоко закамуфлированного, противостояния было то, что принимавшие в нем участие политические течения, несмотря на имевшиеся противоречия, взаимно дополняли и подгоняли друг друга, стремясь к общей цели — ослабить влияние Гомулки и принудить его к выгодным для себя структурным и кадровым изменениям. Все это происходило на фоне осложнения международной обстановки. Гомулка был вынужден отвечать на исключительно трудные внешнеполитические вызовы в ситуации, когда его позиции внутри страны ослабевали. Когда позднее в одной из бесед Клишко спросил меня, как я оцениваю уже шедшие на спад события, я ответил, что их политический смысл можно определить как провокацию внутри провокации. Столкнулись две не терпевшие друг друга группировки: одна полагала, что у нее слишком мало власти и привилегий, а другая была недовольна отстранением ее от власти. При этом обе двигались к одной цели — подорвать лидерство

---

²² По некоторым данным, в результате антисемитской кампании в Польше в 1967–1968 гг., катализатором которой стала Шестидневная арабо-израильская война (июнь 1967 г.), а лозунгом — борьба против «пятой колонны», страну покинули более 20 тыс. евреев. Пик кампании, фактически превратившейся в антисемитскую, пришелся на весну 1968 г. (Изгнание евреев из Польши: XX век. URL: evreimir.com/137340/izgnanie-evreev-iz-polshi-hh-vek (дата обращения: 07.04.2020)).

Гомулки. Все остальное — это пена для манипуляций и маскировки инспирированных и их подлинных намерений. Клишко ничего не ответил, но, по-видимому, передал мои оценки «Веславу», который по прошествии некоторого времени напомнил мне о них.

Я включил эти, оторванные от широкого контекста, сюжеты марта 1968 г. в воспоминания о Гомулке прежде всего потому, что события этого необычного месяца оказали воздействие на «Веслава»: изменили его оценки внутривнутриполитической ситуации в стране и замыслы, которые он хотел осуществить на практике, в том числе во внешней и кадровой политике. Наверное, только в это время Гомулка осознал, что в партии нарастает фронда его лидерству, не только включавшая отдельных функционеров или их небольшие изолированные группы, но и проникавшая в партийные ряды и влиявшая на настроения всего общества. Это объясняет принятие им таких решений в кадровой политике, которыми ранее Гомулка пренебрегал. Прежде всего были приостановлены чистки, проведены под его руководством персональные кадровые изменения на самом высшем уровне. Поскольку эти вопросы известны (правда, их не всегда добросовестно излагают), я не буду на них специально останавливаться. Обращу внимание лишь на то, что именно тогда Гомулка правильно угадал в Герек своего главного политического конкурента и радикально поменял свое отношение к нему. Прежде он видел в Герек своего потенциального преемника. Подтверждением может служить тот факт, что Герек был единственным не входившим в «руководящую тройку» функционером, которого Гомулка глубже вводил в круг вопросов, касавшихся отношений с СССР, и регулярно включал в состав польских делегаций, выезжавших в Советский Союз на разного рода торжества и официальные встречи (Герек был на XXIII съезде КПСС, на торжествах по случаю 50-летия Октябрьской революции и пр.). После марта 1968 г. Герек перестал участвовать в мероприятиях, касавшихся польско-советских отношений. Более того, Гомулка намеревался оторвать Герек от его опоры в Силезии и перевести в Варшаву. В качестве своего преемника он, по-видимому, тогда наметил Станислава Кочёлека²³, методично готовя его к выполнению высших функций в государстве.

Сложная внутривнутриполитическая ситуация не уменьшила активности Гомулки в вопросах внешней политики. В конце марта он участвовал в совещании лидеров шести европейских социалистических государств, созданном по инициативе Дубчека, однако не в Чехословакии, а в Дрездене (ГДР)²⁴. С чехословацкой стороны в нем участвовали пятеро: Дубчек, Черник, Ленарт, Кольдер и Биляк. Именно на этой встрече Брежнев, заявив об усилении влияния

²³ *Кочёлек Станислав* (1933–2015) — партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК ПОРП. В декабре 1967 — июле 1970 г. — 1-й секретарь Гданьского воеводского комитета ПОРП. Один из руководителей военного подавления рабочих протестов в декабре 1970 г. на Балтийском побережье.

²⁴ А. Дубчек выдвинул предложение о встрече для обсуждения вопросов экономического сотрудничества на совещании ПКК ОВД в Софии 6–7 марта 1968 г.

враждебных социализму сил в Чехословакии и наличии в стране элементов контрреволюции, констатировал, что руководство КПЧ не контролирует ход событий. Участники совещания согласились с этой оценкой и указали на опасность, которую создает такое положение для других социалистических стран. Эти вопросы также обсуждались на встрече лидеров пяти европейских социалистических государств (без Чехословакии), которая состоялась 8 мая 1968 г. в Москве. Было принято решение о проведении совместных военных учений в Чехословакии, что отразило качественно новые оценки развития политической ситуации в стране.

Примерно в то самое время через Трепчиньского мне передали задание подготовить краткий обзор советских оценок политической обстановки в Польше на основе анализа публикаций в прессе и в специальных бюллетенях ПАП²⁵. При работе я решил использовать также беседы с советскими функционерами и экспертами, с которыми контактировал по разным поводам. Их было довольно много, что позволило мне значительно расширить содержание обзора. Никаких отзывов на подготовленный материал не последовало. Но спустя некоторое время Клишко информировал меня о том, что вместе с Гомулкой они приняли решение направить меня на работу в наше посольство в Москве на должность политического советника. Им хотелось попробовать использовать мой опыт и широкие знакомства в советских руководящих кругах для более глубокого изучения политики СССР, а также продвижения нашей позиции по международным вопросам. С целью помочь мне в реализации поставленных задач они также решили, что будут и впредь использовать меня в качестве переводчика во время их поездок в Москву. Это должно было способствовать расширению моих контактов и создавало возможность сообщать мои наблюдения и мнения непосредственно Гомулке конфиденциально, не прибегая к дипломатическим каналам. Так это позднее и происходило.

Меня это предложение обрадовало, поэтому я начал готовиться к отъезду, запланированному после окончания весеннего семестра в университете. Однако отъезд пришлось отложить, поскольку я был включен в состав участников очередного совещания ОВД, созываемого по предложению СССР в Варшаве в середине июля.

В отличие от предыдущего совещания в Москве на варшавскую встречу делегация КПЧ была приглашена, и, кроме того, планировалось увеличить состав всех делегаций. Руководство КПСС стремилось, с одной стороны, усилить давление на лидеров Чехословакии, а с другой стороны, создать более благоприятные условия для их разобщения. Перед началом совещания выяснилось, что чехословацкая сторона отказалась участвовать, предложив взамен провести серию двусторонних встреч. Вероятно, расчет был на то, что таким образом удастся нарушить единство атакующей «пятерки». Отказ Чехословакии участники

---

²⁵ ПАП (польск.: Polska Agencja Prasowa — PAP) — Польское агентство печати, основная государственная информационная структура Польши.

совещания расценили как оскорбление, в некоторых делегациях высказывались предположения, что, возможно, будет принято решение о военной интервенции. Когда перед началом совещания кто-то в присутствии Гомулки высказался в таком роде, он остро отреагировал, проворчав, что еще не настало время принимать подобные решения, особенно в Варшаве. Атмосферу подогрело опоздание венгерской делегации. Как оказалось, Кадар перед вылетом в Варшаву решил встретиться с Дубчеком²⁶.

Открывший совещание Гомулка на правах хозяина первым от имени польской делегации дал оценку ситуации в Чехословакии. Выражая беспокойство из-за усиления негативных явлений (отход КПЧ от принципов марксизма-ленинизма и трансформация ее в партию социал-демократического типа, нарастание контрреволюции и настроений мирного перехода от социализма к капитализму), а также других изменений, которые могли нарушить соотношение сил в Европе в невыгодную для «социалистического лагеря» сторону, Гомулка в известной степени суммировал мнения, высказанные на предыдущих совещаниях. При этом он не давал каких-либо рекомендаций по противодействию данным процессам, а только кратко констатировал: нельзя допустить, чтобы в Чехословакии победили тенденции, неблагоприятные для дела социализма.

В отличие от Гомулки, Янош Кадар начал свое выступление весьма эмоционально. Рассказывая, что во время состоявшейся накануне беседы Дубчек и Черник жаловались на свою беспомощность, Кадар и сам начал сокрушаться. Более посвященные лица из окружения Брежнева позднее считали, что это была игра, призванная сокрыть истинную позицию Кадара. Следуя своей роли главного посредника между советской и чехословацкой стороной, он убеждал Брежнева и хорошо ему знакомого с 1956 г. Андропова в необходимости остро реагирования, а чехам старался внушить, что лишь твердое сопротивление сможет защитить их от советской интервенции. В Москве подозревали, что Кадар, действуя подобным образом, стремился избавиться от имиджа единственного в соцсодружестве лидера, привезенного на советских танках. Анализируя обстановку в Чехословакии, Кадар констатировал, что венгры оценивают ее так же, как и Гомулка, но наблюдаемым явлениям дают другие названия. Практические предложения он облек в форму загадочного пожелания, чтобы в Чехословакии появилась марксистско-ленинская сила, которой следовало оказать полную поддержку.

Сурово оценил ситуацию в Чехословакии Вальтер Ульбрихт. Однако свои практические предложения он свел к необходимости интенсифицировать контакты с чехословацкой стороной (обращение с совместным письмом, беседы и требования отстранить от власти контрреволюционные и реакционные элементы). Один только Тодор Живков, усомнившись в наличии в Чехословакии

---

²⁶ Подробнее о встрече Я. Кадара и А. Дубчека, состоявшейся 13 июля 1968 г. в Комарно, см. статью Б. Й. Желицкого в настоящей книге.

способных реализовать рекомендации «пятерки» сил, заявил, что имеется единственный выход: решительная помощь (т. е., переводя на обычный язык, военная интервенция) стран-участниц Варшавского договора.

Выступая в конце пленарного совещания, Брежнев безоговорочно поддержал данную Гомулкой оценку ситуации в Чехословакии. Он много говорил о необходимости решительных действий, но адресовалось это внушение в первую очередь отсутствовавшим на совещании чехословакам. Брежнев подчеркнул право и обязанность соцстран оказать им помощь, но обуславливал это либо обращением чехословацкой стороны с соответствующей просьбой, либо реальной угрозой социализму, вынуждающей к интервенции. Он также рекомендовал продолжить поиск в КПЧ «здоровых сил», способных вести борьбу за возвращение партии руководящей роли. Брежнев считал целесообразным направить КПЧ очередное письмо от имени участников совещания, а также организовать встречу представителей двух или трех партий с руководством КПЧ, чтобы обсудить мероприятия, цель которых — переломить ход событий. Свое выступление Брежнев закончил призывом действовать единым фронтом в общем деле защиты социализма и заявил, что СССР готов оказать Чехословакии любую необходимую помощь.

После выступления Брежнева по предложению Гомулки был объявлен перерыв, во время которого состоялось закрытое заседание руководителей делегаций. За предложением «Веслава» крылось желание избежать после пленарного заседания полемики, которая уже звучала в критических замечаниях некоторых лидеров по адресу Кадара. Расчет оправдался: после перерыва слово взял Кадар, который, отвечая на критику, поддержал оценки, сформулированные остальными участниками совещания, и выразил готовность Венгрии участвовать во всех совместных мероприятиях. Председествовавший на заседании Брежнев считал главный пункт повестки исчерпанным, а позиции его участников согласованными. Созданная рабочая группа под руководством Клишко приступила к подготовке письма, адресованного руководству КПЧ.

На следующий день совещание продолжалось до обеда. Состоялось два коротких заседания с длительными перерывами. На заседаниях обсуждалось содержание коммюнике и различные организационные вопросы, в конце был утвержден и подписан текст письма в адрес КПЧ. Во время перерывов собирались руководители делегаций (без сопровождавших лиц). Среди прочих дискутировался вопрос о продолжении двусторонних встреч с чехословацкой стороной, а также было согласовано решение созвать следующее многостороннее совещание в августе 1968 г.

Во время перерывов, когда руководители делегаций совещались в своем кругу, остальные участники заседания, разбившись на небольшие группы в зале заседаний или кулуарах, оживленно дискутировали. Я участвовал в этих обсуждениях. Дольше всего я задержался в группе, в которой находились секретарь ЦК КПСС Константин Катусhev, заведующий Отделом ЦК по связям

с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Константин Русаков и несколько членов делегации ГДР. Все высказывались за безотлагательное решение чехословацкого вопроса. В какой-то момент атмосферу единодушия нарушил секретарь ЦК СЕПГ Герман Аксен, который начал критиковать Гомулку за его позицию, исключавшую возможность участия армии ГДР в вероятной акции «оказания помощи» Чехословакии. Аксен рассчитывал на одобрение со стороны советских участников дискуссии, но, по-видимому, плохо знал Русакова. Тот отреагировал остро, заявив, что участие немецких войск оскорбило бы чехов, а затем, уже в пылу дискуссии, добавил, что ни один немецкий солдат не имеет морального права ступить с оружием в руках даже на клочок славянской земли. Аксен ответил упреком, что Русаков руководствуется в этом вопросе не классовым, а националистическим подходом. Обострявшуюся дискуссию пробовал смягчить Катусев, но Русаков, занимавший более низкую ступеньку в партийной иерархии, но более приближенный лично к Брежневу, не изменил свою позицию. Для меня это был поучительный разговор.

Совещание закончилось совместным обедом участников в здании Управления Совета министров в Аллеях Уяздовских. После обеда, не проводя двусторонних встреч, все делегации выехали из Варшавы.

Достаточно подробное описание событий именно этого совещания вызвано необходимостью выступить против домыслов, содержащихся в книге Петра Костикова и Богдана Ролиньского «Увиденное из Кремля», изданной в 1993 г. в Варшаве²⁷. Все, что написано в этой книге о совещании, а также о других касавшихся Чехословакии встречах, не соответствует действительности. В первую очередь это относится к оценкам позиции Гомулки, изложению его бесед с Брежневым и якобы проявившимся между ними расхождениям по вопросу об интервенции, ставшим источником зародившегося тогда у Брежнева неприятия по отношению к польскому лидеру. Вымыслом также были будто бы имевшие место откровенные высказывания Гомулки и Клишко в разговорах с Костиковым во время варшавского совещания. Костиков по каким-то причинам ненавидел обоих, а они, в свою очередь, чем лучше его узнавали, тем большую дистанцию держали. Я сопровождал Гомулку с момента прибытия советской делегации вплоть до ее отъезда и не заметил, чтобы в это время между ним и Костиковым состоялась какая-либо беседа. Впрочем, Костиков не имел для этого возможности. Он действительно прилетел в Варшаву в составе советской группы, но в самом совещании не участвовал (как и в других совещаниях, на которых мне довелось присутствовать). Прежде всего потому, что не в привычке

---

²⁷ Точное название: *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. Moskwa — Warszawa. Gra o Polske. Warszawa, 1993.* Книга представляла собой воспоминания советского аппаратчика, заведующего польским сектором Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран П. К. Костикова, в литературной обработке польского журналиста Б. Ролиньского.

первого секретаря ЦК КПСС²⁸ было допускать на встречи такого уровня аппаратчиков ранга Костикова. Он был необходим только как переводчик на двусторонних переговорах, но таковых, как я писал, практически не было.

Возвращаясь к главному, хотел бы подчеркнуть, что в период чехословацкого кризиса (а точнее, с марта 1968 г.) отношения между Гомулкой и Брежневым были не просто нормальными, но и подчеркнута дружескими. Хотя во время совещаний они не всегда придерживались одинаковых взглядов, но это никогда не приводило к каким-либо конфликтам. При принятии решений оба демонстрировали стремление действовать сообща и достигать согласия по главным вопросам. Как я полагаю, это было осмысленное поведение, соответствовавшее их природе профессиональных политиков. Гомулка прекрасно знал, что в отношениях между социалистическими странами существенную роль играют взаимные симпатии или личная неприязнь их лидеров. Поэтому его обостренный критический настрой, проявлявшийся довольно ясно в отношении некоторых партнеров, в случае с Брежневым тщательно сдерживался, имел отвлеченный характер или выражался косвенно. Кроме того, как трезвый политик Гомулка сознавал, что после мартовских событий ослабление его позиций в собственной стране ведет к снижению его авторитета и за рубежом, его большого влияния в международных делах. Любой конфликт с Брежневым мог еще сильнее осложнить ситуацию и даже сделать невозможными действия единым фронтом в ключевом для Польши вопросе урегулирования отношений с ФРГ. В свою очередь, Брежнев нуждался в поддержке Гомулки в вопросе интернационализации чехословацкой проблемы, а также в не менее важной для него проблеме усиления своего личного лидерства, как в собственной стране, так и в рамках сконструированного им объединения социалистических государств. Без такой поддержки амбиции Брежнева были бы обречены.

В конце июля 1968 г., получив необходимые наставления от Гомулки, я выехал на работу в наше московское посольство. По приезде я подключился к связанным с Чехословакией вопросам, которые были также в центре внимания посла Яна Птасиньского. Нашим частым гостем в то время был посол Чехословакии, бывший секретарь ЦК КПЧ Владимир Коуцкий, облегчавший нам понимание политической обстановки в его стране. Он-то и информировал нас, кроме всего прочего, о ходе советско-чехословацких переговоров в Чиерне-над-Тисой (29–31 июля²⁹) и о многосторонней встрече в Братиславе (3 августа), которые, по его мнению, не принесли продвижения в разрешении нараставших противоречий.

Кульминационный акт чехословацкого кризиса пришелся на вторую половину августа 1968 г. 17 августа меня проинформировали, что в Москву

---

²⁸ Так в тексте. В 1966 г. в КПСС была восстановлена должность генерального секретаря ЦК.

²⁹ Так в тексте. Советско-чехословацкие переговоры проходили в Чиерне-над-Тисой с 29 июля по 1 августа.

прилетают наши руководители, которых я должен был сопровождать во время их визита. Предварительно было оговорено, что их прибытие необходимо сохранить в строгой тайне, как дома, так и в посольстве. Поэтому, предупреждая жену о своем отсутствии, которое, как мне казалось, продлится целый день, я не сказал, куда направляюсь. В состоявшейся 18 августа встрече в так называемом Доме приемов на Ленинских (ныне Воробьевых) горах участвовали первые лица Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши, а также почти все Политбюро ЦК КПСС.

Ни одна делегация не включила в свой состав министров иностранных дел и обороны. Было также договорено, что при каждой делегации мог находиться только один человек, исполнявший обязанности секретаря и переводчика. Все другие, включая советскую охрану, с началом заседания должны были спуститься на первый этаж здания. Столь жесткие условия секретности совещания были беспрецедентными. Не имеет смысла описывать здесь ход заседания, поскольку его запись, которую я тогда сделал, была опубликована в 1995 г.³⁰ Однако хотелось бы подчеркнуть, что Брежнев по старой привычке проинформировал о своих намерениях Гомулку раньше других, по пути с аэродрома. Самое важное из того, что осталось в моей памяти, — сообщение Брежнева о единогласном решении Политбюро ЦК КПСС начать военную интервенцию в ночь с 20 на 21 августа и расчет на его поддержку со стороны всех прибывших в Москву представителей социалистических стран. При этом он подчеркнул, что все должны позаботиться о соблюдении строжайшей секретности в этом вопросе до момента начала интервенции. Гомулка прежде всего поинтересовался, обратились ли к СССР и остальным участникам коалиции с просьбой об оказании им помощи так называемые здоровые силы в руководстве КПЧ? Ответ Брежнева был отрицательным, а комментарий острым. Он проинформировал, что чехи объясняют ситуацию намерением расширить круг лиц, готовых подписать обращение. Однако, по словам Брежнева, из других источников стало известно, что многие из авторитетных лиц отказались от данного ранее обещания. Особенно резко он оценил поведение Алоиса Индры³¹, который претендовал на место Дубчека, а сейчас колеблется. Это потребует, — сказал Брежнев, — пересмотра наших планов относительно будущего участия некоторых деятелей во власти. Он также добавил, что не стоит ожидать положительных перемен в позиции большего числа деятелей КПЧ, принимая во внимание их опасения возможных репрессий.

³⁰ См.: Zaiciskanie petli. Tajne dokumenty dotyczące Czechosłowacji 1968. Warszawa, 1995. Ранее этот документ был опубликован в Чехословакии, которой наши власти предоставили сделанную мною запись. Руководства других участвующих в совещании государств отказались передать представителям Чехословакии свои записи, объяснив это их отсутствием. (Комм. Б. Рыхловского).

³¹ Индра Алоис (1921–1990) — секретарь ЦК КПЧ, член Политбюро ЦК КПЧ. Обстановку в стране незадолго до интервенции оценивал как канун контрреволюционного путча. Один из подписантов обращения к советскому руководству от имени «здоровых сил» с просьбой об оказании помощи.

Поэтому необходимо без промедления поддерживать планы тех «здоровых сил», которые реально существуют, поскольку в дальнейшем ситуация может только ухудшиться. Гомулка ответил на рассуждения Брежнева краткой констатацией, что ничего другого он и не ожидал. Затем лидеры обменялись своими комментариями относительно возможной реакции Запада на интервенцию. Брежнев информировал о вполне определенных сигналах со стороны мировых держав, что в реальной политике они будут руководствоваться принципом взаимного невмешательства с учетом установленных сфер влияния в мире. Гомулка обратил внимание на то, что этот принцип настойчиво ставят под сомнения правительственные круги ФРГ. Пока их международное влияние невелико, можно не придавать их позиции большого значения, но в будущем ситуация может измениться. И к этому необходимо быть готовыми.

Совещание закончилось подписанием совместного протокола, содержащего решение о начале военной интервенции в Чехословакию. Этот документ нигде не был опубликован.

После обеда в зале Дома приемов делегации сразу вылетели в свои страны. Гомулка объявил мне, что в связи с необходимостью срочной подготовки записи состоявшегося заседания я должен лететь вместе с делегацией в Варшаву. В первый раз я пересек границу СССР без паспорта, оставшегося в сейфе посольства. Однако самолет взял курс не на Варшаву, а на Ланьск, чтобы замаскировать пребывание нашей делегации в Москве. Там, занимаясь кропотливой расшифровкой собственных записей, сделанных на совещании, я провел вечер и следующее утро, но работу не закончил. На пути в Варшаву Юзеф Циранкевич³² предложил поехать с ним в Совет министров, чтобы спокойно завершить работу (он даже заранее пригласил машинистку). Перед посадкой я проинформировал об этом Гомулку. Тот отреагировал резко: никакого Совета министров, поедете со мной в ЦК и там закончите работу. Доделявать текст пришлось в кабинете Валерия Намёткевича, неизменного, но давно уже не пользовавшегося особым доверием личного секретаря Гомулки. В это время «Веслав» переговорил по телефону со многими членами Политбюро. После того, как я передал ему почти весь текст, он распорядился вызвать генералов Войцеха Ярузельского³³ и Болеслава Хоху³⁴, а Намёткевича отослал домой. Разговор с генералами про-

---

³² *Циранкевич Юзеф* (1911–1989) — секретарь ЦК ПОРП, член Политбюро ЦК ПОРП; председатель Совета министров ПНР (1957–1970). Как глава правительства санкционировал вооруженное подавление рабочих протестов на Балтийском побережье в декабре 1970 г.

³³ *Ярузельский Войцех* (1923–2014) — военный, государственный и партийный деятель Польши; генерал. Начальник Генерального штаба Войска Польского (1965–1968); заместитель министра (1962 — апрель 1968), министр национальной обороны ПНР (апрель 1968 — 1983). Председатель Государственного Совета ПНР (1985–1989), первый президент ПНР (1989) и первый президент посткоммунистической Республики Польша (1989–1990).

³⁴ *Хоха Болеслав* (1923–1987) — военный деятель, генерал. Начальник Генерального штаба Войска Польского (1968–1973). Автор работ по военно-оперативной и военно-исторической тематике.

должался довольно долго, так что за это время мне удалось закончить работу. Когда Гомулка прочитал текст целиком, то, уже уставший, сказал: «Вот теперь мы можем спокойно выпить кофе». У меня сложилось впечатление, что два последних дня не были в его жизни легкими. Вероятно, его обуревали сомнения, которые он, однако, старательно скрывал. Гомулка несколько раз подавал звонками сигнал вызова, но безрезультатно. Явившийся, наконец, дежурный офицер охраны сообщил, что на посту он один, уже поздно и все сотрудники разошлись по домам. «Видите, — заметил Гомулка, — как здесь обо мне скверно заботятся. Я работаю, а они отдыхают. Ну, ничего, может быть, сам найду что-то перекусить». Он долго искал, прежде чем нашел в столе начатую плитку шоколада. Мы съели ее вместе, запивая минеральной водой и беседуя о событиях последних месяцев.

Из этой беседы больше всего сохранились в моей памяти слова «Веслава» о том, что мировой процесс развития неожиданно получил стремительное ускорение и это может привести к расшатыванию существующих социально-экономических и политических структур. Это видно, — говорил он, — по поведению молодежи, от США через Европу аж до Китая, которая инстинктивно ощущает начало перемен, но, будучи дезориентированной, вступает в разнообразные хаотические движения. К этой новой ситуации, — продолжал он, — Польша должна быть лучше подготовлена, а это требует как существенных изменений в экономике, так и осмотрительной внешней политики, обеспечивающей нашему народу территориальную целостность и безопасность.

Конечно, все же главной темой разговора было приближавшееся введение вооруженных сил в Чехословакию. Как бы объясняя свою позицию, Гомулка сказал, что поддержал решение о вторжении в Чехословакию, поскольку в противном случае наши кропотливые усилия выработать единую политику в отношении ФРГ оказались бы напрасными, а Брежнев мог поддаться давлению тех сил, которые ценою интересов Польши хотели бы развивать отношения с Германией. Что касается Чехословакии, то интервенция не является лучшим решением. Но с учетом процесса разложения КПЧ единственной силой, способной оградить ее от немецкого влияния, является сейчас только сила военная. Реакция западных держав на введение войск в Чехословакию будет спокойной, потому что Соединенные Штаты, увязшие в войне во Вьетнаме, не захотят вмешиваться в события за границами сферы своего влияния. Самой острой будет пропагандистская реакция ФРГ, т.к. прежде всего ей мы спутаем планы. Но это ничего. Такая реакция может только подтвердить стремления ФРГ подорвать стабильность системы, признаваемой остальными западноевропейскими странами.

Прощаясь, Гомулка поинтересовался, где я думаю ночевать в Варшаве и когда возвращаюсь в Москву. Я ответил, что моя квартира занята знакомыми, поэтому воспользуюсь приглашением шефа Бюро охраны правительства полковника Яна Гурецкого, а вылетаю в Москву утренним самолетом. Этот ответ успокоил «Веслава», который явно не хотел, чтобы кто-то посторонний узнал о моем пребывании в Варшаве.

Мы вместе вышли из уже неосвященного здания ЦК, в котором лишь кое-где можно было заметить редкие силуэты сотрудников охраны. В полдень 21 августа в аэропорту мы встретились с Каролом Новаковским, который привез мне дипломатический паспорт. В ночь с 21 на 22 августа³⁵ вооруженные силы СССР, Польши, Болгарии и Венгрии вступили в Чехословакию, и только тогда я смог рассказать своим близким, чем занимался на протяжении последних дней. Так окончилось мое участие в первом акте этой самой секретной в моей жизни акции.

Вторым актом стала очередная встреча лидеров пяти стран Варшавского договора, которая проходила 24–27 августа 1968 г. в Москве. Так же как и предыдущая, она была окутана глубокой тайной, поэтому мне снова пришлось на несколько дней исчезнуть из посольства без права сообщить кому-либо о причине моего отсутствия. От Польши участвовали Гомулка, Циранкевич и Клишко. На вступительном заседании 24 августа в здании ЦК КПСС советскую сторону представляли Л. Брежнев, А. Косыгин и Н. Подгорный. Встречу открыл Брежнев, дав оценку актуальной ситуации в Чехословакии. Он проинформировал об интернировании советскими военнослужащими А. Дубчека, О. Черника, Ф. Кригеля, Й. Смрковского и Й. Шпачека, которых вывезли самолетом в СССР. Также он сказал, что 23 августа в Москву по собственной инициативе прилетел президент ЧССР Людвик Свобода, которого сопровождали А. Индра, В. Биляк, М. Дзур, Г. Гусак и зять президента Й. Клулак. В соответствии с желанием президента визит был объявлен официальным, поэтому Свободу встречали в Москве с подобавшими главе государства почестями, в аэропорт приехали Брежнев, Косыгин и Подгорный. Свобода потребовал встречи с интернированными руководителями КПЧ. По прошествии нескольких часов их самолетом доставили в Москву и разместили в правительственной резиденции на Ленинских горах. Брежнев сообщил, что переговоры с обеими группами ведут представители СССР.

Затем началась занявшая несколько часов дискуссия, во время которой участники обсуждали, как не допустить развязывания в ЧССР гражданской войны и столкновений с войсками ОВД. Постановили, что переговоры с Чехословакией будет проводить исключительно советская сторона, последовательно информируя другие делегации об их ходе. Любые касавшиеся Чехословакии решения советские власти будут принимать по договоренности со всеми участниками встречи. В соответствии с этой договоренностью нашу делегацию информировал Подгорный, который на протяжении двух последующих дней многократно приезжал в резиденцию. Следующие два пленарных заседания состоялись 25 августа (без участия Брежнева) и в ночь с 26 на 27 августа в Доме приемов на Ленинских горах. В это время в Москву привезли почти всех остальных членов Президиума ЦК КПЧ, поэтому окончательный

---

³⁵ Так в тексте. Вооруженная интервенция в Чехословакию проходила в ночь с 20 на 21 августа.

советско-чехословацкий протокол не подписали только двое — А. Капек (его не нашли) и Ф. Кригель (который вообще отказался принимать участие в переговорах).

Непривычный порядок проведения совещания нервировал Гомулку. Но еще больше — непоследовательные и часто непродуманные действия советских руководителей, о чем он неоднократно говорил в своих выступлениях и многочисленных репликах на пленарных заседаниях, а также в беседах с Подгорным. Гомулка положительно оценивал только военную сторону операции: ее замысел и исполнение, позволившие в момент вторжения избежать кровопролития.

Подвели же, по его мнению, действия в сфере политики и пропаганды из-за ошибочной оценки ситуации в Чехословакии и фактической слабости так называемых здоровых сил, со стороны которых, кроме того, не были заметны смелые действия. Чтобы избежать политического поражения, он советовал советской стороне добиваться от чехословацких властей последовательного соблюдения ранее достигнутых с ними соглашений и договоренностей, а также соответствия принимаемых решений имевшейся в ЧССР конституционно-правовой базе. В этой связи он подчеркивал особое значение легитимности существующего правительства и ведущую роль президента Свободы (на руководство КПЧ эта оценка не распространялась).

Понятно, что критические оценки и замечания Гомулки не вызывали восторга у советских руководителей. Особенно если учесть, что представители других стран не полемизировали и вообще редко высказывали свое мнение, хотя обсуждавшиеся на совещании вопросы не могли быть им безразличны. Даже если у Брежнева проявлялись поначалу некоторые сомнения, то чем больше уступала чехословацкая сторона, тем более уверенным становился советский руководитель и все меньше обращал внимания на какие-либо возражения и предостережения. На последнем общем ужине после окончания совещания Брежнев вел себя как триумфатор, оценивая достигнутое соглашение практически как свою личную победу. В его тосте также появились новые акценты, которые позднее легли в основу так называемой доктрины Брежнева. У меня было впечатление, что именно тогда советский руководитель почувствовал себя вождем, отвечавшим за судьбу всего сообщества, которое начали называть «социалистическим содружеством».

Некоторые полагают, что «Веслав», поддержав вторжение в Чехословакию, изменил сам себе. Однако такая оценка представляется наивной и свидетельствует о непонимании сущности политики, которая редко предоставляет свободу выбора действий. В то время Гомулка оказался перед дилеммой: протестовать против интервенции во имя благородного принципа невмешательства во внутренние дела другого государства, одновременно загубив возможность солидарных действий европейских социалистических стран в политике по отношению к ФРГ, или поддержать интервенцию, обеспечивая Польше поддержку СССР в ключевом для нас вопросе получения международного признания

наших западных границ. Руководствуясь чувством ответственности за судьбу своей страны, Гомулка выбрал второй вариант. Такой выбор противоречил его прежней политике обеспечения суверенности стран-участниц Варшавского договора, но коррелировал с самым на том этапе важным — закреплением новой территориальной конфигурации польского государства и нерушимости его внешних границ. Если рассматривать этот выбор в психологических категориях, то он, очевидно, был для Гомулки драматичным и, без сомнения, стал причиной его личных переживаний. А с точки зрения соображений политики первый вариант, в сущности, не имел смысла: сопротивление «Веслава» не изменило бы судьбы Чехословакии, зато могло стать препятствием для реализации наших национальных планов. Во избежание этого Гомулка был вынужден присоединиться к решению, которое в августе 1968 г. приняли советские руководители. Приписывание же Гомулке не критичного одобрения этого решения или роли инспиратора является ничем иным, как замещением истины, не имеющим оснований вымыслом или сознательным ложным обвинением.

11–16 ноября 1968 г. проходил V съезд ПОРП, в работе которого в качестве гостей приняла участие делегация КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК Брежневым. Перед этим меня вызвали в Варшаву, потому что назначили сопровождающим делегации. Я был доволен таким назначением, т. к. многодневный контакт с Брежневым и его ближайшим окружением давал возможность лучше узнать их взгляды, а также сделать более тесными дружеские отношения с некоторыми из них, что крайне важно для дипломатической работы. Полезным было также знакомство с советскими офицерами охраны. Моя внешность стала для них настолько привычной, что в Москве никогда не случалось, чтобы на разных официальных мероприятиях они препятствовали моему общению с кем-либо из советских руководителей.

Во время съезда Гомулка, в отличие от других членов руководства ПОРП, не баловал Брежнева особым вниманием. Ограничившись двумя сугубо протокольными контактами, он не приезжал в резиденцию делегации КПСС на обычные в таких случаях беседы, что, вероятно, раздражало Брежнева. Особенно если учитывать, что специфика съезда не побуждала и других членов нашего руководства напрашиваться на встречу в резиденции советской делегации. Чаще всего случалось так, что я был единственным представителем хозяев, и на мне лежал груз обязанностей занимать гостей за столом и во время прогулок в парке в Лазенках. Впрочем, не стоит преувеличивать мои возможности в этом, тем более что в советской делегации всегда имелись желающие побеседовать со своим лидером. И это были самые интересные, а иногда и очень важные моменты.

Примером может служить разговор за обедом, который состоялся в резиденции делегации после выступления Гомулки с основным докладом на съезде. О нем и зашла речь за столом. Начали с позитивных общих утверждений, но в какой-то момент посол Аверкий Аристов, который часто бывал в резиденции и не придерживался дипломатических порядков, т. к. был в дружеских

отношениях с Брежневым, обратил внимание на то, что, «возможно, не все в этом докладе заслуживает одобрения, поскольку в нем имеются вызывающие беспокойство пассажи». Обращаясь ко мне, он с лукавой улыбкой спросил, как я оцениваю доклад. От неожиданности я невыразительно промямлил, что в сложное время возникают трудные проблемы, которым не всегда можно дать однозначную оценку. Впрочем, в диалог сразу включился Брежнев со словами: «Аверкий, не заставляй нашего друга оценивать свое руководство. Выйдем лучше на свежий воздух, там сможем поговорить». Поднялся и вышел наружу, а за ним потянулись и все остальные участники беседы.

Я вышел вместе со всеми, отделился от этой целиком советской по своему составу группы, однако встал с наветренной стороны и мог слышать, по крайней мере, некоторые фрагменты их разговора. После выпитого коньяка Аристов громко рассуждал о националистических нотах в докладе Гомулки, об их антисоветском звучании, о тех положениях его речи, которые способны возбудить в обществе небезопасные тенденции. К моему удивлению, Брежнев поддерживал эту тему и стал подбрасывать собственные замечания, приводя примеры услышанного на встречах, посвященных Чехословакии. Когда он сделал паузу, я оставил выгодную позицию, не желая быть обвиненным в подслушивании. Об услышанном я сообщил Клишко, который явно обеспокоился. Он сказал, что проинформирует «Веслава», но попросил меня помалкивать: мнение советской делегации могло бы порадовать различных оппозиционеров, число которых в партии в последнее время растет. «Сами видите, сколько их крутится вокруг советской делегации, добиваясь ее расположения», — заметил Клишко.

И еще одно воспоминание, касающееся завершающей фазы съезда. Объявленный после одного из заседаний перерыв, во время которого Гомулка проводил консультации по вопросу избрания партийного руководства, затянулся. Зарубежные делегации в ожидании возобновления заседания коротали время в отведенных им помещениях позади Зала конгрессов. В какой-то момент меня подозвал заместитель заведующего Иностранным отделом ЦК Мариан Ренке и, сообщив, что перерыв закончен, попросил, чтобы я проводил Брежнева в президиум съезда. Когда мы вошли в зал, в президиуме еще никого не было, зато немногочисленные группы делегатов о чем-то между собой разговаривали. Ничто не указывало на то, что заседание скоро возобновится, и явно дезориентированный Брежнев попросил меня срочно организовать встречу с Гомулкой. Сам он поднялся на сцену президиума и пытался установить контакт с прибывающими в зал делегатами. Я не знал, где находится «Веслав», поэтому нашел полковника Гурецкого и проинформировал его о желании Брежнева. Он был удивлен, что без его распоряжения кто-то решил пригласить в зал одного только Брежнева, как бы рассчитывая на какую-то неожиданную реакцию. Относительно же пожелания Брежнева сказал: «“Хозяин” (так обычно охрана называла Гомулку) дал ясное указание: во время консультаций по кадровым вопросам никого к нему не приводить, особенно иностранных гостей. Делай что хочешь, но ты должен уговорить Брежнева отказаться от намерения

встретиться». На мое уклончивое объяснение Брежнев проворчал: «Как видно, “Веслав” не хочет со мной посоветоваться». Неприятный осадок остался, хотя позднее я был свидетелем, как Брежнев поздравлял Гомулку с новыми кадровыми решениями.

Независимо от активного участия в разрешении многих нараставших внутренних трудностей и активности в международных делах в центре внимания Гомулки всегда оставался немецкий вопрос. Необходимость в этом имелась, особенно когда в 1969 г. снова начали нарастать симптомы, свидетельствовавшие о неустойчивости позиции СССР по некоторым жизненно важным для Польши аспектам этого вопроса.

В руководстве СССР и его политическом окружении не было единой позиции, касавшейся текущих задач в отношениях с ФРГ и в целом роли ФРГ в меняющейся расстановке сил в мире. Если говорить в самом общем плане, то в вопросе об отношениях с Западом в Советском Союзе сформировались два основных варианта стратегии. Сторонники первого считали, что советская политика должна сосредоточиваться на улучшении отношений с США, самой сильной мировой державой, которая принимает решения о действиях всего Запада. Касательно же ФРГ, приверженцы этого варианта полагали следующее: реальный суверенитет Западной Германии настолько ограничен, что никакие советские усилия не будут иметь существенного влияния на изменение ее геополитического положения. Сторонники второго варианта, которых мы называли пронемецкой фракцией, хотя и отводили взаимодействию с США основное место, но одновременно подчеркивали, что улучшение советско-западногерманских отношений, их расширение будут напрямую служить ослаблению позиции Соединенных Штатов в Европе, в чем видели главное условие изменений в мировой расстановке сил в пользу СССР. Персональная ориентация на какой-либо из двух вариантов была не только не очень ясной, но явно изменчивой, поскольку в значительной степени зависела от взглядов членов высшего руководства, в первую очередь самого Брежнева.

Чехословацкий кризис усилил позиции сторонников обоих вариантов. Те, кто видел возможность решить внешние проблемы и реализовать устремления СССР, развивая отношения с США, приводили в качестве аргумента реакцию Соединенных Штатов на военную интервенцию в Чехословакию, которая показала, что Вашингтон считает сферу советского влияния в Европе незыблемой. Это создает благоприятную исходную позицию для усиления давления на ФРГ с целью формального признания ею реальностей послевоенной Европы. Выступавшие за пронецкий вариант, однако, утверждали, что после чехословацких событий Советский Союз будет в течение длительного времени подвергаться обструкции со стороны западных государств, и это весьма затруднит реализацию его планов во внутренней и внешней политике. Самый простой и быстрый способ переломить данную ситуацию, считали они, — кардинально улучшить отношения с ФРГ, используя нараставшее в стране разочарование слабой результативностью американской внешней политики и ее непригодностью для

достижения немцами своих национальных целей. Срочное заключение предлагавшегося с 1967 г. властями ФРГ соглашения о неприменении силы рассматривалось как инструмент, способный оживить в стране надежду на большую уступчивость СССР в отношении других немецких намерений.

Леонид Брежнев, ориентированный на вопросы текущей политики, редко бывал заинтересован в далеко идущих планах и, что более важно, не любил трудных ситуаций. Он предпочитал такие решения (в том числе в отношениях, особенно экономических, с Польшей), которые сулили ему быстрый успех и при этом не затушевывали его имидж примирителя сторон и одновременно эффективного политика. Поэтому он предпочитал слушать тех советников, которые рисовали перед ним картину быстрого преодоления возникших из-за чехословацкого кризиса международных проблем, роста его личного авторитета и советского влияния в мире путем улучшения отношений с ФРГ. Брежнев в связи с этим считал перспективным заключение соглашения с Бонном о неприменении силы, причем как можно скорее, избегая проблемных вопросов, которые могут помешать осуществлению намеченной цели.

Гомулка с горечью воспринимал сигналы, свидетельствовавшие об изменении позиции советской стороны. Как-то в узком кругу самых близких ему людей отметил, что подход Брежнева сблизился с позицией руководства польской католической церкви, выраженной в послании немецким епископам³⁶. «Если так пойдет дальше, — добавил он иронично, — то нельзя исключить ситуации, когда советские власти обратятся к немцам с посланием, что они прощают им их прегрешения и просят простить их самих. Однако политическое значение такой советской декларации было бы более опасным, потому что к посланию наших епископов, несмотря на его однозначность, можно относиться как к религиозному документу». Тогда-то я мысленно припомнил, что похожие соображения, но с точностью до наоборот, Гомулка высказал в тот момент, когда письмо руководства костела в Польше было передано немецким епископам. Он заметил тогда, что позиция руководства епископата больше совпадает со взглядами советской стороны, чем с точкой зрения польских властей, т. к. мы считаем, говорил Гомулка, что примирение с ФРГ невозможно без признания наших западных границ, советским же руководителям такое признание в лучшем случае может быть абсолютно безразлично.

Польша снова оказалась под угрозой изоляции в своей политике по отношению к ФРГ. Притом изоляция значительно более важной, чем предыдущая, предшествовавшая интервенции в Чехословакию, потому что включала то государство, которое было в состоянии дисциплинировать оставшихся партнеров

³⁶ Речь идет о письме польских католических епископов немецкому епископату от 18 ноября 1965 г., со словами «Прощаем и просим прощения». Письмо было написано в преддверие празднования 1000-летия крещения Польши, отмечавшегося в 1966 г., и стало призывом к прощению и объединению сторон. Подписано 34 епископами, в том числе кардиналом Каролом Войтылой (будущим папой Иоанном Павлом II) и примасом Польши кардиналом Стефаном Вышиньским.

в игре с ФРГ. Если бы СССР в новом соглашении с ФРГ не затронул бы проблемы признания нерушимости границ в Европе, то тогда и остальные участники Варшавского договора почувствовали бы себя освобожденными не только от обязательств поддерживать Польшу, но и также от обязанности защищать свои собственные, ранее сформулированные позиции для того, чтобы урегулировать свои связи с Западной Германией и установить с ней дипломатические отношения. В такой ситуации Польша встала бы перед необходимостью выбора одного решения из двух невыгодных для нее вариантов: установить дипломатические отношения с ФРГ без формального признания ею западных польских границ или же быть изолированной от процессов нормализации, одновременно теряя какие-либо шансы добиться признания границ в обозримом будущем.

В этом трудном положении Гомулка должен был изменить прежнюю тактику. Предстояло так выстроить политику по отношению к СССР, чтобы склонить Москву к включению в соглашение о неприменении силы, которое она намеревалась подписать с ФРГ, соответствующих клаузул, касавшихся признания послевоенных реалий в Европе, и особенно границ Польши по Одре и Нысе Лужицкой, а также границ между ФРГ и ГДР. Между тем в советской элите все отчетливее крепло убеждение, что власти ФРГ готовы пойти на различные уступки, за исключением признания неизменности раздела Германии и территориально-политического *status quo* в своих отношениях с Польшей. Такие представления не только характеризовали сторонников так называемого пронемецкого варианта, но были достаточно распространенным явлением. В силу этого намерения добиться учета польских требований, хотя они и находили понимание у многих советских политиков (а также у многих дипломатов из МИДа), оценивались как мало реалистичные и одновременно затруднявшие достижение прогресса в международных отношениях. Значение также имело укоренившееся среди части советского истеблишмента мнение, что монополизация СССР гарантий признания наших западных границ является удобным инструментом давления на Польшу, от которого не стоит отказываться. Это все беспокоило Гомулку. Подобные взгляды, ставшие известными в Польше, рождали в кругах антигомулковски настроенных аппаратчиков надежды на возможность замены лидера «более разумной» фигурой, т.е. легче поддающейся влиянию восточного соседа.

Когда Гомулка осознал возможность угрозы польским национальным интересам, исходившей от позиции советских властей, он решил поменять тактику. Оставаясь ревнителем единства действий по немецкому вопросу стран-участниц Варшавского договора, он счел нужным отделить проблему признания западных польских границ от других требований и предложить Бонну особую формулу нормализации отношений между Польшей и ФРГ. Благоприятным тому обстоятельством был факт, что в ФРГ после прихода к власти социал-демократов во главе с Вилли Брандтом настроения по отношению к Польше также изменились. Свою новую формулу Гомулка представил в известной речи 17 мая 1969 г. на встрече с избирателями в Варшаве. Он предложил властям

ФРГ заключить соглашение, в котором нормализация отношений между двумя государствами была бы тесно увязана (и даже обусловлена) с признанием ФРГ существующей западной польской границы в качестве окончательной и нерушимой. Такая позиция, которую Гомулка не считал нужным согласовать не только с союзниками, но и с Политбюро ЦК ПОРП, была достаточно рискованной, однако это позволило Польше взять в свои руки инициативу в ключевом для себя вопросе. По отношению к советскому руководству Гомулка, по всей вероятности, действовал обдуманно: постоянно напоминал, что в касающихся Польши вопросах оно должно информировать нас о шагах, предпринимаемых Москвой совместно с третьей стороной. Поскольку этого принципа советские руководители не всегда придерживались, то он применил библейское решение: как Иаков Богу, так и Бог Иакову.

Речь Гомулки оказалась для советского руководства неожиданной. Официально советская сторона долго не реагировала на нее ни в СМИ, ни в материалах для служебного пользования. На дипломатическом поле реакция советских представителей поначалу была холодной, а позднее она приняла подчеркнуто отрицательный характер, что отразилось, в частности, на контактах с нашим посольством в Москве. Однако наибольшую неприязнь к предложению Гомулки проявило руководство ГДР и его представители в СССР. Понимая, что они теряют прежнюю монополию на формирование оценок ситуации в ФРГ, а также неписаное право регулировать контакты других стран с Западной Германией, они старались повлиять на советское руководство, чтобы торпедировать или как минимум застопорить польско-западногерманские переговоры. Однако позиция Гомулки оставалась решительной и неизменной: польское предложение о заключении соглашения с ФРГ соответствует совместно выработанным установкам на признание Германией границы на Одре и Нысе Лужицкой, оно укрепляет тенденции на всеобщее признание *status quo* в Европе и, следовательно, должно найти безусловную поддержку со стороны всех социалистических стран.

Отрицательное отношение советского руководства к польской инициативе было небезопасно для Польши, поскольку могло содействовать невыгодной для нашей страны конфигурации нового соглашения СССР с ФРГ и одновременно лишить Варшаву поддержки со стороны других государств-участников Варшавского договора и обострить позицию ФРГ по содержанию данного договора. Более того, оно даже могло способствовать саботажу работы над соглашением со стороны собственного партийного и государственного аппарата, «обработкой» которого занимался упомянутый выше Костиков — самозванный претендент на роль генерал-губернатора. Костиков, не ясно кем движимый, бежал тогда по кабинетам разных влиятельных польских бюрократов, убеждая их саботировать усилия Гомулки.

Для того чтобы предотвратить негативный ход развития событий, нужно было решиться на большую политико-дипломатическую работу, как непосредственно с советскими лидерами, так и среди влиятельных советских

аппаратчиков, чтобы завоевать последних на нашу сторону. Первую задачу взяли на себя Гомулка и его самое близкое окружение. Вторая выпала на относительно узкую группу лиц. Это не было случайностью: «Веслав», учитывая критическое отношение некоторых внутренних сил, не принимавших его самостоятельно начатых действий или ставивших под сомнение возможность их реализации, а также слабую служебную дисциплину аппарата, решительно ограничил круг лиц, получавших подробную информацию о подготовке соглашения с ФРГ и тем более имевших доступ к материалам о ходе консультаций и непосредственных переговоров. По моим сведениям, осторожность Гомулки не полностью помешала различным охотникам до государственных тайн или простым сплетникам, а некоторым даже принесла прямую выгоду. Пример — будущая карьера Вацлава Пионтковского, тогда руководителя польского торгового представительства в ФРГ³⁷, которого в то время намеревались заменить специалистом по политическим вопросам. По решению Гомулки от этой замены отказались, чтобы не расширять круг лиц, участвовавших в продолжавшейся политической игре.

Переговоры с представителями СССР не были легкими. От польской стороны требовались как решительность в защите главного национального интереса, так и способность, учитывая советские устремления, найти нужным образом сформулированный компромисс. Я участвовал почти во всех встречах, которые проходили тогда в Москве и были посвящены нормализации отношений с ФРГ: в беседах Гомулки с Брежневым выступал в качестве личного переводчика, в консультациях между представителями министерств иностранных дел — как полномочный советник-посланник посольства.

Самым главным было то, что Гомулке удалось убедить в приемлемости наших аргументов Брежнева, который воспринял, прежде всего, тезис, что реализация нашей концепции нормализации отношений с ФРГ будет способствовать закреплению территориального *status quo* в Европе, не ставя при этом под сомнение принципы единства внешней политики стран-членов ОВД и собственные интересы каждой из них. В свою очередь, Гомулка был удовлетворен обещанием Брежнева, что советский договор с ФРГ не станет простой декларацией о неприменении силы, а в нем будет содержаться формулировка, касающаяся признания нерушимости существующих границ.

С большими трениями проходили обстоятельные консультации между представителями министерств иностранных дел. С польской стороны их проводили заместители министра — сначала Адам Кручковский, а позднее Зигфрид Вольняк. Последний не смог установить с советскими партнерами хороший контакт, поэтому его сменил заместитель министра Юзеф Виневич, главное лицо на переговорах с ФРГ по нашему договору. Стоит подчеркнуть, что Виневич обладал высочайшим дипломатическим искусством ведения беседы. Это

---

³⁷ Вероятно, автор имел в виду, что впоследствии Пионтковский возглавил Иностран- ный отдел ЦК ПОРП.

признал даже не склонный к лести Андрей Громыко, который после последней встречи не только проводил Виневича в аэропорт (беспрецедентный случай в практике советского министра), но и метафорически заметил на прощанье: «Если бы мы оба были машинистами этого поезда, очевидно, достигли бы цели значительно раньше». К сожалению, после событий декабря 1970 г. от услуг этого превосходного дипломата отказались и не позволили ему закончить свою карьеру на должности председателя Генеральной ассамблеи ООН, на которую он, будучи выдвинутым Гомулкой, должен был избираться.

В завершающей фазе польско-советских консультаций, когда позиции сторон заметно сблизились, основное внимание было направлено на доработку концепции переговоров с ФРГ, обмен впечатлениями от хода диалога, а также на детальное обсуждение конкретных формулировок, которые следовало включить в тексты советского и польского договоров. Это сближало политиков и дипломатов двух стран, совместная работа учила представителей СССР уважать политическую зрелость и осмотрительность поляков, а также их дипломатическую хватку («Давно мы таких не встречали», — сказал мне один из корифеев советской дипломатии), и, что самое важное, — такое взаимодействие вело к лучшему пониманию польских национальных интересов и усиливало позиции нашего государства в глазах влиятельной советской элиты. Особенно это чувствовалось в контактах с руководителями советского Министерства иностранных дел и заведующими его отделов, которые, как никогда ранее, стремились решить ставившиеся тогда нами вопросы.

Здесь необходимо напомнить об обязательной отсылке в тексте готовившегося документа к достигнутым в Потсдаме соглашениям, чему Гомулка придавал особое значение. Он хотел подчеркнуть, что лидеры трех великих держав, упорядочивая мир после вызванного немцами хаоса Второй мировой войны, признали новую польско-немецкую границу по линии Одра — Ныса Лужицкая в качестве одного из главных элементов нового международного порядка. Поэтому все уговоры отступить и не ссылаться на потсдамские постановления он воспринимал не только как стремление дезавуировать нашу позицию относительно существовавших норм межгосударственных отношений, но и как попытку размыть их фундамент. В то время наблюдалось значительное потепление в личных отношениях между лидерами двух стран — Гомулкой и Брежневым. Об этом свидетельствовало намерение советской стороны присвоить Гомулке советское почетное звание. Брежнев, который кроме современных автомобилей и охоты питал слабость к разным званиям и наградам, мерил других по себе. Стремясь добиться расположения лидеров других государств, он награждал их высшими советскими наградами, надеясь на такое же отношение с их стороны. Самых важных лиц награждал Золотой Звездой и званием Героя Советского Союза. Так как в 1970 г. Гомулке исполнялось 65 лет, Брежнев выступил с инициативой присвоения ему этого звания. Как полагалось в подобных случаях, провели зондаж, примет ли Гомулка такую награду. Когда Клишко проинформировал об этом польского лидера, тот с возмущением отверг

данное предложение. Я был тому свидетелем. Принимая во внимание новые попытки вернуться к этому вопросу, Гомулка согласился на воспринимавшийся им иначе орден Ленина³⁸. Эту награду и вручили ему во время празднования 100-летия со дня рождения Ленина 22 апреля 1970 г. на торжественном собрании в Кремлевском дворце с участием всего Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР. Гомулка ответного шага не сделал, поскольку не придавал подобным жестам большого значения. Только из рук Эдварда Герека Брежнев получил высшую польскую военную награду — Большой крест Ордена *Virtuti Militari* со Звездой, однако звание Героя Советского Союза Гереку взамен уже не предложили.

Самым важным пунктом обсуждавшегося в 1970 г. договора между Польшей и ФРГ, без сомнения, была его первая статья. Предложенная Гомулкой и в конечном итоге принятая обеими сторонами формулировка звучит следующим образом: «1. Польская Народная Республика и Федеративная Республика Германии согласованно констатируют, что существующая пограничная линия, прохождение которой было установлено в главе 9 решений Потсдамской конференции от 2 августа 1945 года, от Балтийского моря непосредственно западнее Свиноустья и отсюда вдоль реки Одры до места, где впадает Ныса Лужицкая, и вдоль Нысы Лужицкой до границы с Чехословакией, является западной государственной границей Польской Народной Республики. 2. Они подтверждают нерушимость — сейчас и в будущем — их существующих границ и обязываются взаимно неукоснительно соблюдать их территориальную целостность. 3. Они заявляют, что не имеют никаких территориальных притязаний друг к другу и не будут выдвигать такие притязания в будущем» («*Dziennik Ustaw*». 1972. № 24). Именно эта статья вызывала самое сильное сопротивление немецкой стороны, даже несмотря на то, что в конечном счете от ее принятия зависел успех переговоров. После разрешения казавшейся безвыходной ситуации текст, по договоренности между Гомулкой и Брежневым, был передан советской стороне как образец для выработки соответствующих статей готовившегося договора между СССР и ФРГ.

Хотя переговоры Польши с ФРГ могли закончиться раньше и наш договор мог быть парафирован и подписан раньше договора между СССР и ФРГ, произошло по-другому. Советский Союз подписал свой договор 12 августа 1970 г., т. е. почти на четыре месяца раньше Польши. По поводу этого советского «опережения» как в историографии, так и в разных воспоминаниях высказываются различные мнения. Однако все они являются обычными домыслами или прямым обманом, выполняющим определенные политические функции. Сначала,

---

³⁸ В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1970 г. говорилось: «Отмечая выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Польской Народной Республики, в укреплении мира и социализма, многолетнее активное участие в мировом коммунистическом движении, в связи с 65-летием со дня рождения наградить Первого секретаря ЦК ПОРП товарища Владислава Гомулку орденом Ленина» (Правда. 1970. 06 II. № 37 (18815). С. 1).

сразу после отстранения Гомулки от власти, — чтобы уменьшить его вклад в успех (это, дескать, не мы сами, а советские дипломаты добились для Польши признания со стороны ФРГ нашей западной границы). Позднее в ход был пущен тезис, что «опережение» явилось проявлением коварства Брежнева или даже очередного советско-германского сговора. Это якобы должно было похоронить возможность заключения Польшей такого договора, к которому она стремилась. Авторами таких оценок были как некоторые политики-мифотворцы, так и недостаточно информированные историки.

В действительности ситуация была другой. Понятно, что и СССР, и ФРГ были заинтересованы, чтобы договор между ними опережал договор Польши с ФРГ. Немцам, конечно, было неудобно выходить к польской стороне с таким предложением, они не хотели искусственно затягивать и так уже сбавившие темп переговоры. Поэтому с просьбой к Гомулке по этому вопросу обратился Брежнев. Это произошло во время их встречи в Москве в июне 1970 г. Главный аргумент советского руководителя заключался в том, что Советский Союз как великая держава, будучи до сих пор единственным последовательным защитником неизменности наших западных границ, должен и ныне официально, в документе, подтвердить свою принципиальную позицию. Он уверял, что лично заинтересован в том, чтобы СССР был первым социалистическим государством, подписавшим с ФРГ договор, касающийся основ европейской безопасности и содержащий базовые формулировки неизменности и нерушимости границ в Европе. Это должно было, по мнению Брежнева, смягчить позицию тех сотрудников аппарата, которые в целом были настроены против договора СССР и ФРГ в таком формате, а в действиях Польши выискивали подтверждение недоверия Варшавы к советским гарантиям неизменности польских границ. Гомулка, который сначала был явно удивлен предложением Брежнева, принял его, одновременно напомнив о предыдущих договоренностях, касавшихся формулировок о границе.

Возвращаясь в резиденцию после встречи с Брежневым, Гомулка был погружен в размышления. Я, взволнованный услышанным, не проронил ни слова. Выйдя из машины, Гомулка предложил пройтись по парку. Он всегда так делал, когда хотел избежать прослушивания со стороны хозяев. Сначала он выслушал мою весьма продолжительную тираду, в которой, помимо прочего, я выразил мнение, что, уступая первенство, мы заранее уменьшаем свой огромный политический успех. Гомулка, как никогда терпеливо, выслушал меня, а потом подробно объяснил, что в политике самым важным является реализация подлинных интересов государства, а не «фейерверки» психотехники. Он подчеркнул, как важно для Польши, помимо признания ее границ со стороны ФРГ, получить также дополнительные, закрепленные в договорах, гарантии от СССР и других социалистических государств. Нельзя допустить, чтобы в советско-германском договоре оказались какие-либо упущения или касающиеся границ определения, отходящие от нашей формулы. Гомулка также подчеркнул, что обязательно нужно пойти навстречу Брежневу, который преодолел распространенную

среди советской элиты тенденцию капитулировать перед требованиями со стороны ФРГ и ГДР. В разговоре Гомулка подробно остановился на вопросе о суверенитете Польши и проблеме его рационального укрепления. Рассуждения его были на таком высоком теоретическом уровне, такими четкими и конкретными, что если бы они были опубликованы, то без сомнения вошли бы в золотой фонд польской политической мысли. Его слова навсегда остались в моей памяти.

В июле 1970 г. советские дипломаты успешно закончили переговоры с представителями ФРГ. Двусторонний договор сразу же был парафирован министрами иностранных дел Андреем Громыко и Вальтером Шеелем³⁹. В тот же день меня пригласили в советский МИД (я тогда был *chargé d'affaires*⁴⁰ посольства) на прием к министру Громыко, который должен был состояться ровно в полночь. Наверно, это редкий случай, чтобы министр иностранных дел великой державы принимал в нерабочее время, да еще так поздно, дипломата другой страны. Очевидно, что мой собеседник хотел таким образом подчеркнуть как важность встречи, так и желание, насколько это возможно, скорейшей передачи информации о ней моему руководству. Громыко сообщил, что в парафированном только что договоре Советский Союз выполнил свои обязательства и добился внесения в него отвечающих нашим общим интересам формулировок о границах⁴¹. Я немедленно отправился в посольство и по ВЧ-связи проинформировал «Веслава» о беседе с Громыко, который, что необходимо подчеркнуть, был в советском руководстве одним из самых решительных сторонников укрепления в Европе политико-территориального *status quo*, а также поддерживал польские решения по этому вопросу. Спустя некоторое время я направил в Варшаву соответствующее донесение.

Как отмечалось выше, договор с ФРГ советская сторона подписала 12 августа 1970 г. Переговоры по нашему договору несколько замедлились и продолжались еще достаточно долго. Немецкая сторона многократно пробовала изменить отдельные формулировки в соответствии со своими интересами. Наша позиция, основанная на точных и подробных указаниях Гомулки, была последовательной. Наконец, 18 ноября договор между Польшей и ФРГ был

³⁹ Договор был парафирован 7 августа 1970 г.

⁴⁰ *Chargé d'affaires* (фр.) — поверенный в делах.

⁴¹ Напомним некоторые фрагменты этого, сегодня редко приводимого документа. В статье 3 договора между СССР и ФРГ было записано: обе стороны «едины в признании ими того, что мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы». Два государства взяли на себя обязательство «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах», заявили, что «не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было», а также признали «как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего Договора, в том числе линию Одер-Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой» (см.: *Zbiór Dokumentów*. 1970. № 8. S. 1445–1448). (Комм. Б. Рыхловского).

парафирован, а 7 декабря 1970 г. подписан в Варшаве канцлером Вилли Брандтом и премьер-министром Юзефом Циранкевичем. Это был огромный успех Польши, но также и личный успех Гомулки. Вопреки многочисленным препятствиям, он добился заключения договора, окончательно завершившего с точки зрения международного права процесс признания польской границы на Одре и Нысе Лужицкой, сделав это путем мирного урегулирования с обоими германскими государствами. Признание Бонном и Восточным Берлином обязательных и необратимых решений держав антигитлеровской коалиции соответствовало принципу «мирного урегулирования», заложенному в решения Потсдамской конференции, и означало закрытие вопроса о границе между Польшей и Германией. Более того, этот договор в известной степени предвосхитил ситуацию будущего, предусмотренную дальновидным лидером нашего государства. Характеризуя заключенный договор в речи на пленуме ЦК ПОРП в декабре 1970 г., Гомулка сказал: «Если бы когда-нибудь произошло объединение Германии, то объединенная Германия была бы связана згожелецким⁴² и варшавским договорами как преемник обоих немецких государств». Так и произошло во время очередного кризиса в польско-немецких отношениях, связанного с объединением Германии в 1989 г. Тогда, при подписании 14 ноября 1990 г. договора, подтверждавшего существующую польско-немецкую границу, министр иностранных дел ФРГ Ханс-Дитрих Геншер напомнил о важности договора 1970 г., в то время как представители нашего государства не вспомнили об этом документе. Более того, один из министров иностранных дел Третьей Польской Республики⁴³, желая умалить заслуги Гомулки, охарактеризовал в 2000 г. этот договор как «процедуру, не выходящую за границы показной дипломатии».

Польско-немецкий договор 1970 г. имеет непреходящую ценность, т. к. его подписание означало вступление Польши в качественно новый этап не только отношений с Германией, но и в целом геополитической истории нашего государства. Внутреннее согласие поляков с новой территорией Польской Республики (которое также было достигнуто не сразу и не без сопротивления) было дополнено полным ее признанием всеми заинтересованными государствами, а также всем международным сообществом. Впервые удалось добиться такого состояния польской государственности, которое является основой для стабильных отношений Польши с другими странами, ее территориальной целостности и реального суверенитета. Укрепление и защита этой позиции является патриотической обязанностью каждого гражданина нашего государства, а все деятели, добившиеся такого положения, заслуживают незабвенной памяти и уважения поляков. К сожалению, в нашей стране всегда с трудом распознаются

⁴² Згожелецкий договор о демаркации границы между ГДР и ПНР. Подписан 6 июля 1950 г. в польском г. Згожелец. Предполагал деление нескольких немецких городов (Кюстрин, Франкфурт-на-Одере, Губен, Гёрлиц) и полную передачу польской стороне городов Штеттина и Свинемюнде. Вызвал резкую критику в ФРГ.

⁴³ Определение польского государства, закрепленное в Конституции Республики Польша 1997 г.

подлинный триумф и настоящие победы, и, кроме того, редко удается надлежащим образом использовать достигнутые успехи.

Именно так произошло в декабре 1970 г., когда почти сразу после подписания договора с ФРГ Владислав Гомулка был отстранен от власти партийными противниками, использовавшими для прикрытия своих замыслов, без сомнения, спровоцированные «декабрьские события»⁴⁴. Оставляя в стороне вопрос тщательного сокрытия вдохновителями тех событий проблемы ответственности за их развязывание, необходимо подчеркнуть, что, свергая своего лидера, партийные антагонисты украли у Гомулки его главный политический успех. Поскольку они не могли приписать себе какого бы то ни было участия в его достижении, то решили закрыть его завесой, сотканной из замалчивания или уменьшения его действительного значения, а также отказались продолжить начатые процессы. Поступая так, они украли победу у всего польского народа. Программные идеи Гомулки, не только в области внешней политики, были обречены на забвение. Последствия этого верно показал Вальдемар Кучиньский⁴⁵, написавший, что если бы Герек продолжил экономический курс в духе политики Гомулки, то в 1989 г. и сегодня мы бы находились в намного лучшей экономической ситуации («*Gazeta Wyborcza*» от 26 мая 2004 г.). Я разделяю такой взгляд.

Отсутствие преемственности во внешней политике привело к тому, что процесс нормализации отношений с ФРГ, неразрывно связанный с договором 1970 г., был с самого начала деформирован. Прежде всего отказались от реализации договоренности Гомулки и Брандта об активизации двусторонних экономических связей, которые должны были базироваться на предоставлении Польше многомиллиардного беспроцентного кредита.

Принятие принципа недопустимости опережения и диспропорций в будущих отношениях с ФРГ по сравнению с другими странами Западной Европы привело к тому, что вместо ожидаемого рывка наступило явное замораживание сотрудничества с Федеративной Республикой Германия. Началась также

---

⁴⁴ Имеются в виду массовые выступления 14–22 декабря рабочих Побережья (Гданьск, Гдыня, Щецин, Эльблонг и др.) в ответ на объявленное правительством 13 декабря повышение цен на главные продовольственные продукты, в том числе муку и рыбу, в среднем на 23%. Размах выступлений (по некоторым данным на улицы вышли более 20 тыс. чел.), быстро переросших в столкновения с милицией и уличные бои, привел к применению армии и бронетехники 8-й механизированной дивизии Войска Польского. Приказ Гомулки ограничительно использовать огнестрельное оружие (стрельба в воздух и по ногам) нарушался милиционерами и солдатами, которым внушали, что они идут усмирять «гданьских немцев».

⁴⁵ *Кучиньский Вальдемар* (род. 1939 г.) — известный польский экономист, журналист, политик; в начале 1960-х гг. — преподаватель факультета экономики Варшавского университета, с 1963 г. находился под наблюдением службы безопасности; в 1966 г. исключен из ПОРП и уволен с работы; в марте 1968 г. арестован и осужден по обвинению в организации митинга студентов и преподавателей Варшавского университета. Впоследствии видный деятель «Солидарности», советник Л. Валенсы по экономическим вопросам. Начиная с 1990-х гг. принимал активное участие в разработке государственной экономической политики.

растрата достижений Гомулки в сфере укрепления нашего суверенитета в отношениях с восточным соседом. Благоприятную атмосферу, которая возникла вследствие общего успеха в процессе урегулирования противоречий с ФРГ, сменили возрождающиеся старые обычаи и подходы.

Бацилла повышенной зависимости от сильнейшего вместо развития и усовершенствования партнерства снова была занесена и в польско-советские отношения. Изменения здесь я почувствовал уже в начале января 1971 г., когда вместе с советским руководством встречал Герек и Ярошевича, прибывших в Москву в роли новых лидеров нашего государства. Меня поразили явный контраст по сравнению с тем, что было заметно во время визитов Гомулки. Различия заключались в том, что при приезде в Москву Гомулки среди встречавших его советских руководителей можно было почувствовать какое-то внутреннее напряжение, беспокойство и неуверенность, очевидно, вызванные ожиданием трудных дискуссий и переговоров с харизматичным для них партнером. На сей раз среди встречавших царил покойствие, зато явно нервничали и волновались Герек и Ярошевич. Предварительная беседа гостей с Брежневым состоялась в зале аэропорта (чтобы избежать сопровождения прибывших в отведенную им резиденцию) и выявила признаки того, что отношения между лидерами двух стран переходят на другой, отличный от предыдущего уровень. Проявление уступчивости с одной стороны и почти патерналистская снисходительность с другой являлись бесспорным тому предзнаменованием. Но гости и хозяева становились похожими, когда обменивались замечаниями о желчном характере Владислава Гомулки.

Фальшивой нотой в высказываниях представителей новой власти Польши, все чаще приезжавших в Москву на различные встречи и переговоры, звучало демонстративное подчеркивание того, что отстранение от власти Гомулки и его команды означало устранение «националистических тенденций» и наполнение польско-советских отношений «духом истинного интернационализма». Такие заявления не только дезавуировали огромные усилия предыдущей команды по суверенизации страны, но и являлись своеобразным признанием своей зависимости. Однако не все советские деятели принимали такие признания за чистую монету. Когда примерно через год нечто подобное (якобы по поручению нового руководства) заявил сменивший меня в посольстве дипломат мудрому и опытному Блатову, тот ответил русской поговоркой — «Цыплят по осени считают». Это в вольном переводе означало, что оценивать следует по результатам. А затем помощник Брежнева пустился в подробные рассуждения о том, какое большое значение имели настойчивость и инициативность Гомулки в нормализации отношений с ФРГ и заключении договоров, что привело к общему для Польши и Советского Союза успеху. Такая реакция несколько остудила верно-подданнический запал того, кто заступил на мое место.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что усилия поляков по созданию подлинно партнерских отношений между СССР и другими социалистическими странами не являлись односторонними. После XX съезда КПСС

советское руководство также предпринимало попытки устранить разного рода деформации и отклонения от нормы. Однако на практике они наталкивались на сопротивление вследствие укоренившихся обычаев и сознательной обструкции со стороны многочисленных кандидатов в наместники. Поэтому за собственный суверенитет необходимо было бороться. Польские усилия в этом направлении, без сомнения, были самыми значительными, оттого и отклик на них со стороны советских людей доброй воли был самым большим. В описываемый мною период в советской элите возникла настоящая мода на Польшу, а Гомулка пользовался искренним уважением. В политических кругах мы стали примером рационализации собственных внутренних и внешних отношений. Именно в те годы мы играли роль связующего звена с Западом, будучи посредниками в проникновении в СССР многих подлинных материальных и духовных ценностей. Ныне говорится о необходимости возобновления той нашей былой роли, но такая перспектива сегодня уже нереальна, поскольку разрушенный в свое время мост заняли новые, более мощные конструкции, непосредственно соединяющие Россию с Западом.

Степень суверенитета нашего государства в отношениях с СССР во времена Гомулки достигла, без сомнения, наивысшего уровня за весь период существования ПНР. В те годы Польша проводила самостоятельную политику, правда, чаще всего сходную с политикой Советского Союза (в том числе из-за нашего геополитического положения), однако обычно только в таких пределах, в каких это не противоречило нашим национальным интересам или являлось следствием политической игры с другими партнерами. Подтверждением самостоятельности является хотя бы факт постоянного проявления в тот период различных противоречий и даже конфликтов в двусторонних отношениях, которые возможны только при исключительно самостоятельной политике и которые, в свою очередь, сглаживаются, едва такая политика переходит в зависимое состояние. Однако степень суверенитета нельзя мерить исключительно политикой, реализованной на самом высоком уровне государственной власти. Ведь из-за достаточно поверхностного преодоления сталинского наследия в ментальности и методах работы партийного и государственного аппарата, а также неполной ликвидации институциональных структур подчинения склонность выслужиться перед «большим братом» никуда не делась и при определенных условиях претворялась на практике. Характеризуя данную слабость в самом общем виде, можно сказать, что она проявлялась избирательно, была тщательно замаскирована и зависела от степени индивидуальной свободы конкретных личностей, а также от их усилий по реализации личных или групповых целей в ущерб заботе об истинных интересах Польской Республики.

В этом плане обстановка в Советском Союзе была иной. В советской элите, в том числе в ее политической и военной структурах, довольно широко были представлены политики, оценивавшие должным образом значение настоящего партнерства в отношениях между нашими странами. Более того, достаточно часто проявлялось прямое благорасположение к Польше. Чаще всего

оно было связано с польскими этническими корнями проявлявших его лиц (а таких в этой стране очень много), проистекало из действительно интернационалистской позиции или было следствием позитивного опыта контактов с поляками. Впрочем, и сам Брежнев, пока он находился в нормальной психофизической форме, часто, по крайней мере в контактах с нами, демонстрировал такую позицию. Это способствовало снятию напряженности и устранению различных противоречий, а также решению разных, порою спорных вопросов к нашей выгоде. Однако я никогда не встречал таких проявлений пропольской расположенности, которая выходила бы за границы определенных советским партийным руководством интересов. На всех уровнях власти, не исключая самый высокий, хорошо понимали, что любое нарушение здесь может отразиться на личной политической карьере.

В рассматриваемый период в Советском Союзе отношениями с Польшей занимались значительные группы людей, в целом добросовестно исполнявших свои обязанности. Однако бок о бок с настроенными позитивно специалистами или бесстрастными бюрократами работали также функционеры, выстраивавшие свою карьеру. С этой целью они демонстрировали особую бдительность, отслеживали проявления мнимого антисоветизма, создавали атмосферу подозрительности и недоверия по отношению к носителям якобы националистических и антисоветских взглядов. В ежедневной практике они старались не показывать своих склонностей к подобным действиям, зато в кругу так называемых настоящих друзей, пользуясь моментом, своими оценками натравливали собеседника против выбранного ими человека. К таким индивидам принадлежал уже не раз упомянутый мною Петр Костиков, связанный почти всей своей профессиональной жизнью с Польшей, где, наверно, длительное время чувствовал себя даже лучше, чем дома. В советских партийных структурах его функции аппаратчика были исключительно исполнительными. В Польше же он пытался играть роль соправителя, используя для этого необыкновенно широкую сеть личных контактов. Сначала как руководитель бюро Агентства печати «Новости» (прикрытие для работы советской политической разведки в мире) и редактор журнала «*Kraj Rad*» он создавал ее на низших уровнях власти (секретариаты секретарей ЦК ПОРП) и в формирующих общественное мнение кругах. Позднее, после перехода на работу в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, он стремился включить в эту сеть представителей власти намного более высокого уровня. Когда после чехословацких событий он стал заведующим образованного тогда в этом отделе из нескольких сотрудников польского сектора, то смог создать вокруг себя в Польше такую атмосферу важности, что редко кто из так называемой номенклатуры отказывался от его благосклонности. В собственной же стране он решил подчеркнуть свою значимость усилением контроля за деятельностью сотрудничавших с Польшей советских организаций и повышением бдительности в отношении нашего дипломатического представительства в Москве, упрекая его руководство в националистических наклонностях, и, наконец, активным

участием в антигоммулковской фронде в Польше и СССР. В своих интригах Костилов, как и другие такого типа личности, использовал подобных себе или просто наивных людей, в которых никогда не было недостатка по обе стороны разделяющей нас границы. Сегодня они стараются замести следы старых поступков, фальсифицируя в воспоминаниях свои настоящие действия или приписывая все нехорошее, что было в наших отношениях, противоположной стороне. Оценивая историю польско-советских отношений, необходимо помнить об этом, особенно для того, чтобы не относиться к имеющимся заявлениям как к единственному источнику знаний об их действительном характере.

Подводя итог своим размышлениям о польско-советских отношениях периода пребывания у власти Владислава Гомулки, мне бы хотелось коснуться вопроса о том, как менялась оценка его личности. В начале 1960-х гг., особенно после отстранения от власти Хрущёва, новое советское руководство демонстрировало уважение, восхищаясь личным мужеством, знаниями и политической мудростью Гомулки. По-видимому, вначале подобное отношение было искренним. Со временем, когда руководители стали в первую очередь восторгаться собой, самостоятельность Гомулки и его своеобразную неприступность начали интерпретировать как проявление дерзости более слабого в плане экономики и военного потенциала партнера, а еще позднее — как отголоски свойственного ему национализма. Их все сильнее раздражала личная независимость «Веслава», отсутствие с его стороны какой-либо лести, утешавшей их великодержавное тщеславие, что выделяло его на фоне лидеров других социалистических стран.

Несмотря на очевидный рост негативного отношения к Гомулке, трудно однозначно оценить роль руководства СССР в инициировании антигоммулковской оппозиции и в декабрьских событиях 1970 г. Сегодня известно, что незадолго до его свержения в Польше появились советские эмиссары, искавшие в верхах партийно-государственного аппарата недовольных политикой Гомулки. Странно, что на это не обратила внимание польская контрразведка, хотя подобные действия официально были запрещены в отношениях между «братскими социалистическими странами». Трудно также сказать, была ли эта активность инициирована высшими властями СССР, или это являлось проявлением самостоятельной инициативы мощных разведывательных служб этой страны, отгадавших желания своего политического руководства.

Однако не подлежит сомнению: советские руководители не были в восторге от перспективы укрепления престижа Гомулки, связанного с подписанием Польшей договора с ФРГ, символизирующего большой скачок в области упрочения суверенитета нашего государства. Поэтому они молниеносно отреагировали на шанс его замены, который появился в связи с беспорядками в Гданьске: в известном письме ЦК КПСС Политбюро ЦК ПОРП указали на необходимость «политического решения»⁴⁶. Однако свергли Гомулку не они. Сделали

---

⁴⁶ Имеется в виду письмо от 18 декабря 1970 г. с рекомендацией советской стороны разрешить кризис политическими методами.

это давно готовившие заговор влиятельные члены центральной власти ПНР при поддержке руководящих деятелей на уровне воеводства в Гданьске. После устранения Гомулки воеводские первые лица почти что группой и с невиданной оперативностью получили кадровые повышения, как в партийно-государственных, так и в силовых структурах. Странно, что описывающие те события историки редко вспоминают их имена и обходят вниманием вопрос, за какие такие заслуги они были в 1971 г. обласканы властью.

У меня нет сомнения, что советское высшее руководство было довольно отстранением Гомулки. С большим воодушевлением был встречен и переход власти в Польше к хорошо им известным функционерам — Гереку и Ярошевичу, которым Москва оказывала поддержку. Однако позднее, когда перемены в нашей стране не всегда в полной мере отвечали советским ожиданиям, мне доводилось слышать исходившие от представителей разных уровней власти в СССР мнения, которые были своеобразной апологией принципиальности, открытости и честности Гомулки, фактическим указанием на отсутствие этих качеств у многих наших новых руководителей. Без сомнения, это был симптом, что польско-советские отношения вступали в очередную фазу политических осложнений.

* * *

Последний раз я разговаривал с Владиславом Гомулкой летом 1974 г., когда с друзьями мы встретили его в лесу под Констанцином. Он прогуливался со своей замечательной немецкой овчаркой в сопровождении бывшего офицера Бюро охраны правительства Влодка. Гомулка спросил о моей работе в МИД, а когда я сказал, что руковожу Департаментом анализа и планирования, то заинтересовался ходом подготовки Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ведь это была реализация его концепции, столь необходимой для мирного развития международных отношений. Мне удалось задать ему только один вопрос: кого он подозревает в авторстве напумовшего тогда апокрифа бесед с ним, который был в то время опубликован в Израиле⁴⁷. Он кратко ответил, что это кто-то из прежнего его окружения, имеющий хорошие контакты в Израиле. Спустя несколько лет одному из моих друзей Гомулка назвал конкретную фамилию. Однако принимать решение о возможности опубликовать мнение «Веслава» по данному вопросу — это уже не моя прерогатива.

*Перевод С. М. Слоистова (Институт славяноведения РАН)
Примечания редколлегии*

Опубл. в: *Rychłowski B. W zmaganiach lat sześćdziesiątych // Władysław Gomułka i jego epoka / Praca zbiorowa pod red. E. Salwa-Syzdek i T. Kaczmarka. Warszawa, 2005. S. 129–180.*

⁴⁷ Имеется в виду публикация в польскоязычной газете «*Nowiny Kurier*», которая выходила в Тель-Авиве, анонимных воспоминаний «*Moje czternaście lat — zwierzenia Władysława Gomułki*» (номер за апрель — июль 1973 г.).

ДРЕЗДЕН. МАРТ 1968 г.

1968 год стал во многих отношениях примечательным и судьбоносным. Произошло немало событий, потрясших мир. Набирала темпы так называемая великая культурная революция в Китае, проявляя свое все более абсурдное и разрушительное лицо. Во Франции бунтовали молодежь и студенчество. В Средней Европе началась «чехословацкая весна». Попытки экономических реформ в социалистических странах натолкнулись на сопротивление регрессивных сил, начали давать сбой и были ликвидированы. Еще бушевала война во Вьетнаме — современный вариант схватки библейского героя пастуха Давида с великаном Голиафом, в которой чаша весов все более отчетливо склонялась на сторону Давида.

В том же году в Праге был продлен болгаро-чехословацкий договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный Александром Дубчеком и Тодором Живковым — людьми с различными взглядами, но ведомыми общими интересами.

С Дубчеком — одним из инициаторов и героев «чехословацкой весны» — я познакомился еще в 1966 г. Тогда в Болгарии проходил IX съезд компартии, и Дубчек был руководителем чехословацкой партийной делегации. Для меня он был новым человеком в Политбюро ЦК КПЧ. От болгар, учившихся с ним в Академии общественных наук в Москве, я знал, что он спокойный, приветливый человек, но отличавшийся упорным характером. Мне было поручено встретиться с ним и дать обед чехословацкой делегации. Со мной была Вера Начева, работавшая тогда в Отделе внешних связей ЦК.

В беседе, как принято, был сделан краткий обзор болгаро-чехословацких отношений, затронуты были и некоторые актуальные вопросы, в том числе положение во Вьетнаме и пр. Встреча прошла спокойно, при полном взаимопонимании. Я и не подозревал, что спустя два года этот человек взбунтует весь социалистический мир.

«Чехословацкая весна» ассоциировалась у нас с вольнодумством телевидения и радио. Но после пленума ЦК КПЧ, на котором с поста руководителя партии был снят генеральный секретарь Новотный, как будто прорвало плотину. Волна острой критики и разоблачения недугов режима усиливалась в Чехословакии с каждым днем. Проявились личные пристрастия, различные точки зрения. Начавшаяся смена кадров напоминала вихрь.

В нашей стране извержение чехословацкого вулкана оценивали по-разному. Одни считали, что причина крылась в отсрочке решения назревших проблем и устранения деформаций социализма, на которые указал XX съезд КПСС. Другие с вниманием следили за действиями новаторов, таких как Ота Шик и его единомышленники, предлагавших серьезно реформировать экономику. Цитировали выводы из аналитического доклада большой группы экономистов и интеллектуалов, вскрывавшего недуги общества. Третьи наивно возлагали вину за происходившее на отмену цензуры и свободное издание и распространение произведений Кафки и т. д. Но, в сущности, события в стране имели более глубокие корни. В 1968 г. предлагавшиеся преобразования только-только начинали пробивать себе дорогу. Потребовались годы, чтобы понять их глубокий смысл.

Постепенно в социалистических странах оформлялось осознание опасности событий в Чехословакии для дела социализма. Поднималась волна противостояния. В такой обстановке 23 марта 1968 г. в Дрездене было созвано совещание на высшем уровне стран-участниц Варшавского договора, исключая Румынию с ее особой позицией. Мне довелось участвовать в этой встрече.

За два дня до ее открытия в моем кабинете в Совете министров появился управляющий советским посольством Позолотин¹. Тодор Живков только что отправился с официальным визитом в Турцию. Позолотин поинтересовался:

— Кто замещает Тодора Живкова?

Я ответил, что в правительстве его замещаю я как первый заместитель председателя Совета министров.

— А кто замещает его в руководстве партии?

Я объяснил, что Живкова замещает Станко Тодоров, но он сейчас находится в Хисаре².

Тогда Позолотин сообщил мне, что наша партийно-правительственная делегация должна срочно, без предварительного оповещения, выехать в Дрезден, где состоится важное совещание. Рекомендовано включить в состав делегации председателя Государственного планового комитета, т. к. на совещании будут обсуждаться и экономические вопросы. Из этого «и» я понял, что встреча будет иметь политический характер, а председателей плановых комитетов приглашают, возможно, для маскировки.

Я срочно пригласил к себе Станко Тодорова. Посовещавшись с другими членами руководства, мы решили, что прерывать официальный визит Тодора Живкова в Турцию не следует. Составили делегацию: мы со Станко Тодоровым и третий участник — [председатель Госплана] Апостол Пашев. Руководитель делегации — Станко Тодоров.

---

¹ Автором допущена неточность. *Позолотин Михаил Ефимович* (1912–2008) — советский дипломат в ранге чрезвычайного и полномочного посланника II класса. В 1965–1969 гг. — советник-посланник посольства СССР в Болгарии.

² *Хисáря* — курортный городок в южной Болгарии, в 40 км от г. Пловдива.

В Дрезден мы прибыли точно в срок. Там уже находились все приглашенные руководители партий и правительств, а также плановых органов. Самой большой была чехословацкая делегация. Присутствовал и главнокомандующий Вооруженными силами Варшавского договора маршал Якубовский. Других лиц не было, в помещение во время работы никто из посторонних не входил. Все это создавало обстановку секретности.

Открыл совещание Вальтер Ульбрихт. Он предложил следующую повестку дня:

— Обсудить положение в социалистическом лагере.

Ульбрихт пояснил, что нужно заслушать информацию чехословацких товарищей. Империалисты могут воспользоваться событиями в Чехословакии. Это касается всех нас.

Предложение Ульбрихта было принято, хотя у представителей Чехословакии оно вызвало определенное недоумение.

Слово предоставили руководителю чехословацкой делегации Александру Дубчеку.

Дубчек начал с извинения: полагал, что будут обсуждаться экономические вопросы и не подготовился к всестороннему изложению.

Он рассказал о Программе действий, которую предстояло принять на пленуме ЦК, назначенном на 28 марта, и которая будет в силе до партийного съезда. Сейчас, сказал он, мы заняты утверждением новой экономической системы. В ее основе будет плановое хозяйство, но при сочетании центрального планирования с демократическим принципом и инициативой предприятий.

Дубчек отметил, что в Чехословакии нет колебаний относительно руководящей роли партии, развития социалистической демократии и по другим принципиальным вопросам.

«В последние годы в партии, сказал он, нарушались партийные нормы. Проявлялся субъективизм. Ограничивались действия правительства и общественных организаций. В организационной жизни партии давно выдвигались требования снизу ввести тайное голосование. Сейчас идет смена первых секретарей, но избираются вторые и третьи секретари, которые также достойные люди».

Дубчек признает, что сейчас в Чехословакии проявляются экстремистские тенденции правого толка либо исходящие из догматических позиций. Вызывали в ЦК Смрковского и некоторых других функционеров и беседовали с ними.

Он подтверждает, что политика Чехословакии — быть вместе с СССР и другими социалистическими странами.

Дубчек отмечает, что они в Чехословакии исходят из того, что у них нет антагонистических классов.

Хотя, как видно, тональность изложения была выдержанной, но она не убедила присутствовавших, что взвешенный подход будет доминировать и в последующем.

Сразу после Дубчека слово взял Леонид Брежнев. Он начал с объяснения по поводу его визита в Прагу в декабре месяце — откликнулся на приглашение,

не зная о назревавших событиях. На месте был проинформирован, но не вмешивался. Однако после визита в ЦК КПЧ поползли слухи, стали задаваться вопросом — зачем Брежнев приезжал в Прагу? Он напомнил, что впервые побывал в Чехословакии вместе с Советской армией, которая отдала за освобождение страны 100 тыс. убитых и 250 тыс. раненых.

Брежнев категорически заключил, что в Чехословакии осуществляется контрреволюция.

— У вас разворачивается контрреволюция, — повторил он еще и еще раз.

Брежнев демонстрировал полное доверие нынешнему правительству во главе с Ленартом, но предупредил, что поднимается волна контрреволюции. Привел много фактов и примеров. Назвал деятельность Сморковского, Прохазки и других антинародной. Есть силы, которые считают, что роль Дубчека временная — отмыть грязные одежды партии. В событиях участвовала верхушка — интеллигенция, студенты. «А где рабочий класс — наша опора?» — спросил он.

Брежнев снова заявил о полном доверии к присутствовавшим на встрече руководителям поименно. Остановился на некоторых поступивших сигналах о разложении в армии. Сказал добрые слова о генерале Людвике Свободе — будущем президенте.

«События в Чехословакии — общее дело, — заключил он. — Есть подписанные договоры».

Следующим выступал польский руководитель Владислав Гомулка. Он поддержал сказанное Брежневым и его оценки обстановки. Дал свой анализ ситуации и видение развития контрреволюции в Чехословакии. Подчеркнул, что было бы наивным и неправильным считать, что в Чехословакии нет антагонистических классов и поводов для острой борьбы. Лозунг широкой свободы (делать, кто что хочет) будет реализован, по его словам, после того, как весь мир станет социалистическим.

Гомулка бросил прямой упрек чехословацким делегатам:

— Вы поступили подло с Новотным. Обвинили его, что он протасил в армию шпиона...³ История рассудит, кто сделал больше ошибок — Новотный или вы за три месяца. Я присутствовал на собрании в Праге, где рукоплескали и Дубчеку, и Новотному. У вас налицо разгул реакции и контрреволюции. У вас стоит и национальный вопрос. Я знаю, что такое разжигание национализма.

Далее он продолжил: «Каждая партия и страна разрабатывает “свою” экономическую систему. Спрашиваете ли вы себя, куда идете? Капиталисты объединяются, а вам и в голову не приходит, что мы должны создать единую систему. Без интеграции нашей экономики никакая ваша новая система не уцелеет».

³ Вероятно, имелся в виду генерал *Ян Шейна* (1927–1997). Как «человеку Новотного», генералу были предъявлены обвинения в ряде афер и иных неблагоприятных действий, высказывались подозрения и в связи с иностранными разведками. В феврале 1968 г. Шейна эмигрировал на Запад, получил политическое убежище и впоследствии сотрудничал с аналитическими службами ЦРУ США.

Он подчеркнул, что неправильно принимать на пленуме новую программу. Это будут необдуманные решения. С сегодняшней встречи мы должны уйти с решением, что не допустим контрреволюции в Чехословакии.

Затем слово взял Янош Кадар. Как всегда, тон его выступления был более мягким и примирительным. Кадар сделал упор на необходимости усиливать политическое и экономическое сотрудничество между социалистическими странами. Предложил подготовить и провести новое совещание по экономическим вопросам. Коснувшись политической обстановки в Чехословакии, он заявил:

— В Чехословакии положение сложное. Происходит не только то, что решают Дубчек и руководство. О том, что делается в Чехословакии, лучше всего знают чехословацкие товарищи.

И провел параллель с событиями в Венгрии в 1956 г.

В заключение заявил, что они хотят помочь Чехословакии в такой форме, какую руководство страны посчитает правильной.

После этого выступил руководитель ГДР Вальтер Ульбрихт. Он начал с констатации, что западные капиталистические страны день и ночь ведут психологическую войну с целью разложить социалистические страны.

Затем он остановился на отношениях ГДР с Чехословакией: «У нас нет никаких противоречий, — сказал он, — а сейчас телевидение, радио и пресса упрекают ГДР. Или товарищи из Праги наведут порядок в своих редакциях, или мы начнем отвечать и будем противостоять вмешательству в наши внутренние дела».

В связи с положением в Чехословакии он поинтересовался:

— Кто вас заставил в течение двух-трех месяцев сменить руководство, министров и других функционеров в нарушение партийного устава? Что это за антигосударственный порядок, когда сотрудники министерств должны выступать против своих министров? А секретарей профсоюзов снимают без профсоюзных съездов?

После этого он подробно остановился на экономическом развитии обеих стран и снова вернулся к политическим делам:

— Еще 5–6 лет тому назад печать капиталистических стран писала, что Чехословакия — наиболее подходящая страна для разложения социалистического лагеря. Мы должны точно оценить тактику противника. Он извлек урок из событий в Польше и Венгрии. Сейчас он не наступает фронтально. В чехословацком случае капиталисты стремятся действовать осторожно и остаться в стране надолго.

В заключение он заявил, что считает руководство во главе с Дубчеком способным овладеть положением, если оно объективно проанализирует создавшееся положение и развитие ситуации и будет опираться на рабочий класс.

Наступила очередь высказаться и представителю болгарской делегации, но наступил вечер, и заседание перенесли на следующий день. Это было благоприятным для нас решением, и мы со Станко Тодоровым и Апостолом Пашевым

поспешили в отведенную нам квартиру, чтобы обдумать сложившуюся обстановку и лучше подготовиться к нашему выступлению. После обсуждения мы определили линию поведения — подчеркнуть традиционные хорошие отношения двух наших партий и стран, воздержаться от резких оценок и конфронтации и особенно настаивать на необходимости бесед и переговоров как самом правильном и надежном способе преодоления разногласий. При этом следовало особо указать на наши общие интересы и нашу общую судьбу.

Затем со Станко Годоровым мы работали над текстом выступления. На следующий день Станко, выразив доверие действующему руководству Чехословакии, зачитал заготовленный текст. Мы хорошо понимали, что в происходящих событиях не играем главной роли, и не брали на себя обязательств, которые были нам «не по росту».

Перед сном мы прогулялись по соседним улицам. Вспомнили, как один военный специалист сообщил нам курьезный факт: оказывается, что происходящее на секретном заседании можно слушать с улицы. Для этого достаточно приемное устройство настроить на волну портативных передатчиков, используемых на заседании для перевода с иностранных языков.

Обстоятельным было выступление на совещании председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина по проблемам экономического сотрудничества. Он подчеркнул, что события, о которых идет речь, имеют также и экономический аспект. Мы должны дать адекватный ответ и раскрыть наши большие возможности.

Алексей Косыгин с размахом обрисовал возможности, которые предоставят всему социалистическому миру разработка и правильное использование богатых сырьевых ресурсов СССР. Начал он с энергетики:

— Главное сегодня в экономике европейских стран — энергетика в широком смысле слова. Что могут дать западные страны Чехословакии? Нефти и газа у них нет — они сами их импортируют. У нас же огромные ресурсы. Сейчас нам не хватает капиталовложений, не хватает труб. Но завтра мы эти проблемы решим. В СССР подсчитали, что для реорганизации экономики Чехословакии, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии нужен природный газ. Без природного газа добиться технического прогресса невозможно. Это же касается и очистки воздуха в городах.

Он огласил данные о количестве труб, необходимом для транспортировки 100 млрд кубометров природного газа в Европу, и воскликнул:

— Вот реальная проблема. Вот перспектива! Это мы осуществим в течение нескольких лет.

Следующая проблема, которую затронул Косыгин, касалась нефти. В 1970 г. Советский Союз обязался поставить в социалистические страны 34 млн тонн этого сырья. В 1975 г. — 75 млн тонн. Это обеспечит быстрый рост производительности труда.

Далее был рассмотрен вопрос об атомной энергетике. «Сейчас идет работа над созданием атомного реактора мощностью в 1 млн киловатт. Кто обеспечит

такой реактор и, что еще важнее, топливо для него? Только СССР», — заявил Косыгин.

Советский руководитель рассказал, что Советский Союз дает социалистическому лагерю ежегодно 4 млн тонн зерна. Чтобы полностью удовлетворить эти страны, не хватает 2 млн тонн. В СССР знают, что значит закупать зерно в капиталистических странах. После этого он обозначил благоприятную перспективу в случае активного экономического сотрудничества и взаимодействия социалистических стран и заключил:

— Неправильно и неправомерно принижать себя. Выше голову!

Следующим высказался чехословацкий представитель Ленарт, который занял умеренную позицию. Считает, что из услышанного на этой встрече много есть чему им поучиться. Есть факты, которые нельзя опровергнуть, можно добавить и другие. Например, об активизации капиталистической реакции. С другой стороны, по его мнению, характеристика обстановки в Чехословакии и ее оценка как контрреволюции вряд ли правильные. Контрреволюция возможна в случае распада партии и государства и стихийного развития событий. Ленарт считает, что их партия может овладеть ситуацией, что рабочий класс и молодежь в состоянии не допустить контрреволюцию. Доклады Дубчека — основа для такого вывода. Программа, которую сейчас они готовят, будет направлена на осуществление решений XIII съезда КПЧ и подготовку XIV съезда.

После этого Ленарт подчеркнул, что в вопросе о том, по какому пути развития должна идти Чехословакия в будущем, существуют две позиции. Одной придерживается КПЧ, выступающая за одинаковый путь с СССР и другими социалистическими странами. Есть и другая позиция — опирающаяся на наследие Масарика, Бенеша и пр. Формулировка об отсутствии в стране антагонистических классов не означает, что мы не знаем, что социалистическое сознание у нас не является всеобщим. После этого он представил обстоятельный анализ экономического состояния Чехословакии и расходования национального дохода.

В заключение Ленарт остановился на проблемах Словакии. В отношении нее имеются невыполненные решения. Словацкие органы не имеют для своей деятельности финансовой базы. Он считает, что не только Новотный совершал ошибки, но и сами словаки. Но Новотный как первый секретарь несет наибольшую ответственность. Нужно сражаться как против старых, так и против новых ошибок. Мы должны двигаться вперед, а не пятиться назад. Нужна международная социалистическая интеграция. Мы в Чехословакии ощущаем пробел в этом деле.

После этого выступил Черник, руководитель Государственного планового комитета, который во время «чехословацкой весны» занимал передовые позиции.

— Я услышал суровые слова в адрес нашей партии, — начал он. — Мы серьезно обсудим все это в Президиуме КПЧ и все, что для нас важно, осуществим.

Черник убежден, что в их партии все в порядке. Им нужна сильная партия. Они считают, что обстановка у них просоциалистическая. Но они не наблюдали

такой политической активности рабочего класса и всех остальных, какая была после февраля [1948 г.]. До недавнего времени партийные залы были пустыми. Руководители-коммунисты говорили о пассивности и обвиняли массы. В партии есть очень крепкое ядро.

Далее Черник подчеркнул, что в свое время Готвальд говорил о специфическом чехословацком пути к социализму. Выразил уверенность, что они сплотятся. «Мы должны перед всем миром признать, что в течение пяти лет переживаем экономическую стагнацию. Откатились назад. А объявили, что уже будем жить при коммунизме. Не выполнили пятилетний план. Мы критически оценили создавшееся положение и пришли к выводу, что должны провести экономическую реформу. Если бы ее проводили теоретики, то ничего бы не вышло. Все сделали партия и практики. Когда вы получите наши протоколы, то увидите, что с Новотным мы поступили честно. Главное направление [развития] имеет просоциалистический характер. Есть опасность как справа, так и слева».

Он обратился к присутствовавшим на совещании с призывом:

— Поддержите прогрессивный процесс в Чехословакии!

Слово предоставили Биляку.

— Чехословацкая компартия, — начал он, — создала вам заботу, хотя и у вас самих таковых хватает. Трудно сказать, кто натворил больше плохого — Новотный или мы. Нам тяжело слышать в свой адрес критику. Мы должны держать ответ перед народом. Что-то подобное было у коммунистов после XX съезда КПСС. Мы тогда не довели дело до конца. Тысячи коммунистов были арестованы, тысячи партизан, все партизанские командиры осуждены, и никто их не реабилитировал.

Далее Биляк провел параллель с событиями в Польше в 1956 г. Тогда мы ошибочно считали, что власть в стране захватывают ревизионисты. Не знали, что происходит. ЦК КПЧ не был проинформирован.

— То, что накапливалось годами, ныне пришло в движение, — продолжал Биляк. — Рабочие массово выходили из партии. На собрания приходила половина коммунистов. Информация о том, что происходило в других братских странах, была неправильной или вообще отсутствовала. Наша ошибка заключается в том, что мы не прислали вам протоколы пленумов, что прессу, радио и телевидение мы выпустили из рук. Это ошибка. Антисоциалистические силы в стране есть. Идеологический сектор не владеет положением. Публикуется только отрицательное.

В конце выступления Биляк затронул и национальный вопрос:

— Ленинские принципы в национальном вопросе нарушены. Сейчас дискутируется вопрос, идти ли на создание федерации. Такой постановке вопроса способствовало непростое отношение Новотного к Словакии. Он не нашел ни одного теплого слова об этом народе! Словаки — малый народ, очень чувствительный ко всему, что касается его традиций. Есть много примеров пренебрежительного отношения Новотного к национальному вопросу.

Все выступившие чехословацкие представители оценили проект коммюнике как односторонний документ и утверждали, что в случае его принятия в предложенном виде он будет плохо воспринят в Чехословакии.

Так завершилась дрезденская встреча по чехословацкому вопросу, первая весной 1968 г. Мы, болгарские участники, пришли по меньшей мере к двум выводам, характеризующим совещание.

Первый вывод — вырисовываются серьезные расхождения между европейскими социалистическими странами, которые могут привести к конфронтации. Они имеют не только идеологический, но и глубокий политический, экономический и международный характер.

Второй вывод — после обстоятельной критики будет воспринят курс на преодоление имеющихся различий нормальным способом, на основе общих интересов. Было заявлено о доверии новому чехословацкому руководству. Это предполагало новые беседы и переговоры в будущем.

После возвращения в Болгарию позиция нашей делегации, заключавшаяся во внимательном подходе к событиям в Чехословакии и поискам решений на пути бесед и переговоров, получила одобрение.

Однако дальнейшие события начали развиваться в ином направлении — к экстремизму, к углублению той борозды, которая развела пути Чехословакии и других социалистических стран.

Прошла череда интенсивных бесед и переговоров. В случаях, когда они имели международный характер, в них участвовал лично Тодор Живков. Возвращаясь в Болгарию после таких встреч, он привозил все ухудшавшиеся новости. Во всю заработал пропагандистский аппарат, преследуя цель разъединить народы.

Однако раздавались у нас и здравые голоса. Например, в связи с предстоящим летом 1968 г. в Софии Всемирным фестивалем молодежи возникли опасения относительно поведения чехословацкой делегации. Отвечавший за проведение молодежного форума Лычезар Аврамов предложил (и это предложение было одобрено) не чинить чехословацкой делегации никаких препятствий, не реагировать ни на какие ее проявления. И что получилось в результате? На открытии фестиваля, во время прохождения иностранных делегаций чехословацкие представители выкрикивали лозунги, время от времени опускались на колени и скандировали:

— Наша демократия — это наше дело!

А после этого, чтобы привлечь внимание фанатов спортивного клуба «Левский», перешли к привычному для нас слогану — «Только «Левский»! Только «Левский»!...»

И больше ничего — фестиваль пошел дальше своим нормальным путем. Какой-либо конфронтации удалось избежать.

Все наше внимание было приковано к советско-чехословацким встречам. На них шли важные переговоры, но явно безрезультатно.

Приближались тревожные августовские дни. Чехословацкий вопрос несколько раз рассматривался и у нас на заседаниях Политбюро. Поначалу

на них господствовала умеренность. Но постепенно информация, которую сообщал Тодор Живков, усиливала конфронтационные настроения. Уже возникали опасения, что решением проблемы могут стать давление и сила. Это было чревато плохим вариантом развития событий со многими неизвестными. Мы хорошо знали, что малым народам не суждено разрешать мировые конфликты.

В поведении членов Политбюро обозначились три тенденции. Некоторые осторожные попросту отмалчивались. Один-два функционера, во всем угрождавшие Тодору Живкову, следили за его настроением, и поскольку он предчувствовал, куда дует ветер, допуская даже неблагоприятный ход событий, они спешили приспособиться, заявляли:

— Принять «вариант Тодора Живкова»!

Это был пустой и вредный призыв. Произносившие его очень хорошо знали, что автором этого «варианта» был не Живков, а некто другой, за пределами Болгарии.

И, наконец, третьи члены Политбюро старались смягчить напряженность.

Моя позиция определилась еще во время дрезденской встречи в марте месяце. Я упорно и, как мне казалось, убедительно повторял, что разногласия между социалистическими странами должны разрешаться только методом бесед и переговоров. Я был глубоко убежден, что в этих разногласиях, если только глубоко вникнуть в их суть и не допустить экстремизма, можно найти рациональное зерно, которое поможет нам вместе двинуться вперед к обновлению.

Что касается военного варианта, то в Политбюро никакая информация о такой возможности не поступала и никакие обсуждения не велись. Мы абсолютно ничего не знали ни об участии болгарских воинских частей в военной акции, ни тем более об их переброске.

Я предчувствовал, что что-то произойдет и это «что-то» станет судьбоносным событием. Привык часто слушать радиоприемник, настраивая его на волну какой-либо чехословацкой радиостанции. Горькой неожиданностью стала роковая ночь с 20 на 21 августа, когда внезапно изменилась обычная программа чехословацкого радио. В эфире слышались неразборчивые голоса. Чувствовалась тревога. Раздавались призывы!

На следующий день картина прояснилась. Вновь заработала пропаганда, представляя зловещее дело как успех, как братскую помощь в наведении порядка.

Оставалось сказать свое слово времени и грядущим летам. И они сказали. Спустя 21 год все страны-участницы военного вторжения в августе 1968 г. принесли свои извинения чехословацкому народу!

Перевод и примечания Т.В. Волокитиной (Институт славяноведения РАН)

Опубл. в: *Живко Живков*. Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на «Тексим». Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София: Интерпрес 67, 1991. С. 150–163.

Думитру Балан

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РУМЫНИИ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ АВГУСТ 1968 г. (ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ)

Начну свой экскурс в прошлое с личных воспоминаний о горячих тревожных днях незабываемого августа 1968 г. За несколько дней до вторжения в Чехословакию войск стран Варшавского договора я в составе румынской делегации находился в Праге на Международном съезде славистов. И сейчас с большим волнением вспоминаю, как на приеме, устроенном президентом Чехословацкой Республики в честь участников, Людвик Свобода пожал мне руку. Но до этого мажорного завершения встречи ведущих славистов мира я повстречался с постоянным корреспондентом Агентства печати Румынии в Праге Еудженом Ионеску. Он и его жена (оба — мои бывшие студенты отделения русского языка и литературы в Бухарестском университете) с 1966 г. работали в столице Чехословакии. Еуджен показал мне разные материалы из пражских газет о неблагоприятных делах послевоенных руководителей «новой демократической Чехословакии» при участии представителей советских силовых структур (помню, что один из материалов раскрывал причастность агентов советской госбезопасности к трагической гибели Яна Масарика весной 1948 г.¹). Еуджен уже тогда чувствовал, что в воздухе пахло грозой. Забегая вперед, замечу, что он был первым журналистом, аккредитованным в Праге, который в ночь с 20 на 21 августа сообщил в Бухарест об оккупации Чехословакии. Узнал он об этом от своего друга, журналиста «*Rudé Právo*».

Но, как ни странно, пражане вели себя в те предгрозовые дни спокойно, продолжали работать, как всегда, без суеты и какой-либо особой тревоги; молодежь вечерами веселилась, пела и танцевала вместе с туристами на открытых площадях или заполняла театральные и концертные залы. Вернулась на родину наша делегация поездом, транзитом через Венгрию. Говорю об этом потому, что двое моих коллег по кафедре, оставшихся еще на несколько дней в Чехословакии,

---

¹ Ян Гарриг Масарик (1886–1948) — сын первого президента Чехословакии Томаша Г. Масарика, политик и дипломат, в 1940–1948 гг. — министр иностранных дел Чехословакии (в 1940–1945 гг. — в правительстве в эмиграции в Лондоне). 10 марта 1948 г., находясь, по официальной версии, в состоянии психологической депрессии, покончил с собой, выбросившись из окна. Обстоятельства гибели до сих пор не установлены, но в публикациях последних лет, особенно в СМИ, «рука Москвы» не ставится под сомнение. (Прим. редколлегии).

попали «в оккупацию» и с большими приключениями смогли вернуться в Бухарест кружным путем через Австрию и Югославию, т. к. железная дорога через территорию Венгрии была уже перекрыта.

21 августа 1968 г. в Бухаресте на площади Республики (бывшей Дворцовой, а ныне площади Революции) состоялся большой митинг. В отличие от других подобных манифестаций, как правило, организуемых партийными и комсомольско-молодежными организациями на предприятиях, в учреждениях, научных институтах, учебных заведениях по обязательным спискам, на сей раз о митинге было объявлено по радио и телевидению, и он молниеносно собрал тысячи и тысячи людей. По улице Каля Викторией (я жил и живу на этой главной улице румынской столицы всего в нескольких минутах ходьбы до площади Республики), да и по другим улицам огромные толпы людей спешили к месту сбора. Площадь и прилегающие улицы были заполнены взволнованными людьми. Позднее стало известно, что в митинге участвовали около 100 тыс. человек. С балкона здания ЦК партии Николае Чаушеску обратился к гражданам с пламенной речью, часто прерывавшейся бурными овациями. В первый и в последний раз румынский лидер почувствовал искреннюю народную поддержку, единение нации со своим руководителем. Больше такого в истории румынского коммунистического режима уже никогда не будет, хотя окружение Чаушеску не раз попытается искусственно организовывать подобные «звездные» манифестации. Но тщетно. Тогда, в августе 1968 г., это был настоящий триумф Чаушеску, апофеоз его жизни и деятельности. Наверное, находясь во власти этого воспоминания, он согласился на проведение такого же грандиозного митинга и 21 декабря 1989 г. (его организаторы рассчитывали на активное участие парт-организаций Бухареста), но этот митинг был сорван и привел на следующий день к бегству Николае и Елены Чаушеску на вертолете с крыши здания ЦК партии. (Я, устроившись на железном заборе, окружавшем здание Государственного совета республики, напротив здания ЦК, видел собственными глазами то историческое событие.) И теперь, по прошествии многих лет, склонен утверждать, что без того уникального митинга 21 августа 1968 г. не было бы и митинга 21 декабря 1989 г., да и поворот судьбы четы Чаушеску мог бы быть совершенно иным...

В августе 1968 г. осуждение лидером правящей партии Чаушеску военного вмешательства социалистических стран Варшавского договора в Чехословакии встретило полное одобрение народа и в первую очередь творческой интеллигенции.

На восходящей волне роста благосостояния населения, по мере все более решительного отмежевания от политики безропотного подчинения указаниям Кремля (а курс на такое отмежевание был взят еще предыдущим румынским лидером Георге Георгиу-Дежем) Чаушеску обеспечил Румынии существенную помощь и поддержку Запада, как экономическую, так и дипломатическую. В том же горячем 1968 г., 14–18 мая, президент Франции Шарль де Голль побывал в Румынии с официальным визитом.

Нелишне вспомнить, что в целях укрепления личной власти и удаления с официальных постов неугодных ему соратников Дежа Чаушеску на пленуме ЦК партии 22–24 апреля 1968 г. вынужден был частично осудить преступления коммунистического режима. Итогом явилась реабилитация некоторых жертв политических репрессий.

В то время приоткрылись двери для научно-культурного обмена между Румынией и Западной Европой, а также США. Отдельные научные работники и деятели литературы и искусства получили возможность откликнуться на приглашения разных организаций и учреждений капиталистических стран, выехать за границу в творческие командировки. Переводятся и печатаются большими тиражами ранее запрещенные книги румынских и зарубежных писателей и поэтов, переиздаются довоенные издания «неугодных авторов», сохранившиеся в недоступных рядовым читателям секретных фондах Национальной библиотеки и Библиотеки Академии. Цензура, правда, не была еще упразднена, но все-таки заметно ослабла.

Именно на этом позитивном фоне на патриотическую позицию Николае Чаушеску так восторженно отозвалась вся страна и в первую очередь с большим воодушевлением откликнулись творческие союзы Румынии и даже те их члены, кто раньше пострадали от коммунистической власти. Бывшие «зэки» 50-х гг. прозаики Пауль Гома (бессарабец по происхождению) и Александру Ивасюк сразу же подали заявления о вступлении в коммунистическую партию. Одновременно стали членами КПР и другие писатели — Адриан Пэунеску, Аурел-Драгош Мунтяну, Маркана Костеску и Пауль Шустер. Полное единство с руководством страны было проявлено и на чрезвычайной сессии Великого национального собрания, состоявшейся на следующий день после грандиозного митинга в центре столицы. Сессия приняла Декларацию об основных принципах внешней политики Румынии. Эйфория от осознания национального единства сохранялась и в последующие дни, недели и месяцы. По всей стране на предприятиях, в учреждениях, в научных институтах, учебных заведениях, в творческих союзах и т. д. быстрыми темпами и при массовом энтузиазме организовывались вооруженные патриотические отряды. Пауль Гома в «Солдате собаки» (1991) написал о том, как он смог стать защитником Родины, членом такого патриотического отряда, сразу после того, как сначала стал членом партии: «Я написал — под диктовку — что я, такой-то, хотя и сидел в тюрьме по политическим мотивам, в данный момент, когда Родина находится в опасности, прошу, чтобы меня приняли в коммунистическую партию Румынии как единственную организованную силу патриотического сопротивления, в защиту румынской земли против “иностранной агрессии, откуда бы она ни исходила”»².

На страницах центральных газет «*Scânteia*» («Искра»), «*România liberă*» («Свободная Румыния»), еженедельника «*Contemporanul*» («Современник»)

---

² Цит. по: *Betea L. (coord.), Mihai F.-R., Țiu I.* 21 august 1968: apoteoza lui Ceaușescu. Ediția a II-a. București, 2018. P. 188.

гневно осудили интервенцию в Чехословакии и полностью поддержали политику партии и правительства Румынии видные представители литературы и искусства писатели Захария Станку, Марин Преда, Анна Бландиана, пианист Дан Григоре, актриса театра и кино Ирина Петреску, художник Ион Бицан и другие.

Следует отметить, что позднее высказывания представителей творческой интеллигенции о реакции в Румынии на августовские события 1968 г. в Чехословакии и о позиции руководства стали более обстоятельными и обобщающими. Вот, например, оценка, данная тогдашнему руководителю страны одним из крупных прозаиков современной Румынии Николае Бребаном (он был одно время кандидатом в члены ЦК компартии Румынии, а позже стал видным диссидентом): «У Чаушеску был уже повышенный престиж, заработанный его сопротивлением в 68 году. После того смелого поступка, когда он отказался послать [румынские] войска в Прагу, и когда советские войска сосредоточивались на Пруте (река, по которой на протяжении нескольких сот километров проходит граница между Румынией и Советским Союзом. — Д. Б.), он приобрел дополнительную силу не только в лице партийного и государственного аппарата. Почти весь мир увеличил тогда его силу. Диктатура, ясное дело, в сущности с того времени и берет свое начало. Зародилось зерно диктатуры. Диктатура, администрация, технократия, интеллектуалы, весь мир придали ему больше власти, потому что он олицетворял тогда своего рода защитника нации. Между прочим, в то время многое удивляло. Мы обсуждали готовность крестьян воевать, если вторгнутся русские. Я даже в разговоре с одним коллегой сказал ему — смотри, как паразитально проявил себя румынский крестьянин. После того как коммунисты все у него отобрали, он готов с пулеметом в руках защищать партию и Чаушеску, лишь бы чужие, особенно русские, не пришли в Румынию. Уже в 70-е он был подобен королю без трона»³.

И на вопрос собеседника, Константина Ифтиме, правда ли, что Николае Бребан тогда сказал, что все сплотились «вокруг трона», писатель прямо ответил: «Да, я так сказал. Полушутя-полусерьезно, потому что мне показалось, что в тот год проявилось наше сопротивление русским...» Это не имело, продолжал он, трагического финала, известно также, что «три дня спустя Чаушеску уступил. Иначе и не могло быть. Но мне показалось, что он воплощает собой какой-то тип румынской ловкости. Способность румынского руководителя лавировать меж военных блоков, меж великих держав для того, чтобы этот народ достиг берега квазинормальности»⁴.

И далее, в ответ на просьбу уточнить не только свою тогдашнюю позицию, но и отношение к ней других людей, Бребан недвусмысленно разъяснил: «Я говорил тогда открыто. Я верил тогда в Чаушеску. Тем большим было мое разочарование в 71-м. Только человек, который верит в другого человека, может так

³ Breban N. Confesiuni violente. București, 1994. P. 238.

⁴ Ibid.

сильно разочароваться, как это произошло со мной в 71-м. ...Если бы я не верил в него, как верили тогда столько людей в то, что этот человек является спасением для Румынии, то у меня не случилось бы июльской депрессии»⁵.

Вспоминая грандиозный митинг 21 августа 1968 г. и вызванный им общественный резонанс, я должен отметить и другие комментарии, не очень лестные, в адрес руководителя Румынии, которые не столь широко известны даже специалистам и исследователям. Красноречиво в этом плане следующее впечатление Виктора Иеронима Стойкицэ, румынского искусствоведа и писателя, живущего ныне в Швейцарии: «Появились какие-то силуэты на балконе Центрального комитета [партии] и началась речь. С того места, где я находился, я не мог отчетливо видеть оратора, но легко распознал судорожные движения правой руки, которыми, как правило, он сопровождал свои речи. Усиленный громкоговорителями голос Чаушеску легко было узнать. За несколько лет мы привыкли к нему, задавая себе вопрос, как это возможно, чтобы, несомненно, безграмотный человек, явно больной дислексией и слегка страдающий афазией⁶, мог подняться по ступеням власти, заняв в конечном счете руководящее место генерального секретаря партии. Часто спрашивали себя, как сумела такая фигура завоевать уважение своих товарищей, а его более смелая политика в области демократизации культуры, которая, кстати, сопровождала его восхождение, принадлежала ли в действительности именно ему или же была результатом работы прогрессивной команды, остававшейся в тени?

Чувствуя себя стесненно перед публикой, Чаушеску обычно читал свои выступления, составленные с помощью простой, ограниченной лексики, на классическом деревенском языке. А вот сейчас он говорил свободно, без какого-либо текста и, сверх того, явно сильно волнуясь!

Обычные его заикания, ужасные народные формы множественного числа, частые ошибки согласования слов сегодня уже никого не шокировали. Все мы были на пределе напряжения, наши ожидания были слишком накалены, чтобы уделять внимание таким мелочам»⁷.

Стойкицэ весьма колоритно описывает возбужденное состояние оратора и отклик народной массы. Стоит продолжить цитирование, т. к., по моему скромному мнению, среди богатой литературы о бухарестском митинге 1968 г. эти свидетельства можно считать наиболее взвешенными, правдивыми и разносторонними, причем свидетель, со всем стоицизмом переживавший происходившие драматические события, находил силы в себе воспринимать их как бы

---

⁵ *Breban N. Confesiuni violente. P. 239.* Имеется в виду отношение Н. Бребана к выдвинутому Чаушеску в июле 1971 г., после посещения им Северной Кореи и Китая, так называемым июльским тезисам, обосновывавшим в соответствии с маоистской моделью необходимость проведения в Румынии некоего подобия мини-культурной революции с давно устаревшей пролеткультуровской «начинкой».

⁶ *Дислексия* — расстройство навыков чтения; *афазия* — нарушение речи при органических поражениях речевых отделов коры головного мозга. (*Прим. редколлегии*).

⁷ *Stoichiță V.I. Despărțirea de București. București, 2017. P. 268–269.*

немного расслабившись, т. е. с заземленно-юмористическим оттенком. Своеобразен и нов у Стойкицэ и подход к вечной теме «вождя и народа».

«Порою нам казалось, что охваченный глубокой серьезностью происходящего оратор, подхваченный волной эмоций, говорил даже лишнее из того, что ему хотелось сказать. Через громкоговорители доносились до нас вопли и истерический рев. Но примитивные призывы, сопровождаемые судорожным ритмом правой руки, были пронзительны и никого не оставляли равнодушным: “событие чрезвычайной серьезности”, “недопустимое вмешательство”, “покушение на право народов”, “растоптанный суверенитет”, “невмешательство во внутренние дела другого государства”, “принцип невмешательства”, “невмешательство”, “невмешательство”, “невмешательство”... И затем оружие синтагмы: “чтобы никто не посмел!”, “наш решительный отпор”, “перед любой атакой”, “безразлично от кого исходит”, “все вместе”, “наши внутренние дела”, “весь народ”, “единство народа”, “народная воля”, “решение народа”, “смелость народа”, “чувство собственного достоинства народа”, “народное сопротивление”. И, наконец, ритмично повторяющиеся слова: “вместе”, “сообща”, “в единении”, “непобедимо”, “нерушимо”...⁸

Площадь трепетала, кричала, бурно аплодировала, устраивала овации. Я старался не потерять головы. Электризованная толпа меня заражала, но я не был в состоянии ни кричать, ни аплодировать. Я был как будто парализован. Людская волна то подхватывала меня, то отталкивала, удерживая притиснутым к стене Центральной университетской библиотеки между двумя потоками толпы. Я хотел было уйти, но невозможно было сделать хотя бы шаг»⁹.

Митинг не был организован по правилам, установленным партийными организациями и государственно-административным аппаратом, трудно было определить процентный состав участников этого величайшего скопления народа, но, вероятно, преобладала — как никогда раньше — масса образованных и даже высокообразованных людей, т. е., одним словом, интеллигенция. Но это была, так сказать, «подкованная» интеллигенция, которая, с одной стороны, не хотела видеть на румынских улицах русские танки и бронетранспортеры, как писал вышеупомянутый Виктор Стойкицэ, но, с другой стороны, там были также и люди, которые недолюбливали политику обновления (пусть и поверхностного), проводимую в то время Чаушеску, политику, в результате которой они лишились своих ведущих постов в обществе (одним из таких, скажем, внутренних оппозиционеров был и писатель Михай Бенюк, бывший председатель Союза писателей, о котором речь пойдет ниже). Это был невероятный, фантастический момент современной румынской истории, когда творческая интеллигенция, всецело одобряя смелый поступок Николае Чаушеску, вручила ему чистый вельсель. Но скоро стало ясно, что вождь обманул сокровенные мечты и надежды

---

⁸ Ср. с записью выступления Чаушеску на митинге, опубликованной в «причесанном» виде 22 августа в румынской прессе: *Betea L. (coord.), Mihai F.-R., Țiu I. 21 august 1968: apoteoza lui Ceaușescu*. P. 135–138. (*Прим. редколлегии*).

⁹ *Stoichiță V.I. Despărțirea de București*. P. 269.

своих подданных. И в первую очередь это почувствовали на себе создатели духовных ценностей. Знаменитый писатель Марин Преда, который 22 августа 1968 г. на страницах центрального печатного органа партии «*Scânteia*» безоговорочно поддержал политику руководства партии, в июле 1971 г. отреагировал на готовившееся изменение культурной политики на основе новых партийных тезисов заявлением о том, что если в литературе и искусстве восстановится «соцреализм», то он покончит жизнь самоубийством. (До самоубийства дело не дошло, но в 1980 г. Преда умер при весьма загадочных, не до конца проясненных обстоятельствах, а часть его рукописей, хранившихся в шкафу издательства «*Cartea Românească*», которым он руководил, бесследно исчезла.) После шага вперед в действиях властей последовало много-много шагов назад. От политики отчасти «с человеческим лицом» Чаушеску решительно и бесповоротно переходил к слегка перелицованной политике неосталинизма. Первым объектом его жесткого прессинга стала именно интеллигенция. И не удивительно, что некоторые представители творческой интеллигенции сумели спасти свою жизнь, лишь покинув страну. Среди них Пауль Гома («румынский Солженицын», как его именовали литературные критики), против которого, оказавшегося в эмиграции во Франции, румынские службы безопасности подготовили покушение, которое, к счастью, было сорвано, актер Думитру Фурдуй, писатель Вирджил Тэнасе, режиссер театра и кино Лучиан Пинтилие и другие.

Творцы духовных ценностей сталкивались с колоссальными проблемами, вызванными строгими ограничениями свободы творчества. Но постепенно, вследствие ухудшения социально-экономической обстановки, стали усиливаться протестные настроения и в других слоях румынского общества. Свою решимость продемонстрировали, в частности, шахтеры Долины Жиу летом 1977 г. и рабочие Брашова в 1987 г. Но если вернуться к августу 1968 г., то вот как описывает Георге Флореску в своей книге «Исповедь содержателя кофейни» (2013) отношение простого человека к происходившим событиям: «Большой переполох на складе. Срочно приостанавливаются поставки за 21 августа — т. е. за тот самый день, когда Чаушеску разыгрывает козырную карту своей жизни, произнеся с балкона ЦК РКП свою историческую речь, в которой осудил действия войск Варшавского договора. И все-таки полученный товар разгружается. Для меня это был трудный день: у меня шесть вагонов с маслинами из Греции. В моем распоряжении были почти все рабочие склада — грузчики и разгрузчики. Для того, чтобы не возникло проблем с разгрузкой, я пообещал некоторым начальникам бригад по мешочку маслин. Среди них выделялся один — нене¹⁰ Флорикэ, староста над всеми. Мало-помалу на складе Пандури собираются почти все кадры руководства: Ранга, Жинару, Пуздерие и другие приглашенные, все начальники и даже некоторые сотрудники Секуритате (Служба госбезопасности Румынии. — Д.Б.). Все очень обеспокоены ходом событий, высказывают свою точку зрения. В этот момент Николае Жиану произносит: “Увы, к нам приходят русские!”

¹⁰ *Нене* (рум. *nene*) — дядюшка. (Прим. редколлегии).

Крайне раздраженный, что начальники сели им на головы и все никак не уходят, нене Флорикэ кричит во весь голос: “Да к черту все, пусть придут русские в конце концов!” Среди представительных присутствующих воцарилось гробовое молчание. Ранга язвительно замечает: “Ребята, не так страшен черт, как его малюют!” К вечеру все молча покидают склад. Никто не мог знать, что нас ожидает на следующий день»¹¹.

Как никогда прежде граждане Румынии лихорадочно, почти непрерывно слушали радио. Как точно подметил Виктор Стойкицэ, «все засыпали с включенными радиоприемниками и время от времени просыпались, чтобы узнать последние новости. Слушали национальное радио, но больше всего “Свободную Европу”, иногда и радиостанцию стран-интервентов. Из новостей узнали, что все члены чехословацкого правительства во главе с Александром Дубчеком были доставлены ночью в Москву: “похищены” — говорило западное радио, “приглашены на дружеские беседы с товарищами” — утверждало радио пяти стран-сестер. Заснул лишь к утру с уверенностью, что эпоха великих надежд осталась позади»¹². Думаю, что нелишне обратиться здесь и к книге будущего румынского эмигранта Николае Чобану (в 50-е гг. он был моим сокурсником на румынском отделении филфака Бухарестского университета). В «Воспоминаниях труса» он пишет: «“Свободная Европа” информировала нас и в то лето 1968 года обо всем происходившем в Чехословакии. Русские оккупировали ее, восстановив кладбищенскую тишину. Запад согласился в очередной раз на подобное свинство, и я понимал, что схема будет повторяться снова и снова до бесконечности и что бессмысленно возлагать надежду на какое-то улучшение системы»¹³.

Более четко обозначила дальнейшую политику Чаушеску как «большое надувательство» Лэкрэмиоара Стоенеску в книге «Дети — враги народа»¹⁴, посвященной ее отцу Корнелиу Стоенеску, бывшему политзаключенному. Изучая архивы, дочь узнала, что ее отец с момента освобождения в 1964 г. и до самой смерти в 1974 г. находился под неусыпным надзором Секуритате, которая прикрепила к нему 12 осведомителей (по нынешнему определению — стукачей). Не случайно один офицер госбезопасности сказал однажды Корнелиу Стоенеску, что от Секуритате он не спасется даже в могиле. Не избавилась от преследований и сама дочь бывшего политзэка, скромная учительница средней школы. Досье отца содержало, помимо прочего, донесение одного из стукачей, в котором зафиксированы высказывания Стоенеску-отца о событиях в Чехословакии в беседе с «другом» 21 августа 1968 г.: «Благодаря вопросу о Чехословакии, Коммунистическая партия Румынии, и в особенности Чаушеску, захватили огромную добычу. Завоевали симпатии всей страны, причем заслуженно. Я не являюсь коммунистом и не очень коммунистам симпатизирую — но все же протягиваю

¹¹ *Florescu G. Confesiunile unui cafeciu. București, 2013. P. 55.*

¹² *Stoichiță V.I. Despărțirea de București. P. 272.*

¹³ *Ciobanu N. Amintirile unui laș. București, 1998. P. 271.*

¹⁴ *Stoenescu L. Copii — dușmanii poporului. București, 2007.*

им руку с открытым сердцем. Я полюбил и этого малютку¹⁵ с поднятыми к небу руками. Он проявил себя высоко честным и порядочным человеком, и поэтому все его полюбили»¹⁶. Далее пересказ автора книги переплетается с редкими цитатами из донесения: «Как и все остальные, он осознает “мудрую политику товарища Николае Чаушеску”, и так как он не выносит русских, то искренне одобряет поворот президента на 180 градусов. Потом он с самоиронией добавляет: “Как видишь, я рискую стать коммунистом”»¹⁷. Однако, по словам автора книги, ее отец уже в том же горячем августе 1968 г. начал улавливать определенные перемены в действиях румынских коммунистов, объясняя это тем, что «большое надувательство» не может долго продолжаться, и впоследствии он уже «не давал себя обмануть». Понял это и капитан Секуритате, причастный к разработке бывшего политзаключенного. По этой причине он обязал стукача «продолжать связи с этим элементом, углублять беседы с ним, чтобы установить, как он смотрит на развитие событий, как внешних, так, в особенности, и внутренних»¹⁸.

Неожиданное для себя примирение с существующим режимом внезапно ощутил и исключенный из рядов партии врач Георге Брэтеску (зять видной партийной деятельницы Анны Паукер). После митинга 21 августа 1968 г., на который он явился по собственной инициативе, отложив дела в лаборатории, взволнованный Брэтеску записал: «Я был признателен Чаушеску и руководству РКП за то, что они отказались участвовать в позорной аванюре. Я присоединился ко всем тем, кто своими овациями одобрял призыв: “Будем готовы, товарищи, защитить в любую минуту нашу социалистическую родину — Румынию!”»¹⁹

Но именно на этом митинге, стоя на балконе, хитроумный Чаушеску уже обдумывал значение для себя пражского урока, просчитывал возможные риски — потерю власти и ослабление собственной силы. Так считает Еуджен Шербэнеску. В романе «После полудня с нимфоманкой на пике горы Парынг» он заключает: «Если у Чаушеску когда-то и были добрые намерения очеловечить социалистическое строительство в Румынии, то, несомненно, тогда, в августе 1968 г., он подавил их в себе»²⁰. По оценке писателя, действия Чаушеску на протяжении всего трех дней и их направленность против русских свидетельствовали, прежде всего, о его большом умении манипулировать народом.

На митинге 21 августа (это была среда) Чаушеску объявил о создании вооруженных гражданских отрядов из рабочих, крестьян и интеллигенции. Писатель Стойкицэ утверждает, что уже до конца недели начались тренировочные занятия отрядов гражданской обороны, а военная подготовка стала тогда

¹⁵ Рост Чаушеску — 165 см. Средний рост мужчины-европейца составляет 176 см. (Прим. редколлегии).

¹⁶ *Stoenescu L. Copii — dușmanii poporului*. P. 195.

¹⁷ *Ibid.* P. 196.

¹⁸ *Ibid.* P. 196–197.

¹⁹ *Brătescu G. Ce a fost să fie. Notății autobiografice*. București, 2003. P. 315.

²⁰ *Șerbănescu E. După-amiază cu o nimfomană pe vârful muntelui Parâng*. Iași, 2011. P. 86.

обязательной и для девушек²¹. Каждое предприятие, учреждение, учебное заведение или сельскохозяйственное управление определяло — по своему усмотрению — день недели для военного обучения; обязанность женщин участвовать в военной подготовке сохранялась недолго. Любопытна мотивировка отказа бывшего председателя Союза писателей Румынии Михая Бенюка записаться в такой вооруженный отряд. «24 часа спустя (после митинга. — Д.Б.) из Союза писателей меня запросили, не собираюсь ли я вступить в какое-либо военное формирование, над созданием которых они импровизировали до утра. Разговаривал со мной исполнительный директор Союза писателей, который удивлялся, почему по этому вопросу не обратился ко мне лично председатель Союза (Захария Станку. — Д.Б.). Мой ответ был категоричным: “Нет, и потом у меня непризывной возраст; в ваши формирования я не собираюсь вступать, потому что я вам не очень верю, к тому же знаю точно, что среди вас есть военные, а кроме того вы еще и напиваетесь”. О последнем я узнал, кстати, от их же коллег, как и о том, что из-за пьянства у них отобрали оружие»²².

В связи с формированием отрядов гражданской самообороны проявился, как и во многих других случаях, принцип «принудиловки». Например, у нас на филологическом факультете университета в партбюро быстро составили списки, куда (кроме единичных случаев) включили весь преподавательский состав и обслуживающий персонал. Помню, что записали без его ведома мужчину из бухгалтерии, которому до пенсии оставался год (закон предусматривал выход на пенсию в 65 лет). Сам я побывал лишь на одном занятии под открытым небом, на поле где-то на окраине Бухареста. Потом по причине слабого здоровья (из-за полученной на общественной работе язвы желудка я незадолго до описываемых событий был госпитализирован) «рядовой необученный» (так значилось в моем военном билете) перестал ходить на военные занятия. Другие мои коллеги, заранее обеспечив себе солидные медицинские справки (некоторые, например, в целях более легкого получения по профсоюзной линии путевок на курорты), избегали обязательного включения в списки «призывников». Раздражала шумная публичная пропаганда, которая кричала о том, что вся страна, все работники физического и умственного труда добровольно, по собственному желанию и зову сердца, записываются в эти отряды, чтобы защищать родину и главного ее вождя — бесстрашного, мудрого, всеми любимого «гения Карпат», как позже назвал Чаушеску один из его близких соратников. Лидер методично возводил себе памятник, и апогея культа личности оставалось ждать не слишком долго. Партия сильно выиграла в глазах народа и неожиданным разрешением принимать в свои ряды некоторых бывших «отверженных». Правда, случались и неувязки. Так, руководство парторганизации Союза писателей не включило Пауля Гому в список так называемых защитников-добровольцев, сочтя бывшего политзэка

²¹ *Stoichiță V.I. Despărțirea de București. P. 273.*

²² *Beniuc M. Sub patru dictaturi (1940–1975), ediție îngrijită de Ion Cristoiu și Mircea Suciu, prefață de Ion Cristoiu. București, 1999. P. 350.*

неблагонадежным элементом. Отказ объясняли тем, что писатель не состоит в партии, несмотря на то, что в подготовленных Союзом писателей списках числились и беспартийные. В партию Гому все же решили принять. Та же партийная пропаганда яростно набросилась на писателя 9 лет спустя, когда тот, будучи известным правозащитником (между прочим, он подписал письмо в поддержку чехословацкой Хартии 77), был исключен из РКП и из Союза писателей, арестован, жестоко избит и, в конце концов, выдворен из страны. Диссидентство Пауля Гомы вызвало широкий отклик на Западе среди многих представителей прогрессивной интеллигенции в средствах массовой информации.

Всецело одобряя политику руководства страны в августе 1968 г. в связи с чехословацкими событиями, я должен здесь признаться, что все происшедшее сыграло важную роль в моей личной судьбе. Но прежде напомним о нескольких ключевых моментах. Я, как и большинство моих соотечественников, восторженно принял румынскую «оттепель», отчетливо проявившуюся уже в 60-е гг.: в 1964 г., например, были освобождены из тюрем все политические заключенные, а в апреле того же года ЦК партии принял так называемую Декларацию независимости (фактически от принудительных вердиктов КПСС)²³. (Правда, апрельское решение ЦК партии отразилось и на моей работе над диссертацией, которую я готовил в заочной аспирантуре в МГУ: после длительного молчания Министерство образования объяснило мне подлинную причину отказа во въездной визе, запрошенной на июнь 1964 г. для встречи с советским профессором-руководителем; короче, мне пришлось менять тему, искать нового научного руководителя. Защитился я только в 1974 г.)

В обществе чувствовалось какое-то «ослабление гаек»; еще недавно, в 1959 г., в Педагогическом институте русского языка имени М. Горького я был вынужден долго объяснять в отделе кадров, что не являюсь «врагом народа», затем я был снят с поста секретаря молодежной организации, был отложен и мой прием в члены партии (тогда я был кандидатом). И все это из-за того, что в 1956 г., будучи студентом МГУ, я на общем собрании румынского землячества в Москве сказал, что компартия Румынии допустила ошибки в процессе коллективизации сельского хозяйства, в результате чего незаслуженно пострадали многие кулаки; я также утверждал, что хорошая русская советская литература была написана не только благодаря методу социалистического реализма (приводил в качестве примера прозу Паустовского) и т. д.

Большим ударом для румынских русистов явилось упразднение в 1963 г. вышеназванного бухарестского института русского языка, точнее, его слияние со славянским отделением филфака Бухарестского университета и образование

---

²³ Имеется в виду Декларация о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятая расширенным пленумом ЦК РРП в апреле 1964 г., — концептуальный документ, закрепивший внешнеполитические приоритеты Румынии с акцентом на равноправии стран, строящих социализм, и праве выбирать собственный путь к этой цели, первостепенность национальных, а не интернациональных интересов. (Прим. редколлегии).

Института иностранных языков и литератур (вскоре он стал факультетом) при том же университете. Сократилось число студентов, принимаемых на I курс русского отделения (всего 20 человек, а раньше только Институт имени М. Горького принимал по 200). Естественно, за этим последовала первая волна сокращения преподавательского состава. В первой половине 1968 г. готовилось продолжение этой акции. Помню как сейчас, что мне предлагали пост директора Дома культуры студентов, на что, понятно, я не согласился. На партийном собрании высказался в том духе, что если не можете обеспечить работу по специальности, дайте возможность уехать из страны, и мы найдем себе работу на чужбине... Все-таки спустя несколько дней после знаменательного митинга пыл Чаушеску в реорганизации румынской русистики немного поостыл, и я, как и некоторые мои коллеги, остался на своей кафедре. Часто задаю себе риторический вопрос: не будь митинга 21 августа 1968 г. и последующих шагов Чаушеску, как сложилась бы моя жизнь преподавателя, горячо любящего русский язык и литературу?! Чего все-таки добился румынский руководитель? Устранения преподавания русского языка как иностранного из всей сети среднего образования? Все учителя русского языка вынуждены были переквалифицироваться быстрыми темпами; да и сегодня русский язык, правда, преподается — и то слава Богу! — но в основном как родной язык в местах компактного проживания русских липован.

1968-й был годом многих потрясений в Европе, но он был также годом, когда Чехословакия дважды принимала официальных гостей из Румынии: сначала возглавляемую Николае Чаушеску партийную делегацию на праздновании 20-й годовщины победы коммунистического режима в феврале 1948 г., а потом партийно-государственную делегацию во главе с тем же Чаушеску. В середине августа она прибыла для подписания нового Договора о сотрудничестве и взаимной помощи. Визит состоялся практически накануне интервенции в Чехословакию.

Вершиной проявления искренней любви румын к чехословацкому народу навсегда останется в истории грандиозный митинг 21 августа, о котором, кстати, все СМИ пяти стран Варшавского договора, участвовавших в агрессии, не обмолвились ни словом. О положении в оккупированной Чехословакии население Румынии узнавало от аккредитованных в Праге корреспондентов и от чехословацких гостей, прибывавших в Румынию, в том числе и от преподавателей, приехавших в Бухарестский университет в рамках культурно-образовательного обмена между двумя странами. Интересны и наблюдения профессора Бухарестского университета и директора издательства «Универс» (там я напечатал в 1987 г. переведенный на румынский язык сборник стихов Булата Окуджавы) Ромула Мунтяну, находившегося в течение нескольких дней в Праге вместе с писателем Константином Кирицэ: «Чехословакия не обеднела во время советской оккупации. У людей все было и в городах, и в селах. Прага осталась тем же очаровательным городом со своими уютными пивными. Лишь наши собеседники были немного более грустными, чем до 1968-го. Профессора были исключены из университета, а писателями стали “люди труда”

с сомнительным талантом, рекрутированные из заводских литературных кружков, или идеологи-критики... Создавать литературу начали самозванцы. Помню, какие усилия приложили пражские власти, чтобы мы напечатали книгу какого-то министра внутренних дел, который писал посредственные репортажи. Тогда было хуже у них, чем у нас»²⁴.

И сейчас, почти полвека спустя, сложно определить, с точки зрения внутреннего, духовного состояния, где было труднее жить, поскольку жизнь румынских граждан находилась под очень строгим контролем, правда, не иностранным, а своим, родным, но, я бы сказал, более изуверским. Во время августовских событий румынка Ралука Стериан-Натхан позвонила из-за границы подруге в Бухарест, чтобы узнать, как обстоят дела. В своем романе-воспоминании она пишет: «Голос моей подруги был дрожащим, мой телефон тоже. Так как все разговоры с заграницей прослушивались, она не могла сообщить мне подробности. Я постаралась сохранять спокойствие и остереглась задавать вопросы, которые могли навредить ей»²⁵.

Под постоянным контролем был и мой домашний телефон: о том, что в узловое табло была вмонтирована «прослушка», я узнал случайно от жены соседа — офицера Секуритате. А помимо этого (правда, мне поздно стало известно об этом — уже после декабря 1989 г.), мой хороший друг, коллега по кафедре, лингвист А. Г. не случайно неоднократно просил меня припоминать, что было на съезде славистов в Праге, каково было отношение членов нашей делегации к пражской жизни, но, самое главное, он часто звонил и моей жене, чтобы «потолковать» о жгучих вопросах дня (замечу, что она, москвичка, принявшая румынское гражданство, руководила, будучи хорошим инженером-технологом, лабораторией в НИИ при известном заводе каучука и резины «Данубиана»). Например, он расспрашивал мою жену, которая и тогда была, как и сейчас, абсолютно безразлична к политическим проблемам, каково ее отношение к событиям в Чехословакии, была ли там «контрреволюция», читала ли она «Правду» и т. д. и т. п. Потом, в ходе дальнейшего сокращения преподавателей, А. Г. перевели с кафедры на ответственный пост начальника отдела какого-то министерства; лишь в 1990 г. я узнал, что он был не простым «стукачом», но и секретным сотрудником всемогущественного органа безопасности Румынии — Секуритате. Всеобщая атмосфера гласного и негласного надзора над населением (что и говорить, если даже члены Исполнительного комитета ЦК партии подвергались всякого рода преследованиям), обязанность докладывать о любых встречах и беседах с иностранцами и многие другие ограничения гражданских прав постепенно свели на нет все положительные начинания Николае Чаушеску и расшатали до основания тот величественный памятник, который он себе воздвиг в августе 1968 г., бесстрашно выступив в защиту чехословацкого народа, но не в последнюю очередь своей собственной страны.

²⁴ *Munteanu R. O viață trăită, o viață visată. București, 2001. P. 131–132.*

²⁵ *Sterian-Nathan R. Suflet tatuat. București, 2010. P. 250.*

**«Я ПОНИМАЮ, ЧТО ЖИЛ
В ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ...»
(ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА, СЛУЖИВШЕГО
В ЮЖНОЙ ГРУППЕ ВОЙСК В 1966–1968 ГГ.)**

25 октября 1966 г. наш железнодорожный эшелон с призывниками после четырех суток пути прибыл из Куйбышева (ныне Самара) в Ивано-Франковск. Здесь мы постепенно становились солдатами: надели военную форму, учились быстро подниматься по утрам, занимались строевой подготовкой, твердили уставы и, наконец, приняли присягу. А дальше судьба многих из нас распорядилась неожиданным образом... Старослужащие солдаты сочувствовали: «Да, ребята, если вам выдали юфтевые сапоги, значит, отправят за границу, а там служба не мед».

21 ноября 1966 г. мы пересекли государственную границу с Венгрией и на рассвете 22 ноября прибыли на железнодорожный вокзал Будапешта. А уже в 4 часа утра, проехав по незнакомому городу, оказались в военном городке в Вечеше. Позднее узнали, что наша воинская часть — это 112-й отдельный полк связи, обслуживающий командование Южной группы войск (ЮГВ). Так началась моя служба в Венгрии, в Будапеште.

Потянулись непростые солдатские будни: учебные занятия, строевая подготовка, выработка боевых навыков, освоение оружия, марш-броски и пр. И все это изо дня в день.

Но были в нашей солдатской жизни и яркие эпизоды, которые до сих пор вспоминаю и не устаю благодарить судьбу, что попал служить в Венгрию, в Будапешт.

Одно из незабываемых впечатлений — ночной Будапешт. Его я видел четыре раза, когда наша часть выезжала на учения в северо-западную часть Венгрии. Венгерскую столицу мы пересекали, двигаясь с юго-востока на запад.

Учения начинались с подъема по тревоге, после чего на грузовиках нас везли через равнинную часть города — Пешт к Дунаю. А далее разворачивались картины, которые и сейчас стоят перед глазами: сказочно красивые будапештские мосты! Цепной мост Сечени, мосты Эржебет, Маргит, Свободы. Каждый раз маршрут менялся, неизменным оставался восторг перед их красотой и великолепием!

---

* Автор — младший сержант запаса, бывший начальник аппаратной 112-го гвардейского отдельного полка связи ЮГВ (в/ч п/п 25791), кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета.

А потом автоколонна начинала постепенно подниматься вверх, в холмистую часть города Буду. Оглядываешься назад, а позади — ночной и спокойный Пешт...

Не менее ярко запечатлелись в памяти встречи с венгерскими военнослужащими. Впервые это произошло летом 1967 г. на совместных учениях. Стояла чудная солнечная погода. После обеда было обычное время отдыха. Сначала советские и венгерские солдаты располагались по отдельности, но постепенно группы «перемешались»: каждый нашел близких для общения людей. А общение было самое непосредственное, мы говорили на разные темы, но главное, что интересовало всех, — это условия воинской службы у венгров и у нас. Конечно, в чем-то мы завидовали им, а в чем-то они нам. Наша группа привлекла внимание венгерского военного корреспондента, предложившего сделать групповой фотоснимок, отразив

в нем дружбу, братство по оружию. Мы, конечно, не возражали. Снимок я не видел, но в том, что он появился в одной из венгерских газет, не сомневаюсь.

Вспоминаю совместную экскурсию советских и венгерских солдат по Будапешту в феврале 1968 г. Один из венгров, глядя на меня, сказал: «А ведь ты не русский, ты — венгр, мадьяр». Я удивился и только гораздо позднее, будучи студентом исторического факультета Куйбышевского пединститута, понял, что мой собеседник был прав. Он разглядел в моей внешности черты, характерные, говоря научным языком, для представителей финно-угорской этноязыковой семьи. А мой отец был выходцем из марийцев, которые относятся к ее волжско-финской подгруппе. (Кстати, впоследствии меня в нашей части прозвали мадьяром.) Эта экскурсия прошла великолепно; мы естественным образом разделились на несколько маленьких интернациональных групп и на протяжении всей экскурсии были вместе. Прощание было грустным: понимали, что вряд ли наши пути-дороги еще пересекутся.

В моих воспоминаниях впечатления от достопримечательностей венгерской столицы прочно связаны с проявлениями доброжелательности ее жителей. Ни разу за два года службы я не ощутил вражды и тем более ненависти с их стороны.

Вспоминаю майские дни 1968 г. Идут отборочные игры чемпионата Европы по футболу. Жребий свел сборные Венгрии и Советского Союза в четвертьфинале этого турнира. Предстояло сыграть два матча — один в Венгрии, а второй в СССР.

Я хорошо помню, что в те годы сборная Венгрии по футболу играла великолепно, обыгрывала и бразильцев, и англичан, и немцев, да и вообще ей никто не был страшен. Никто, кроме нашей сборной: ей венгры проигрывали чаще, чем любой другой. В личных встречах у сборной Венгрии со сборной СССР был отрицательный баланс.

4 мая 1968 г. на «Непштадионе» в Будапеште в присутствии 80 тыс. зрителей сборная Венгрии обыграла нашу сборную со счетом 2:0. Конечно, мы все были расстроены этим результатом, но надеялись на победу в Москве 11 мая.

На следующий день, 5 мая, в воскресенье, после проигрыша нашей сборной, у нас была предусмотрена экскурсия по Будапешту. Мы побывали на площади Героев в Пеште, на Рыбацком бастионе в Буде с конной статуей Святого Иштвана и в других примечательных местах города и повсюду встречали счастливых венгров, которые радовались одержанной накануне победе. Завидев нас, многие поднимали вверх два поднятых пальца в виде латинской буквы V, напоминая нам об исходе матча. Но это не было демонстрацией злорадства или ехидного превосходства, жест всегда сопровождался доброжелательной и приветливой улыбкой.

Конечно, нам было обидно, но что делать: проигрыш есть проигрыш. И мы нашли выход — показывали венграм три поднятых вверх пальца, надеясь на победу нашей сборной в Москве со счетом 3:0, т. к. именно такой результат давал нам возможность выйти в полуфинал чемпионата Европы.

В действительности так и произошло. В Лужниках более 100 тыс. болельщиков радовались победе сборной СССР с необходимым нам счетом, но, к сожалению, в полуфинале наши уступили англичанам.

Важная полоса моей армейской жизни связана с событиями 1968 г. в Чехословакии. Они высветили новую сторону общения рядового советского солдата с венграми.

Рано утром 21 августа 1968 г. наша воинская часть в составе войск стран Варшавского договора вступила на территорию Чехословакии. В этой стране я находился до 24 сентября. Накануне меня, а в то время я был начальником аппаратной дальней связи, вызвал командир роты капитан Кравченко и приказал выехать на территорию Венгрии в район деревни Райка.

Утром 24 сентября мы прибыли к месту назначения. Аппаратная была развернута в овраге между

железнодорожным полотном и автотрассой. Нам предстояло обеспечивать бесперебойную связь между Братиславой и Будапештом, где располагался командный состав ЮГВ. Больше месяца, до 29 октября, мы находились в указанном месте, выполняя поставленную задачу.

Уже на следующий день к нам потянулись местные жители, возникло непринужденное дружеское общение. Но самыми частыми гостями были молодые венгры, школьники. Помню, что обсуждали мы простые житейские вопросы, политика не была темой наших разговоров. Очень скоро общение переросло в дружеские отношения, и мы уже начинали скучать, если по какой-то причине ребята не появлялись в течение нескольких дней. Когда им стало известно о нашем предстоящем отъезде, было очень теплое прощание, мы обменялись адресами, и уже после моей демобилизации установилась переписка с некоторыми из них. До сих пор храню записную книжку-ежедневник (*Hatarido zsebnapló*) с их адресами, которую мне подарили на память, иногда перелистываю ее, смотрю на фотографии... Помнят ли уже давно повзрослевшие жители Райки наши встречи, наше дружеское общение? Где вы теперь, Андрич, Юла, Отто, Лайош, Тибор, Бела и другие?

Будучи в Райке, мы иногда покидали расположение нашей аппаратной. Обычно оставляли одного на дежурстве, а вдвоем отправлялись в деревню, общались с жителями. Поражала чистота улиц, не могли не радовать спокойные доброжелательные отношения между людьми и, конечно, дружелюбное внимание к нам. Однажды нас пригласили в кинотеатр, где мы посмотрели французскую комедию с участием знаменитого Луи де Фюнеса. Непривычно было смотреть картину, в которой актеры говорили на французском языке, а на экране шли титры перевода на венгерский. Конечно, мы не всё поняли, и я уже дома посмотрел фильм, дублированный на русский язык¹.

Мой рассказ о пребывании в Венгрии подходит к концу. Повторюсь: на протяжении всей службы в ВНР я не ощущал негативного отношения, неприязни со стороны венгров. И я, и мои товарищи чувствовали себя в этой стране вполне комфортно, а отношения с венгерскими военнослужащими всегда были теплыми и дружественными.

На политзанятиях очень много говорилось о роли советских войск в подавлении «контрреволюционного мятежа» в 1956 г., об интернационализме и помощи венгерскому народу, о сложной международной обстановке. Никаких сомнений на этот счет тогда не возникало, тем более что и венгерская пропаганда действовала в том же направлении.

Думается, что на отношение к нам, советским людям, влияла и внешнеполитическая ситуация. Шла война во Вьетнаме, тревогу вызывало усиление западногерманского реваншизма. Непокойно было и в «социалистическом лагере»: напряженные отношения между СССР и Китаем, «особый курс» Румынии, ослаблявший ОВД. Немало людей в Советском Союзе и Венгрии

---

¹ Установить название фильма не представилось возможным, т.к. советский дубляж фильмов де Фюнеса насчитывает около 40 кинолент. (*Прим. редколлегии*).

считали, что в условиях жесткого противостояния двух систем необходимы укрепление единства стран социализма, взаимная поддержка. И советские войска, которые располагались в ряде социалистических стран Центральной Европы, справедливо рассматривались как сдерживающий фактор, обеспечивавший баланс сил в холодной войне, как гарант недопущения ее превращения в войну «горячую».

Идеологическую обстановку в стране в те годы много позднее охарактеризовал выдающийся венгерский кинорежиссер Иштван Сабо в интервью «Российской газете» 25 июня 2008 г. «Мне и моему поколению, — подчеркнул Сабо, — можно сказать, повезло. После периода сталинской культурной политики начала 50-х годов в 60-е в Венгрии много изменилось. В процессе консолидации венгерского общества после трагедии 1956-го кино сыграло очень важную роль. Мы могли говорить и говорили практически обо всем, что волновало общество и людей, вплоть до критики идеологии... Мы росли в этой атмосфере и говорили то, что думали. Не скажу, что для нас не существовало табу. Например, мы не могли говорить ничего нелицеприятного о Советском Союзе или КПСС. Но в самой Венгрии запретных тем было очень мало»². Хотя Сабо говорит в первую очередь о кино, думается, что его характеристика может быть распространена и на другие сферы деятельности венгров, и на состояние общества в целом. А это значит, что проявленные к нам, рядовым советским солдатам, доброжелательность и расположение, лишённые идеологических расчетов и ограничений, были искренними, отвечали потребностям обычных граждан в простом человеческом общении и взаимопонимании.

² Цит. по: Лукьянов Ф. У человека два господина. Это политика и искусство. Так считает Иштван Сабо — гость ММКФ // Российская газета. 25.06.2008. URL: rg.ru/2008/06/25/sabo.html (дата обращения: 25.05.2020).

В ноябре 1968 г. завершилась моя воинская служба в Южной группе войск. 22 ноября наш эшелон, в котором находись военнослужащие из Куйбышевской области, пересек венгерско-советскую границу. Мы возвращались на Родину, по которой истосковались за годы заграничной службы. Под крики «Ура!» миновали мост над Тисой. И эшелон пошел дальше. Как пелось в одной из самых любимых наших песен, «...через Чоп и на Восток...».

Прошло немало лет с того времени. Мы стали другими. Живем уже в других государствах. Нет Советского Союза, нет Венгерской Народной Республики. И чем больше отдаляются от нас те годы, тем отчетливее я понимаю, что жил в очень интересное время. Мне повезло проходить военную службу в одной из самых замечательных стран мира, в одном из красивейших его городов, и когда я общался с местными жителями, то всегда испытывал их доброжелательность и сердечность.

К сожалению, после 1968 г. мне ни разу не удалось побывать в Венгрии, но я часто рассматриваю фотографии с видами Будапешта 1960-х гг., которые храню с той поры. Благодаря Интернету знакомлюсь с сегодняшней венгерской столицей, «прогуливаюсь» по широким проспектам и уютным улочкам, вновь люблю ее красотами. И осознаю, что там, на Дунае, я оставил частичку своего сердца, и Венгрия стала мне родной, так же как и моя Россия.

Мне приходилось общаться с разными людьми, которые в разное время по разным делам бывали в Венгрии (в их числе и те, кто проходил там воинскую службу), и все они говорили о чувстве ностальгии, о том, что Венгрию они помнят всегда.

Я тоже из их числа и иногда произношу подобные слова: Венгрия в моей душе и в моем сердце осталась навсегда.

**«Нынешние советские руководители
полностью забыли об интересах социализма
и выступают лишь как великая держава...»
(Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае
Чаушеску. 24 августа 1968 г.)**

В субботу 24 августа 1968 г. в югославском городе Вршац близ границы с Румынией состоялась встреча между президентом СФРЮ и председателем СКЮ Йосипом Броз Тито и председателем Государственного совета СРР и генеральным секретарем КПП Николае Чаушеску. С югославской стороны в беседе принимали участие члены Бюро Президиума ЦК СКЮ Эдвард Кардель, Миялко Тодорович и Велько Влахович, а также генеральный секретарь президента Республики Владимир Попович и посол СФРЮ в Румынии Якша Петрич. С румынской стороны — член Исполнительного комитета Постоянного Президиума ЦК КПП и заместитель председателя Государственного совета СРР Эмиль Боднэраш, помощник министра иностранных дел СРР Василе Шандру, а также посол СРР в Югославии Аурел Мэлнэшану. Переговоры начались в 17 часов 20 минут и продолжались до 19 часов 50 минут. Стенограмма, датированная 27 августа 1968 г., сделана начальником канцелярии Й. Броз Тито Йоже Смоле и разослана участникам встречи — Йосипу Броз Тито, Эдварду Карделю, Миялко Тодоровичу, Велько Влаховичу и Владимиру Поповичу.

Публикуемый документ находится на хранении в Архиве Югославии; выявлен и подготовлен к публикации Б. С. Новосельцевым.

После приветственных речей и констатации того факта, что удалось быстро прийти к согласию относительно места и времени проведения встречи, стороны сразу же перешли к сути беседы.

Президент Тито ознакомил председателя Чаушеску и других румынских товарищей с последними новостями: Александр Дубчек сейчас находится в Москве и, якобы, — что пока еще не является подтвержденной информацией, — участвует в переговорах. Затем председатель СКЮ проинформировал о результатах работы X пленарного заседания ЦК СКЮ. Он подчеркнул, что на пленарном заседании состоялась очень продуктивная и содержательная дискуссия. Было достигнуто полное единство мнений в оценке произошедшей ситуации и относительно дальнейших действий. Сейчас готовится резолюция ЦК СКЮ, в которой будут отражены результаты дискуссии, проведенной во время пленарного заседания. Эта резолюция станет весьма важным документом. Далее президент Тито поинтересовался ситуацией в Румынии.

Николае Чаушеску в ответ сообщил, что два дня назад они тоже провели пленарное заседание ЦК Коммунистической партии Румынии. Фактически пленарное заседание было созвано сразу же после оккупации Чехословакии. Участники пленарного заседания ЦК КП Румынии единогласно осудили интервенцию. Также было выражено полное единство мнений по вопросу о необходимости предпринять конкретные меры, включая меры, направленные на обеспечение обороны, независимости и территориальной целостности СР Румынии. Они готовы к любому развитию событий, в том числе и к наихудшему сценарию.

Они посчитали необходимым немедленно созвать заседание Великого национального собрания, для того чтобы придать больший вес тем позициям, которые они заняли на пленарном заседании ЦК КП Румынии, а также еще раз подчеркнуть те принципы, на которых должны основываться отношения между социалистическими странами и любыми странами вообще. Созвав Великое национальное собрание, они хотели продемонстрировать, что этот вопрос касается не только партии, но и всей страны, всего народа. Они хотят, чтобы с их позицией о том, на каких принципах должны основываться отношения между разными странами, были ознакомлены Организация Объединенных Наций и все государства.

Йосип Броз Тито спросил, было ли это уже сделано.

Николае Чаушеску ответил, что было, в форме специальной декларации. В ней было четко указано на то, что присутствие каких бы то ни было вооруженных сил на территории какого бы то ни было государства недопустимо, за исключением тех случаев, когда предварительно было получено согласие парламента указанной страны. Особое внимание было уделено тому факту, что необходимо именно согласие парламента, а не только правительства, потому что в отношении согласия со стороны правительства существует негативный опыт недавнего прошлого¹. По их мнению, вопрос о присутствии иностранных войск весьма неопределенно прописан в Варшавском договоре².

---

¹ Скорее всего, Н. Чаушеску имел в виду опыт формирования осенью 1956 г. альтернативного правительства Я. Кадара в Венгрии.

² В ст. 4 договора утверждалось, что «в случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств — участников Договора со стороны какого-либо государства или группы государств, каждое государство — участник Договора в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, окажет государству или государствам, подвергшимся такому нападению, немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами — участниками Договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы». А в ст. 5 (о создании Объединенного командования вооруженными силами стран-участниц договора) говорилось, что «договаривающиеся Стороны [...] будут принимать также другие согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности, с тем чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту

Выступив с указанных позиций, Румыния одновременно подтвердила свою лояльность в качестве члена Варшавского договора.

С целью устранения какой бы то ни было опасности для независимости и территориальной целостности Румынии сразу же были приняты меры по укреплению обороноспособности страны. Вновь началось формирование рабочей милиции на фабриках и предприятиях. Хотя она существовала и ранее, ее деятельности уделялось недостаточное внимание. Сейчас принято решение о том, чтобы организационно и во всяком другом смысле активизировать и подготовить рабочую милицию.

В стране хорошая атмосфера. Все исполнены готовности в случае угрозы независимости Румынии дать решительный отпор, в том числе и с оружием в руках. Это одобряют широкие народные массы.

В том, что касается готовности к решительной обороне независимости и территориальной целостности Румынии, ни один партийный работник не испытывает никаких колебаний. Отсутствуют какие-либо сомнения или колебания. Наоборот, нужно было гасить бурные эмоции и возмущение, овладевшие в особенности старейшими активистами партии.

По вопросу отношений между Румынией и СССР после вторжения в Чехословакию нужно констатировать, что наблюдается напряженность. Советские руководители в ярости из-за того, что Румыния осудила агрессию. Советско-румынские отношения сейчас весьма напряженные.

Румынскому руководству непонятно, по каким причинам советское руководство приняло решение предпринять интервенцию и осуществить оккупацию Чехословакии. Возможно, югославские руководители больше знают о причинах, по которым СССР пошел на такой шаг. Так, после Чиерны и Братиславы создалось впечатление, будто все пошло по пути стабилизации ситуации и разрешения противоречий.

Йосип Броз Тито ответил, что, по его мнению, это было маневром. Целью встреч в Чиерне и Братиславе, а также последовавшего за ними визита в Чехословакию Ульбрихта, судя по всему, было ослабить бдительность. Это был маневр, да к тому же не особенно ловкий.

Николае Чаушеску далее рассказал о результатах визита румын в Прагу. Сразу после поездки Тито там побывала румынская партийно-государственная делегация³. С чехословацким руководством состоялись чрезвычайно содержательные переговоры. В то утро, когда румыны покидали Прагу, они заметили обеспокоенность чехословацких руководителей. Те уже получили из Москвы письмо, в котором утверждалось, что чехословацкое руководство не уважает и не придерживается решений, принятых в Чиерне и Братиславе. Уже была

от возможной агрессии» (см. Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168226> (дата обращения: 28.08.2018)).

³ Визиты Тито и Чаушеску в Прагу состоялись, соответственно, 10–11 и 15–17 августа 1968 г.

запущена новая кампания против Чехословакии. Чаушеску имел также приватный разговор с тов. Дубчеком, который заверил, что утверждения о том, что чехословаки не придерживаются решений, принятых в Чиерне и Братиславе, совершенно необоснованны. Также Дубчек отметил, что в Чиерне и Братиславе не было подписано ничего другого, кроме того, что было опубликовано в прессе.

Йосип Броз Тито заметил, что об этом тов. Дубчек говорил и ему, когда он его прямо спросил, был ли подписан в Чиерне или Братиславе какой-то тайный договор. Дубчек категорически отверг это предположение и подчеркнул, что не было подписано ничего кроме того, что обнародовали.

Николае Чаушеску рассказал о том, что Янош Кадар звонил по телефону Александру Дубчеку и предлагал ему встретиться.

Йосип Броз Тито добавил, что точно известно о состоявшейся встрече Дубчека и Кадара⁴.

Николае Чаушеску подтвердил, что встреча Дубчека и Кадара состоялась; Кадар пытался повлиять на Дубчека, чтобы тот был поуступчивей.

Йосип Броз Тито поинтересовался, о чем Вальтер Ульбрихт говорил с Александром Дубчеком в Карловых Варах.

Николае Чаушеску ответил, что это был разговор общего характера о двусторонних отношениях между ЧССР и ГДР.

Йосип Броз Тито отметил, что, вероятно, целью переговоров Ульбрихта с Дубчеком было ослабить бдительность [чехословаков].

Николае Чаушеску согласился, что речь шла, прежде всего, о том, чтобы ослабить бдительность чехословацкого руководства⁵. Это был маневр.

Так или иначе, румынские руководители в Праге убедились, что чехословацкое руководство стремится к улучшению отношений с пятью странами, подписавшими варшавское письмо, и что оно делало все, что в его силах, чтобы наладить диалог. Румынские руководители советовали чехословацким руководителям и далее придерживаться такой позиции.

Йосип Броз Тито отметил, что и делегация СКЮ действовала в этом направлении.

Николае Чаушеску продолжил, что он и Дубчек в таком духе высказались на массовом митинге. Александр Дубчек осудил тех молодых экстремистов, которые требовали роспуска рабочей милиции. Также Дубчек снова выразил лояльность и готовность соблюдать свои обязательства в отношении Варшавского договора. Таким образом, чехословацкое руководство последовательно придерживалось такой позиции, которая не могла стать поводом для вооруженной интервенции и оккупации со стороны стран Варшавского договора. Дубчек и остальные чехословацкие руководители провели специальную встречу

⁴ Имелась в виду встреча двух лидеров в Комарно 11 августа 1968 г.

⁵ На встрече 12 августа Ульбрихт убеждал Дубчека восстановить партийный контроль над СМИ.

с представителями печати и потребовали от них сдержанности, гибкости и ответственности при публикации их материалов. Особо они настаивали на том, чтобы в статьях не было ничего такого, что могло бы послужить поводом для обострения отношений СССР и другими странами, подписавшими варшавское письмо. Словом, чехословацкое руководство приложило максимальные усилия для улучшения отношений с варшавской пятеркой.

Йосип Броз Тито отметил, что в то же время они (подписанты варшавского письма. — *Б.Н.*) избрали линию обострения и ухудшения отношений.

Николае Чаушеску выразил мнение, что внутривластная консолидация в Чехословакии действительно нервировала подписантов варшавского письма.

Эдвард Кардель отметил, что именно это первично. Им мешала как раз внутренняя консолидация в Чехословакии, им мешал процесс демократизации на социалистической основе.

Йосип Броз Тито отметил, что им нужны массовые беспорядки и инциденты, как, например, когда группа хулиганов забросала камнями здание ЦК КПЧ⁶. А беспокоит их политическая консолидация.

Николае Чаушеску подчеркнул, что их беспокоила перспектива съезда КПЧ.

Йосип Броз Тито отметил, что наши оценки здесь совпадают.

Николае Чаушеску заявил, что не может согласиться с введением иностранных войск и деятельностью иностранных сил. Только конституционные и законные органы государственной и партийной власти могут принимать решения. Тот факт, что интервентам не удалось сформировать органы власти, заставил их пойти на переговоры с президентом Свободой. Эти переговоры — хороший сигнал, и уже сами по себе являются поражением интервентов. Известно, что поначалу они вообще не хотели разговаривать. Намеревались привести к власти Антонина Новотного⁷. Однако настроение чехословацкого народа их удивило и смутило. Они увидели, что власть Новотного восстановить не получится. Также оказалось, что они не могут сформировать правительство. Это заставило их пойти на переговоры с президентом Свободой. Сейчас мы увидим, приведут ли переговоры в Москве к заключению какого-либо договора. Чехословацкие руководители говорили, что их позиции ясны и что они не отступят от своих принципиальных позиций, а это, прежде всего, означает то, что они не могут дать согласие на оккупацию.

Мы придерживаемся, продолжал Чаушеску, позиции, согласно которой нынешнее чехословацкое правительство легитимно. Оно ответственно перед президентом Свободой. Румыния поддерживает законное правительство. Однако

⁶ Инцидент произошел 8 августа 1968 г.: толпа из примерно 300 чел., выкрикивая антикоммунистические лозунги, забросала камнями здание ЦК КПЧ.

⁷ Это утверждение Чаушеску документально не подтверждается. Советская сторона некоторое время делала ставку на В. Биляка и А. Индру, но вскоре убедилась в их слабости и неспособности овладеть ситуацией.

в случае, если бы президент Чехословацкой Республики и Национальное собрание Чехословакии сформировали какое-то новое правительство, то ситуация бы изменилась, соответственно, изменилось бы и наше отношение к тем, кто сейчас представляет законное чехословацкое правительство. В настоящий момент существующее правительство Чехословакии для нас единственное, и мы его признаём.

Об этом вчера в Бухаресте состоялся разговор с Шиком⁸. Ему было заявлено, что в данный момент члены чехословацкого правительства имеют законные основания для своей деятельности. На это он ответил, что в своей деятельности им необходимо учитывать позиции руководителей, которые находятся в Чехословакии. Это должны иметь в виду и те, кто представляет Чехословакию в Совете Безопасности. Кроме того, было бы неправильно, если бы в Совете Безопасности был поставлен на обсуждение вопрос, связанный с ситуацией в Чехословакии, в то время, когда ведутся переговоры в Москве. И также было бы ошибкой, если бы чехословацкое правительство представлял министр иностранных дел [Иржи Гаек], который сейчас находится в Нью-Йорке.

Йосип Броз Тито выразил свое согласие.

Николае Чаушеску повторил, что Шик было сказано, что нет смысла поднимать перед Советом Безопасности вопрос о Чехословакии, пока идут переговоры в Москве. Было бы неправильно обострять ситуацию с помощью Совета Безопасности.

Эдвард Кардель согласился, что ситуацию не стоит обострять, но выразил мнение, что параллельная акция в рамках Организации Объединенных Наций в данный момент могла бы быть полезна.

Йосип Броз Тито сообщил, что членам чехословацкого правительства, которые сейчас находятся в Югославии⁹, не была предоставлена возможность заседать как правительству Чехословакии. Они получили возможность действовать и выступать с заявлениями как отдельные члены чехословацкого правительства, и это законное правительство, мы признаём их членами законного правительства. В то же время мы не считаем их чехословацким правительством в эмиграции.

Эдвард Кардель добавил, что югославское руководство дало тем членам законного чехословацкого правительства, которые сейчас находятся в Югославии, возможность действовать свободно.

Николае Чаушеску выразил мнение, что ситуация прояснится после завершения советско-чехословацких переговоров в Москве. В случае если бы президент Чехословацкой Республики и Национальное собрание Чехословакии

---

⁸ Находившийся в момент вторжения на отдыхе в Югославии заместитель премьер-министра О. Шик выехал в Бухарест, где 23 августа как официальное лицо принял участие в торжествах по поводу национального праздника Румынии.

⁹ Кроме Шика, в Югославии на отдыхе находились члены правительства ЧССР И. Гаек, Ф. Власак и Ш. Гашпарик.

сформировали новое правительство, естественным образом должно было бы измениться отношение к членам нынешнего правительства.

Йосип Броз Тито ответил, что это ясно. Изменения могут быть признаны только в том случае, если они являются выражением мнения народа и результатом решений, принятых конституционными и представительными органами Чехословакии.

Николае Чаушеску выразил мнение, что на переговорах в Москве, вероятно, будет достигнут компромисс.

Йосип Броз Тито согласился.

Николае Чаушеску предположил, что этот компромисс, конечно, повлечет за собой тяжелую политическую борьбу, необходимость [усиления] влияния на народные массы через партию и представительные органы. Сейчас важно то, что произойдет вывод иностранных войск и прекратится вмешательство во внутренние дела Чехословакии¹⁰.

Йосип Броз Тито согласился с тем, что сейчас важнейшими вопросами являются вывод иностранных войск и прекращение вмешательства во внутренние дела Чехословакии. На этих требованиях необходимо настаивать как на основных.

Николае Чаушеску проинформировал, что Шикю было сказано, что одна из первых задач должна заключаться в том, чтобы обеспечить нормальное функционирование чехословацкого правительства и ЦК КПЧ. Все остальное может быть предметом дискуссии. Это принципиальная позиция, которую может поддержать чехословацкий народ. Он надеется, что президент Свобода на переговорах в Москве действует в таком направлении.

Йосип Броз Тито, обратившись к вопросу о возможности компромисса, заметил, что он будет достигнут только в том случае, если советские руководители не попытаются довести до конца свой далеко идущий план. Он выразил убеждение, что этот план был разработан не на встрече в Варшаве, а гораздо раньше. Оккупация Чехословакии стала проявлением плана, готовившегося уже давно. Необходимо понять, насколько далеко пойдут советские руководители в его реализации. Что-то меняется во всей советской политике.

Николае Чаушеску согласился с мнением президента Тито о том, что существует далеко идущий и долгосрочный план. В то же время он задался вопросом, все ли было хорошо продумано по ходу разработки этого плана. Очевидно, что их (советских руководителей. — *Б. Н.*) удивили и смутили настроения чехословацкой общественности. За четыре дня оккупации они не смогли сформировать правительство.

Президент Чаушеску еще раз подчеркнул, что его принципиальная позиция состоит в том, что необходимо поддерживать законно избранное правительство. Такая позиция приемлема как для чехословацкого народа, так и для всего мира.

---

¹⁰ Советские войска оставались на территории Чехословакии до конца 1980-х гг.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что ситуация может быть разрешена только на основании уважения принципиальных позиций.

Николае Чаушеску выразил мнение, что, в отличие от чехословацкого правительства, ситуация с партией сложнее. В принципе, необходимо оказать поддержку руководству партии, которое было избрано на внеочередном съезде¹¹, а это — руководство с Дубчеком во главе. Однако съезд занял позицию, согласной которой он проводит постоянное заседание. Поэтому необходимо следить за тем, какие еще решения примет съезд КПЧ.

Йосип Броз Тито отметил, что изменения в партийном руководстве Чехословакии произошли законным путем еще на январском пленуме ЦК КПЧ. Эти обстоятельства советские руководители не могут игнорировать. В руководстве КПЧ были проведены законные изменения.

Николае Чаушеску выразил мнение, что необходимо выступать за обеспечение нормальных условий для работы партийного руководства КПЧ во главе с Дубчеком. А также за обеспечение нормальных условий для работы съезда КПЧ. Внеочередной съезд КПЧ принял решения на основе Программы действий КПЧ. В то же время московская «Правда» квалифицировала внеочередной съезд КПЧ как незаконный.

Йосип Броз Тито отметил, что при этом оккупация Чехословакии — это законно!

Николае Чаушеску напомнил, что делегаты съезда КПЧ были избраны законным путем. Однако вследствие оккупации Чехословакии съезд КПЧ пришлось созывать нелегально. Поэтому нельзя обвинять тех, кто был вынужден проводить этот съезд подпольно, но необходимо осудить тех, кто создал в Чехословакии такую ситуацию, что съезд КПЧ пришлось проводить тайно.

Без учета всех этих обстоятельств не исключена возможность достижения компромисса путем переговоров с руководством ЦК КПЧ старого состава. Можно допустить такую возможность переговоров с ЦК в старом составе в целях нахождения компромиссного решения.

Йосип Броз Тито выразил пожелание, чтобы внеочередной съезд состоялся снова, это было бы законно, и можно будет узнать мнение делегатов съезда¹².

Николае Чаушеску напомнил, что чехословацкие руководители хотели, чтобы съезд КПЧ прошел в присутствии как можно большего числа делегаций компартий разных стран. Поначалу они думали пригласить небольшое число иностранных делегаций, но потом приняли решение обеспечить как можно более широкое участие в работе съезда представителей коммунистических и рабочих партий. Очевидно, что чехословацкие руководители желали, чтобы съезд КПЧ был проведен на глазах у всего мира. Им нечего было скрывать. От съезда

¹¹ XIV внеочередной съезд КПЧ заседал 22 августа 1968 г. в пригороде Праги Высочанах.

¹² XIV съезд КПЧ состоялся в 1971 г. как очередной в совершенно иных внутривосточных условиях, он признал недействительным «высочанский» съезд и принял резолюции, осуждающие пражских реформаторов.

можно было ожидать лишь больше демократизма, открытости и гласности. Однако они и подумать не могли, что внеочередной съезд КПЧ придется проводить в присутствии иностранных войск.

Велько Влахович подчеркнул, что, возможно, советские руководители не хотели, чтобы съезд КПЧ состоялся, и потому сейчас объявляют его «незаконным».

Йосип Броз Тито отметил, что ныне, в условиях оккупации, существуют еще лучшие возможности для демонстрации единства КПЧ. И это четко проявилось на внеочередном съезде КПЧ. Все осуждают оккупацию.

Николае Чауешку выразил мнение, что было бы хорошо предложить созвать конференцию коммунистических и рабочих партий Европы. В этой конференции должен принять участие и Дубчек. Нужно вместе обсудить ситуацию, сложившуюся после оккупации Чехословакии. Однако советские представители говорят, что подобная конференция коммунистических партий будет представлять собой определенное вмешательство [в дела чехов].

Йосип Броз Тито заметил, что, когда происходит вмешательство с одной стороны, может случиться и «вмешательство» с другой.

Николае Чауешку выразил мнение, что конференция коммунистических партий должна состояться как можно скорее. Конечно, пяти странам, подписавшим варшавское письмо, будет тяжело согласиться с проведением такой конференции, потому что они знают, что не получают на ней поддержки. Но в то же время предложение об организации конференции коммунистических партий изначально сложно отвергнуть. На этой идее нужно настаивать. Также следовало бы обратиться ко всем коммунистическим партиям с призывом выразить поддержку Коммунистической партии Чехословакии.

Миялко Тодорович отметил, что примерно ту же мысль о необходимости созыва конференции коммунистических партий высказал товарищ Тито на совместном заседании Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ, состоявшемся в эти дни.

Йосип Броз Тито предположил, что в создавшейся ситуации советские руководители должны будут отказаться от своего проекта проведения всемирной конференции коммунистических и рабочих партий, т. к. очевидно, что они не получат поддержки своей позиции по Чехословакии¹³.

Николае Чауешку сообщил, что румынское руководство сейчас ищет возможности для переговоров со всеми своими соседями: с Советским Союзом, Болгарией и Венгрией. Руководствам этих стран через их посольства были переданы предложения провести двусторонние переговоры. Имеются в виду не многосторонние встречи, а с каждой страной по отдельности.

---

¹³ Замысел проведения осенью 1968 г. конференции европейских компартий не был осуществлен из-за негативной позиции советской стороны. Международное совещание коммунистических партий состоялось в Москве 5–17 июня 1969 г. при участии 75 делегаций, в том числе от РКП. Делегация СКЮ на совещании не присутствовала. Как и ожидалось, на нем возобладали резко «осудительная» позиция Москвы.

Йосип Броз Тито поинтересовался, получили ли они уже какой-либо ответ на предложение о начале двусторонних консультаций.

Николае Чаушеску ответил, что пока они никакого ответа не получили.

Эдвард Кардель спросил, что должно стать основной целью предложенных двусторонних переговоров.

Николае Чаушеску ответил, что в ходе двусторонних переговоров необходимо обсудить и разрешить вопросы, возникшие после оккупации Чехословакии. Дело в том, что оккупация Чехословакии стала причиной крайне напряженных отношений Румынии с упомянутыми соседями. Сделанное предложение является частью программы переговоров Румынии с ее соседями. Румынские руководители начали реализацию этой своей инициативы с переговоров с Югославией.

Велько Влахович отметил, что это будет проще всего, потому что с Румынией у Югославии нет проблем. Мы легко придем к согласию в оценке ситуации.

Йосип Броз Тито согласился с оценкой товарища Влаховича и добавил, что здесь проблем не будет.

Николае Чаушеску проинформировал, что на предложенных двусторонних переговорах нужно будет обсудить и слухи о передвижении войск к румынской границе.

Йосип Броз Тито заметил, что это не просто слухи. Факты говорят о том, что происходит переброска войск.

Николае Чаушеску согласился с этой оценкой. Войска перебрасываются, но до сих пор перемещения не затрагивали большого количества сил. Однако очевидно, что может начаться и более масштабное передвижение войск. Это они и хотели бы обсудить. Они хотят решить вопрос, связанный с передвижением войск, и на этой основе устранить проблемы в отношениях Румынии с ее соседями.

Далее Чаушеску рассказал о мерах румынского руководства по усилению обороноспособности Румынии. ЦК КПР единогласно принял решение оказывать сопротивление любой угрозе национальному суверенитету. Румыны твердо намерены бороться, давать вооруженный отпор. В то же время они понимают, что соотношение сил не слишком благоприятно, но даже при самом плохом развитии событий им не остается ничего другого, кроме как сопротивляться всеми средствами.

Президент Чаушеску заявил, что со своей стороны он предпримет все, что может, чтобы не допустить подобного развития событий. Однако опыт Чехословакии говорит о том, что нужно серьезно рассматривать и такую возможность, и уже сейчас предпринять все необходимые меры, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох. Оккупация Чехословакии доказала, что советские руководители поступают совершенно неразумно и не принимают во внимание интересы социализма. Очевидно, что такая акция, как оккупация Чехословакии, не укрепляет, а ослабляет социализм. Если бы они решились оккупировать

Румынию, им пришлось бы вводить еще больше дивизий. Это означало бы, что дивизии, которые должны защищать социалистические страны от капиталистических государств, пришлось перебросить для оккупации Румынии. Кроме того, они потеряют румынские дивизии, так же как сейчас потеряли чехословацкие дивизии. Что же это тогда за логика усиления обороноспособности стран Варшавского договора? Ясно, что в таком случае капиталистические страны попытались бы воспользоваться сложившейся ситуацией. Логика советских руководителей, которые подобной политикой ослабляют де-факто обороноспособность Варшавского договора, непонятна. Такая политика вредит и интересам безопасности Советского Союза. После оккупации Чехословакии они потеряли возможность использовать чехословацкие части. Также необходимо учитывать, что советские части должны находиться в Венгрии. У них нет доверия к венгерскому народу. В Будапеште дислоцированы две советские дивизии. Это оккупация. В Будапеште находится столько же советских дивизий, сколько сейчас в Праге. Трудно понять логику интересов безопасности СССР, когда советские военные силы рассеяны по социалистическим странам.

Велько Влахович отметил, что это логика бонапартизма.

Николае Чаушеску поинтересовался, какая логика?

Велько Влахович повторил, что это логика бонапартизма.

Николае Чаушеску на это сказал, что Бонапарт действовал разумнее нынешних советских руководителей.

/Президент Чаушеску, очевидно, не понял замечание товарища Влаховича о бонапартизме¹⁴./

Президент Чаушеску продолжил, сказав, что они реально оценивают все угрозы и в своей политике должны учитывать худшие варианты развития событий. Однако Румыния, со своей стороны, сделает все, чтобы не допустить худшего, постарается улучшить отношения с СССР и другими ее соседями — членами Варшавского договора. Если бы улучшение отношений зависело только от Румынии, это было бы несложно. К сожалению, это не так. Президент Чаушеску заявил, что, по его мнению, необходимо наладить более тесное сотрудничество с югославскими руководителями. Он спросил президента Тито, что тот думает о предпринятых Румынией мерах, что думает об изложенной оценке ситуации и о политике, проводимой Румынией. Он добавил, что рассчитывает на поддержку и помощь социалистической Югославии. И также рассчитывает на активную поддержку со стороны Китая.

Йосип Броз Тито отметил, что прочитал заявление Чжоу Энь-лая /сделанное в посольстве Румынии в Пекине по случаю румынского национального праздника/.

Николае Чаушеску подчеркнул, как важен тот факт, что Чжоу Энь-лай присутствовал на приеме в румынском посольстве в компании двух заместителей председателя правительства. Чжоу Энь-лай и в личном разговоре с румынским

¹⁴ Здесь и далее пояснения, ограниченные косой чертой, принадлежат Й. Смоле.

послом говорил о том, что Румыния может рассчитывать на поддержку и помощь Китая.

Эмиль Боднараш¹⁵ объявил, что в случае, если Румыния подвергнется нападению, она будет обороняться. Бороться всеми средствами. Румынский народ единодушно поддерживает курс на защиту независимости любой ценой.

Йосип Броз Тито поблагодарил товарища Чаушеску за исчерпывающую информацию. Он отметил, что, по его мнению, румынские руководители совершенно правы. И посоветовал им не предпринимать ничего такого, что могло бы послужить предлогом для агрессии. Очень хорошо, что румынский народ настроен единодушно. В то же время необходимо позаботиться о том, чтобы не было экстремизма. Нужно также обратить внимание на прессу. Любые проявления экстремизма следует пресекать, потому что экстремизм может принести только вред.

Далее товарищ Тито выразил поддержку курсу румынских руководителей на организацию двусторонних переговоров с СССР и другими соседними странами. Подобная линия направлена на то, чтобы не допустить еще большего ухудшения отношений, чтобы не обострять еще больше и без того весьма напряженную ситуацию. На кампанию, направленную против Румынии, в болгарской и венгерской печати также стоит отвечать миролюбиво, но при этом непременно решительно и оставаясь на своих принципиальных позициях. Не поддаваться на провокации и не позволять спровоцировать себя с помощью антирумынской кампании в советской, болгарской и венгерской печати.

Товарищ Тито далее заявил, что он пришел к убеждению, что оккупация Чехословакии является частью далеко идущего и долгосрочного плана. Однако в ходе реализации этого плана советские руководители и остальные столкнулись с тем, чего не ожидали, — с единодушным сопротивлением чехословацкого народа. Народные массы Чехословакии, а также чехословацкая армия продемонстрировали высокую степень единства и решимости.

В результате оккупации Чехословакии Советский Союз понес ряд крупных потерь. Он потерял в качестве союзника чехословацкую армию, а это хорошо вооруженная и хорошо организованная армия. Утратили симпатии народа Чехословакии. Товарищ Тито согласился с мнением товарища Чаушеску, что чехословацкая и румынская армии играли важную роль в Варшавском договоре, а сейчас действия советских и других руководителей явно направлены против этого важного фактора.

Далее товарищ Тито проинформировал румынских руководителей о переговорах, которые он провел в Москве¹⁶. В ходе поездки в Монголию, Японию и Иран он получил приглашение посетить Москву. Ему с самого начала было ясно, о чем пойдет речь. С ним хотели обсудить ситуацию в Чехословакии.

¹⁵ Так в тексте. Здесь и далее правильно: Боднэраш.

¹⁶ Тито во главе югославской делегации посетил Москву 28–30 апреля 1968 г., по пути в Белград после многодневного турне по азиатским странам.

Переговоры в Москве были острыми. Брежнев очень остро изложил ситуацию в Чехословакии. Драматизировал происходящие там события. Утверждал, что существует опасность вторжения (с Запада. — *Б.Н.*). Подчеркивал, что они не будут терпеть такое положение дел. Обвинял Дубчека в неспособности держать ситуацию под контролем. Товарищ Тито ответил Брежневу, что ситуацию в Чехословакии не следует драматизировать. Он знает рабочий класс Чехословакии, который имеет богатые традиции. Это промышленный пролетариат. Также у Чехословакии есть сильная и хорошо вооруженная армия, которая способна защитить государственные границы. Поэтому, сказал товарищ Тито Брежневу, следовало бы не критиковать чехословацкое руководство, а, наоборот, оказать чехословацкому руководству поддержку и помощь. Однако Брежнев ответил, что он не верит в то, что нынешнее чехословацкое руководство способно справиться с возникшими проблемами. Товарищ Тито спросил у Брежнева, что они намереваются предпринять. Он указал, что меры, особенно насильственные, которые бы означали вмешательство во внутренние дела Чехословакии, привели бы к катастрофе. Сложно даже представить, что бы произошло, если бы против Чехословакии была предпринята вооруженная интервенция. Президент Тито в переговорах с Брежневым последовательно отстаивал мнение, что ситуацию нужно разрешать разумным способом и что необходимо оказать поддержку чехословацкому руководству во главе с Дубчеком.

Выступление президента Тито расстроило советских руководителей. Они реагировали остро. После окончания переговоров они немного сменили тон и даже заявили, что довольны результатами встречи.

В ходе беседы Брежнев резко критиковал Югославию. Однако президент Тито не позволил вывести себя из равновесия. Брежнев и другие советские руководители говорили о Югославии только негативные вещи: в стране велика безработица; там появляется иностранный капитал; Югославия имеет большой внешний долг; экономическая реформа не работает и т.д. К тому же эти сами по себе негативные вещи были представлены с большими преувеличениями. Брежнев настолько критически высказывался о Югославии, что Косыгину позднее пришлось поправлять его, указав, что в Югославии имеются и успехи, что из разговоров с советскими гражданами, побывавшими в стране, следует, что она добилась больших успехов в сельском хозяйстве.

После подобных нападок Брежнева на Югославию и описания обстановки в стране исключительно в мрачных тонах, а в особенности после утверждений о том, насколько велик югославский долг, президент Тито напомнил советским руководителям о ситуации 1948 г. Сталин в одностороннем порядке расторг все договоры с Югославией. Это привело к очень тяжелым последствиям. Югославия в экономическом отношении была полностью ориентирована на СССР и восточноевропейские страны. После одностороннего прекращения договоров ей пришлось переориентироваться и просить экономической помощи в другом месте. Однако и те, другие, приставили Югославии нож к горлу.

Они потребовали, чтобы Югославия выплатила компенсацию за все национализированные предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу. Кредиты они предоставляли под высокие проценты, вплоть до 12 % годовых. Однако Югославия выплатила все долги, и довоенные, и послевоенные. Было очень тяжело. Но Югославия выстояла и не продалась. Она брала кредиты и будет их брать. Выплата по кредитам — не проблема для Югославии.

Брежнев рассказал, что, когда встречается с людьми, приезжает в какую-нибудь организацию, его часто спрашивают, что происходит в Югославии, и говорят, что у них тяжело на сердце. Брежнев добавил, что и у него на сердце тяжело, когда он видит, что в Югославии не все в порядке. Президент Тито не потерял самообладания перед подобными грубыми нападками. Он ответил, что советские руководители неправильно информируют свой народ о событиях в Югославии, и поэтому у людей тяжело на сердце. Он призвал позволить югославам самим разбираться со своими трудностями, чтобы ни у кого не было тяжело на сердце из-за Югославии. Подчеркнул, что Югославия сама решит все свои проблемы. Это было сказано резко и решительно. Далее Косыгин попытался смягчить напряжение. Он заметил, что из разговоров со многими советскими гражданами, посетившими Югославию, узнал, что там есть и хорошие результаты, например, в сельском хозяйстве.

В ходе переговоров Брежнев сказал, что и в Югославии может создаться такая ситуация, как в Чехословакии. И что они обеспокоены развитием событий в Югославии. Президент Тито в ответ посоветовал Брежневу не переживать за Югославию, сказав, что это ее дело. В Югославии знали, как сопротивляться и Гитлеру, и всем прочим, кто угрожал ее независимости. Знали, как самим решить свои проблемы, и будут решать их [самостоятельно] в дальнейшем. Президент Тито объявил, что мы не отречемся от демократизации и самоуправления на социалистической основе. Разумеется, у нас есть сложности и проблемы, но также есть и крупные достижения. А требуем и боремся мы за равноправие в международных отношениях.

В продолжение разговора президент Тито вновь подчеркнул советским лидерам, что нужно оказать поддержку чехословацкому руководству.

Брежнев и советские руководители предложили: давайте, помогите. Югославия помогла чехословацкому руководству. Однако советские руководители сделали по-другому. Кажется, мы не понимали, какую помощь они имели в виду.

Советские руководители в конечном итоге были довольны результатами переговоров, видимо, потому что им выдалась возможность все сказать, все свалить на Югославию¹⁷.

---

¹⁷ Сопоставление публикуемого материала с советским вариантом записи беседы позволяет предположить, что Тито в разговоре с Чаушеску несколько преувеличил степень резкости и решительности собственных ответов (см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. Т. I. 1964–1980. М., 2017. С. 211–230).

Что же касается самих событий вокруг Чехословакии, то очевидно, что план был разработан заранее. Стоял лишь вопрос, как реализовать этот долгосрочный план¹⁸. Конечно, Югославию не воспринимали как помощника в его выполнении. Варшавская встреча пяти государств была маневром и одним из этапов реализации этого плана. Характерно, что на встречу в Братиславе не был приглашен представитель Румынии. Поскольку Румыния является членом Варшавского договора, чехословацкие товарищи требовали, чтобы и она участвовала во встрече в Братиславе.

Эмиль Боднараш заметил, что чехословацкие товарищи пытались действовать в этом направлении, но другие участники не согласились с предложением пригласить представителя Румынии на встречу в Братиславе.

Йосип Броз Тито отметил, что отстранение Румынии от встречи в Братиславе представляет собой нарушение Варшавского договора¹⁹.

Он подчеркнул, что Ульбрихт и Гомулка сыграли негативную роль. А болгарские руководители и так делают все, что им скажут. Янош Кадар имел некоторые сомнения, но его быстро перебороли и навязали ему «единую линию».

Руководство КП Чехословакии пригласило делегацию СКЮ на высшем уровне в Прагу, так же как они звали и румынскую КП, и другие партии. Президент Тито поначалу хотел ехать в Прагу на поезде через Будапешт, чтобы встретиться с Кадаром. Поначалу Янош Кадар с удовольствием принял предложение о встрече с президентом Тито, но позднее отказался от этого, и венгерские органы дали понять, что он не сможет встретиться с Тито. В связи с этим президент Тито принял решение лететь в Прагу, причем над территорией Австрии.

Поездка в Прагу состоялась не сразу, потому что сначала были встречи в Чиерне и Братиславе.

Переговоры с чехословацкими руководителями прошли очень хорошо. Они велись между двумя делегациями, а, кроме того, президент Тито имел и личный откровенный разговор с товарищем Дубчеком. В ходе этих бесед товарищ Дубчек утверждал, что не существует абсолютно никаких других договоров (с советской стороны. — *Б.Н.*), кроме тех, о которых говорилось на встречах в Чиерне и Братиславе. Нет никаких тайных договоров, подчеркнул Дубчек.

Товарищ Дубчек рассказал президенту Тито о том, какое жесткое давление советские руководители оказывали на чехословацкую делегацию. На встрече в Чиерне первым говорил Брежнев, а потом Дубчек. Выступил Шалапин²⁰, который обвинил Дубчека в том, что тот не марксист-ленинист.

¹⁸ Тито, очевидно, имел в виду существовавшие, по его мнению, в Москве независимо от внутривосточной ситуации в Чехословакии планы размещения на постоянной основе советских войск в стратегически важной для всего восточного блока союзнической стране.

¹⁹ Неучастие Румынии во встрече в Братиславе 3 августа 1968 г. едва ли можно считать формальным нарушением Варшавского договора, поскольку она не была непосредственно связана с деятельностью ОВД, не являлась заседанием ее Политического консультативного комитета.

²⁰ Так в тексте. Правильно: Шелешин.

После подобных нападок Дубчек покинул встречу. Потом Косыгин пошел к нему и успокаивал. Из того, о чем говорил Дубчек, следует, что переговоры в Чиерне проходили очень тяжело. /Символично, что одна делегация приехала на поезде по широкой железнодорожной колее, а другая по нормальной колее./ На братиславской встрече нужно было только подтвердить то, о чем договорились в Чиерне.

Далее товарищ Александр Дубчек ознакомил югославскую делегацию с программой внутривосточного развития Чехословакии. Также он ясно высказался о том, что они даже не помышляют о выходе Чехословакии из Варшавского договора. Подчеркнул, что существует также намерение исполнять все обязательства в отношении СЭВ. Во внутренней политике они придерживаются курса на демократизацию. Решительно выступают против многопартийной системы. Хотят развивать Народный фронт, но не как коалицию партий, а как организацию, которая на основе общей программы объединяет все слои чехословацкого общества. В прямом смысле Народный фронт. Кроме того, они планировали создание федерации Чехии и Словакии и, таким образом, обозначили путь к укреплению равноправия двух народов и всего чехословацкого общества. Приняли решение ликвидировать разные клубы, которые могли бы стать зародышами некой многопартийной системы. Также взяли твердый курс на постепенную изоляцию всех противников социализма и несоциалистических элементов. Другими словами, по важнейшим вопросам они заняли очень правильные позиции. Выступление товарища Дубчека создало впечатление, что чехословацкое руководство имеет верные ориентиры.

Говоря о братиславской встрече, президент Тито подчеркнул, что в подписанном документе ключевое значение имеют два момента: во-первых, провозглашен принцип равноправия, а во-вторых, выдвинут принцип невмешательства во внутренние дела. Остальное в документе, принятом в ходе братиславской встречи, не имеет значения. В целом этот документ написан в старой лексике. Но важно то, что в нем подчеркиваются принципы равноправия и невмешательства.

Президент Тито рассказал румынским руководителям, что в Праге также была проведена пресс-конференция, на которой он ответил на многочисленные вопросы журналистов. В его честь был организован банкет. В своем тосте на банкете президент Тито советовал хозяевам твердо придерживаться намеченного курса, но, проводя принципиальную политику, учитывать и тактические моменты.

По окончании ужина /банкета/, оставшись в более узком кругу, президент Тито заметил озабоченность Свободы, Дубчека и Черника. Они были несколько подавлены. Сложилось впечатление, что они размышляют о том, что произойдет дальше. Президент Тито не хотел их об этом спрашивать, а сами они ничего не сказали. Но, конечно, они что-то предчувствовали. Они получили письмо из Москвы, в котором утверждалось, что в Чехословакии не в полной мере выполняются решения, принятые в Чиерне и Братиславе.

Югославы были очень хорошо приняты чехословацкой общественностью, так же как и румынские руководители. Народ уже тогда опасался наихудшего. Но на каждом шагу было заметно, что народ един. Руководство КП Чехословакии верило, и это было оправданно, в поддержку народных масс.

Президент Тито подчеркнул, что делегация СКЮ обещала оказать Чехословакии всестороннюю поддержку. Это Югославия делает и сейчас.

Акт оккупации Чехословакии вызвал страшный шок. Трудно поверить, что такие методы применяются в 1968 г. по отношению к социалистической стране и коммунистической партии. Оккупация Чехословакии вызвала всеобщее негодование народов Югославии. Товарищ Тито, Президиум и Исполнительный комитет ЦК СКЮ должны были сразу же выступить с заявлением, для того чтобы негодование народа не переросло в нечто такое, что завело бы ситуацию слишком далеко, т. е. для того, чтобы остановить волну антисоветизма.

Президент Тито подчеркнул, что его первое заявление было довольно умеренным. Далее последовало более резкое заявление Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ. Вчера состоялось пленарное заседание ЦК СКЮ. Развернулась очень полезная дискуссия. Было выявлено полное единство. Сейчас, как результат дискуссии на пленуме ЦК СКЮ, готовится резолюция. В ней будут затронуты важнейшие проблемы. Резолюция коснется и событий прошлого, но главным образом будет направлена в будущее и посвящена текущим задачам. Резолюция будет острой, но принципиальной и ни в коем случае не оскорбительной.

Николае Чаушеску поинтересовался, когда она будет опубликована.

Эдвард Кардель пояснил, что она будет доступна узкому кругу лиц. Бюро Президиума ЦК СКЮ и комиссия ответственны за окончательную редакцию.

Йосип Броз Тито, возвращаясь к событиям в Чехословакии, подчеркнул, что в Москве он уже говорил советским руководителям, что если бы со стороны Запада существовала какая-то опасность целостности Чехословакии, то страна достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление. Чехословацкая армия способна обороняться не менее двух часов, а за это время на помощь ей могли бы прийти советские части, развернутые поблизости. Поэтому утверждение, что существовала опасность со стороны Запада и что по этой причине было необходимо ввести в Чехословакию войска, не имеет под собой никаких оснований. Речь идет о том, что нынешних советских и некоторых других руководителей не устраивает тот факт, что отдельные социалистические страны и коммунистические партии идут своим путем в решении собственных проблем. Уже давно был разработан и принят далекоидущий план, предполагавший навязывание гегемонии силовым способом. Президент Тито выразил убеждение, что в Советском Союзе есть руководители, не согласные с такой политикой. Однако факт состоит в том, что в последнее время в советском руководстве верх все больше одерживает неосталинистская группа. В резолюции ЦК СКЮ заявлено, что мы будем всеми средствами защищать независимость Югославии.

Эдвард Кардель отметил, что в Конституции СФРЮ четко указывается на невозможность капитуляции и на то, что никто не имеет право подписывать капитуляцию. Эта ясная принципиальная позиция будет четко отражена и в резолюции ЦК СКЮ.

Йосип Броз Тито заявил, чтобы развеять все иллюзии, что именно социалистическая Югославия больше всего мешает нынешнему советскому руководству. Его раздражает демократическое и самоуправленческое социалистическое общественное устройство Югославии. Это мешает бюрократии.

Югославия, безусловно, будет подвергнута разным формам давления. Однако Югославия этого не боится. Мы сейчас снова продемонстрировали такое же единение народа, какое произошло, например, в 1948 г. Хотя нам напрямую и не грозит никакая опасность, мы перед всем миром твердо повторили наши принципы о защите национальной независимости.

Президент Тито подчеркнул, что нам может быть нанесен существенный экономический ущерб. Но ради сохранения своих принципиальных позиций мы должны быть готовы принести подобную жертву.

Оккупация ЧССР нанесла огромный урон социализму. Сейчас необходимо отмыть грязь со знамени социализма. В Африке испытывают большое разочарование, не говоря уже о Европе. Африканские народы теряют веру в СССР. Только некоторые арабские страны по необходимости публично одобряют интервенцию²¹.

Миялко Годорович отметил, что одобряют они ее только публично, потому что на них оказывается давление, на самом же деле они думают иначе. Они также против интервенции.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что оккупация Чехословакии стала для арабов медвежьей услугой. Это объективная помощь Израилю. Также это повредило интересам Вьетнама. Сейчас американцы могут сказать: мы, по крайней мере, осуществили интервенцию по просьбе законного правительства (Южного Вьетнама. — *Б. Н.*), а вы, русские, оккупировали страну, в которую вас вообще никто не звал. Оккупация вредит и интересам Кубы.

По словам президента Тито, ход событий показывает, что советские руководители и другие подписанты варшавского письма попали в ситуацию, когда шлют сигнал бедствия²².

Эмиль Боднараш добавил, что советские руководители бросили все карты на стол.

---

²¹ Среди неприсоединившихся стран фактически произошел раскол. ОАР, Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Южный Йемен, Алжир, а также Гвинея, Мали, Нигерия, Сомали и Камбоджа поддержали СССР или умеренно отреагировали на интервенцию в Чехословакию. Эфиопия, Тунис, Индонезия, Замбия, Кения и Цейлон осудили этот акт как советскую агрессию.

²² Под «сигналом бедствия» понималась необходимость приступить к переговорам с А. Дубчеком и другими лицами, отстраненными в ходе силовой акции в ночь на 21 августа, поскольку расчет советского руководства на формирование альтернативного правительства «здоровых сил» не оправдался.

Йосип Броз Тито отметил, что это может быть опасно.

Далее товарищ Тито высказался о необходимости более частых контактов между румынскими и югославскими руководителями. Нужно действовать совместно и обмениваться мнениями. Это особенно важно в настоящий момент.

Нынешнее советское руководство своим неразумным поступком нанесло огромный вред социализму. Их вообще не заботит, в каком положении оказались коммунистические партии на Западе.

Сложившаяся сейчас ситуация для Румынии лучше той, в которой оказалась Югославия в 1948 г., заявил товарищ Тито. Тогда Югославия осталась одна, а Румыния сейчас имеет значительную международную поддержку.

Если нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава, мы, заявил товарищ Тито, никоим образом не должны забывать об интересах социализма. Может быть, в советском руководстве все-таки постепенно усилится влияние позитивных сил. Пробивается слабый лучик надежды на то, что в Москве вернуться к своей прежней политике, независимо от того, что нынешний политический курс означает отступление от решений XX съезда ЦК КПСС. На последнем [XXIII] съезде ЦК КПСС четко обозначился неосталинистский курс. Нынешнее советское руководство принимает в определенном смысле еще менее продуманные решения, чем в свое время Сталин.

Николае Чаушеску согласился с тем, что нынешняя политика советских руководителей в определенном смысле хуже сталинской политики.

Йосип Броз Тито отметил, что Сталин в 1948 г. концентрировал войска на югославских границах. Однако КПЮ подняла весь югославский народ на борьбу за независимость. Когда Сталин это увидел, он задумался, хорошо подумал и не стал нападать на Югославию.

Эдвард Кардель согласился с такой оценкой. Сталин все-таки был реалистом. Он не ввязался в военную авантюру. Оккупация Чехословакии демонстрирует, что этого реализма лишены нынешние советские руководители, по крайней мере, в той степени, в какой это необходимо.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что непонятно и удивительно, что через 50 лет после Октябрьской революции социалистический мир находится в такой ситуации, как сейчас. Президент Тито выразил убеждение, что, несмотря на всю сложность обстановки и тот огромный ущерб, который уже был нанесен, можно защитить интересы социализма, если действовать принципиально и решительно.

Создавшаяся ситуация создает нам определенные сложности. Мы прилагали огромные усилия для повышения уровня жизни [наших граждан]. Сейчас нам придется пойти на новые жертвы. Но мы должны на них пойти. Речь идет не только о нас и о наших интересах, но и о прогрессе человечества. Весь народ Югославии поддерживает курс, определенный на последнем заседании ЦК СКЮ.

Президент Тито выразил свое полное согласие с мерами, которые предприняли румынские руководители. Необходимо действовать спокойно,

хладнокровно, но решительно. Нужно принять все меры для обороны страны и обеспечения самостоятельного развития. Это принципиально важно.

Эмиль Боднараш отметил, что в случае нападения Румыния будет атакована вражескими дивизиями с трех сторон; она не опасается за безопасность границ только с одной стороны — со стороны Югославии.

Йосип Броз Тито отметил, что Югославия будет для румын надежным тылом.

Эмиль Боднараш попросил оставить открытым сектор Тимишоара — Турну — Северин. Поскольку может произойти наихудшее, они хотели бы знать, на какую помощь может рассчитывать Румыния, а особенно есть ли возможность оставить открытым этот коридор к Югославии.

Йосип Броз Тито спросил, как он это себе представляет.

Эмиль Боднараш сказал, что опасается неожиданности. Пояснил, что под этим подразумевает следующее: произойдет ли нападение только со стороны границы с СССР, Болгарией и Венгрией, или все же возможна ситуация, в ходе которой интервенты вторгнутся на югославские территории и ударят оттуда по Румынии.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что румынская сторона может быть уверена, что ничего подобного социалистическая Югославия не позволит. Он добавил, что и мы внимательно следим за тем, что происходит на границах.

Эмиль Боднараш сказал, что его полностью удовлетворяет ответ товарища Тито и что ему теперь ситуация ясна.

Николае Чаушеску пустился в объяснения, почему они уделяют столько внимания так называемому свободному коридору в югославском направлении. Это единственная возможность для того, чтобы наладить снабжение румынской армии оружием и боеприпасами. Очевидно, что в случае нападения Черное море будет блокировано и закрыто для Румынии. Поэтому Румыния может обеспечить военное снабжение только через Югославию. И потому для них так важен этот свободный проход.

Эмиль Боднараш уточнил, что говорит об этом в принципе, не вдаваясь в конкретику.

Йосип Броз Тито сказал, что Югославия будет надежным тылом.

Однако если бы румынам пришлось передислоцироваться, перейдя границу, в Югославию, в этом случае пришлось бы поступать в соответствии с предписаниями международного права. В этом случае было бы правильно, если бы оружие, особенно тяжелое вооружение, было перевезено в Югославию, для того чтобы оно не было потеряно. Это оружие оказалось бы в Югославии, но только лишь на хранении, оно бы и далее принадлежало Румынии.

Эмиль Боднараш на это заметил, что наиболее реалистичный вариант состоит в том, что Румынии и Югославии предстоит бороться вместе.

Йосип Броз Тито ответил, что Югославия будет бороться в случае, если подвергнется нападению.

Эмиль Боднараш сказал, что в случае нападения они не намерены покидать территорию Румынии и полны решимости драться на румынской территории.

Йосип Броз Тито пояснил, что об оружии он говорил с точки зрения международного права, которое нужно уважать.

Николае Чаушеску отметил, что мысль о коридоре была высказана в принципе. Для них крайне важна возможность поддерживать связь с социалистической Югославией. Вопрос о том, драться или нет, для них не стоит. Они будут защищать независимость своей страны. Это потребует больших усилий. Они не думают о возможности оставить территорию Румынии. Они считают, что рельеф местности в Румынии подходит для комбинирования разных форм ведения боевых действий. При этом он поставил вопрос, на какую помощь они могут рассчитывать со стороны Югославии.

Йосип Броз Тито ответил, что мы об этом еще не думали. Но когда речь идет об отводе [румынских] войск, имеется в виду их отвод до [югославской] границы. Он об этом говорит с позиций международного права.

Эмиль Боднараш поставил вопрос, как международное право могло бы противостоять бандитизму. Нападение на Румынию стало бы проявлением бандитизма.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что необходимо быть реалистами. Нельзя допустить, чтобы ваше тяжелое вооружение попало им в руки. Будет лучше, если вы его в таком случае передадите нам. Также важно, чтобы вы не сражались на нашей территории, чтобы не дать повода к нападению. С тяжелым вооружением вы не сможете подняться в горы. Было бы лучше в таких условиях передать его нам. Это оружие останется вашим. Оно в любой момент окажется в вашем распоряжении. Но важно сохранить тяжелое вооружение и не позволить, чтобы оно попало в руки к ним.

Что касается первого вопроса — может ли Румыния быть спокойна, что удар не будет нанесен с территории Югославии — будьте уверены, что Югославия этого не позволит. Товарищ Тито об этом уже говорил с генералами. В этом отношении Румыния получит полную поддержку.

Что касается второго вопроса — военного и прочего снабжения румынской армии через территорию Югославии — мы об этом подумаем. Пока что мы это еще не обсуждали. Нужно серьезно подумать.

Миялко Тодорович отметил, что позиция Югославии по вопросу неприкосновенности ее границ и защиты независимости предельно ясна. В Конституции СФРЮ четко указано, что никто не может подписать капитуляцию. Война будет идти до конца. В Конституции говорится, что ни на каких условиях не может быть принята оккупация страны. Такова же, вероятно, и румынская позиция.

Николае Чаушеску отметил, что не собирается вести боевые действия с чужой территории. Они будут бороться на территории Румынии и не планируют ее покидать.

Эдвард Кардель сказал, что, насколько он понял, второй вопрос связан со снабжением румынской армии через территорию Югославии.

Йосип Броз Тито повторил, что он говорил о проблеме, связанной с тяжелым вооружением. Он считает, что в критической ситуации лучшим выходом

стала бы переброска этого оружия на югославскую сторону границы. Я думаю, вы не станете его сбрасывать в Дунай? Это оружие, если оно будет размещено на югославской территории, останется румынским. В момент если бы нападения подверглась Югославия...²³

Велько Влахович отметил, что возможное нападение на Румынию создало бы особую ситуацию. Необходимо подумать о взаимных обязательствах.

Николае Чаушеску выразил мнение, что в случае нападения на Румынию рано или поздно угрозе подверглась бы и Югославия.

Йосип Броз Тито ответил: мы это понимаем. При этом неясно, кто будет атакован первым, Румыния или Югославия.

Эмиль Боднараш выразил мнение, что все это — часть долгосрочного плана. Они хотят провести несколько кампаний.

Николае Чаушеску отметил, что болгары говорят о Македонии²⁴.

Велько Влахович подчеркнул, что это тоже часть упомянутого долгосрочного плана.

Миялко Тодорович отметил, что нам известно, что за требованиями Болгарии стоят не только болгары, и что исходят они не только со стороны Болгарии²⁵.

Йосип Броз Тито сказал, что было бы хорошо наладить сотрудничество разведывательных служб Румынии и Югославии, чтобы осуществлять регулярный обмен информацией.

Николае Чаушеску ответил, что согласен с предложением товарища Тито о сотрудничестве разведок двух стран.

Йосип Броз Тито повторил, что сотрудничество разведывательных служб было бы очень желательно.

Николае Чаушеску повторил, что вопрос о сотрудничестве разведок ясен. Он полностью согласен. Он считает, что стоит подумать и о других направлениях сотрудничества. Поскольку советские руководители, очевидно, собираются до конца исполнить свой долгосрочный план, это еще в большей степени требует развития всестороннего сотрудничества Югославии и Румынии.

Йосип Броз Тито отметил, что Югославия должна принимать во внимание и ситуацию на своих западных границах. Непростая обстановка сложилась

²³ Так в документе. Обрыв текста.

²⁴ Яблоком раздора между Софией и Белградом продолжал оставаться македонский вопрос (фактическое непризнание болгарской стороной искусственного формирования в Югославии самостоятельной македонской нации в рамках федеративного югославского проекта). 26 августа 1968 г. в югославской прессе было опубликовано несколько заявлений, в которых Болгария обвинялась в подготовке интервенции против Югославии. (См.: *Улуньян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013. С. 266).

²⁵ Намек на советское руководство, хотя СССР старался занимать в македонском споре равноудаленную позицию, стремясь показать, что это вопрос двусторонних отношений Болгарии и Югославии. Советская сторона последовательно отвергала претензии югославов в том, что Москва поддерживает болгарскую позицию.

на границе с Италией. Из-за этого Югославия должна держать на итальянских границах значительные военные силы. В итальянских кругах существует мнение, что тяжелая ситуация в Югославии позволит им захватить Истрию. Русские бы им Истрию и передали. Поэтому мы предпринимаем попытки максимально использовать все законные средства, поэтому я говорил о международном праве. Мы не можем дать Италии повода для нападения на Югославию. Некоторые итальянские круги рассчитывают и на Албанию, и на ирредентизм²⁶. Так или иначе, Югославия поможет Румынии.

Эмиль Боднараш выразил мнение, что позиция КП Италии важна для обороны.

Йосип Броз Тито указал на ирредентистскую кампанию в Косово и Метохии. Югославия вынуждена держать значительные военные силы на границе с Албанией. Также приходится размещать крупные воинские формирования на границах с Грецией и Болгарией. Югославия в этом смысле не в лучшем положении, чем Румыния.

Миялко Тодорович заявил, что Югославия противостоит и капиталистическим, и социалистическим странам.

Велько Влахович отметил: поэтому для нас тыл — это Румыния.

Николае Чаушеску заметил, что необходимо сотрудничество.

Эдвард Кардель указал, что обо всем этом необходимо конкретно договориться.

Николае Чаушеску сказал, что самое главное — сделать так, чтобы не допустить агрессии. Он поставил вопрос, как югославские руководители относятся к этой проблеме, что было бы нужно предпринять, чтобы не допустить агрессии?

Йосип Броз Тито высоко оценил то, что было сказано о политике Румынии. Необходимо и в публичных выступлениях, и через печать действовать позитивно. Нужно постоянно подчеркивать, что Румыния желает установить хорошие отношения с СССР и с другими социалистическими странами. Нельзя давать никаких поводов для нападения. Венгерская, болгарская и советская печать публикует статьи, направленные против Румынии. Придумывают невесть что. Необходимо парировать эти выступления вескими аргументами. Подчеркивайте, что вы — лояльный член Варшавского договора, что кампания, направленная против Румынии, никак не связана с интересами Варшавского договора, но преследует другие цели.

При оккупации Чехословакии главным аргументом была необходимость защиты западных границ от капиталистических стран. Учитывая, что Румыния не граничит с капиталистическими странами, этот аргумент и этот повод

²⁶ В начале 1960-х гг. Албания разорвала отношения с СССР и фактически со всеми его союзниками по восточному блоку. Вскоре после публикуемой беседы, в начале сентября 1968 г., Албания вышла из ОВД. Ирредентистские настроения албанцев касались югославского края Косово, но, возможно, в документе речь идет и о некоторых итальянских правых силах, ностальгирующих по югославским территориям на Адриатике.

отпадают. В чем тогда состоят причины возможного нападения на Румынию? Это могут быть только гегемонистские интересы. Румыния граничит с социалистическими странами — насколько после всего того, что они сделали в Чехословакии, некоторые из них могут вообще именоваться социалистическими странами.

Николае Чаушеску сказал, что позиция Румынии ясна. В декларации, принятой Великим национальным собранием, указано, что Румыния будет исполнять обязанности, вытекающие из ее членства в Варшавском договоре. Также подтверждается готовность Румынии участвовать в борьбе против империализма вместе с другими членами Варшавского договора. С этой точки зрения не может быть никакого повода для нападения на Румынию.

Товарищ Чаушеску считает, что Румынии и Югославии следовало бы проявить большую совместную активность в международных отношениях. Конкретно он упомянул о созыве конференции европейских коммунистических партий, на которой были бы рассмотрены проблемы, возникшие в результате оккупации Чехословакии. Также он упомянул о возможности двусторонних переговоров с СССР и другими странами-участницами Варшавского договора.

Йосип Броз Тито подчеркнул, что Югославия поддерживает Румынию. Это видно как по публичным выступлениям югославских руководителей, так и из статей в печати. Румыния пользуется такой же поддержкой югославы, как и Чехословакия. Если бы Румыния оказалась в еще более сложной ситуации, она могла бы рассчитывать на еще большую помощь со стороны Югославии.

Что касается международной активности, он согласился с тем, что следует принимать новые меры и проявлять инициативу. СКЮ провел переговоры с КПФ и КПИ. Такие двусторонние встречи очень полезны. СКЮ выступает за созыв конференции коммунистических и рабочих партий, на которой была бы рассмотрена ситуация, создавшаяся в результате оккупации Чехословакии.

Миялко Годорович отметил, что СКЮ с самого начала выступал за совещание коммунистических и рабочих партий для обсуждения ситуации, сложившейся после оккупации Чехословакии.

Эдвард Кардель добавил, что товарищ Тито уже в первый день после оккупации Чехословакии на совместном заседании Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ высказал мысль о подобной конференции. Представители СКЮ уже обсуждали это с представителями КП Италии, КП Франции, КП Австрии и КП Испании.

Йосип Броз Тито сказал, что австрийская компартия занимает абсолютно правильную позицию.

Эдвард Кардель выразил мнение, что инициатива созыва упомянутой конференции коммунистических и рабочих партий Европы /на которой была бы рассмотрена ситуация, возникшая после оккупации Чехословакии/ не должна исходить от Югославии, т. к. кое-кто мог бы воспользоваться этим и выдвинуть обвинение в «попытке нарушить единство» международного рабочего движения. Лучше всего было бы, чтобы КП Франции стала автором этого предложения и непосредственным инициатором его реализации.

Николае Чаушеску заметил, что он уже обратился к коммунистическим партиям Франции и Италии.

Миялко Годорович выразил мнение, что в этой ситуации весьма важное значение имеют и контакты с неприсоединившимися странами. Необходимо добиться их максимальной активности. Там сосредоточены большие силы.

Йосип Броз Тито сказал, что он обратится к неприсоединившимся странам в специальном письме. В нем он изложит свое видение ситуации вокруг Чехословакии.

Затем президент Тито рассказал, что большое число югославских военнослужащих находятся сейчас на стажировке в Советском Союзе. Пока что мы их не отзываем. Мы и впредь будем разрешать им выезжать в СССР. И в этой связи очень важно сотрудничество разведывательных служб Румынии и Югославии.

Товарищ Тито сообщил, что вчера получил информацию о передвижении войск в Восточной Германии в сторону Румынии²⁷. Он не имеет информации о численности этих сил. Все выглядит так, что основной силой, противостоящей Западу, становятся русские, а войска других стран (весь конгломерат) используются для решения задач внутри [социалистического] лагеря.

Велько Влахович отметил, что они действуют как некие полицейские силы.

Эдвард Кардель выразил мнение, что очень важно предупредить появление новой опасности. Поэтому в данный момент необходимо добиться мобилизации всей миролюбивой и прогрессивной мировой общественности на платформе поддержки и помощи Чехословакии. Не только социалистический мир, но весь мир должен мобилизоваться для этой поддержки.

Позиция варшавской пятерки, продолжил товарищ Кардель, представляет собой новую разновидность интервенции. Если ты не признаешь гегемонизма, они применяют против тебя вооруженные силы. Если ты защищаешься, то ты — агент империализма. Советские руководители могли недооценить масштабы сопротивления чехословацкого народа. Однако они знали, что столкнутся с серьезными трудностями. Это они точно знали. Но все же решились на военную интервенцию и оккупацию. Это, прежде всего, означает, что в советской политике что-то меняется. Это ориентация на военную силу при решении спорных вопросов в отношениях с социалистическими странами.

Николае Чаушеску сказал, что советские руководители боятся демократизации.

Товарищи Тито, Кардель, Влахович и Попович согласились с тем, что это действительно имеет первостепенное значение.

Эдвард Кардель отметил, что товарищ Тито уже в своих первых оценках интервенции указал на этот момент. Очевидно, что речь идет о долгосрочном плане, в первую очередь о попытке устранения тенденции к выстраиванию социалистических отношений на принципах демократии и самоуправления.

---

²⁷ Речь могла идти только о передислокации частей Группы советских войск в Германии, а также Народной армии ГДР ближе к чехословацкой границе.

Вокруг ситуации с Чехословакией нужно мобилизовать широкую общественность, а особенно коммунистические партии и все прогрессивные и демократические силы. Нужно проявить активность и в рамках Организации Объединенных Наций. Об этом стоит подумать. Не может быть различий между агрессией, предпринятой социалистической страной, и агрессией со стороны капиталистического государства. Агрессия есть агрессия. Необходимо принципиально выступать против любой агрессии. Агрессоры должны оказаться в тяжелом положении. Они должны почувствовать давление всего мира. Югославский представитель изложил эту точку зрения в Совете Безопасности.

Владимир Попович добавил, что декларация югославского правительства циркулировала в ООН как служебный документ.

Эдвард Кардель согласился с тезисом о том, что делегация Чехословакии при ООН должна сотрудничать со Свободой и теми, кто сейчас находится в Праге, а не действовать самостоятельно, или сотрудничать с теми, кто находится за пределами Чехословакии. Действовать самостоятельно или вопреки решениям президента Свободы было бы в любом случае хуже. Когда члены чехословацкого правительства, находящиеся в Югославии, спросили нашего мнения, стоит ли выступить перед ООН или нет, мы ответили, что, получив предварительно согласие президента Свободы, было бы полезно предстать перед ООН. Конечно, нужно было сразу же отгородиться от американского антикоммунизма. Югославия в 1949 г. прибегла к помощи ООН. Это в некотором смысле интернационализировало конфликт, и Сталину пришлось задуматься о серьезных международных последствиях его враждебной политики по отношению к Югославии. Поэтому вопрос, выступать перед ООН или нет, должен быть предметом конкретного анализа. В любом случае, было бы неправильно рассматривать ситуацию в Чехословакии как касающуюся только «членов семьи».

Ситуация, в которой оказалась Румыния вследствие кризиса в Чехословакии, тяжелее той, в которой находится Югославия, поскольку Румыния — член Варшавского договора. Югославия, которая не является членом договора, может, помимо активности по партийной линии, развить широкую международную активность и действовать через ООН²⁸. Мы считаем, что ООН в данный момент может быть полезным фактором в мобилизации мирового общественного мнения вокруг ситуации в Чехословакии. Все, конечно, зависит от дальнейшего развития событий. В любом случае, нужно понять, чем закончатся советско-чехословацкие переговоры в Москве²⁹.

Николае Чаушеску выразил полное согласие с тем, что необходимо основное внимание уделить политической деятельности. Нужна максимально

²⁸ Югославия, как и Румыния, в то время не являлась временным членом Совета Безопасности ООН и участвовала в его заседаниях с правом совещательного голоса.

²⁹ Советское вето воспрепятствовало принятию 22–23 августа резолюции Совета Безопасности ООН по чехословацкому вопросу, а после достижения 26 августа советско-чехословацкой договоренности по итогам московских переговоров этот вопрос был исключен из повестки дня ООН.

широкая мобилизация коммунистических и рабочих партий, а также антифашистских организаций и активизация Организации Объединенных Наций. В то же время Румыния не хотела бы поднимать этот вопрос в Совете Безопасности, пока продолжаются переговоры в Москве. Не нужно, чтобы ситуация чрезмерно обострилась. Что касается вынесения этой проблемы перед ООН, Румыния будет равняться на позицию законного чехословацкого правительства. Если правительство Чехословакии потребует созыва внеочередного заседания Генеральной ассамблеи ООН, то Румыния поддержит это предложение. Однако чьи-либо еще предложения о созыве внеочередного заседания Генеральной ассамблеи ООН Румыния поддерживать не будет. Мы направили в ООН декларацию Великого национального собрания Румынии и требуем, чтобы она циркулировала там как служебный документ. В ней выражена позиция Румынии по вопросу международных отношений. Также в этой декларации ясно указывается, что Румыния будет защищать свою независимость.

Эмиль Боднараш подчеркнул, что Румыния в своей декларации обратилась к Организации Объединенных Наций для того, чтобы предотвратить агрессию.

Николае Чаушеску согласился с тем, что Югославия находится в особом (более благоприятном) международном положении и, не будучи членом Варшавского договора, имеет бóльшую, чем Румыния, возможность предпринять на международном уровне шаги для улучшения ситуации после чехословацкого кризиса.

Также президент Чаушеску высказал пожелание, чтобы сотрудничество между югославскими и румынскими представителями было более интенсивным.

Йосип Броз Тито в конце разговора подчеркнул, что встреча оказалась очень полезной. Было выражено общее мнение о том, что необходимо занять твердые принципиальные позиции и с этих позиций прилагать максимальные усилия для нормализации ситуации и недопущения еще большего ухудшения и без того сложного положения. Товарищ Тито также посоветовал товарищу Чаушеску и другим румынским руководителям быть осторожными, причем даже в Будапеште, потому что, как показывает практика, нужно не терять бдительности.

Николае Чаушеску поблагодарил товарища Тито за совет и добавил, что они уверенно держат ситуацию под контролем.

*Перевод Б. С. Новосельцева (Институт славяноведения РАН)
Примечания Б. С. Новосельцева и А. С. Стыкалина
(Институт славяноведения РАН)*

Arhiv Jugoslavije. F. 837. Kabinet Predsednika Republike.
I-3-a/97-22. Rumunija. 24.08.1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ** – Архив внешней политики Российской Федерации
- АП РФ** – Архив президента Российской Федерации
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации
- РГАНИ** – Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ** – Российской государственный архив социально-политической истории
- ЦДА** – Централен държавен архив на Република България (София) – Центральный государственный архив Республики Болгария
- AAN** – Archiwum Act Nowych (Warszawa) – Архив новых актов (Варшава)
- AAVČR** – Archiv Akademie věd České Republiky (Praha) – Архив Академии наук Чешской Республики (Прага)
- AFS** – Archiv Federálního Shromáždění (Praha) – Архив Федерального Собрания (Прага) (Фонд в **AP ČR**)
- AIPN** – Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (Warszawa) – Архив Института национальной памяти (Варшава)
- AIPN BU** – Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej – Biuro udostępniania i archiwizacji dokumentów – Архив Института национальной памяти – Бюро выдачи и архивации документов
- AJ** – Arhiv Jugoslavije (Beograd) (*кирил.* Архив Югославии (Београд)) – Архив Югославии (Белград)
- AJ KMJ** – Arhiv Jugoslavije. Kancelarija maršala Jugoslavije – Архив Югославии. Канцелярия маршала Югославии
- AJ KPR** – Arhiv Jugoslavije. Kancelarija Presednika Republike – Канцелярия президента Республики
- AJBT** – Архив Йосипа Броз Тито
- AJBT** – Архив Йосипа Броз Тито (Фонд в **AJ KPR**)
- AKV ČSFR** – Archiv komise vládní ČSFR k analýze událostí z let 1967–1970 – Архив комиссии правительства Чешской и Словацкой Федеративной Республики для анализа событий 1967–1970 гг.
- AP ČR** – Archiv Parlamentu České Republiky (Praha) – Архив Парламента Чешской Республики (Прага)
- Arhivele Nationale ale României (București)** – Национальный архив Румынии (Бухарест)
- MOL** – Magyar Országos Levéltár (Budapest) – Венгерский национальный архив (Будапешт)
- NAČR; NA** – Národní archiv České Republiky; Národní archiv (Praha) – Национальный архив Чешской Республики; Национальный архив (Прага)
- SNA** – Slovenský národný archív (Bratislava) – Словацкий национальный архив (Братислава)
- USD AV ČR** – Ústav pro soudobé dějiny Akademie věd ČR (Praha) – Институт современной истории Академии наук Чешской Республики (Прага)
- ÚV KSČ** – Ústřední výbor Komunistické strany Československá – Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии (Фонд в **SNA**)
- ÚV KSS** – Ústřední výbor Komunistické strany Slovenská – Центральный комитет Коммунистической партии Словакии (Фонд в **SNA**)

НАШИ АВТОРЫ

- АНИКЕЕВ Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- БАЛАН Думитру — доктор филологических наук, русист, профессор факультета иностранных языков и литературы Бухарестского университета
- ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН
- ВОРАЧЕК Эмил — доктор философии, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Чешской академии наук, зам. сопредседателя чешской части Комиссии историков и архивистов Чехии и России
- ГЕРЧИКОВА Ирина Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ДЖАЛИЛОВ Тимур Агабаевич — кандидат исторических наук, начальник Отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов РГАНИ
- ЕДЕМСКИЙ Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ЖЕЛИЦКИ Бела Йожефович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ЖИВКОВ Живко (1915–2000) — болгарский политик, член ЦК БКП с 1989 г.
- ЗАДОРЖНЮК Элла Григорьевна — доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН
- КРУГЛОВА Надежда — сотрудник Национального архива Чешской Республики
- КУЗЬМИН Юрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета
- МЕЛЬНИКОВ Георгий Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- МУСАТОВ Валерий Леонидович — кандидат исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке. Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации
- НОСКОВА Хелена — научный сотрудник Института современной истории Чешской академии наук
- ПОКИВАЙЛОВА Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- РЫХЛИК Ян — профессор философского факультета Карлова университета в Праге, сопредседатель Комиссии историков Чехии и Словакии
- РЫХЛОВСКИЙ Богумил — кандидат географических наук, личный переводчик В. Гомулки в 1960–1970 гг.
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
- ШТОЛЬ София — сотрудник кафедры теории и истории искусства и культуры философского факультета Карлова университета в Праге
- ЩЕРБАКОВА Юлия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Утверждено к печати Ученым советом ФГБУН Института славяноведения РАН,
протокол №6 от 24.11.2020 г.

Научное издание

1968 ГОД. «ПРАЖСКАЯ ВЕСНА»: 50 ЛЕТ СПУСТЯ.
Очерки истории

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голд*
Дизайн обложки *П. К. Донской, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 07.06.2021. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 29,7. Тираж 500 экз. Заказ № 2474

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

На обложке: Прага, май/июнь 1968 г. (до ввода войск Варшавского договора).
Фото: Игор Гроссманн. На обороте: Уильям Андерс, «Восход Земли», снимок с корабля
«Apollo 8» (<http://nasa.gov>).